4
Д-44

Диалектная
лексика
1969

Л. 1971

65572

Д-44 14/6

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА

1969

1. Рд - деепр. - обст -
2 Рд - деепр. - характ.
рефлекс ... Пермяк

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

65572

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
СЛОВАРНЫЙ СЕКТОР

Диалектная лексика 1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
Ленинград 1971

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
20 65572

Сборник содержит статьи по диалектной лексикологии, диалектному словообразованию, исследования о взаимоотношениях лексики литературного языка и словарного состава русских народных говоров. В ряде статей рассматриваются некоторые вопросы диалектной лексикографии.

Сборник рассчитан на научных работников, преподавателей, студентов и аспирантов, специализирующихся в области диалектологии и истории русского языка.

Ответственные редакторы:
Ф. П. ФИЛИН и *Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ*

7-1-2
16-БЗ-29-70

Т. С. КОГОТКОВА

К вопросу о производственно-профессиональной лексике говора и соотношении ее с терминологической лексикой литературного языка

I

Интерес к диалектной лексике, заметно оживившийся в последнее десятилетие в русской диалектологии в связи с созданием областных словарей разного типа, выдвинул ряд таких языковых проблем, которые до сего времени или не ставились вообще, или ставились еще недостаточно. В этот ряд проблем входят и такие, которые связаны с изучением пограничных сфер диалектной речи и литературного языка (в этом же смысле нами употребляется еще и термин «общелитературный язык»).[1] В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть ряд вопросов производственно-профессиональной лексики в диалектной речи и в общелитературном языке.

Изложение существа затрагиваемой проблемы мы предваряем некоторыми замечаниями о содержании самих понятий «термин» и «терминология» применительно к диалектной речи и к общелитературному языку.

Систематизированность терминологий литературного языка[2] характеризуется не только теми признаками, которыми наделено

---

[1] Ср., например, обсуждение проблемы диалектного просторечия: Ф. П. Филин. Об областном словаре русского языка. Лексикографический сборник, вып. 2, 1957; О. Г. Гецова. О характере областного (диалектного) словаря. Науч. докл. высшей школы. Филологические науки, 1964, № 3; С. Д. Кац. К вопросу о так называемом «просторечии» в составе современной диалектной лексики. Уч. зап. Азербайджанского педагогического института языков Баку, 1964, № 1; Ф. П. Сороколетов. Еще раз о характере областного словаря. Филологические науки, 1966, № 4; И. А. Оссовецкий. Словарь говора д. Деулино Рязанского района Рязанской области. Вопросы диалектологии восточно-славянских языков. М., 1964.

[2] В настоящей статье мы придерживаемся точки зрения, согласно которой многочисленные терминологические системы литературного языка входят в его состав.

само понятие термина любой терминосистемы (термин должен быть однозначен, лишен эмоциональной окраски, не входить в синонимические ряды и под.), но и теми свойствами соотнесенности, которая существует между самими понятиями данной науки или технического производства.[3]

Слово же со специализированным значением в лексико-семантической системе диалекта не всегда можно назвать термином в собственном смысле слова. Почему? Потому что оно не всегда однозначно, не всегда четко отграничивается от обиходно-разговорной лексики говора, не всегда соответствует строго выдержанным понятиям, ибо понятия эти сами не всегда образуют законченно-логическую систему. Из числа признаков термина в общепринятом смысле диалектному термину больше всего присуща соотнесенность со словами того же самого тематического ряда. Именно потому, что определение термина и терминологии для диалектной речи очень сложно, исследователи специализированной лексики диалектов предпочитают в само название своих работ не включать слов «терминология», «термин», «терминологическая лексика». (Ср.: лексика жилища, производственная лексика того или иного говора, лексика мараловодства, лексика ямского промысла и т. п.).

Установление точных логических определений термина (дефиниций) для терминосистем литературного языка и тем более для диалектной речи есть задача особого значения. В нашей статье мы не ставим себе такую задачу. Используя же в своем изложении такие эквивалентные терминологические сочетания как «диалектный термин, местный термин, термин диалекта», мы имеем в виду те диалектные слова с производственным содержанием, которые в каждой отдельно взятой местности связаны с хорошо развитым промыслом или производством, а с языковой точки зрения слова, логически соотносимые в одном лексико-тематическом ряду. Совокупность диалектных слов какой-либо отрасли местного производства мы называем производственно-профессиональной лексикой, хотя иногда в качестве контекстуальных синонимов мы применяем и термины «диалектная терминология», «терминологическая лексика говора».

Задача статьи — показать соотношение производственно-профессиональной лексики в лексико-семантической системе говора и терминологической лексики общелитературного языка — потребует от нас не только описания функционального своеобразия диалектной производственно-профессиональной лексики в лексической системе говора, но и раскрытия основных приемов терминотворчества в говоре и в литературном языке.

---

[3] Г. О. Винокур. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. Труды МИФЛИ, М., 1939, с. 3 и след.

II

Местные термины, широко представленные на огромной территории распространения русского языка, нередко входят как составные компоненты во многие терминологические системы литературного языка, где их диалектный характер проявляется лишь в их происхождении. Место и значимость областных терминологических единиц в составе разных терминосистем в русском языке неодинаковы. Надо полагать, что наибольшую стабильность имеют в составе терминологий русского языка такие по происхождению местные термины, которые связаны с наиболее древними ремеслами и производствами, например терминология ткацкого производства (см. об этом ниже). И наоборот, — отрасли современной науки наиболее молодые (например, электронно-вычислительная), столь интенсивно развивающиеся, содержат немного терминов диалектного происхождения (если вообще их содержат).

По месту, которое занимает диалектный термин в лексико-семантической системе говора, а также по характеру образования диалектный термин имеет ярко выраженную специфику по сравнению с той же ролью и местом терминологической лексики, которая выпала на долю последней в рамках общелитературного языка. Термины литературного языка образуют целые терминосистемы, благодаря своему логически формализованному соответствию понятиям данной отрасли науки или техники и строгой систематичности. И если большинство из них в силу этого обособлены и обладают наибольшей изолированностью по отношению к общенародному языку,[4] то термины говора в самой лексической системе диалекта можно назвать терминами всеобщего употребления.

Эта функциональная роль диалектного термина обусловлена двумя причинами. Во-первых, причинами внешними, не языковыми. Как известно, производственно-профессиональная лексика диалекта составляется из слов и словосочетаний, обозначающих многочисленные реалии подсобных ремесел, промыслов, специализированных отраслей сельского хозяйства. Меньшая обособленность указанных сфер человеческой деятельности в самой хозяйственно-экономической жизни деревни, уровень их развития,

---

[4] Актуализация разных сторон реальной действительности, связанной с той или иной отраслью науки и техники в различные периоды развития русского языка, способствовала «выходу» терминов из узко специальной сферы обращения в общенародное употребление. Так примерно с 80-х годов XIX в. — периода активизации рабочего движения и развития марксизма в России — в общее употребление входят такие общественно-политические термины как *класс*, *партия*, *фракция*, *пролетарий* и др. В наше время примерами такого выхода из узких специальных границ можно назвать термины, связанные с освоением космического пространства.

привлечение к ремесленно-производственной деятельности очень широкого круга лиц [5] данного коллектива определяет и характер употребления терминологических единиц в лексической системе диалекта. Во многих русских деревнях и селах в побочных промыслах, а иногда и на мелких предприятиях в зависимости от времени года, было занято (да нередко и теперь) чуть не все трудовое население деревни. Почти вся терминологическая лексика сельскохозяйственного производства, промыслов и ремесел понятна носителям того или иного конкретного говора; в необходимых случаях она вполне свободно вводится в разговорную речь.

Во-вторых, — причина чисто языковая. Диалектная речь, как уже неоднократно отмечалось, существует в единственной форме — форме устной (бесписьменной) речи. Печать «разговорности» — обязательный признак диалектной лексики [6] — также лежит и на словах производственно-профессионального содержания. Все это расширяет границы употребления терминологического слова в диалектной речи настолько, что его часто можно квалифицировать как лексический факт обиходно-разговорной речи говора. Так в говоре д. Деулина [7] терминологической лексикой всеобщего употребления можно назвать лексику, связанную с лесом. Деревня Деулино расположена в северной, лесной части Рязанской области. Заготовка леса, его обработка (деревообделочный и лесопильный заводы), гонка смолы, производство древесного угля в доколхозный период, плотничество, сбор грибов и ягод на продажу — все это определяло экономический профиль деревни. Испокон веков с лесом связана, и эта связь не оборвалась и теперь, хозяйственная деятельность мужского населения Деулино. Однако лексикой леса владеет все население деревни. Слова *потылок* ‘доска — горбыль’, *товáр* ‘пиломатериал’, *щеподрáлка* ‘устройство для щепания дранки’, *духовóе дéрево* ‘бревно в одном из верхних венцов сруба’, *перевóдина* ‘потолочная балка’, *подсóчка, мошúть* ‘конопатить сруб мохом, делать прокладку мха между деревьями в срубе’, *окрáйник* ‘крайняя выпуклая с одной стороны доска, получающаяся при продольной распиловке бревна’ — хорошо известны всем.

Растворяясь в общеупотребительной лексике и не испытывая на себе кодифицированных регламентаций, присущих систе-

---

[5] От явлений этого порядка следует отграничить так называемые тайные и условные языки ремесленников-отходников.

[6] См. по этому вопросу нашу статью «О некоторых особенностях диалектной лексики в связи с устной формой ее существования» в сб.: Славянская лексикография и лексикология. Изд. «Наука», М., 1966.

[7] Лексика д. Деулино Рязанского р-на Рязанской области отражена в «Словаре современного русского народного говора», одним из составителей которого была и автор настоящей статьи. В дальнейшем изложении мы широко пользуемся языковым материалом картотеки указанного словаря.

матизированным терминосистемам общенародного языка, диалектный термин при наличии определенных условий может подвергаться дальнейшему семантическому развитию, также как и любое слово диалектной речи. Вторичные, переносные значения диалектного термина обычно экспрессивно окрашены. Так в гнезде *костри́ка, костри́чить, костри́читься, костри́чный,* представленном в говоре д. Деулино, исходное терминологически ткаческое значение сохраняется лишь в *костри́ка* ‘отходы, получаемые при отделении твердой части стебля в процессе обработки льна и конопли на волокно’, и *костри́чить* ‘трепать лен, отделяя твердую часть стебля от волокна’, хотя уже здесь в глаголе появляется и производное, вторичное значение: ‘сорить, мусорить’, связанное с тем, что процесс трепания льна сопровождается обильным отделением кострики, своеобразной пыли. Каки́и де́ти! Сидя́т да кастры́чуть. А пяску́ [сахорного] ско́лька накастры́чуть. Слова же *костри́читься* и *костри́чный* со сходной семантикой уже полностью отходят от своего первоначального терминологизированного значения: *костри́читься* ‘ссориться, браниться с кем-либо’. А уш ана́ кастри́чилась сь ней, с пляма́нницей, а пляма́нница знать сё по́мнить; аналогично *костри́чный* ‘придирчивый, ворчливый, бранчливый’, что и определило его переход в разряд качественных прилагательных. Была́ адна́ ба́ба уда́лая, а у ней муш то́жа кастри́шнай был. Вот он за́чил придира́цца, а ана́ хвать да яво́ па спине́.

Подобный перенос значения терминов отмечают и другие исследователи диалектной терминологии. Ср. наблюдения Ю. П. Чумаковой над говорами Рязанской области: *костри́чный* ‘капризный’, *намы́ка* ‘лохматая голова’, *епанча́* ‘свалявшиеся волосы на голове’ и много других.[8]

Вторичное значение в силу своей экспрессивности нередко переходит границу говора, попадая в разговорно-просторечные сферы литературного языка. Так слово *долдо́н* в разговорно-просторечных сферах литературного языка применяется к обозначению лица, надоедливо твердящего одно и тоже. В говорах же известно как его исходное номинативное значение ‘дятел’ (Далдо́н и дя́тил у нас зави́ть, патаму́ он до́лбить... караяе́т зайде́ть в де́рива, он яво́ вы́тащщить...), так и переносное, экспрессивное (Далдо́нить и далдо́нить адно́ и то́жа — далдо́н назаве́ш) (д. Деулино). Из народной терминологии ткачества известно и семантическое переосмысление слова *веретено́* ‘о непоседливом, излишне подвижном существе’. (Последнее словоупотребление характерно и для разговорной разновидности литературного языка).

---

[8] Ю. П. Чумакова. Текстильная лексика говоров района «Богословщина» Рязанской области (семантическая, диалектологическая и этимологическая характеристика). Автореф. канд. диссерт. Горький, 1966.

Аналогичен пример со словом *кряж*. В общенациональном русском языке (в литературном и в говорах) слово *кряж* известно как специализированный термин лесного промысла — ‘толстый короткий обрубок бревна из близкой к корню части дерева’ (Ушак., Толк. слов.). Ср. также в говоре д. Деулино слова соответствующего терминологического ряда — *кругля́ш, швыро́к, поты́лок, това́р* и др., в ряду которых *кряж* ‘толстое бревно определенной длины, предназначенное для распиловки на доски’.

Само собой разумеется, что в терминосфере лесообделочной и лесообрабатывающей промышленности термин *кряж* входит в разные тематические ряды, связанные с неодинаковой функциональной отнесенностью самой реалии, обозначенной данным термином. Так, с одной стороны, в специальных словарях и других деревообделочных пособиях *кряж* относится к определенному виду лесоматериалов, делящихся на следующие сортименты: 1. дрова, 2. круглые материалы — бревна, кряжи, столбы, рудничные стойки, балансы, 3. тесаные материалы — брусья, шпалы, 4. колотые материалы — клепка бондарная, обод и полоз, гонт кровельный, обручи, 5. пиленые материалы — доски, брусья и т. п. С другой стороны, функциональная сущность самого *кряжа* отражается уже в другом тематическом ряду: *кряж фанерный, кряж шпальный, кряж спичечный, кряж клепочный* и т. п. Но при всем этом основные признаки *кряжа* — толщина (объем) и пригодность для распиловки (функциональное назначение) являются общими как для терминосферы деревообрабатывающей промышленности литературного языка, так и для терминологического ряда говора. Именно эти признаки составляют основу его лексического значения.

Семантическая трансформация слова *кряж* носит явно экспрессивный характер и идет по двум направлениям: с одной стороны, она относится к человеку здоровому, коренастому, крепкого сложения: Ешь, Фомушка, ешь! Вишь ты, какой *кряж вырос!* Есть куда хлеб-соль класть. (Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина.)

Эта же семантика отражена и в прилагательном *кря́жистый* ‘крепкого сложения, плотный и сильный’, *кряжистый старик* (Ушак., Толк. слов.), с другой, — к человеку неподатливому, упорному или прижимистому. (Наконец, кряж расступился, из затасканного, грязного кисета посыпались медяки. Неверов, Горе залили.)

Связаны своим происхождением с народной терминологией ткачества фразеологические сочетания *горе мыкать* ‘подвергаться невзгодам, терпеть нужду’ (Ушак., Толк. слов.) и *мыкать* (*мыкаться по свету*) ‘шататься по свету, обмогаясь’ (В. И. Даль, Толковый словарь), экспрессивная окраска в которых достигается благодаря элементу *мыкать*, глухо сохраняющему идею первоначального терминологического значения. (Само действие «мыкать» в некото-

рых говорах — щипать по клочку, по ниточке, напр. шерсть, хлопок, корпию (В. И. Даль, Толковый словарь) — на редкость утомительно благодаря своему однообразию). Экспрессивный характер подобных семантических образований приводит к преодолению собственно территориальных границ их распространения и обеспечивает выход в общенародный (литературный) язык.

Длительное употребление вторичных переносных значений у терминологических слов диалекта, органическое включение в разговорную стихию говора, естественно, ведет к выветриванию той первоначальной экспрессии, в целях которой, возможно, это переносно-метафорическое значение и возникало в языке.[9]

Так, в говоре д. Деулино есть терминологическое слово *лехá,* в последние годы оно мало употребительно в речи,[10] ибо само понятие это связано с частным владением землей, — и в доколхозный период могло служить единицей измерения ширины надела земли, точнее это ‘полоса земли в длину поля или усадьбы шириной 1.5—2 метра, которую намечают при севе; таких полос во всем поле или усадьбе (по ширине) бывает несколько’; [11] соответственно этому *лешúть* ‘намечать (чаще) ногой границу лехи’. Наγóй прачяртúш и сéиш ... лён, прóса ... наγой идёш и ляшы́ш, штоп ни апсéицца ... В настоящее время скорее можно услышать *лешúть* в значении ‘волочить ногу, прихрамывать’, чем исходное, терминологическое. Храмóй фсо тáх-та идёт’, храмáит ... Вон Мищщёркин-та наγý-та ни падымáить, лашы́ть ей. При этом наблюдающий говор не улавливает особой экспрессии в данном употреблении глагола *лешúть.*

Общеупотребительность и понятность терминологической лексики диалекта всем или большинству носителей говора объясняется не только причинами внешними, о чем мы говорили выше, но еще и характером терминотворчества в говоре. В языковом отношении он полностью соответствует тем закономерностям словотворчества, которые известны языковой системе диалекта. Прежде всего термин диалекта создается на базе тех слов говора, которыми располагают все носители говора. (В этом отношении диалектную систему говора можно сравнить с натуральным хозяйством в экономике, когда запросы и потребности удовлетворяются своими возможностями).

---

[9] Общие закономерности поведения экспрессивно-окрашенной лексики в лексико-семантической системе говора описаны нами в статье: К вопросу о диалектной стилистике. Уч. зап. Мос. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской, т. 197, вып. 13, М., 1967.

[10] Выветривание первоначального, земледельческого значения в слове *лехá* наблюдала и О. И. Блинова в сибирских говорах. См.: Характер и пути изменения производственного говора с. Вершинина Томской обл. Уч. зап. Томского гос. ун-та, 1959, вып. 39, Русский язык, с. 119.

[11] Это значение восходит, по-видимому, к др.-русск. *лѣха* ‘гряда’. См.: И. И. Срезневский. Материалы для древнерусского словаря, СПб., 1895, т. II, столб. 80.

Основной способ продуктивного терминотворчества в говор можно характеризовать как способ семантического преобразова ния общеупотребительного, бытового слова с подчинением ем морфологических средств. Внешняя аналогия, сходство п функции лежат в основе семантической трансформации слов при образовании термина.[12] Термин диалекта прозрачен по свое внутренней форме, семантико-морфологическая структура его не редко мотивирована. Соответствие понятийного содержания материального (звукового и словообразовательного) оформлени диалектного термина гарантирует не только точность его, но и сообщает ему известную образность и выразительность. И в этом отношении диалектный термин ничем не выделяется из общей массы диалектных слов. Ощущение же внутренней формы непосредственно апеллирует к пониманию его значения, и тем самым «облегчается языковое общение между людьми».[13] Бытовые общеупотребительные слова говора используются в производственном контексте, и тем самым осуществляется их специализация. Так слово *кругля́ш,* относящееся к обозначению любого предмета, имеющего круглую форму (А у нас карто́шки — мя́тка да кругля́шо́м), в терминологии лесного дела д. Деулино строго дифференцируется с другими соотносимыми словами — терминами (*кряж, швырок, потылок, товар* и др.) и означает 'бревна, строительный лес': Кряш — он на распило́фку идёть, а кругля́ш — е́та для стро́йки. Тава́р ӷрузи́ть бу́дуть. Тава́р — е́та до́ски, а бре́вна — е́та кругля́ш, лес. Также образовалось и терминологическое значение у слова *коне́ц.* Это слово совпадает в своем исходном значении с общенародными значениями, в говоре д. Деулино у него вырабатывается специализированное значение — 'количество грибов, нанизанных на нитку определенной длины', Грыбы́ бе́лыи харо́шии, духави́тыи, са́мый пе́рвый ӷрып, кане́ц — де́сять рубле́й. Такая специализация значения вызвана причинами экстралингвистическими: заготовка грибов и ягод на продажу занимает огромное место в хозяйственно-экономическом укладе д. Деулино.

Общеупотребительность специализированных диалектных слов в речевой деятельности носителей говора вполне согласуется с монофункциональной стилистикой, которая присуща разговорной диалектной речи вообще, в отличие от полифункциональной стилистики общелитературного языка.[14]

---

[12] Так в результате образного переосмысления бытовых слов сложились такие термины прядения-ткачества, как *челно́к, бли́зна, соба́чки, кры́лья, бро́вка* и др. Ю. П. Чумакова, Текстильная лексика говоров района «Богословщина», с. 17.

[13] А. И. Моисеев. Мотивированность слов. Уч. зап. ЛГУ, № 322, вып. 68, 1963, с. 126.

[14] Это различие стилистических структур литературного и народного языка отмечалось еще в теоретических построениях Пражского лингвистического кружка. См.: А. Едличка. О пражской теории литературного

III

Диалектная и ремесленно-промысловая терминология русского языка до сих пор еще плохо изучена, что во многом объясняется почти полным отсутствием региональных словарей специализированного типа. Однако, в тех исследованиях, которые в этом направлении проделаны, отмечается интердиалектный характер многих ремесленно-промысловых терминологий. Это междиалектное распространение для целого ряда местных терминов (и даже терминологий) определяется прежде всего общностью и единством самих предметов материальной культуры, иногда восходящих к очень глубокой древности, предметов, которые данными терминами и обозначаются. Однако, на наш взгляд, некоторые собственно языковые свойства диалектного термина такие, как мотивированная структура его, прозрачность внутренней формы, создающие наибольшую адекватность понятийного содержания его и звукового оформления, образность и экспрессивность, способствуют интердиалектной локализации его. Сама же попытка непременно установить противопоставленные северновеликорусские и южновеликорусские лексические различия в пределах отдельно взятой терминологии, попытка, вытекающая из методологических установок господствующей в нашей диалектологии лингвистической географии, не всегда дает желаемый эффект. Интердиалектный характер распространения отмечают, например, исследователи ткацкой терминологии. Известно, что многие термины ткацкого производства относятся к наиболее древним ремесленно-промысловым терминам не только русского, но и общеславянского лексического фонда. Из 240 слов — терминов, привлеченных Ю. П. Чумаковой в качестве словника текстильного словаря говоров района «Богословщина» Рязанской области, квалифицируется ею как противопоставленные южновеликорусские термины северовеликорусским: *брать* (юж.) — *теребить, таскать* (сев.); *трости* (юж.) — *зубья* (сев.); *донце* (юж.) — *копыл* (сев.); *потыкать* (юж.) — *учить* (сев.), т. е. 4 пары собственно лексических единиц; к ним же примыкают словообразовательные и морфологические явления: *конопи* (без *л* в основе; юж.) — *конопля́, конопле, конопель* (сев.); *численка* (юж.) — *чисменка, чисменица* (сев.); семантические различия: *кросна* ‘нововытканный холст, (юж.) — *кросна (ы)* ‘ткацкий станок’ (сев.), т. е. еще

языка. В сб.: Пражский лингвистический кружок. Изд. «Прогресс», М., 1967, с. 547. О специфике диалектной стилистики см.: Л. И. Баранникова. О функциональных различиях в речи. В сб.: Вопросы стилистики, вып. 2. Саратов, 1965; Т. С. Коготкова. О некоторых особенностях диалектной лексики в связи с устной формой ее существования. В кн.: Славянская лексикография и лексикология. М., 1966, с. 299 и след.; Т. С. Коготкова. К вопросу о диалектной стилистике.

3 пары противопоставлений.[15] Столь же скромны сведения о противопоставленности северновеликорусских терминов ткаческого дела южновеликорусским и в статье О. И. Блиновой. Сопоставляя один из типичных северновеликорусских говоров с. Вершинина Томского р-на Томской области с одним южновеликорусским рязанским говором, О. И. Блинова отмечает, что «из 56 названий, подлежащих сопоставлению, оказались общими 35». Само же наличие этого противопоставления характеризуется автором всего лишь как «известная противопоставленность диалектного состава терминологии льнообработки — ткачества северновеликорусских говоров южновеликорусским, что выражается не только в наличии лексических параллелей, но и в характере словообразовательных и иных вариантов».[16]

Отмечая в качестве противопоставленных словообразовательные и акцентологические варианты, следует, однако, иметь в виду, что сами типы противопоставленных различий в структурно-противопоставленных говорах русского языка, соответствующие основным уровням языка (фонетическому, морфологическому, словообразовательному, лексическому и синтаксическому) не равнозначны между собой в своем свойстве противопоставленности. Вот, что пишут С. В. Бромлей и Л. Н. Булатова о характере словообразовательных диалектных различий: «Словообразовательная система складывается из большого числа элементов, менее тесно связанных друг с другом и находящихся в менее четких и регулярных взаимоотношениях, чем в системе словоизменения». И далее: «Во многих случаях диалектные факты в области словообразовательной системы не могут быть представлены в виде междиалектных соответствий».[17] К тому же каждому говору присуще повышенное словообразовательное, морфологическое и акцентологическое варьирование, и это хорошо известно каждому наблюдателю лексического состава любого отдельно взятого говора. Так Ю. П. Чумакова приводит словообразовательные варианты в одной и той же терминосистеме для групп однородных говоров: *гребень — гребенка, щеть — щетка, столбушки — столбики, подматок — подматка, дерюга — дерюжка, подпузки—подпузники, набилки—набелки, стена—стенка* и др. Поэтому при осмыслении характера противопоставленных различий северновеликорусских и южновеликорусских говоров применительно к той или иной терминологии это обстоятельство надо иметь в виду.

---

[15] Ю. П. Чумакова. Текстильная лексика говоров района «Богословщина», сс. 14—15.

[16] О. И. Блинова. Лексика обработки льна, прядения и ткачества. Тр. Томского гос. ун-та им. В. В. Куйбышева, т. 174, Лингвистический сборник, 1964, с. 53.

[17] Вопросы теории лингвистической географии, М., 1962, сс. 115—116.

Интердиалектный характер распространения местного термина предопределяет включение его во многие лексико-семантические системы. Последнее обстоятельство способствует дальнейшему семантическому развитию его.

В этом отношении ярким примером может служить семантическая структура восточнославянского слова *копы́л*.[18]

В словаре В. И. Даля значение его сформулировано как «стояк, стоен, торцом вставленная деревяшка». По говорам русского языка это обобщенное значение, претерпевая семантическую трансформацию в разных направлениях, приобретает специализацию и тем самым занимает определенное место в различных терминосистемах не только говоров, но и общенародного языка. Такое семантическое сужение значения осуществляется прежде всего для наименования брусков, вставляемых в полозья саней и попарно скрепленных между собой особыми ивовыми «вязами». Расположенные таким образом копылы (или копылья) служат основой для кузова. Это значение слова *копы́л* имеет общерусское распространение, оно отмечено в словарях современного русского литературного языка. (ср.: Зимние сани ... делались на высоких копыльях, чтобы не запруживало в передок снегом. Мамин-Сибиряк, Золото). По этому значению произошла в разных говорах, по-видимому, и номинация самих саней: *копы́л* в архангельских говорах ‘рабочие сани’, отмечено в словаре Подвысоцкого; *копы́льни* в курских говорах ‘простые сани без грядок’. В вологодских, вятских, ярославских и костромских говорах *копы́л* ‘нижняя часть прялки, на которую садится пряха при прядении; донце’. К этому значению восходит северное номенклатурное наименование *копыльная прялка,* т. е. прялка корневая, сделанная из целого дерева с корнем.[19] Как говорилось выше, в исследовании Ю. П. Чумаковой этот северновеликорусский термин противопоставлен южновеликорусскому *до́нце*. Показательно, что зона распространения текстильного термина *копы́л,* противопоставленного южновеликорусскому *до́нце*, отнюдь не занимает всего северновеликорусского ареала, что и позволяет квалифицировать его лишь как показатель частичной противопоставленности.

В великолуцких, псковских, тульских, смоленских, и северных говорах (Онучков, Сказки) у слова *копы́л* отмечено значение ‘колодка, на которой плетут лапти’, и ‘сапожная колодка’. В новгородских и тихвинских говорах *копы́л* — ‘пральный валек’, в великорусских ‘рукоятка топора’, в Слободском у. это ‘палка или лопатка, которой копают’.

---

[18] Кроме собственных наблюдений и указанных источников, сведения о слове *копы́л* извлечены нами из «Словаря русского языка», составленного вторым отделением Императорской Академии наук, т. IV, вып. 7. СПб., 1913.

[19] С. Жегалова. Прялка. «Наука и жизнь», 1968, № 5, с. 156.

Значение ‘тяпка’ зафиксировано в псковских и смоленских говорах (по данным картотеки Псковского и Смоленского областных словарей). В псковских же говорах отмечено переносное значение — ‘голова змеи’. Наконец у слова *копыл* отмечены терминологические значения без указаний на локализацию ‘длинное, кривое долото на деревянной рукоятке для внутренней выделки улейных колод, и железная полоса с проушинами, прикрепляемая к лесопильным саням, такие полосы приделываются с обеих сторон саней и служат для распиловки бревен’.

Отнесенность слова *копы́л* к реалии (копыл в санях), хорошо известной и весьма значимой (деталь универсальной зимней повозки) не только в крестьянском быту, а и повсеместно, переводит это слово из сферы производственно-профессиональной лексики [20] в общеупотребительную. На основе внешнего сходства (копылья в санях попарно связаны ивовыми вязками) возникает семантический перенос: *копы́л* ‘коренной зуб’ (ср. в говоре д. Деулино: Пере́днии зу́бы, а идавы́и — е́та капылы́ ... капылы́ баля́ть). При этом в лексической системе говора это вторичное, нетерминологическое значение может иметь синонимы: Е́ти капылы́ (показывает коренные зубы) ... ну кутники́ завýцца. Рассматриваемый семантический перенос — *копы́л* ‘коренной зуб’ — отражен и в пословичных выражениях: зубы — копылья, губы — кобыльи (о некрасивом) (Даль, Пословицы, 325).[21] В результате отмеченной выше общеупотребительности слово *копы́л* семантически организует многочисленные пословичные и фразеологические обороты: Скрипит словно копыл в дровнях; *выйти из копыльев* ‘прийти в совершенное расстройство’; *на копыл поставить* (опрокинуть) ‘привести в беспорядок, расстроить, поставить все вверх дном’: На посуле, что на стуле, а на деле, что на копыле; *под копы́л* ‘на бок, поднять все вверх копылом, возбудить, взбудоражить’, *с копылóв долой* ‘грохнуться о земь, упасть’: У него всего-то имения — копылом стряхнуть (очень мало); *все копылом пошло* ‘все стало совершенно иначе’; *два брата копыл да лопата* ‘загадка — о двух разнохарактерных братьях’: При царе — *Копыле*, когда грибы с опенками воевали (очень давно); *копыл — копылом* ‘навыворот, без толку, зря’. Отдельные из этих устойчивых оборотов попали в 17-томный Словарь современного русского литературного языка: *поднять все вверх копылом* и новое, не отмеченное ранее в словарях: *с копыльев* (*копылов*) *долой* ‘упасть, а также умереть’. (Похворала, похворала (старуха) да и с копыльев долой. Подъячев, Мытарства).

Для развития семантической структуры слова *копы́л*, как, по-видимому, и всякого диалектного слова, широта распростра-

---

[20] В. Бурнашев. Опыт терминологического словаря, т. I. СПб., 1843, с. 311.

[21] Здесь и ниже цитируется по Словарю русского языка АН, 1913.

пения его ареала играет большую роль. Подобно фактору времени, имеющему едва ли не решающее значение для обогащения и видоизменения смыслового объема слова в письменном (литературном) языке, в бесписьменной диалектной речи эту роль играет еще и пространственный фактор. Благодаря пространственному фактору результаты семантического развития диалектного термина (как и диалектного слова вообще) можно квалифицировать как лексическую омонимию. Так разное по своему содержанию терминологическое применение слов *ба́ба* и *ба́бка*, известное многим специализированным сферам общенародного языка, развилось, по-видимому, не без влияния диалектной разновидности русского языка. В разных говорах как структурно близких, так и наоборот, неблизких, терминологизированные значения этих слов весьма многообразны. В псковских говорах, помимо всех значений, связанных с женщиной — ‘1. замужняя женщина’, ‘жена’, ‘бабушка’, ‘знахарка’, ‘повитуха’, слово *ба́ба* означает еще: ‘1. малую укладку снопов’, ‘2. большой деревянный (или металлический) молот для забивания свай, жердей’ и т. п., 3. ‘наковальня’, ‘4. боковой деревянный стержень криги’, ‘5. воротовое устройство’, ‘6. растение (чертополох?)’, ‘7. деревянная тренога, подставка’, ‘8. рыба, бычок-подкаменщик’.[22] В «Словаре русских народных говоров» к имеющимся в псковских говорах прибавляются еще следующие терминологизированные значения слова *баба*: ‘1. птица-пеликан’, зафиксированные в астраханской, черноморск., касп., волж., тамб., пермск., кубан., сарат., донск., говорах; ‘2. баба — муха, навозная муха’, в томских говорах; ‘3. *бабочка* — мотылек’, южн.; ‘4. женская верхняя одежда зырянок’, арх.; ‘5. вертикальный столб у колодезного журавля’, иркут., арх., олон., волог., сиб., якут., ‘6. принадлежность ткацкого станка’, арх., новг., ‘7. мельничное колесо’, охан., перм.; ‘8. место, где ставится шар в игре «в шаровики»’, перм.[23] Разошедшиеся столь далеко в своем семантическом объеме многие из перечисленных значений в современной областной лексикографии квалифицируются составителями словарей как омонимы. По-видимому, большинство из них и являются таковыми.

Не менее богата терминологическими значениями семантическая структура слова *ба́бка*. Псковский областной словарь отмечает 14 омонимов, Словарь русских народных говоров — 6; причем в последнем случае структура каждой (из 6) словарной статьи в свою очередь полисемантична.

В последние годы в связи с фронтальной фиксацией и систематизацией областной лексики, осуществляемой почти повсеместно для областных словарей разного типа, в научный оборот

---

[22] Псковский областной словарь с историческими данными. ЛГУ, 1967, вып. 1, сс. 78—79.

[23] Там же, вып. 2, сс. 14—15.

поступает свежий лексический материал. Этот материал уже явился и, конечно, явится впредь основой лексико-семантических работ разного направления.[24] Среди них должное место найдут и те работы, целью которых будет изучение лексических и семантических соответствий в структурно неоднородных говорах, в отличие от лингвистической географии, цель которой — изучение противопоставленных различий.

IV

В составе общерусского (а иногда и общеславянского) лексического наследия находятся единые и стабильные терминологические элементы[25] многих профессионально-производственных сфер говора (или группы однородных говоров) — в особенности таких, которые связаны с древними ремеслами и промыслами (терминология земледелия, лексика жилища, гончарного дела, прядения и ткачества и мн. др.). По этой же причине диалектная терминологическая лексика явилась основой для целого ряда терминологий общелитературного языка. Исследование путей проникновения производственно-профессиональной лексики диалектов в развитые терминологические системы общелитературного языка — это задача особая. Она требует целой серии специальных исследований. В настоящей статье эту задачу мы перед собой и не ставим, хотя уже теперь для некоторых диалектных терминологий имеются такие данные.

Обслуживая уходящие в наше время сферы примитивного домашнего производства в деревне, тем самым как бы доживая свой век, эти термины находят новую и более активную жизнь, получают свое дальнейшее развитие уже в условиях развитой и технически оснащенной промышленной отрасли в городе. Так, упоминавшаяся выше специализированная лексика народного ткачества почти целиком вошла в терминологию современного текстильного производства: *бердо*,[26] *близна*, *веретено*, *гребень*,

---

[24] Например, Ю. П. Чумакова в докладе «Описание глагольной лексики, связанной с обработкой волокна в славянских языках», прочитанном на совещании по Общеславянскому лингвистическому атласу в г. Львове 5—8 июня 1967, на примере употребления в русских говорах и славянских языках разных терминологизированных значений слова *дерюга* высказала интересное предположение о семантической и лексической связи между терминологиями обработки пашни и обработки волокна.

[25] Как показывает наблюдение О. И. Блиновой, первые поселенцы Сибири, выходцы из северновеликорусских областей, полностью перенесли терминологию льнообработки, прядения и ткачества в обследованные ею сибирские говоры. (О. И. Блинова. Лексика обработки льна, прядения и ткачества, с. 55).

[26] Эти сведения извлечены нами из «Словаря орехово-зуевских текстильщиков», ред. М. Н. Шабалин (Тр. кафедры русского языка Орехово-зуевского пед. ин-та, М., 1960).

гребенка, зев, моталка, мотовилы, мычка, навой, наклестка, основа, отбеливать, рвань, суровье, съем, трепало, трепанье, тростить, уток, уточина, цены. Эти слова послужили языковой основой для формирования новых терминов, возникших в связи со специализацией и технизацией современного текстильного производства: *бердовщик* ‘рабочий, направляющий поломку берда’, *гребенщица* ‘работница, обслуживающая гребенную машину’, *гребенная машина* ‘машина, дающая чистую шелковистую ленту’, *гуляющее веретено* ‘веретено, на которое не наматывается пряжа из-за неполадок’, *мотальная фабрика, мотальщица* ‘работница, обслуживающая мотальную машину’, *мычкоулавливатель* ‘принадлежность прядильной машины; прибор, служащий для втягивания оборванной мычки воздухом’, *набивная ткань* ‘ткань с узорчатой расцветкой, т. е. с рисунком, полученным набивкой (печатанием)’, *основонаблюдатель* ‘часть ткацкого станка, служит для наблюдения за обрывами нити основы’, *съемный барабан* ‘чугунный полый цилиндр на чесальной машине, обтянутый игольчатой или цельнометаллической лентой; служит для съема волокон с чесального барабана’, *уточница* ‘работница, выдающая уток по весу на ткацкие станки,’ *челночник(-ца)* ‘рабочий, производящий ремонт челноков.’

Привлечение в поле зрения исследователя данных разных терминосистем помогает выявлению словообразовательной и грамматической соотносительности, которая существует между словами общелитературного языка и их однокоренными в диалекте (ср.: лит. *ла́вка* — диал. *лава*; лит. *ветчина* — диал. *ветча́неть* ‘хиреть’). Русскому языку известна, например, соотнесенность между переходными и непереходными глаголами одного корня: *(у)мереть — морить*; *гибнуть — губить*; *гаснуть — гасить*.[27] Данные русских диалектов удлиняют этот ряд соотносимых глаголов: *зреть (зре́ть) — зори́ть* (быть зрелым). Глагол *зорить* и его производные *дозаривать, дозариванье* отмечены в словаре В. И. Даля со значением ‘приводить в зрелость, заставлять дозревать’, еще ранее в Опыте терминологического словаря В. Бурнашева (1843 г.) ‘очищать, прояснять’, *зорное масло*, т. е. ‘отстоянное на солнце’, указанное значение отмечено и в Словаре русского языка (I, II, вып. 9, СПб., 1907); *зорить ягоды* ‘незрелые ягоды ставить на солнце, чтобы они дозрели’: Мы рожь-то еще не жали — зо́рим (давать созревать на солнце, Волог.). Актуальность самого понятия, обозначаемого этим словом для разных отраслей сельского хозяйства, языковая точность и краткость создали все пред-

---

Древний характер происхождения перечисленных терминов доказывается наличием их в составе народных терминологий не только русского, но и других славянских языков. Ср.: О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. Изд. «Наука», М., 1967, сс. 46—61.

[27] Примеры взяты из книги: А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка. Морфология, II, Братислава, 1960, с. 325.

www.rus
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

посылки для того, чтобы оно закрепилось в терминологических сферах и современного сельского хозяйства (ср.: Поэтому его [мед] надо дозаривать в специальной таре). (Пчеловодство, 1966, № 7, с. 30). Для этого в ряде крупных совхозов мы будем строить специальные цехи для дозаривания, отстаивания и расфасовки меда (Пчеловодство, № 1, 1967, с. 3).

Определение диалектной принадлежности того или иного исконного русского термина — дело нелегкое. «Как провести границу между общерусскими и диалектными специальными терминами?, — пишет Ф. П. Филин. „Чувство литературной нормы", которое в некоторой степени может оказаться полезным в других случаях, здесь поможет мало, поскольку масса узкоспециальной терминологии так же неупотребительна в общеразговорной речи, как и сами диалектизмы».[28] Основной прием диалектного терминотворчества, семантический перенос, возникающий, прежде всего, вследствие внешней аналогии, лежит в основе образования очень многих терминов и в общелитературных сферах русского языка. Просто с одними данными терминологических словарей и справочников без специального исследования нельзя установить происхождение того или иного термина, например, приведенные в словаре под ред. Д. Н. Ушакова термины: *бабо́шка* 'типографский брусочек, употребляемый для заполнения пустых мест в наборе', *багре́ц* 'красная краска темного оттенка, багровая', *безо́стый* 'не имеющей остей' и др.

Многие термины, образованные семантическим способом, являются составными компонентами различных терминосистем общенародного языка и в то же время в диалектной речи сохраняют территориальные изоглоссы для иных специализированных сфер. В языковом отношении слова подобного рода можно считать омонимами. Так, *башмак*, *ползун*, *шатун*, *коромысло*, *стойка* и др. — широко распространенные термины в технике. Они входят в самые различные терминологии, и даже в развитых и систематизированных терминологиях являются составным элементом сложно-составных терминов. Так в терминосфере железнодорожной сигнализации, централизации стрелок и сигналов, и блокировки слово *башмак* является составным компонентом таких терминов как: *механизированный башмак*, *башмак откидной*, *башмак перекидной*, *башмак сбрасывающий*, *башмак контактный*, *башмак локомотивный*.[29] Через посредство прессы, специализированных передач по радио, язык художественной литературы рассматриваемые термины попадают в общенародное употребле-

---

[28] Ф. П. Филин. Проект «Словаря русских народных говоров». Изд. АН СССР, М.—Л., 1961, с. 27.

[29] Терминологические примеры здесь и ниже извлечены нами из специальных выпусков Комитета (по-старому Комиссии) технической терминологии АН СССР.

ние настолько, что становятся объектом лексикографирования в толковых словарях литературного языка.

Отнесенность в словаре Д. Н. Ушакова упомянутого выше термина *башма́к* к разным терминосферам отражена в формулировке соответствующего, специализированного значения — 'термин для обозначения разных приспособлений, применяемых в качестве опоры, колодки, защиты наконечника'. Для обозначения детали в колесных повозках выделяется особый оттенок — 'особый вид тормоза, подкладываемого под колесо катящегося экипажа'. И в то же время слово *башма́к* продолжает жить как название некоторых специализированных реалий в русских народных говорах. По данным «Словаря русских народных говоров» это: в восточной Сибири — 'путы, которыми стягивают ноги лошади, чтобы лишить ее свободы передвижения', в Пермской губернии — 'палка, привязанная к ноге козла, чтобы стеснить его движения', в Амурской губернии — 'капкан, ловушка на лисиц и мелких зверьков (соболей, хорьков и т. п.)', в Волог., в Рязанской губернии — 'опора для укрепления удлиненных деталей судна или строения (мачты, стропилы и т. п.)', в Свердловской обл. — 'комнатное растение с крупными сочными пестрыми листьями', в донских и астраханских говорах 'годовалый теленок'. Первообразные термины, термины с мотивированной структурой занимают еще большое место в разных терминологиях русского языка. Например, термин *червя́к* 'винт с трапецевидной нарезкой' (Ушак., Толк. слов.) в терминосфере зубчатых колес послужил основой для наименования целого раздела червячных и зубчатых передач.[30]

[30] Комитет научно-технической терминологии (КНТТ), занимающийся упорядочением современной терминологии, выдвинул непреложное требование к каждой отдельно взятой терминологии — термины и номенклатуры каждой терминосферы должны отличаться системностью. Термины, образованные путем семантического переноса, нередко противоречат этой тенденции, поэтому они все чаще и чаще заменяются на систематизированные с четко выраженными классификационными признаками. Но даже при этом условии иногда при упорядочении мотивированному термину с прозрачной внутренней формой отдается предпочтение. Это может быть особенно в тех случаях, когда сама эта систематичность терминов достигается благодаря внутренней логике, которая проявляется уже на основе собственно языковых (лексических) свойств. Приведем один пример. В терминологии железнодорожного транспорта есть такие соотносимые термины «противошерстная стрелка» и «пошерстная стрелка». Их конкурентами выступают синонимы «встречная стрелка» и «попутная стрелка». КНТТ оставил предпочтительными первую пару соотнесенных терминов, хотя они и имеют прозрачную внутреннюю форму. Почему? Антонимичность, которая содержится в лексическом значении прилагательных *пошерстный* и *противошерстный* соответствует противоположности тех реалий, которые каждый из рассматриваемых терминов обозначает, что и обеспечивает системность этих терминов. (Кстати заметим, прилагательные *противошерстный* и *пошерстный* неизвестны литературному языку, но ситуативность их образования в терминологии железнодорожного транспорта весьма уместна. Напротив же, компоненты второй конкурирующей пары терминов *встреч-*

Процессы технизации и специализации, которые сопровождают научную и производственную деятельность современного человека, не только ведут к расширению и обогащению терминологического фонда соответствующих сфер, но и к пересмотру первичных, исходных терминологических систем, и в их число попадают диалектные терминологии.

Даже в области сельского хозяйства, где естественна дробность специализированной терминологии, ибо местный фактор здесь особенно актуален, заметны процессы отбора конкурирующих терминов. Складывающаяся терминология современного механизированного и агрономизированного сельского хозяйства вступает в соперничество со своими местными параллелями, и эта борьба уже подводит к необходимости строгих нормализирующих действий.[31]

Сама же проблема функционального взаимодействия местной, областной терминологии с терминологиями общенародного языка связана с исследованием профессионального просторечия, т. е. той сферы речевой деятельности, изучение которой может и найдет место в ближайшем будущем в связи с активизацией научного внимания к изучению разговорной речи в целом.[32]

ный и *попутный* являются многозначными словами в общенародном языке, они не столь антонимичны, как первые, поэтому и не несут в себе необходимой для термина точности).

[31] В редакционной статье ж. «Птицеводство» (1954, № 4) указывается на неправильное применение отдельными авторами местной терминологии: *квочка* вм. *наседка, лупка* вм. *вывод, пылевые ванны* вм. *песочно-зольные ванны.*

[32] Мы приносим глубокую благодарность кандидатам филологических наук В. В. Веселитскому, Л. К. Граудиной, В. П. Даниленко, Л. П. Жуковской, Ф. П. Сороколетову, чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филину, познакомившимся с рукописью настоящей статьи и сделавшим нам ценные замечания.

О. Д. КУЗНЕЦОВА

О некоторых трудностях отбора слов в диалектный дифференциальный словарь

Практические нужды диалектной лексикографии поставили русскую науку не только перед необходимостью выработать современное научное понятие о диалектном слове, но также классифицировать диалектную лексику в плане сравнения ее с литературной. К концу пятидесятых годов типы диалектных слов в основном были определены и описаны.[1] И все же составители диалектных дифференциальных словарей сталкиваются с большими трудностями при разграничении диалектной и общенародной лексики, при описании отдельных типов диалектной лексики. Об этом свидетельствуют те промахи и погрешности, которые критики отмечали в изданных и издаваемых словарях.[2] С одной стороны, в словари включаются слова, не являющиеся диалектными (просторечные, специальные, слова, относящиеся к крестьянской жизни, но имеющие общенародное распространение, арготизмы и др.), с другой, диалектизмы остаются вне поля зрения составителей дифференциального словаря. Особенную трудность, по мнению И. С. Козырева, например, представляют семантические диалектизмы — здесь, как правило, словарями учитываются значения, существенно отличающиеся от литературных, а близкие к литературным не отмечаются.[3]

---

[1] Ф. П. Филин. Несколько замечаний о характере лексических диалектизмов. Вопросы славянского языкознания. Львов, 1948, сс. 221—225; Б. О. Ларин. Принципи укладання обласних словників української мови. Діалект. бюлетень, вып. VI, Київ, 1956, с. 3; Ф. П. Филин. Проект «Словаря русских народных говоров». М.—Л., 1961, с. 35; В. Г. Орлова и А. И. Сологуб. Изучение диалектной лексики при подготовке областных (региональных) словарей русского языка. Лексикографический сборник, вып. II, 1957, с. 20; Л. П. Жуковская. Типы лексических различий в диалектах русского языка. ВЯ, 1957, № 3, с. 110, и др. работы.

[2] См., например, статью: С. А. Копорский. Об областной лексике. Вестник МГУ, 1961, № 5, сс. 46—60.

[3] И. С. Козырев. 1) Спорные вопросы составления областных словарей. Вопросы русского языка и методики его преподавания. Курск, 1960,

Работа над словарем русских народных говоров дает возможность наметить некоторые общие трудности, с которыми приходится сталкиваться составителям этого словаря при отборе и лексикографической обработке диалектных слов.

Среди лексических диалектизмов, как известно, немало слов, корни которых отсутствуют в литературном языке (слова славянские и иноязычные по происхождению). Наличие их в большинстве случаев объясняется специфически местными условиями — часть их называет реалии и понятия, относящиеся к местной крестьянской жизни. Это — лексика бытовая, производственная (охотничья, рыболовецкая, земледельческая и т. п. терминология), т. е. слова, служащие названиями жизненно важных понятий и реалий. В основном отбор этой лексики не представляет трудности, за исключением небольшой части заимствованных слов, принадлежность которой к словарю говора сомнительна.

Затруднение вызывает другая сторона работы: истолкование значений этих слов. Ведь нередко составитель не только не знаком с этими словами, но и с реалиями, которые ими обозначаются. Помощь здесь могли бы оказать более или менее хорошие описания предметов, реалий, отсутствие которых в этом случае чувствуют составители словарей (сейчас появляются статьи такого рода: описания земледельческих, рыболовецких орудий и т. п., хотя их явно недостаточно).[4]

Отбор лексических диалектизмов, совпадающих с литературными словами по значению, но отличающихся от них незначительно фонетическим обликом, представляет, пожалуй, наибольшую трудность, именно в силу близости этих слов литературным (анбар, пашеница, илгать и т. п.). Отличия у слов этого типа наблюдаются не в аффиксальном оформлении, а в корне слова

сс. 64—67; 2) О некоторых трудностях и недочетах в работе по составлению областных словарей. Труды 1-й научно-методической конференции Московского зонального межвузовского объединения кафедр русского языка педагогических институтов. М., 1961, с. 218.

[4] См.: К. П. Римашевская. Заметки о лексике леса Западных Саян. Уч. зап. Красноярск. пед. ин-та, т. 25, вып. 3, 1963, сс. 118—151; С. И. Ольгович. Заимствования в лексической системе сибирских старожильческих говоров. Там же, сс. 165—189; О. П. Беляева. Местная лексика, связанная с обозначением земельных участков. Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания. Тр. 4-й зональной конференции кафедр русск. языка вузов Урала, вып. 1, Пермь, 1964, сс. 93—103; С. А. Старцева. Из наблюдений над диалектной лексикой говоров Соликамского района Пермской области. Там же, сс. 105—112; И. С. Лутовинова. Синонимы и лексические параллели в названиях кушаний. Псковские говоры, II. Тр. 2-й Псковской диалект. конференции, 1968, сс. 200—212; Г. И. Хильманович. Местные названия предметов домашнего обихода в говорах Курской области. Научно-практ. очерки по русск. языку, 2. Уч. зап. Курск. пед. ин-та, т. 44, 1968, сс. 144—151 и др. работы.

или в окончании. Такого рода отличия обычно не представляют собой отражения закономерных фонетических или морфологических процессов, а являются лишь следами действия в прошлом таких процессов; другие вообще никогда не были связаны с процессами закономерного характера и явились в результате каких-то частных, индивидуальных причин — (перестановок, выпадения отдельных звуков, появления протетического гласного — *ильнуть* 'льнуть' и т. п.) — конкретные причины их происхождения очень различны.[5]

Такого рода различия, чаще всего не обусловленные действием живых процессов закономерного характера, называют лексикализованными.

На практике нередко встречаются случаи, когда составители затрудняются определить, какой характер носит изменение фонетического облика слова: отражение ли это закономерного процесса или это лексикализация. Происходит это, на наш взгляд, по двум причинам: а) недостаточности наших сведений о фонетических и морфологических явлениях, ареале их распространения (атлас, который в этом отношении мог бы оказать существенную пользу, до сих пор не издан полностью); б) неизученности самого явления лексикализации, не только в диалектах, но и в литературном языке.

Недаром составители дифференциальных словарей жалуются на трудность разграничения явлений фонетики и лексики.[6] Действительно, «в определенных случаях, когда фонетические и морфологические процессы еще не завершены, не всегда можно провести четкую границу между этими процессами и „лексикализированным" состоянием какого-либо явления».[7]

Наиболее сложными случаями лексикализации в говорах являются такие, появление которых обязано действию регулярных фонетических изменений. Закрепление нового измененного фонетического облика слова происходит по причинам индивидуальным, частным, например, существование в говорах регулярной редукции безударных гласных вызвало выпадение безударного

---

[5] Подробно об этом см. статьи: Л. П. Жуковская. Типы лексических различий и О. И. Блинова. Заметки о морфологическом варьировании имен существительных в говорах. Уч. зап. Том. гос. ун-та, № 57, 1965, сс. 13—27; Ф. П. Филин. О лексикализированных фонетико-морфологических вариантах слов в русских говорах. Лексика русских народных говоров. М.—Л., 1966, сс. 27—34; В. Н. Немченко. Фонетически вариантные диалектизмы в лексике русских старожильческих говоров Литовской ССР. Псковские говоры, II. Тр. 2-й Псковской диалект. конференции, 1964, 1968, сс. 74—85.

[6] О. И. Блинова. Лексико-морфологические варианты слов в говорах Сибири. Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докл. лингв. конференции. Новосибирск, 1967, с. 44.

[7] Ф. П. Филин. О лексикализированных фонетико-морфологических вариантах, с. 33.

гласного в ряде слов, особенно между согласными, один из которых является сонантом; ср.: *вържыя́* 'ворожея' при уменьш. *въражейка, барнава́т* 'бороновать' (Дурново, опис. говора д. Парфенок Рузск. у. Моск. г., сс. 73, 97), *жа́врънак* (Смол., Добровольский, 1914) — подтверждением лексикализации этой формы служат образования от нее: *жаврале́нок, жаврале́ночек*.

Следует обратить внимание также на те типы диалектизмов, которые до сих пор мало исследовались, как например, сложные слова и составные наименования, первые из которых вообще не назывались еще в качестве объекта диалектного словаря, а вторые описаны недостаточно,[8] а между тем те и другие занимают довольно значительное место в диалектной лексике (сложение, например, является одним из излюбленных приемов образования слов в говорах русского языка, и собиратели уже издавна включали сложные слова в списки диалектных слов: ср. *дурносо́п* 'дурак', 'негодяй' в Трудах общества любителей российской словесности за 1820).

Замечается сходство сложных слов и составных наименований: большая часть их имеет ярко выраженный терминологический характер — они обозначают важные в хозяйстве и сельской жизни реалии или употребляются для называния различных видов растений, животных, рыб, т. е. в тех случаях, когда значения должны отличаться дифференцированностью, конкретностью понятий; ср.: *белодёр* 'плохая земля, на которой не растет лен' (Яросл., Мельниченко, 1961), первосенок 'сено с ближнего покоса' (Полев. Свердл., Глазырина, 1958), *белый чапурь* 'растение Gallium boreale L., сем. маренных; подмаренник северный' (Волог., Анненков), *бережевой кубас* 'поплавок рыболовной сети, расположенный близко к берегу' (Арх., Подвысоцкий, 1885) и т. п.

Диалектная фразеология как часть диалектизмов, подлежащая описанию в диалектном словаре, представляет одну из сложных задач для составителей словарей. Точно так же, как сложные слова и составные наименования, диалектная фразеология до сих пор мало привлекала внимание исследователей, хотя теперь и появились некоторые статьи, представляющие собой попытки описания отдельных типов фразеологизмов в говорах.[9]

[8] В. Б. Силина. О некоторых типах диалектной фразеологии. Материалы и исследования по русской диалектологии, вып. II, М., 1961, сс. 160—168; Е. Н. Шестакова. К вопросу об изучении диалектной фразеологии. Краткие очерки по русск. языку. Матер. V научно-метод. конференции объединенных кафедр русск. языка вузов центр.-черноз. зоны. Воронеж, 1964, сс. 168—173.

[9] В. Б. Силина. О некоторых типах диалектной фразеологии; Л. А. Ивашко. Из наблюдений над диалектной фразеологией. Слово в народных говорах русского Севера. Л., 1962, сс. 40—48; В. В. Алехина. Некоторые наблюдения над фразеологией говора Емельяновского района Красноярского края. Уч. зап. Красноярск. пед. ин-та, т. 25, вып. 3, 1963, сс. 112—117; Е. Н. Шестакова. К вопросу об изучении диалектной фразеологии.

Здесь даже простое приведение фразеологизмов с толкованиями принесло бы пользу для составителей словарей.

Редкое обращение исследователей к фразеологии в диалектах объясняется не только неразработанностью теоретических фразеологических вопросов вообще, но прежде всего трудностью ее регистрации. Действительно, «запись фразеологии, — как пишет Л. А. Ивашко, — представляет трудность для собирателя: этот материал не лежит на поверхности, его нельзя получить путем тематических бесед».[10] Безусловно только очень хорошее знакомство с говором и его носителями позволит собирателю записать и правильно определить значение фразеологизмов.

Надо сказать еще и о причинах общего порядка, затрудняющих и регистрацию и лексикографическую обработку диалектных слов и фразеологизмов. Эти причины зависят от самого состояния диалектов в наше время, от тех процессов, происходящих в говорах, которые обусловлены этим состоянием. По наблюдению многих исследователей влияние литературного языка приводит к различным изменениям и сдвигам в лексической системе говоров. Часть диалектных слов (особенно та, которая имеет литературные эквиваленты) в случае проникновения в говор литературных слов постепенно вытесняется ими (переходит в пассивный запас или вообще утрачивается говором). При этом слова пассивного запаса теряют родственные связи (производные слова отмирают) и оказываются в говоре словами-одиночками: таковы, например, слова *туразить* ‘гоняться’, *боская* ‘сердитая’, *нашарохать* ‘пугать’ в воронежских говорах.[11] Естественно, что раньше других в пассивный запас переходят слова и значения, служащие для обозначения понятий и реалий, связанных со старым крестьянским бытом и укладом жизни. Семантические диалектизмы, служащие для обозначения таких понятий, например, вообще исчезают. По наблюдению Р. В. Херольянц, младшее поколение Новоусманского р-на Воронежской области не знает диалектных значений таких слов, как *стена* ‘единица измерения пряжи’, *жребий* ‘обрубочек, служащий меткой для сукна, отдаваемого в окраску’ [12] и т. п.

Ясно, что регистрация и определение значений таких отмирающих слов требуют очень тесного знакомства с говором и со старым крестьянским бытом.

Необходимо заметить также, что диалектные слова в связи с проникновением в говоры общенародных слов вступают с по-

---

[10] Л. А. Ивашко. Из наблюдений над диалектной фразеологией, с. 40.

[11] В. Н. Кретова, Л. К. Овчинникова. Литературный язык как источник лексической синонимии в диалекте. Краткие очерки по русскому языку, 2. Уч. зап. Курского и Белгородского пед. ин-тов, Курск, 1966, с. 183.

[12] Р. В. Херольянц. Заметки о полисемии в народном говоре. Краткие очерки по русскому языку, 2. Уч. зап. Курского и Белгородского пед. ин-тов, Курск, 1966, сс. 186—193.

следними в синонимические отношения, что нередко приводит к изменению значений диалектных слов. В то же время приход из литературного языка общенародных значений иногда также вызывает трансформацию или даже исчезновение в говорах семантических диалектизмов.[13] Во всех этих случаях дифференциация значений общенародного и диалектного слов и правильное истолкование значения диалектного слова требуют особой тщательности и осторожности.

---

[13] См., например, интересные изменения, происходящие в слове *тайга* под влиянием литературного значения этого слова в сибирских и дальневосточных говорах. (Н. Т. Бухарева. Семантические изменения общенародной лексики в системе русских народных говоров Сибири. Исследования по языку и фольклору. Новосибирск, 1967, сс. 131—145).

О. Г. ПОРОХОВА

О лексике с неполногласием и полногласием в русских народных говорах. 1. Варьирование

Изучение старославянских элементов в русском языке всегда считалось одной из важнейших задач истории русского языка. Поэтому неполногласная и соответствующая ей русская полногласная лексика была предметом неоднократного рассмотрения как в синхронном, так и диахронном плане.

Несмотря на это, при современном состоянии славистической науки вопрос о взаимоотношении старославянских и народных элементов в русском литературном языке нуждается в пересмотре. Это стало очевидным на IV Международном съезде славистов и в ходе послесъездовской дискуссии.

Для такого пересмотра требуются новые материалы. В частности необходимо изучить использование различного рода церковнославянизмов в русских народных говорах, их взаимодействие там с соответствующими им общерусскими и диалектными элементами. Этот вопрос, в сущности, в науке еще не затрагивался, хотя «сама точность в определении понятия русского литературного языка и в понимании его взаимоотношения с народными говорами зависит от предварительного выяснения вопроса о церковнославянизмах».[1]

В настоящее время имеются лишь отдельные высказывания, обращающие внимание на наличие церковнославянских элементов (в том числе лексики с неполногласием) в русских народных говорах. При этом точка зрения на количество таких элементов в говорах различна. С. П. Обнорский считает, что «церковнославянский слой в народном языке отложился незначительно, лишь внешним образом... В существе своем народный язык, в частности, основы его словообразования... остались почти вне воздействия со стороны церковнославянской стихии». Поэтому, продолжает С. П. Обнорский, «народный язык в известном круге фактов

[1] В. В. Виноградов. К истории лексики русского литературного языка. В сб.: Русская речь. Новая серия, 1. Л., 1927, с. 91.

получает значение твердого критерия для определения рамок церковнославянских наслоений в самом нашем литературном языке. В ряде случаев именно сравнение данных литературного и народного языка — литературного, заведомо пропитанного церковнославянской стихией, и народного, сохранившего в значительной части свою чистоту и нетронутость со стороны церковнославянского влияния, по методу остатков позволяет заключить о церковнославянском происхождении отдельных фактов литературного языка».[2]

Л. А. Булаховский же утверждает: «Не следует думать, что народная речь оставалась сама все время свободной от влияния церковнославянизированного языка общественной верхушки. Нет никакого сомнения, что в народную массу просачивались слова и формы, первоначально не бывшие русскими ... Их распространенность говорит и о давности подобного влияния и о его силе».[3]

О лексике в неполногласной форме, проникшей из церковнославянского языка в народные диалекты через разговорную речь общенародного русского языка, говорят также Ф. П. Филин и Л. П. Якубинский.[4] Последний приводит довольно большой список слов с неполногласием, бытующих в диалектах. В короткой заметке, предваряющей этот список, он отмечает широкое распространение некоторых из таких слов в разных говорах, обращает внимание на то, что во многих случаях эти слова функционируют в диалектах в значениях, отличающихся от общенародных, и пришли туда в давнее время.

Эти беглые высказывания не могут, конечно, дать какого-либо отчетливого представления о роли лексики в неполногласной форме, пришедшей из церковнославянского языка, в русских диалектах. Отсутствие у исследователей материала диалектной лексики препятствовало конкретному изучению характера использования лексики в неполногласной форме в говорах. Было неясно даже, каково общее количество такой лексики известно в диалектах.

В настоящее время мы можем с уверенностью утверждать, что в русских диалектах употребляется значительное число слов в неполногласной огласовке. Материалы лексики говоров[5] пока-

---

[2] С. П. Обнорский. К истории словообразования в русском литературном языке. В сб.: Русская речь. Новая серия, 1. Л., 1927, с. 79.

[3] Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. II. Киев, 1953, сс. 42—43.

[4] Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. Л., 1949, с. 173; Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, с. 112 и след.; Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, с. 241.

[5] Эти материалы извлечены нами из картотек диалектной лексики. Такие картотеки в последнее время стали создаваться в различных научных учреждениях страны. В нашей работе используются данные трех картотек: картотеки Словаря русских народных говоров АН СССР (Институт рус-

зывают, что здесь употребляются слова почти со всеми корнями в неполногласной огласовке, известные в современном литературном языке.

Корни, известные в общенародном языке в той и другой форме, чаще всего и в диалектах употребляются в двух огласовках: *бран—борон-, брег—берег- (прибрежный, береговуха), брег—берег- (брежный, бережливый), брем—берем-, влак(ч)—волок-, врат—ворот- (врата, ворота), врат—ворот- (развратъ, возворотить), глав—голов-, глас—голос-, град—город-, драг—дорог-, древ—дерев-, жреб—жереб-, здрав—здоров-, зрак—зорок-, млад—молод-, мрач—морок-, нрав—норов, плат—полот, празд—порозд-, прах—порох-, слад—солод-, смрад—смород-, срам—сором-, сред—серед-, страж—сторож-, стран—сторон-, хлад—холод-, храбр—хоробр-, хран—хорон-, чрез—через-*.[6]

Имеются в диалектах также слова с приставками *пре-* и *пере-, пред-* и *перед-*.

В говорах в парах с полногласными представлены также неполногласные корни, которые в современном общенародном языке не имеют полногласных соответствий, утраченных там, часто в давнее время. См. пары: *влаг—волог-, влад—волод-, враг—ворог-, вред—веред-, плен—полон-, трезв—тверез-, чрев—черев-*.

Так же как в современном общенародном языке, только в неполногласной огласовке, в говорах имеются слова с корнями *врем-, крат-* (*кратно* 'много раз'), *треб-, член-*.[7]

Слова со всеми корнями, указанными выше, встречаются в очень многих географически отдаленных друг от друга говорах.

ского языка АН СССР, Ленинград, далее — КОС), картотеки Псковского областного словаря Ленинградского университета (далее — картотека ПОС) и картотеки Словаря говора деревни Деулино Рязанского района Рязанской области (Институт русского языка АН СССР, Москва, далее — картотека ДОС). Материалы последней мы извлекали из первой, значительно более полной, чем напечатанная в настоящее время, редакции «Словаря современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)», составленного группой сотрудников Института русского языка АН СССР, возможность ознакомиться с которой нам любезно предоставил редактор этого словаря И. А. Оссовецкий.

[6] Надо сказать, что в говорах взаимодействие слов с неполногласными и полногласными корнями, имеющими в соответствии с современным литературным языком здесь обе формы, часто совсем иное, чем в литературном языке. Этот вопрос требует специального, подробного изучения. Здесь мы обратим внимание только на общую характерную черту словарных гнезд с корнями, имеющими в говорах две огласовки. В говорах, как правило, словообразовательные гнезда всегда больше с корнями в полногласной огласовке, чем в неполногласной.

[7] О словах с корнем *благ-* в русских диалектах см. в нашей статье «Из истории лексики. Слова с корнем *благ- (блаж-)* в русском языке». В сб.: Слово в русских народных говорах. Л., 1968.

Рассмотрение роли и характера использования неполногласных элементов в русских диалектах очень важно для изучения не только русского литературного языка, но и самих говоров, так как даст возможность характеризовать некоторые, пока неизученные сферы словарного состава русских диалектов.

Большой интерес представляет изучение истории лексики в неполногласной форме в русских говорах. Нужно выяснить все пути проникновения в русские говоры церковнославянских неполногласных слов и корней, определить судьбу каждого слова с неполногласием, употребляющегося в русских говорах в разные периоды его существования в русском языке.[8]

Изучение употреблявшейся в говорах лексики в неполногласной форме покажет отличие процесса усвоения церковнославянских элементов в литературном языке и диалектах. Характер использования такой лексики в современных говорах позволит уяснить некоторые черты лексической системы говоров, поскольку «дело не в том, что́ на известном этапе исторической жизни народа им заимствуется, а в гораздо большей степени — во что перенимающий творчески перерабатывает заимствованное» (Потебня). Изучение слов в неполногласной форме, как и всяких других церковнославянских слов, имеющих в русском языке прямые соответствия в восточнославянской огласовке (*жд—ж* и др.), наглядно представит взаимодействие русской и церковнославянской лексики в говорах, что очень важно, так как «суть процесса языкового развития определяется не простым наличием в речевой системе тех или иных элементов, количественным преобладанием одних элементов над другими, а взаимоотношением этих элементов друг с другом, борьбой между ними».[9]

Рассматривая лексику в неполногласной и полногласной огласке в русских диалектах, мы ставим своей задачей установить, во-первых, каков характер слов с неполногласием и полногласием в современных диалектах в сравнении с общенародным

---

[8] Усвоение русскими диалектами многих старославянских слов показано многими авторами, в частности в работах Ф. П. Филина, Л. П. Якубинского и др. Здесь же упомянем статью А. И. Попова «Некоторые вопросы и задачи исследования лексики русских говоров» (в сб.: Лексика русских народных говоров. М.—Л., 1966), где говорится о возможности проникновения в русские диалекты церковнославянской лексики (в том числе, конечно, и неполногласной) из древних и старинных книг, которые были известны и читались носителями разных, особенно северновеликорусских, говоров. Некоторые ученые выражают сомнение в том, что неполногласная огласовка русских слов всегда связывается со старославянским языком. См., например: М. А. Соколова. Церковнославянизмы и русский литературный язык. В сб.: Материалы и сообщения по славяноведению, IV. Dissertationes Slavicae Slavistische Mitteilungen. Szeged, 1966. Здесь высказывается предположение, что неполногласные формы могли возникать в восточнославянских языках в древнейший период их существования. В настоящее время отсутствуют какие-либо доказательства этого предположения.

[9] Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка, с. 130.

языком: соответственное количество лексики в полногласной и неполногласной форме,[10] особенности ее лексических и словообразовательных связей, семантики и пр.,[11] и, во-вторых, в какие периоды истории русского языка и каким образом появились в русских диалектах слова с неполногласием. Таким образом, предполагается как синхронное, так и диахронное изучение этой лексики.

Предметом рассмотрения в настоящей статье является лишь небольшая часть употребляющейся в русских говорах неполногласной и полногласной лексики: семантически тождественные слова, известные в русских народных говорах XIX—XX вв. в двух — полногласной и неполногласной — формах, и некоторые случаи использования в говорах морфем в этих огласовках.

В русских диалектах XIX—XX вв. имеется значительное число пар слов с тождественными значениями, различающихся только полногласной или неполногласной огласовкой корня.

Записанные в разных говорах в различное время слова, входящие в такие пары, по-разному соотносятся с соответствующей

---

[10] Рассмотрение этой лексики в русских диалектах осложняется тем, что в говорах с сильной редукцией гласных неполногласные и безударные полногласные корни в безударном положении (особенно, если его гласные оказываются не в первом предударном слоге) в произношении совпадают (см., например, *влакýша* из *волокýша*>*вълакýша*). Вследствие этого при записи диалектной речи слова с полногласием могут быть в таких говорах поняты и зафиксированы как неполногласные. В материалы использованных нами картотек могли попасть такие «ложные» неполногласные формы. Ввиду этого при анализе лексики мы всегда будем выделять особо случаи, в которых возникает сомнение в наличии неполногласия. По возможности нами привлекаются косвенные доказательства, подтверждающие присутствие в том или ином случае именно неполногласной формы.

[11] Материалы картотеки Словаря русских народных говоров АН СССР позволяют в какой-то мере определить общее количество неполногласной и полногласной лексики, употребляющейся в русских говорах XIX—XX вв. (правда, общенародная лексика, известная в говорах, в эту картотеку попадает лишь случайно, так как авторы почти всех ее источников ставили своей задачей фиксировать только диалектные слова). КОС показывает также словообразовательные возможности в русских говорах неполногласных и полногласных корней.

В картотеке Псковского областного словаря собрана лексика разных районов Псковской области. Картотека ПОС более показательна, чем КОС, в плане изучения соотношения в говорах фактов диалектного и общенародного характера, так как в ней фиксируется не только диалектная, но и известная в говорах общерусская лексика (хотя последняя представлена здесь не во всех случаях). Интересен материал картотеки ПОС и тем, что он собирался в довольно короткий срок (с 1946 г. по настоящее время).

Картотека словаря деревни Деулино дает возможность установить некоторые черты синхронного существования неполногласной и полногласной лексики в говоре одного населенного пункта в 60-х годах XX в. (ее материал собирался в 1960—1965 гг.), увидеть, каково количество тех и других слов в лексике одного говора. Однако, поскольку эта картотека дифференциальная, она не дает исчерпывающих сведений о соотношении в говоре общерусского и диалектного.

лексикой современного русского литературного языка. В одних случаях оба слова пары, известной в диалектах, являются в настоящее время общенародными,[12] в других — только какое-либо одно из них, в третьих — ни то, ни другое слово в современном литературном языке не употребляется.

Рассмотрим отдельно различные группы парных слов.

Пары, общие с литературным языком. В современном литературном языке в некоторых из таких пар слова в неполногласной форме являются устаревшими (и в XIX в. обычно характерными только для поэтического языка).[13] Почти полная неразработанность вопросов стилистических различий слов в диалектах, а также отсутствие каких-либо указаний о характере употребления лексики в материалах, которые мы используем, лишают возможности определить стилистические особенности анализируемых нами диалектных слов в достаточно полной мере. Об этих особенностях приходится судить преимущественно по примерам из диалектов речи, которые при этом не всегда имеются в нашем распоряжении. Судя по нашим материалам, в современных русских диалектах оба слова из пар анализируемой группы (как и в других группах, показанных ниже) употребляются в живой, бытовой речи. То, что слова, принадлежащие книжной лексике, использующейся только в поэзии, известны в говорах и особенно то, что они являются здесь словами живой бытовой речи, представляет значительный интерес.

Например, *град—гóрод* (ПОС) [14] 'город'.[15] *Град:* Плохо стало

---

[12] Естественно, что мы можем показать в работе только те из слов, совпадающих с общенародными, которые оказались зафиксированными в использованных нами картотеках. Безусловно, что такие слова известны не только в тех говорах, в которых они были записаны в источниках этих картотек.

[13] Стилистический характер слов литературного языка определяется нами по словарям современного русского языка: Словарь современного русского литературного языка АН СССР, тт. 1—17, М.—Л., 1948—1965; Словарь русского языка, тт. I—IV, М.—Л., 1957—1961.

[14] Здесь рассматриваются материалы КОС и картотеки ПОС. При материалах картотеки ПОС, записанных в одной области и в близкие по времени сроки, в статье не дается дополнительных географических указаний и время записи, за исключением случаев, когда оба слова пары зафиксированы в одном и том же населенном пункте одновременно. Такие пары рассматриваются в статье ниже. Район (если он известен) указывается в примерах из диалектной речи. Слова, не имеющие пометы ПОС, извлечены нами из картотеки Словаря русских народных говоров АН СССР. При них даются географические пометы и дата наиболее ранней записи слова (с указанием района, если он нам известен). Если материал извлечен не из этих картотек, то его источник всегда раскрывается в сноске. Материал из картотеки ДОС, представляющий лексику почти в строго синхронном, следовательно наиболее для нас интересном, плане, рассматривается в статье отдельно.

[15] Помимо значений, в которых употребляются оба слова из пары, многие из анализируемых слов имеют и другие, несовпадающие значения.

в колхозе, так многие ушли во гра́д. Остров. *Го́род*: Мы ото всего далеко, от го́роду, от сельсовету. Себеж.

Гра́дский (Ряз., 1892. Орл., Калуж.) — *городско́й* (ПОС) 'городской'. *Градский*: Градская земля. От градских другой раз слышим: нетутя. Вот по водотек (в овраге) его (барина) земля, а там градская. Мещов., Боров. Калуж.[16]

Дре́во—де́рево 'дерево'. *Де́рево* известно во многих говорах, а *древо* записано в Орл., Ворон., Тул., Терск., Смол., Новг., Ярос., Самар.[17] и Пск. (ПОС). См. примеры употребления слова *де́рево* из картотеки ПОС: Де́рево долбает дятел. Середк. Ольха тоже де́рево. Себеж.; *Дре́во*: Там еще дре́вы большие. Лыки драли с липы, дре́во такое. Тебе темно, доцусь, тут вишь дре́вы и темно. Остров.

Здра́вый (Курск., Орл., 1947—1960)—*здоро́вый* (Яросл., 1901, ПОС) 'здоровый'. *Здра́вый*: Здрав и невредим. В здравом уме и твердой памяти. Я была здравая, в больницу не ходила. Зубы у меня здравые. *Здоро́вый*: Не ходи к этой зубнихе, здоро́вый зуб вытянет. Стр. (ПОС).

Зла́то—зо́лото (ПОС) 'золото'. *Зла́то*: Чего вы хвастуете, говорили злата у вас много. Красноград. *Зо́лото*: Это дерево такое, у него листья на солнце отливают, ну просто как зо́лото. Пск. *Злаче́ный* (Кем. Арх., 1910)—*золоче́ный* (ПОС) 'золоченый'.

Мла́дый (в литературном — *младо́й*) — *молодо́й* 'молодой' (ПОС). *Мла́дый*: Ен мла́дый мужчина. Опоч. *Молодо́й*: Молодых парней мало осталось в нашей деревне. Ляд. *Млад—мо́ло́д* (краткая ф.) 'молод'. *Млад*: Кем. Арх., 1910. Пск., ПОС: А младший еще млад. Себеж. См. сравнит. степень *мла́же*: Я млаже вас была. Кун. Такая форма известна в населенном пункте, в котором употребляется превосходная степень этого прилагательного от полногласного корня: Он на два года за мене мла́же. Собираются молоде́йшие, будем повязывать ее (невесту) и резать косу. Д. Мисники Невельск. См. *мо́лод*: И живут мо́лоды молодухи, терпят. (Стр., ПОС).

Мла́дость—мо́лодость (ПОС) 'молодость'. *Мо́лодость*: Это мо́лодость была. Опоч. *Младость*: В младости как не женился, потом все так и не женится, уж и он никому не нужен. Локнян. С младости привыкли работать. Гдов. С младости глаза хорошие были. Пустошк. (ср.: С молодости красивая была. Себеж.). Я тоже в младости-то горазд быстра на ногу была. Холм.

Такие значения будут рассматриваться нами при анализе всей лексико-семантической структуры этих слов.

[16] Размеры статьи не дают возможности привести значительный иллюстративный материал. Примеры употребления в говорах тех из лексем, в которых не обнаруживается отличия от соответствующих общенародных, приводятся только в отдельных случаях.

[17] Материалы взяты из кн.: Л. П. Якубинский. История древнерусского языка, с. 115.

См. с безударным неполногласным корнем *врата́—ворóта* 'ворота'. *Врата́* известно не только в южнорусских говорах, где наличие неполногласия у этого слова может вызвать сомнение (Дмитров. Курск., 1897, Тамб., Дон. См. пример: Врата-то распускай. Орл.), но и в архангельских (КОС).[18] Однако в некоторых диалектах слово *врата,* как и в литературном языке, известно лишь в сочетании *царские врата*: Царские врата, куда поп уходит, когда отслужит. Великолукск., 1963 (ПОС).

Из материала, который мы привели, как будто, нет оснований делать вывод о каком-либо стилистическом различии рассмотренных неполногласных и полногласных параллельных образований.[19] Отсутствие в говорах у слов с неполногласной формой «церковнославянского ореола», видимо, способствует тому, что они могут употребляться здесь равноправно со стилистически нейтральной лексикой.

В других парах, известных в общенародном языке в двух формах, в литературном языке ограничено в употреблении слово с полногласием. Оно является здесь устаревшим или употребляется только в устнопоэтических народных произведениях. Устаревшие из этих слов в XIX в. имели обычно просторечный характер. В говорах такие слова стилистически не отличаются от своих неполногласных (как и в литературном языке нейтральных) параллелей.

Сре́да́ (ПОС) — *се́ре́да́* (Вят., 1907. Арх., Сев.-Двин., Калуж., Ворон., ПОС) 'день недели'. *Среда*: Она постилась по сре́дам и пятницам. Печор. *Се́реда*: Да в се́реду та можно кушать, пост пройдет. Остров. *Сре́дний—сере́дний* (ПОС — есть записи обоих слов в одном и том же населенном пункте, но в разные годы) 'средний'. *Сере́дний:* Первая упряжка, середняя и третья упряжка. Остров.

---

[18] Как известно, в севернорусских говорах гласные звуки не сохраняют свое качество полностью лишь в говорах с неполным оканьем, при этом только в непервом предударном слоге (некоторых диалектах Яросл., Иван., Влад. обл. и ниже по Волге). Однако и здесь безударный звук только изменяет звучание, но не исчезает. Полное выпадение гласного (а только именно в таких случаях неполногласная форма может фонетически совпасть с полногласной) в говорах с неполным оканьем встречается редко, обычно в положении перед сонорными. Несмотря на это, в примерах, которые в статье не считаются бесспорными, слова из говоров с неполным оканьем с неясными звуками во 2-м и 3-м безударных слогах не берутся совсем.

[19] Стилистическая нейтральность в говорах слов *гра́дский, дре́во, здра́вый, мла́дость* подтверждается материалами словаря д. Деулино (об этом речь будет ниже). Подтверждение того, что слова *дре́во* 'дерево', *здра́вый* 'здоровый', а также *нездра́вый* 'нездоровый' употребляются в говорах в живой речи в качестве стилистически нейтральных слов имеется также в статье В. И. Собинниковой «О составе диалектной лексики (по материалам говоров Воронежской области)». Уч. зап. Ленинград. пед. ин-та им. А. И. Герцена, каф. русск. яз., т. 248, 1963, с. 389.

Хра́брый (Пск., Осташк. Твер., 1855. Твер.) — *хоро́брый* (Тихв. Новг., Опоч. Пск., 1852. Олон., Вят.) 'храбрый'. *Хоро́брый*: Он мужик хоробрый: один на медведя ходил. Волог.

Поскольку в литературном языке неполногласные образования рассмотренных пар принадлежат нейтральному лексическому фонду, их стилистическая нейтральность в говорах легко объяснима.

Естественно употребление в говорах неполногласных слов, которые в современном литературном языке имеют разговорный или просторечный характер (в рассматриваемых здесь парах употребление второго слова в литературном языке также ограничено). См. слова с корнем *срам-со́ро́м-*: *срам* (Южн., Зап., Перм., Вят., Даль.[20] Сев-Двин., Волог. — КОС; ПОС) — *со́ро́м* (Влад., 1820. Арх., Олон., Новг., Перм., Калуж., Тамб., Иркут., Южно-Сиб., Якут. и др.; ПОС) 'стыд'. *Срам*: Экой срам какой! Волог. *Со́ром*: Со́рому много было. Южно-Сиб. *Срами́ть* (Волог., 1902; ПОС) — *сором́ить* (Нерехт. Костром., 1853. Енис.; ПОС) 'срамить'. *Срамить*: Ты что девку-то срами́шь? Волог. См. слова с безударной неполногласной формой, которая может вызвать сомнение: *срамно́й—сором́ный* (ПОС) 'неприличный'. *Срамно́й*: Срамные шутки. Локнян. Привычка не горазд срамная. Гдов. *Сором́ный*: Соромное слово. Красногород. Песни соромные. Славк. Ср. пару с ударением: *сра́мно́* (Вят., 1907, Киров.) — *сором́но* (Росл. Смол., 1852, Перм.) 'стыдно, совестно'.[21] *Сра́мно*: И не срамно? Киров: Девице не срамно, Людям не досадно (из песни). Вят. *Сором́но*: Соромно нам слушать-то, что он мелет. Перм.

Другую группу составляют пары, в которых только одно слово совпадает с общенародным. Второе слово пар в современном литературном языке не употребляется вообще или в таком значении.

Имеются пары, в которых с общенародным совпадает слово с неполногласием. В литературном языке эти неполногласные образования обычно принадлежат нейтральному лексическому фонду. В отличие от литературного языка, в диалектах XIX—XX вв. стилистически нейтрально употребляются, видимо, и полногласные слова из этих пар.

Вред—ве́ред 'вред' (ПОС). *Вред*: Мы вреда никому не сделали. Новосокол. С безударным корнем: *повреди́ть* (Юрьев. Влад., 1910) — *повереди́ть* (Луж. Петерб., 1871. Арх., Калуж.) 'ушибить, поранить'. *Повереди́ть*: Руку повередила. Усть-Цилем. Арх. *Вреди́тель—вереди́тель* (ПОС) 'вредитель'. *Вреди́тель*: Он (раскулаченный) поболтается, поболтается, назовут вредителем...

[20] Вл. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956, т. III, с. 398. В дальнейшем — Даль.

[21] Слова с корнем *срам-* в современном литературном языке имеют разговорный характер (*срамной* — просторечное слово), а с корнем *сором-* устарели.

и ссылают. Великолукск. *Вередúтель*: Вередители эти, они местны уроженцы, ой, много навредили, много народу сгубили. Гдов.

С безударным неполногласным корнем: *Младéнец* (Ворон., 1905. Калуж.; ПОС) — *молодéнец* (Павл. Ворон., 1858. Твер., Яросл.; ПОС) 'младенец' (см. выше слова с ударением на неполногласном корне: *млад, мла́дость* и др.[22]). *Младéнец*: Младéнец родится — это маленький ребеночек когда родится. Невельск., *Молодéнец*: Молоденец — ребенок, пойдут да окрестят. Новорж. (ПОС).

Огра́да (Свердл., 1941—1942. Перм., Урал., Енис. и др.) — *огоро́да* (Арх., 1953) 'забор, изгородь'. *Огра̀да*: Вышел за ограду-ту. Свердл. Не сиди на ограде, сколько раз тебе говорить. Новосиб. *Огоро́да*: Огорода — поля огорожены, чтоб скот не ходил. Арх.

Смрад (Тул., 1900) — *смо́род* (Пск., Твер., 1858. Арх., Вят., Новг., Олон., Волог., Сев.-Двин., Яросл., Костром. и др.) 'смрад, испорченный воздух'. *Смо́род*: В городе один смород. Подпорож. Ленингр.

Храбри́ться (Кашин. Твер., 1897) — *хоробри́ться* (Тихв. Новг., 1854. Новг., Волог., Пск., Перм.) 'храбриться'. *Храбри́ться*: На печи не храбрись, а в поле не трусь. Кашин. Твер. *Хоробри́ться*: До поры до времени дак хоробрился. Перм.

Рассмотренные пары этой и двух последних подгрупп предыдущей группы свидетельствуют о сохранении в говорах лексики в полногласной форме, утраченной или ограниченной в употреблении в общенародном языке.

Очень интересны пары, в которых с общенародным в диалектах совпадает только слово с полногласием. В современном литературном языке эти слова имеют разный характер (нейтральный, устаревший, просторечный). Соответствующие им слова в неполногласной форме там отсутствуют или имеют другое значение.

Вреди́ть (Шенк. Арх., 1852. Пск., Яросл.) — *вереди́ть* (Усть-Цилем. Арх., 1953) 'ушибать; нечаянно ушибать больное место' (в литературном языке слово вредить имеет другое значение). *Вреди́ть*: Вредил руку, палец. Шенк. Арх. *Вереди́ть*: Плечо больно вередила. Усть-Цилем. Арх.

Похрани́ть (Яросл., 1935) — *похорони́ть* (ПОС) 'похоронить'. *Похрани́ть*: Похранили Марью-то вчера. Яросл.[23] *Похорони́ть*: Девочке два месяца было — похоронила. Бежаниц. *Срамский* (удар?) — *соро́мский* 'неприличный'. *Срамский*: Срамские песни. Вят., Перм.[24] *Соро́мский*: Перм., Даль; ПОС.

---

[22] В этой группе слова с сомнительными гласными в непервом предударном слоге более достоверны, чем в других, так как они совпадают с нейтральными литературными лексемами.

[23] Это слово записано в говоре с полным оканьем.

[24] Л. П. Якубинский. История древнерусского языка, с. 117.

Как видно, таких случаев нам известно очень немного. Однако уже в этой группе обращает на себя внимание употребление в говорах неполногласных лексем, отсутствующих в современном литературном языке.

3. В говорах имеются лексические полногласные и неполногласные параллели, в которых оба слова не употребляются в современном литературном языке. Возможно, что некоторые из этих слов принадлежали раньше общенародному языку. Существование таких пар говорит о достаточной независимости говоров от литературного языка в употреблении некоторых лексем (или семем) не только в полногласной, но и в неполногласной форме.

Безгла́сить (Исет. Перм., 1923) — *безголо́сить* (Исет. Перм., 1923) 'молчать' (возможно, записано в одном и том же говоре).

Влада́ть—волода́ть 'иметь силу, способность действовать (об органах, членах тела)'. *Влада́ть:* Левая рука у меня не владает. Демян. Новг., 1936. Руки не владают. Куйб. *Волода́ть:* Рука совсем не володует. Вичуг. Иван., 1925. *Волода́ть*: Яросл., 1964.

Мла́день (Ирбит. Перм., 1852. Перм., Арх., Олон.) —*мо́лодень* (Влад., 1852), *молоде́нь* (Волог., 1902) 'ребенок'.

Огра́да (Перм., 1856. Тобол.) — *огоро́да* (Арх., 1953) 'огороженный изгородью загон для скота'. *Огоро́да*: Огорода у коров, загонят и заложат заворы. Усть-Цилем. Арх.

См. с безударным неполногласным корнем: *средо́ха—середо́ха* (ПОС) 'корова, родившаяся в среду' (ср. ударное сре́да).

Различение среди указанных здесь образований, утраченных общенародным языком, и слов, возникших в самой диалектной речи, может быть сделано лишь при диахронном ее рассмотрении. Однако в любом случае в современном языке такие слова являются специфически диалектными лексемами.

Из рассмотренного материала видно, что в диалектах употребляется значительное число тождественных по значению пар слов в полногласной и неполногласной форме. Неполногласные образования из этих пар по-разному соотносятся с лексикой современного литературного языка. Среди них есть слова, входящие в нейтральный лексический фонд современного литературного языка, слова, имеющие стилистико-функциональное ограничение в употреблении, и слова, отсутствующие в современном литературном языке. Их использование в говорах свидетельствует о том, что лексика в неполногласной форме отнюдь не чужда русским диалектам и может принадлежать там, видимо, к словам их нейтрального лексического фонда, в который входят также многие полногласные лексемы, отсутствующие в современном литературном языке.

В русских диалектах XIX—XX вв., кроме лексических параллелей, существуют пары слов, имеющих один и тот же, семантически одинаковый корень (в разной — полногласной или неполногласной огласовке), но образованных с помощью различных

аффиксов, однако сближающихся или совпадающих в значении. Такие слова в отличие от лексических параллелей мы будем называть однокоренными словами.[25] В говорах сочетаемость исследуемых корней с аффиксами иная, чем в литературном языке.

Мы рассмотрим некоторые однокоренные существительные одного рода и прилагательные. Многие из таких слов неизвестны современному литературному языку. Судя по нашим материалам, все эти слова, в том числе и с неполногласной огласовкой корня, в говорах стилистически нейтральны или однородны (например, оба экспрессивно окрашены). В некоторых случаях неполногласные морфемы могут иметь в говорах бóльшую, чем в современном литературном языке, словообразовательную активность.

Древнóй (Тотем. Волог.[26]) — *древеннóй* (Олон., 1885) — *деревя́нный* (широко употребляется во многих говорах) 'деревянный'. В общенародном языке корень в форме *древ-* встречается в стилистически нейтральных словах очень редко (см. *древко*). В основном он используется там с нарощением *-ес*: *древесина* и под. Ср. в говорах другие образования с этим корнем: *древ* (Калуж.) 'дерево', *дре́ва* (Калуж.) 'дерево', *древни́к* (Арх.) 'мелкий лес' и др., не имеющие, по-видимому, какой-либо стилистической окраски.

Здра́вствоваться (Свердл., 1938. Курск., Орл., Том.) — *здоро́ваться* (ПОС) 'здороваться'. *Здра́вствоваться:* Выходит и здравствуется с ними. Ряз. *Здоро́ваться*: Со всеми за ручку здоровается (сказка). Пск. Корень *здрав-* в словах, обозначающих приветствие, в общенародном языке также известен, но такие слова так устарели или используются только в просторечии.

Стра́нь (Вят., 1842—1847. Арх., Перм.) — *сторонни́й* (Устюж. Новг., 1903) 'чужой человек, человек, пришедший «со стороны». В общенародном языке с такими значениями выступают, как правило, слова с корнем в форме *сторон-* (посторонний и под., см. с корнем *стран-* устаревшее слово *странний* 'посторонний' и группу слов, связанных с термином *странний* 'богомолец').

Чрева́тый (Вят., 1848) — *черевастый* (удар.?) (Перм., 1848) (в женск. р.) 'беременная'. В общенародном языке корень известен только в неполногласной форме.

См. также случаи с безударной сомнительной неполногласной формой, наличие которой подтверждается в какой-то мере существованием в говорах слов с ударным корнем в такой форме: *вражнóй* (сущ.) 'знахарь'. (Сиб., Даль). *Ворожéй* (Ворон., Даль) 'промышляющий ворожбою, знахарь'. В общенародном языке

---

[25] См об однокоренных словах и соотношении их с вариантами слова Р. П. Рогожникова. Варианты слов в русском языке. М., 1966, с. 10 и др.

[26] Л. П. Якубинский. История древнерусского языка, с. 115.

с подобными значениями известны устаревшие слова только с корнем в полногласной форме (*ворожея, ворожейка*).

Младе́нская[27] (Орл., 1902, Ворон.), *младе́нский* (Новосиб., 1965), *молоде́нческое* (Кашин. Твер., 1897), *молоде́нческий* (Калуж., 1916) (сущ.) 'детская болезнь — родимчик'. *Младе́нский*: Младенский бьет. Вот затрясет его, глаза под лоб подведет. (Ордынск. Новосиб.). В общенародном языке в таком значении слова с этим корнем не употребляются. Вообще все образования, относящиеся к слову *младенец,* там имеют только корень *млад-*.

Срами́на[28] — *сорóмщина* (ПОС) 'неприличные слова' и *срамно́й—сорóмский* (ПОС) 'неприличный'. *Срами́на*: Есть парень Васька, так такую срамину плетет. Остров. *Сорóмщина:* Не городи соромщину. Остров. В общенародном языке корень *сором-* в таком значении употребляется, но присутствует только в устаревших словах.

Разумеется, эти примеры являются лишь незначительной частью однокоренных семантически равных слов, имеющих в русских говорах полногласную и неполногласную формы корней. По разным причинам многие из таких параллельных образований не попали в использованные нами картотеки. Их исчерпывающее изучение требует специального сбора материала говоров по этому вопросу.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что словообразовательные условия использования параллельных полногласных и неполногласных корней в диалектах и литературном языке различны.

Рассмотренный материал показывает, что в русских говорах XIX—XX вв. имеется значительное количество пар слов с тождественными значениями, различающихся только полногласной или неполногласной огласовкой корня, а также семантически близких слов с одним и тем же корнем, но в полногласной или неполногласной форме и разными аффиксами.

Интересно установить, могут ли употребляться подобного рода параллельные образования в говоре одного населенного пункта одновременно, и если могут, то каково их взаимоотношение.

Данные картотеки д. Деулино, а также некоторые из записей картотеки ПОС показывают, что такие парные образования могут существовать одновременно в одном говоре. О характере их взаимоотношения по нашим материалам судить довольно трудно.

В картотеке ДОС имеются слова далеко не со всеми полногласными и неполногласными корнями, известными в говоре этой деревни.[29]

---

[27] Ср. выше слова этого корня с ударением: *млад, мла́день, мла́дость.*

[28] Ср. выше слова этого корня с ударением: *срам-* и др.

[29] В тех случаях, когда все слова, образованные с каким-либо из этих корней, являются общими с литературными, они в картотеке не фикси-

Вместе с тем картотека ДОС представляет значительное количество парных — с полногласием и неполногласием — образований.

Какой характер взаимоотношения в говоре д. Деулино слов, различающихся только формой корня? Являются ли они вариантами слова или разными, хотя, разумеется, и синонимичными словами?

Слова с вариантностью полногласной и неполногласной формы, как известно, являлись в общеславянском языке фонетико-позиционными вариантами. В позднейшие эпохи, потеряв позиционную обусловленность своего использования, эти формы имеют в разных славянских языках различную судьбу. В древнерусском и русском языке в случаях общности их значения они становятся фонематическими вариантами, сохраняющими лексическое тождество, поддерживаемое «наличием в русском языке большого количества аналогичных образований, которые держат на поверхности единство корневых морфем».[30]

руются, так как сбор материала в нее производился дифференциальным методом. Однако отсутствие некоторых из слов такого рода в картотеке ДОС является не случайным и показывает лексические особенности говора. Например, из существующих в других говорах как в полногласной, так и в неполногласной формах, только в полногласной представлены в картотеке ДОС слова с корнями *берем* (*берéмя* 'охапка' и др.), *волог-* (*волóга* 'молочные продукты', *заволóжить* 'загрязнить' и др.), *голов-* (*головá* и др.), *морок-* (*пáмороСный* 'дождливый' и др.), *черев-* (*черево* 'живот, утроба') и др.

В других говорах русского языка также употребляется очень незначительное количество слов с соответствующими этим полногласным неполногласными корнями. В картотеке ПОС, материал которой собирался недифференцированно от общенародного языка, одни из слов с такими корнями не представлены вовсе (например, там нет слов с корнем *брем-*), другие — воспринимаются, видимо, как слова, непосредственно связанные с лексикой литературного языка. См., например, как определяет слово *влáга* (какие-либо другие слова с этим корнем в картотеке ПОС отсутствуют вовсе) житель Островского района Псковской области (запись 1961 г.): Влáга — это когда сыро бывает. Таким образом, в деулинском говоре продолжают сохраняться некоторые из полногласных корней, утраченных в общенародном языке, при этом они, видимо, не имеют соответствующих им неполногласных корней.

Показательно отсутствие в картотеке д. Деулино некоторых полногласных корней (при сохранении соответствующих неполногласных), имеющихся в других говорах. Так, здесь нет слов с корнями *вереД-*, *волод-*, *ворог-*, *сором-*, (но есть *вред-*, *влад-*, *враг-*, *срам-*). Утрата деулинским говором этих полногласных корней, большей частью уже давно вышедших из общенародного языка, является, конечно, результатом влияния лексической системы литературного языка на лексику говора. В данном случае активность корней в неполногласной огласовке имеет иное качество, чем рассмотренная нами в предыдущих разделах статьи: она не разъединяет говоры с общенародным языком, а, наоборот, объединяет.

[30] Ф. П. Филин. О слове и вариантах слова. В сб.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., 1963, с. 130—131. Ср. также работы: О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, с. 202—203; К. А. Левковская. Теория слова, прип-

В современном русском литературном языке слова, различающиеся полногласной и неполногласной формой, в большинстве случаев имеют различные значения или различный характер употребления. Таким образом их отношения выходят за рамки вариантности. Они становятся разными словами.[31] Сохранившиеся в современном литературном языке немногие полногласные и неполногласные варианты, как вообще все старославянские и русские этимологически-фонетические варианты, получили, как правило, отчетливое стилистическое или фукциональное разграничение.

Характер взаимоотношений неполногласных и полногласных слов в говоре установить значительно сложнее, чем в литературном языке.

Надо сказать, что даже при изучении литературного, нормализованного языка бывает нелегко различить вариантные и синонимические отношения слов. Не всегда ясно, какие особенности в употреблении слов могут быть признаками различения у них этих отношений. Недостаточно изучена разница вариантных отношений в случаях, когда вариантами являются слова в целом или только их отдельные значения и т. д.[32]

При рассмотрении этих вопросов в диалектах возникают многочисленные дополнительные затруднения, связанные прежде всего с тем, что даже обнаруженную разницу в значениях и употреблении диалектных слов обычно бывает очень нелегко квалифицировать как окказиональную или стандартную для говора из-за недостаточной изученности говоров и особенно в связи с отсутствием в диалектной речи строгой нормативности, определяющей обдуманность и избираемость форм выражения.

Рассмотрим пары слов, различающиеся только полногласной или неполногласной формой корня, записанные в д. Деулино. (Заметим, что примеры картотеки ДОС взяты из речи не только старых людей, но и молодых).

Пары, в которых в литературном языке слово с неполногласием имеет стилистическое ограничение:

Дре́во—де́рево ‘дерево’. *Дре́во*: Из древа вырубали... теслами тесали чашки. От древа отростки. Свинья древа грызет. Слово *древо* известно и в других, окружающих Деулино, деревнях.

ципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М., 1962, с. 194, в которых соответствующие полногласные и неполногласные образования в русском языке, с нашей точки зрения, менее удачно названы «фонетическими вариантами».

[31] См. об этом: Р. П. Рогожникова. Варианты слов в русском языке, с. 12 и др.

[32] См. об этих и некоторых других аспектах сравнительного изучения вариантов и синонимов, например, в статьях сб.: Лексическая синонимия. М., 1967.

Здра́вый — здоро́вый ‘здоровый’. *Здра́вый:* Легкие у ней хо рошие, все внутренности здравые. У меня зубов нет, а боля десны, никогда не было, чтоб они у меня здравые. Ни одного сейчас здравого человека нет: у того печень, у того желудок *Здоро́вый*: Все калеки: у кого руки, у кого ноги, ни одного здо рового нету.

Укажем пару *помла́же—помоло́жей* — ср. степ. прилагатель ного ‘молодо́й’ (см. в говоре д. Деулино также краткую форм *млад*; в полной форме это прилагательное здесь не записано) Помла́же он меня (записано не в Деулино, а в соседней деревн Веретье). Тоня старше, а эта помоложей, она их через два го дочка родила.

См. употребление слова *мла́дость*: Прошла мла̀дость, не воро тится назад. А дела ведь она едет не к мла́дости, а к старости Всю жизнь я свою в слезах провела, от мла́дости до старости У ней ничего не болит, ни руки, ни ноги, она ведь с мла́дости не работает, а я с младости мучилась. Слово *мо́лодость,* отсут ствующее в картотеке ДОС, безусловно, в говоре также имеется.

В общенародном языке известно только слово с полногласием (как слово нейтрального лексического фонда) из пары говора д. Деулино *запле́нить—заполони́ть* ‘занять, заполонить (все про странство)’. *Запле́нить*: Запленили всю воду (о гусях). Запленили! Что вы, на всю жизнь что ли приехали! Наехали, запленили всю улицу: машины, мотоциклы. *Заполони́ть*: И туристов на реке, всю реку заполонили.

Оба слова являются диалектными в следующих случаях. *Младе́нец* (см. в д. Деулино под ударением этот корень в словах *млад, мла́дость, помла́же—молоде́нец* ‘эпилепсия, припадки’). *Младе́нец*: Она бегает, орет, как младенец накатывает. Младенец? То лежит человек покойно, а то начинает его бить, и руками и ногами, а то косоротит его. — Это только у детей или и взрос лых? — И взрослых тоже! Он числится как в припадку. *Молоде́нец*: Это молоденец его бьет. Молоденец на него находит. Моло денец накатывает, припадок зовут.

Сладе́ха (см. под ударением *сла́дкий* и др.)—*солоде́ха* ‘ла комка, сластена’. *Сладе́ха*: Все поела сладеха. Она сладкое ест помногу. *Услада́ть—усолода́ть* ‘приобретать сладковатый привкус под влиянием брожения’. *Услада́ть*: Поставим ее (калину) и пу щай усладает. *Усолода́ть*: Делали кулагу, тесто делали. Потом оно усолодает. Кипятком заварю, усолодает, тады потом заквашивать (хлеб).

Рассмотрим пары слов, записанные одновременно в одной деревне, взятые нами из картотеки ПОС.

По соотношению с литературным языком они относятся к раз ным группам слов, приведенных нами выше.

Пара, в которой в литературном языке ограничен в употребле-

нии полногласный вариант: *жре́бий—жере́бий* (в общенародном — *же́ребий* — слово устар. и простореч.) 'жребий'. Жребий палкам в эту избу, на три части жеребий тянули. Д. Малы Печор., 1964.[33]

Пара, в которой с общенародным языком совпадает только слово с неполногласием: *сла́дкий—соло́дкий* 'сладкий; вкусный'. Сладкое молоко. Солодкое молоко. Д. Стайки Невельск., 1962. См. также слова с этим корнем: *слади́ть—солоди́ть* 'делать сладким, сластить'. (Слово *сладить* в таком значении в общенародном языке устарело, а *солодить* приобрело там более узкое значение: 'придавать сладковатый вкус, вызывая легкое брожение'). Говорила, что сладкое.,, зачем сладишь. А некоторые солодют творог. Д. Мелюхи Невельск., 1963.

Имеются пары, в которых оба слова неизвестны литературному языку. *Мла́дик—молоди́к* (в Гдов. *мо́лодик*) 'молодой месяц'. Младик показался. Как месяц только народится, так молодик зовется. Д. Хмелево Великолук., 1963. *Слажа́ть—соложа́ть* 'приобретать сладковатый привкус под влиянием солода'. Д. Духново Опоч., 1961.

Таким образом, материалы д. Деулино и картотеки ПОС показывают, что пары слов с тождественными значениями, различающимися только полногласной или неполногласной огласовкой корня, в современных говорах русского языка могут употребляться одновременно в одном населенном пункте.

Среди них есть слова, имеющие в современном литературном языке стилистическое ограничение или вовсе там неизвестные. Наличие в говорах слов такого рода очень интересно.

Приведенные нами примеры употребления этих слов в диалектной речи как будто свидетельствуют о том, что в говоре не обнаруживается семантического различия в употреблении между словами одной пары. Имея одни и те же оттенки в значениях, они входят в лексически однородные словосочетания и используются в одинаковых синтаксических конструкциях. Однако судить о всех семантических особенностях и особенностях их употребления мы не имеем возможности. Таким образом, отношения слов этих пар являются, видимо, или вариантными или близкосинонимичными.

Нет в говоре между словами этих пар и видимого стилистически-функционального различия. Оба слова каждой пары могут использоваться в живой бытовой речи.[34]

---

[33] При материалах картотеки ПОС дается указание деревни и района (область везде — Псковская) и отмечается год записи.

[34] О стилистически нейтральном употреблении в д. Деулино, например слова *древо*, свидетельствует и И. А. Оссовецкий (И. А. Оссовецкий. Словарь говора д. Деулино Рязанского района Рязанской области. В сб.: Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964, с. 189).

Из всего сказанного видно, что пары, известные в говорах, отличаются от пар неполногласных и полногласных слов, употребляющихся в современном литературном языке.

Параллельное употребление в одном говоре одинаковых слов, различающихся неполногласием и полногласием, показывает характер использования неполногласных и полногласных форм в диалектах не только на лексическом уровне. Их семантическая тождественность, а также присутствие одинаковых аффиксов в обоих словах каждой пары говорит о том, что различающие эти слова полногласная или неполногласная формы корня воспринимаются в диалекте как равно возможные огласовки одного корня. Иначе говоря эти слова служат в какой-то мере свидетельством и того, что в диалектной речи русского языка полногласные и неполногласные формы варьируются на морфонологическом уровне. Имеются и другие доказательства этого факта в современных русских диалектах.

Как известно, морфы трактуются как варианты одной морфемы, если 1. Они имеют тождественное значение; 2. Их материальное различие обусловлено морфонологически.[35]

В современном русском языке материальное различие полногласных и неполногласных корней в разных словах с тождественным значением является морфонологическим, так как «не обусловлено причинно данным состоянием языка» и не получает «прямой грамматической целенаправленности».[36]

Полногласные и неполногласные корни в русском языке с морфологической точки зрения специально никем не изучались, что затрудняет возможность привести какие-либо параллели в использовании корней в этих формах в литературном языке и диалектах. Поэтому в нашей статье такое сравнение может быть сделано, лишь конкретно применяясь к исследуемому материалу, без каких-либо обобщений.

В литературном языке выбор полногласного или неполногласного корня из соответствующей пары в словах с различными аффиксами, если эти слова тождественны по значению, обусловливается установившимися и закрепленными в системе нормализованного языка возможностями их словообразовательных связей. То есть такие вариантные корни находятся здесь в отношениях дополнительного распределения (дополнительной дистрибуции). Часто они различаются и стилистически.

Материалы показывают, что в говорах неполногласные и полногласные корни также могут находиться в вариантных отношениях.

---

[35] См.: Основы построения описательной грамматики современного русского языка. М., 1966, с. 52. Ср.: О. С. Ахманова. Фонология, морфонология, морфология. М., 1966, с. 54.

[36] А. А. Реформатский. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии). В сб.: Вопросы грамматического строя. М., 1955, с. 109.

Рассмотрим морфонологическую вариантность полногласных и неполногласных корней в лексике говора д. Деулино. Она обычно бывает возможной в случаях, когда такая вариантность не чужда и общенародному языку.

Например: *загра́да—изгоро́да* 'изгородь'. *Загра́да:* Какую у окна заграду заградил... сейчас покультурней хочут — цветочки посадить. У тя заграда сломалась? *Изгоро́да*: Я один раз по изгороди лазила и на колу повисла (*изгоро́да,* возможно — только о загородке из жердей). В общенародном языке для образования слов в таких значениях те и другие варианты корня также возможны, однако, корень *град-* в таких случаях в литературном языке менее употребителен (см. загородка, перегородка, изгородь и ограда).

Корень *град—город-* в словах, связанных со словом *город* 'населенный пункт', в общенародном языке стилистически нейтрально используется обычно в полногласной форме (см. неполногласную в сложениях типа Ленинград и под.). В д. Деулино употребляется не только слово *го́род* 'город', но и *гра́дский* (*градско́й*) 'городской': Мы делаем (хлеб), а все не градский он, в городе разве так пекут. Одна подруга в городе холостая, никто не берут градские. У нее все (из одежды) градское было. Безусловно, что в говоре д. Деулино для слов с этими корнями имеется и лексическая вариантность: *гра́дский—городско́й* 'городской'. *Городско́й* не нашло отражения в материалах картотеки как слово общее с общенародным. Обратим внимание на то, что слова *гра́дский* и *го́род* могут употребляться одновременно в речи одного лица.

См. также слова с корнями *здрав- — здоров-*: *здра́вствовать*(ся) (с *-ся* зафиксированно не в Деулино, а в соседней деревне. Он здравствуется со мной) — *здоро́вкаться* 'здороваться' и *поздра́вствоваться—поздоровкаться. Поздра́вствоваться*: Приехал, лишь поздравствовался и говорит. *Поздоровкаться*: А иной проехал, шапки не ломал, а этот пройдет поздоровкается. (О словах с этими корнями в литературном языке см. выше).

Приведенные выше лексические варианты говора д. Деулино: *сладить—солодить, сладеха—солодеха, усладать—усолодать* дают примеры варьирования двух значений этого корня: 'сладкий' и значений, связанных с процессом брожения. В общенародном языке значения корней *слад-* и *солод-* полностью разошлись. *Слад-* имеет только значение 'сладкий'. Значения, связанные с процессом брожения — только у слов с корнем *солод-*. В говоре д. Деулино, кроме указанных выше случаев варьирования лексем, у слов с этими корнями, имеется и морфонологическая вариантность. В значении 'сладкий' известны слова как с корнем *слад-*, так и *солод-*. См. *слад-*: *сладчи́ть* 'иметь сладковатый вкус', *сласту́шка* 'лакомка', *сластоёжничать* 'любить есть вкусное или сладкое', *сластове́нь* 'о поедании чего-либо сладкого

в большом количестве (экспр.)', а также *сладúмый* 'сладковатый' и *сладýщий* (*сладущóй*) 'очень сладкий', зафиксированные не в д. Деулино, а в соседних деревнях. С корнем *солод-*: *солодáтый* 'сладковатый', *солодúмый* 'имеющий сладковатый привкус' (Мне вот давали медвежиную кровь пить... Я ее грéбую, она какая-то солодимая. Солодимая вода).[37] См. в значении, связанном с процессом брожения, корень *слад-*: указ. выше *усладáть*; с корнем *солод-*: *солодáть* (Я свой хлеб пеку, солодаю его), *усолодáть* (см. выше). Однако, как видно из примеров, значение 'сладкий' в говоре все-таки более свойственно словам с корнем *слад-*. В этом, видимо, сказывается тенденция сближения лексики говора с лексикой литературного языка (все особенности семантических сближений и расхождений диалектных слов в неполногласных и полногласных формах и их сравнение с общенародным языком будут рассматриваться при анализе семантической структуры этих слов в целом).

Приведенные примеры говорят не только о том, что в говорах имеется морфонологическая вариантность корней в полногласной и неполногласной форме, но и о словообразовательной активности неполногласных форм в диалектах, которая может быть, видимо, даже большей, чем в литературном языке, так как такие корни используются здесь свободнее в семантическом и стилистическом отношениях.

Судить о дистрибуции параллельных полногласных и неполногласных морф, употребляющихся в разных лексемах в одном и том же говоре, по нашим — очень отрывочным материалам, невозможно. В случаях, когда корень в неполногласной и полногласной формах используется в одинаковых лексемах (не являющихся прямыми лексическими заимствованиями из литературного языка, что возможно определить только после изучения их истории), можно говóрить о наличии для них свободной дистрибуции.

Материал, который мы рассмотрели, свидетельствует о существовании в говорах наряду с полногласными соответствующих им неполногласных лексем (иногда отсутствующих в современном литературном языке) и морфем.

В современных говорах употребляется большое число слов с неполногласием, в том числе имеющих в литературном языке стилистически ограниченное употребление или вовсе там неизвестных. При этом такие слова используются в диалектах в живой бытовой речи.

Набор корней с полногласием и неполногласием и общее словообразовательное их значение в говорах аналогичны суще-

---

[37] См. также в д. Нюссо (Великолук. Пск. материалы ПОС) слова *сла́денький* (сущ.) — *солодóк* — прозвище мужчины с фамилией Солодков (запись 1963 г.).

ствующим в современном литературном языке, но условия их реализации другие. Неполногласные морфемы, тождественные по значению соответствующим полногласным, могут иметь в диалектах большую, чем в литературном языке, словообразовательную активность.

Некоторые парные слова, различающиеся только полногласием и неполногласием, записаны в одном и том же населенном пункте в одно время (см. в д. Деулино: *древо-дерево, здравый-здоровый, запленить-заполонить, младенец-молоденец, сладить-солодить, сладеха-солодеха* и др.; в населенных пунктах Псковской области: *жребий—жеребий, младик-молодик, сладкий-солодкий*). Это свидетельствует о том, что парные слова в полногласной и неполногласной форме могут существовать в одном говоре одновременно. Здесь они являются или вариантами слова или синонимичными словами.

Материалы показывают, что семантически тождественные полногласные и неполногласные морфы, использующиеся в лексике говора одного населенного пункта, являются вариантами одной морфемы.

На нашем материале мы можем рассмотреть параллельное употребление анализируемых слов в одном говоре лишь в самом общем виде и, следовательно, определить только общие тенденции в его характере. Однако в говорах имеются реальные условия для того, чтобы тождественные по значению с полногласными неполногласные слова и корни могли быть их вариантами. Отсутствие в диалектах традиции избираемости полногласной или неполногласной формы, какая существует в литературном языке, способствует их стилистически нейтральному и активному, с точки зрения словообразовательной, употреблению даже в тех случаях, когда в современном литературном языке они стилистически и функционально ограничены сферами, далекими от разговорной речи. Поэтому очевидно, что на фоне вариантности разных уровней, очень характерной для диалектов как мало нормализованной формы речи вообще, наличие параллельных полногласных и неполногласных лексем и морфем в одном и том же говоре, может восприниматься как одно из ее обычных проявлений.[38]

При функционировании этих пар в говоре с сильной редукцией безударных гласных корень в неполногласной огласовке оказывается, видимо, в некоторых случаях даже более значимым, чем полногласный. Ударные неполногласные формы в таком говоре поддерживаются в своем существовании безударными фор-

[38] См. интересный случай, когда общенародное слово, существующее только в неполногласной форме, — *гражданский* трансформируется в говоре (при этом акающем!) в полногласное, чем еще раз подчеркивается безразличие в употреблении этих форм: *горождáнская* (записано *гаражданска*) война. Сев. Прииссыккулье Киргиз. ССР, 1953—1957 (КОС).

мами не только неполногласных, но и полногласных морф, которые в произношении здесь совпадают с неполногласными. Такие полногласные морфы как бы пополняют собою словообразовательные гнезда неполногласных морф. (Например, приведенные выше примеры слов с корнем *слад-—солод-* из материалов говора д. Деулино). Слова с полногласной огласовкой корня в результате сильно редуцированного произношения безударных гласных в речи в этом говоре совпадают с неполногласной его формой: *с(ъ)ладúть, с(ъ)ладéха, ус(ъ)ладáть, с(ъ)ладáтый, с(ъ)ладúмый, с(ъ)ладéть.* В диалектной речи, где сила традиции различения неполногласных и полногласных форм отсутствует, варианты морфемы, естественно, могут унифицироваться по аналогии с более продуктивными случаями.

Вместе с тем многое в характере параллельного употребления в одном говоре парных слов и морфем в полногласной и неполногласной форме остается еще неясным. Всегда ли могут слова парных лексем замещать друг друга в речи? Не обусловливается ли все-таки использование каждой лексемы в данном говоре какими-либо, например, семантическими или парадигматическими условиями? В связи с отсутствием в нашем распоряжении достаточного материала нет возможности рассмотреть также все особенности употребления слов, а также с полной определенностью судить и о их стилистическом характере, тем более, что стилистические категории лексики в диалектах вообще совсем не изучены.

Некоторые черты различия употребления слов с полногласием и неполногласием отчетливо проявляются только при рассмотрении всех значений каждого слова или всех слов одного корня, что мы и постараемся показать в дальнейших исследованиях. Другие — станут ясными лишь после специального сбора материала по этим вопросам.

Необходимо также выяснить, как и когда лексика в неполногласной огласовке появляется в русских диалектах. В настоящей статье параллельные полногласные и неполногласные формы были рассмотрены преимущественно в синхронном плане. Только изучение истории этих форм в русском языке и его диалектах покажет пути проникновения неполногласных образований в диалекты и даст исчерпывающее объяснение особенностей их употребления в современных говорах, поскольку «язык, многие века применяясь к самым разнообразным потребностям, доходит к нам сокровищницею всей прошедшей жизни нашей».[39]

---

[39] Ф. И. Буслаев. О преподавании отечественного языка. Л., 1941, с. 170.

О. Д. КУЗНЕЦОВА

Слова с отпадением начальных гласных *а* и *о* в говорах русского языка

Явления лексикализации обычно связывают с отмершими или отмирающими фонетическими или морфологическими закономерностями. Фонетические и морфологические процессы «переставая быть элементами фонетической или морфологической системы, теряя свою регулярность, — пишет Ф. П. Филин, — „растворяются“ в корнях слов, таким образом, становясь элементами лексики».[1]

В говорах нам встретился любопытный случай лексикализированного изменения отдельных слов, возникающий на почве живой и действующей фонетической закономерности стяжения гласных. Действие этой закономерности обычно проявляется только при определенных условиях, без них фонетический облик слова остается исходным, неизменным. Однако в отдельных словах в силу определенных причин изменение фонетического облика слова закрепляется независимо от условий, и исходная форма слова уже не восстанавливается.

В истории русского языка и диалектологии давно уже обращалось внимание на отпадение у слов начальных гласных *а* и *о*: *быдёнка—обыдёнка, быдёношный—обыденошный, горо́д—огород, гуре́ц—огурец, кия́н—океан, куна́ть—окунать, со́ко́рь—осокорь* и некоторые другие. Вспомним широко распространенное народное произношение собственных имен Александр, Алексей и др. как *Лександр, Лексей*, некоторых заимствованных слов, начинающихся с *а* и *о*.

В описаниях южнорусских и среднерусских говоров нередко находим упоминание об этой особенности.[2] Так, Е. Будде еще

---

[1] Ф. П. Филин. О лексикализированных фонетико-морфологических вариантах слов в русских говорах. Лексика русских народных говоров. М.—Л., 1965, с. 27.

[2] Сведения об отпадении начальных гласных *а* и *о* можно найти в многочисленных описаниях говоров, как старых, так и современных. Перечислить их здесь все не представляется возможным.

в 1892 году привел слова с отпадением начального гласного, записанные им в Касимовском уезде Рязанской губернии: *Ляксандр, Ляксандра, Ляксей.*[3] Такого же рода примеры, но в большем количестве можно найти в Смоленском словаре В. Н. Добровольского: *Ликсандр, Ликсандра, Ликсандров, Гриппина, Ракчей* (Аракчеев) и др.[4]

Произношение собственных имен и некоторых заимствованных слов без начальной гласной засвидетельствовано и памятниками письменности, например, местными брянскими и орловскими рукописными источниками XVII—XVIII вв.[5] Такое произношение собственных имен как типично русское отмечал в своей грамматике Ф. И. Буслаев.[6] В брянских рукописных источниках XIX в., опубликованных П. Тихановым, встречаются и другие слова с отпадением начального *о*: с зеленым и *ранжевым* шелком (1800 г.), насечка *ловянная* (1804 г.), *нагдысь* 'анагдысь' (1857 г.).[7]

В акающих говорах слова нерусского происхождения, как правило, произносятся без начальных гласных: *кушéрка* 'акушерка', *ренда* 'аренда', *рендатиль* 'арендатор', *ришта́нт* 'арестант' (Смол., Добровольский, 1914),[8] *кура́т* 'аккурат': Курат иду за водой, кура́т так и было (Андреев. Смол., Кустарева, 1950), Маю дочку уж кушерка бабила (Себеж. Пск., 1962), *купация* 'оккупация': Строилась как с купацыйи прийехали (Навл. Брян., 1966). Слова с отпадением начальных *а* и *о* зарегистрированы и псковским словарем: *бажу́р* 'абажур', *мерика́нка* 'американка', *нало́й* 'аналой', *куратный* 'аккуратный', *кагбли́к* 'алкоголик', *граном* 'аграном' и др.[9]

Об устойчивости такого произношения свидетельствует тот факт, что в ряде случаев слова без начального гласного приводятся и в записях собирателей, не пользующихся фонетической транскрипцией. Иногда записывающий замечает при этом, что

---

[3] Е. Будде. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора. Отд. оттиск из РФВ, Варшава, 1892, сс. 48—49.

[4] В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

[5] В. Н. Новопокровская. Об отпадении гласных в начале слова. Программа и краткое содержание докладов к X научно-метод. конференции северо-зап. зонального объединения кафедр русск. языка пед. ин-тов, ч. II. Л., 1968, сс. 100—102.

[6] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика. М., 1959, с. 100.

[7] П. Тиханов. Брянский говор. В сб.: ОРЯС, т. LXXVI, № 4, СПб., 1904.

[8] В статье использованы материалы картотеки Словаря русских народных говоров (Ленинград) и материалы картотеки Брянского словаря, хранящейся в ЛГПИ им. Герцена; сокращения источников и географических названий соответствуют сокращениям, принятым в Словаре русских народных говоров.

[9] Псковский областной словарь, вып. 1, А-бибишка, ЛГУ, 1967.

слово в такой форме произносится независимо от фонетических условий.

Отпадение начальных гласных известно в украинском языке. А. Потебня, например, считал это явление одной из особенностей украинского языка,[10] о распространении его в украинском языке пишет и Е. Тимченко.[11] П. Д. Тимошенко, специально занимавшийся отпадением начальных гласных, характеризует это явление как чисто фонетическое, имеющее место только при наличии определенных условий: отпадение гласных происходит, по его мнению, «при прискореному темпі мовлення на межи морфем та в тісніше поєднанних між собою у граматичному або смисловому відношенні (особливо в сполученнях неповнозначних слів із повнозначними і в постійних виразах».[12]

В белорусском языке явление это получило широкое распространение, и такие формы слов, как *гурéц*, *гарóд* употребляются и в литературном языке.

Отпадение начальных *а* и *о* в говорах русского языка происходит в первом и втором предударных слогах. Это обусловлено характерным свойством русских говоров, особенно проявляющимся в южнорусской области: произношением первого предударного слога слабее, чем ударного. Как известно, «второй предударный слог во многих ю-в-р говорах настолько ослаблен, что при наличии благоприятных условий редукция гласного в нем может дойти до нуля, т. е. до полной его утраты».[13] В описании одного говора Белгородской области читаем: «Говору свойственна сильная редукция гласных вплоть до полного их исчезновения в определенных условиях, а именно в начале слов в беглой речи: гурцы, блачок — облачок, на вм. она».[14]

В некоторых акающих говорах Поволжья отпадение начальных гласных в отдельных словах (гарóд, гурцы́, зарнóй) наблюдается при обычном сужении начальных звуков *а* и *о* в предударном положении типа ипя́ть ибира́ть, иднавó, иставалъс.[15]

Замечено, что тенденция к ослабению второго предударного слога сильнее всего проявляется на стыке предлога или при-

---

[10] А. Потебня. Два исследования о звуках русского языка. Воронеж, 1866, с. 117.

[11] Е. Тимченко. Курс історії українського язика. Харків—Київ, 1930, сс. 62—64.

[12] П. Д. Тимошенко. Аферeза в українській мові. Праці XI респ. діалектологічної наради. Київ, 1965, с. 117.

[13] Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. Учпедгиз, 1949, с. 60.

[14] Е. П. Тришина и Л. А. Федюшина. Диалектные особенности говора села Гредякино Буденовского р-на Белгородской области. Тр. Вороп. ун-та, т. XLII, вып. 3, 1955, сс. 105—106.

[15] С. В. Фролова. Говоры некоторых сел Сосново-солонецкого района Куйбышевской области (Брусяны, Кольцово, Большая Рязань, Малая Рязань). Уч. зап. Куйбыш. пед. ин-та, 1954, сс. 77—94.

ставки, кончающихся на гласный, и слова, начинающегося с гласного, т. е. при наличии третьего предударного слога, на что еще в 1898 году обратил внимание при описании воронежских говоров К. Филатов.[16]

Наиболее благоприятными условиями для стяжения гласных звуков является, как заметил П. Д. Тимошенко, граница морфем, а также стык тесно связанных между собою в грамматическом или смысловом отношении слов (особенно на границе неполнозначных слов с полнозначными).[17]

Именно здесь, т. е. на стыке предлога или приставки, оканчивающихся на гласный и следующего слова, начинающегося с гласного и т. п., образуются сочетания гласных типа *ау*, *оу*, *ао*, *оо* и др., обычно не встречающиеся в исконных восточнославянских словах.

В указанном положении в ряде акающих говоров и некоторых окающих (с неполным оканьем) эти сочетания претерпевают изменения — происходит так называемое стяжение этой группы гласных за счет исчезновения начального гласного звука слова.

Стяжение гласных находит объяснение не только в артикуляционном ослаблении предударных слогов (что вызывает и соответствующие акустические изменения), характерном для акающих русских говоров, но также в тенденции возрастающей звучности слога. Не случайно, стяжению гласных в говорах часто сопутствуют и другие явления, также связанные с проявлением указанной тенденции: появление гласного между согласными внутри слов (*пашеница*, *пашено*, *самородина*, *таворог*, *карапива* и т. п.). Сочетание именно этих явлений отмечается в смоленских говорах (материалы В. Н. Добровольского), а также во многих других).[18]

Исследователи давно уже писали о происходящем в предударных слогах стяжении гласных. Примеры этого явления можно найти в описаниях многих акающих говоров: *пабедали*, *сапчя*, *вапче*, *за кно*, *наћанёчик*, *на борачки*, *ня дной*; *ня тказываитца* и др. (Ворон., Филатов, сс. 69—70): От-ба на (она), табе служыла, *на* (она) за то менэ бранит, краска дна у тарћоўсаў, ћитанья — наршын их бяруть, маё серца ня баротитца (Новосил. Тул., Будде, 1902); Ни ддавай миня, батюшка, младу

---

[16] К. Филатов. Очерк народных говоров Воронежской губернии. Варшава, 1898, с. 70.

[17] П. Д. Тимошенко. Аферeза в українській мові, с. 117.

[18] См., например, описания говоров: С. М. Копорский. Архаические говоры Осташковского района Калининской области. Уч. зап. Калин. пед. ин-та, т. X, вып. 3, 1946, с. 11; О. Б. Сиротинина. Фонетическая система говоров восточной половины Духовницкого района Саратовской области. Уч. зап. Сарат. ун-та, т. XXXII, вып. 1, 1922, сс. 23—62; И. Г. Долгачева. Бударинские говоры. Уч. зап. Волгоград. пед. ин-та, вып. 14, 1961, сс. 83—102.

замуж! (Брян. Орл., Будде, 1902),[19] в описании говора д. Парфенки Новопетр. Моск.,[20] архаических говоров Осташковского района Калин. обл.,[21] в говорах восточной половины Духовницкого района Сарат. обл. По свидетельству О. Б. Сиротининой, «всегда в слове один, одна в сочетании с предлогами: *уднавó* (у одного), *на дним* (на одним), *па днóй*, *на днóй* букви и т. п.».[22]

Многочисленные примеры стяжения можно найти в ответах на академическую программу: Мцен. Орл., Медын. Калуж., Прогр. АН №№ 188, 263 (Сб. ОРЯС, т. XCIX, № 3, 1922), и др.

Наибольшее развитие эта особенность получила в юго-западных русских говорах. Редукции до нуля начальные *а* и *о* подвергаются здесь не только после гласного частицы, приставки или предлога, но также в положении после гласного предшествующего слова: То бед, только бносычки, только бломычки, сама тстануся, магила твичаить, мне тлитаить, матушки тсылали, а Юда им твичаить, мы уси будим ложки барачивать (оборачивать) и т. п. (Смол., Добровольский);[23] Патанула во слизах сабалиная мая деяла. Тёплыя дияла — синёя моря (Пореч. Смол., Добровольский, 1914);[24] Манаськую дёжу сабрали; паклитьта, можа и тзавецца, ти бедь ти вячера, гусь нада бкусьть (общипать), мы ткажымс скора, сад ягó бабрали, усё динакъва (Зап. Брянщина, Пеньковский, 1958—1959).[25]

Отдельные случаи редукции *а* и *о* до нуля зарегистрированы и после согласной: А ён дин сядит да и света (а он один...), я им бедат ни даю, получилас слажнения, резьтя хлеб, бедать будим (Зап. Брянщина, Пеньковский, 1958—1959).

В смоленских говорах и говорах Западной Брянщины стяжение гласных, как мы видели, распространилось вширь, захватило и другие случаи, что связано, как можно судить по исследованиям А. Б. Пеньковского, с определенными свойствами этих говоров, обнаруживающими себя в том, что фонетические про-

---

[19] Е. Ф. Будде. О говорах Тульской и Орловской губерний. Сб. ОРЯС, т. LXXVI, № 3, 1904.

[20] Т. Г. Паникаровская. Фонетическое описание говора д. Парфенки Новопетровского района Московской области. Уч. зап. Вологодс. пед. ин-та, т. XXII, 1958, с. 394.

[21] С. А. Копорский. Архаические говоры Осташковского района, с. 11.

[22] О. Б. Сиротинина. Фонетическая система говоров..., сс. 23—62.

[23] В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник, ч. I, Зап. русск. геогр. об-ва, т. XX, СПб., 1891; ч. II, Зап. русск. геогр. об-ва, т. XXIII, вып. 1, СПб., 1894; ч. III, Зап. Русск. геогр. об-ва, т. XXIII, вып. 2, СПб., 1894; ч. IV, Зап. русск. геогр. об-ва, т. XXVII, 1903.

[24] В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь.

[25] А. Б. Пеньковский. 1) Ассимилятивные изменения согласных по твердости-мягкости в говорах западной Брянщины. Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена, т. 173, 1958, сс. 237—255. 2) Об одном ассимилятивном изменении шипящих в говорах западной Брянщины. Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена, т. 202, 1959, сс. 137—152.

цессы в них, например, ассимилятивные изменения звуков, происходят не только внутри слов, но также и на стыке их. В то же время в юго-западных говорах, как и в белорусском языке, тенденция возрастающей звучности слога, очевидно действует более интенсивно, чем в других акающих говорах, на что указывает как меньшее количество начальных гласных, которые здесь в большинстве случаев прикрыты протетическими *в* и *j*, так и широко проведенное здесь стяжение сочетаний гласных.

Наблюдение случаев стяжения гласных убеждает в том, что мы имеем дело с живым фонетическим процессом, по-разному проявляющимся не только в трех восточнославянских языках, но и в разных говорах русского языка: если в одних говорах стяжение наблюдается только на стыке частицы, предлога, приставки и слова, то в других (юго-западных) такое стяжение происходит и на стыке слов при условии, что предшествующее слово кончается на гласный (случаи отпадения начальных гласных после согласных единичны и, возможно, свидетельствуют о намечающейся лексикализации).

В украинском языке, где стяжение получило небольшое распространение, налицо еще большая зависимость этого явления от особых условий: оно имеет место только после гласного и к тому же при быстром темпе речи. По словам П. Д. Тимошенко, в украинском языке «афереза належить до числа необов'язкових, факультативних явищ».[26] Причиной такого положения является не наличие протетических согласных в украинских говорах, как думает П. Д. Тимошенко (ведь протетические согласные есть в смоленских и в брянских говорах, но между тем отпадение гласных получило там даже большее распространение, чем в других русских говорах), а иной характер соотношения ударных и безударных слогов в этом языке по сравнению с южнорусскими говорами, — меньшая противопоставленность ударных и безударных гласных, бóльшая полновесность безударных слогов. При таком характере соотношения ударных и безударных гласных отпадение начальных предударных *а* и *о* не могло получить в украинском языке большого распространения.

Таким образом, характер стяжения гласных, как уже говорилось, заставляет считать его явлением фонетическим, проявляющимся в определенных условиях. Без таких условий начальные гласные *а* и *о* произносятся беспрепятственно, и исходный фонетический облик слова легко восстанавливается. Так, в абсолютном начале слова, после согласных, при употреблении с предлогами *в*, *к*, *с* начальный гласный слова, как правило, произносится: Вылиз из пад авина; а ежили ты ни загасишь авина, но начуваю на вини (Смол., Добровольский, 1891); Атдала яму ус'о, в один день (Зап. Брянщина, Пеньковский, 1958); В адной хати, в адных

[26] П. Д. Тимошенко. Афереза в українській мові, с. 117.

рубашенках (Смол., Добровольский, 1891); Адонах хочуть класьть, но ветки на донак (Навл. Брян., Радионова, 1958).

Начальный гласный сохраняется также, когда на него падает ударение (при подвижном ударении в слове); в юго-западных говорах в таких случаях возможно появление протетического *в*: Ни водин н'а мериу (ни один не..), пят баб и ни во́днага мужика (Зап. Брянщина); Ни водная ни паслухала, ни водин ня тронить, но на днэй наге, на дном местя, ни дна ня кухнула (Смол., Добровольский, 1891); Нету ни во́дныя авечки у наший дяреўни (Смол., Добровольский, 1914).

Таким образом, в этих говорах иногда наблюдается любопытное чередование словоформ одного слова: формы слова без начальной гласной с формой слова, в которой начальный гласный прикрыт протетическим *в*: Были дружочки з моря кунёчки; паймаў вокуня́; у кыня вокунём грива (*в* протетическое, очевидно, появляется здесь под воздействием формы *во́кунь*). Такое сочетание словоформ бывает и более сложным — в смоленских говорах, например, формы слова *один*, *одна*, как правило, регистрируются с протетическим *в* (при ударении на начальном *о*), однако в тех же говорах известны и другие формы этого слова (при ударении на втором слоге): с начальным гласным без протетического *в*, *и* на месте начального этимологического *о*: Адин водныга ни знають, идна баба, к иднаму дому, идна у другей (Смол., Добровольский, 1891).

Наличие многократных записей некоторых слов без начальных гласных указывает на то, что эти слова употребляются в такой форме вне зависимости от каких-бы то ни было условий (после согласного и в абсолютном начале слова). В этих случаях уже нельзя говорить об отражении фонетического процесса; функционирование слов без начальной гласной независимо от условий говорит о том, что в этих словах явление стяжения вышло из рамок чисто фонетического процесса; в силу определенных условий изменение фонетического облика отдельных слов закрепилось — оно остается таковым независимо от условий. Все это свидетельствует собственно о совершившейся лексикализации.

Слов с отпадением начальных гласных *а* и *о* в говорах русского языка немного. Наибольшее распространение среди них получило слово *город* ‘огород’, в древнерусском — *огородъ*. Без начальной гласной это слово встречаем в записях А. С. Машкина из Обоянского уезда Курской губернии (1858 г.). М. Г. Халанский при описании «сильно-акающих или якающих» курских говоров замечает: «*о* начальное отпадает в слове *гаро́т* = *огород*»,[27] Г. В. Денисевич приводит пример: Мать прийдить з городу (Ми-

[27] М. Г. Халанский. Народные говоры Курской губернии. Сб. ОРЯС, т. LXXVI, 1904, № 5, с. 8.

хайл. Курск.).[28] В указанной форме слово *огород* находим и в курско-орловском словаре С. М. Кардашевского, который пишет о распространении его как в Курской области, так и в Дмитров., Кром., Трубч. Орл., Дон., Тамб.[29] К. Филатов, рассматривая случаи отпадения начальных гласных в воронежских говорах, пример «на hарóт» сопроводил замечанием: «без предлога тоже hарот».[30] Многочисленны записи этого слова без начального *о* из орловских и брянских говоров: Гарод наш летось пустовал (Трубч., Карач., Брян. Орл., Сполохов); Гародъ дялить пайшли; сядет — то нé ик — гарод ни вобраный и др. (Зап. Брянщина, Пеньковский, 1958); ɣарот хоть ɣихтар бирú (Комар. Брян., 1961), а также Брян., Севск. Брян. (1962—1965); с предлогом *к*: К ɣароду ток вычишшан (Брян. Брян., 1965). Много записей и из смоленских говоров: Забяретца малый у гарод; паехыў, падъизжаить к полю, к гародам и др. (Смол., Добровольский, 1891); Свиння пралезла у ɣарóт; Карова у ɣарот ухряпъицца (ворвется) (Росл. Смол., Граве, 1964),[31] а также и из других областей: Ды ить ў барсках hародах ядаринейшы, покрупнейшы земляника; мы суды ближа — гародъм (Новосил. Тул., Будде, 1902), а также в Дубен. Тул. (Филин, 1933—1960), Мещов. Калуж. (Прогр. АН № 31), Дон. (Миртов, 1929), Пск. (Копаневич, 1902—1918), Новг. (Прогр. АН № 239), Бударин. Волгоград. (Долгачев, 1961).

О. Б. Сиротинина при описании одного из акающих говоров Духовницкого района Саратовской области сообщает, что в этом говоре в слове *огород* происходит «полное отпадение начального гласного».[32] Исследователь подчеркивает, что начальный гласный выпадает «даже в абсолютном начале слова»: гарот есьть, гародэм ни нъзавёш.

На то, что форму *горóд* можно считать лексикализованной, указывает также и наличие производных от слова *горóд*: *горóдина* 'огородные овощи' (усякая гарóдина урадилася. Хомут. Курск., Кардашевский, 1947—1953), *горóдишка* (Бесед. Курск., 1963), *горóдик* (вóсинь придеть — ɣарóдик убрать нада. Севск. Брян., 1966), *горóдное* 'овощи' (садить ɣарóдная нéкаɣда; ɣарóдная палóть. Дубров. Брян., 1958).

---

[28] Г. В. Денисевич. Особенности склонения существительных в южновеликорусских говорах, их влияние на речь учащихся. Уч. зап. Курск. пед. ин-та, XVII, 1963, сс. 72—99.

[29] С. М. Кардашевский. Курско-орловский словарь. Уч. зап. Московск. обл. пед. ин-та, 1956, т. 35, сс. 161—268.

[30] К. Филатов. Очерк народных говоров, с. 71.

[31] Л. В. Граве. Словообразующие и формообразующие глагольные приставки в диалектной лексике говора д. Буды Рославльского района Смоленской области. Уч. зап. Смол. гос. пед. ин-та, вып. 13, ч. I, 1964, сс. 119—140.

[32] О. Б. Сиротинина. Фонетическая система говоров...

В белорусском языке имеем *горо́д* ‘огород’ (в городзе усё посохло от перекоты), также *горо́днина* ‘овощи’,[33] в украинском — *горо́д* ‘огород’,[34] *горо́дина* ‘овощи’ (Кардашевский), в словаре Б. Гринченко находим *горо́д*, *горо́дець*, *горо́донько* и т. п.[35]

Возможно, что на закрепление формы *горо́д* могли влиять родственные слова, фонематический состав которых не имеет начальных гласных, как *городить* ‘огораживать’, ‘сооружать плетень’, *горо́жа* ‘плетень’ и т. п.

Имеется еще несколько слов, произношение которых без начальных гласных можно признать также лексикализованным. Это — *обыденкой* ‘в один день’, ‘за один день’, *обыде́ношный* (ср. древнерус. *обыденьныи*) ‘только что приготовленный, свежий’, об этом свидетельствуют записи их без начальной гласной: *сходил быдёнкой* (Арзам. Нижегор., 1850; Козьмодем. Казан.; Ставроп. Самар., Васильев, Прогр. АН № 130, 1897), *быдёношное масло* (Новобуян. Куйбыш., Малаховский, 1939).

В брянских и смоленских говорах к таким словам можно отнести еще слово *гуре́ц* ‘огурец’ и его производные. (Ср. древнерус. *огурець* (Преображенский)).

Приведем диалектные примеры: *гуро́к, гурка́* (Севск. Брян., Преображенский): Как ы пад ɣурец, как ы пад лук; ɣурцы реж; апкапываить лук, ɣурцы; ɣуре́чек; ɣурешки; цвет ɣурешнай (Дубров. Брян., 1958); сёлетась буйные *гурки* забибились ‘в этом году огурцы очень крупные’ (Орл.); *гурки́* ‘огурцы’ (Пореч. Смол., Добровольский, 1914): Гурцы марозъм прихватила, нявжель ни атрыгнуть (Росл. Смол., Граве, 1964).

В белорусском также *гуро́к*, *гуро́чик*, *гуро́чище*, *гурко́вый*, и др. (Носович), в украинском *гуро́к* (Преображенский), *гуро́к, гуро́чки* ‘узор на яйце’, *гурочнік* ‘плети огурцов’, ‘место, где растут огурцы’. (Сев. Житомирщина, Лысенко; 1965).[36]

Широко распространенным было произношение без начального *о* слова *океан* (древнерус. *океанъ*),[37] известное, главным образом, по произведениям фольклора. Об этом говорят записи из различных мест: На мори на Кияни, на острыви на Буяни (заговор) (Мещов. Калуж., Косогоров, 1916); По морю *кияню*

---

[33] И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

[34] А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1958.

[35] Б. Гринченко. Словарь української мови, т. I. Київ, 1908.

[36] А. С. Лысенко. Словарь диалектной лексики Северной Житомирщины. Славянская лексикография и лексикология. М., 1965, сс. 5—60.

[37] Несмотря на то, что круг лексики, рассматриваемой в связи с отпадением начальных *а* и *о*, сознательно ограничивается исконно русскими словами, для слова *океан* делается исключение, поскольку оно было известно уже древнерусскому языку.

плывуть 12 дев, На мори кияни на вострави Буяни (Брян., Тиханов, 1904). В форме без начального *о* это слово приводится и в Смоленском словаре В. Н. Добровольского. Имеются еще записи: на тех *киян* — море разлпвалось, орлы крылами отбпвались, когтями отгребались (из заговора). (Иван., 1931), *киян-море* (Нижегор., 1852), *киян* (Вят., Верещагин, 1892): И со которой ты летишь да со сторонушки, И ты с-за славного ль с-за синего Онегушка. Ты с-за этого ль кеан да синя морюшка? (Петрозав. Олон., Федосова, 1868). Ср. белорус. *киян*. В. И. Даль в словаре в статье на слово *океан* пишет: «в сказках и заговорах: окиян, киян». Возможно, что в данном случае лексикализации формы *киян* мог способствовать тот факт, что слово это не имеет в говорах родственных образований. В этом отношении не лишено интереса замечание Преображенского об этой форме. По его мнению, в сочетании *киян-море* слово *киян* воспринимается как собственное имя.

В некоторых южнорусских говорах известно слово *блачóк* или *блáчка* 'облачко' (ср. древнерус. *оболокъ*): *блачóк* (Буден. Белгор., Тришина и Федюшина, 1955), *блáчка* (Ворон., Поликарпов, 1893): блáчка нашлá, из блáчки дошьть, блáчки нынча (Бесед. Курск., 1962).

Приведя в словаре севские формы мн. числа *болоки* и *блаки* к словам *вóблако* и *вóболоко*, Преображенский замечает: «Интересно севск. *бóлоки* с утратой начального *о*; очевидно, происхождение из * обволоко не осознается» (стр. 628).

Слово *овóщник* (древнерус. *овощь*) в Бесед. Курск. известно в форме *вóшник*: На вóшнику асталúсь аүурцы́; на вóшнику мелкая у нас картошка; вóшник плахóй. Слово это в такой форме включает в свой словарь Кардашевский (Курск., 1947—1953). Надо заметить, что слово *овощи* в Бесед. Курск. употребляется с постоянным ударением на окончании: *овощá*. Закреплению формы *вóшник*, возможно, могли содействовать следующие факты: потеря шипящим долготы и в результате этого отрыв слова от родственных слов.

Глаголы *окунать*, *окунаться* 'погружать, погружаться в жидкость' в Тульской области также зарегистрированы без начального *о*: Ты зачем кунáешь свои пальцы у щи? Кунáй яво у речку. Смотрю, а он кунáется у речке (Дубен. Тул., 1933—1963), также в Волгоградской области: *кунайте* (Бударин., 1961).

В Брянской области слово *орех* несколько раз записано без начального *о* в косвенных формах (ударение в них падает на окончание): Сё лета тожа есьть ряхи, ряхов нанясли (Клетн. Брян., 1959); Ряхи паболя клюковы; на ляшшы́нах растуть ряхи; раскусиш ряшок — паядиш (Дубров. Брян., 1958); Валоския ряхи присалаў (Зап. Брянщина, Пеньковский, 1959).

Название дерева *осо́ко́рь* 'Populus nigra' в Среднем Поволжье обычно произносится как *со́корь*: Куйбышев., 1963; Сарат., Зайковская, 1918. В Черниговской губернии зарегистрировано *сокорина* с тем же знач.[38]

Сюда же, очевидно, можно отнести *сокорина* 'кусок тополевой коры, употребляемой как примесь к табаку' (Колым. Якут., Богораз, 1901).

Ср. укр. *сокора* с тем же значением, пол. sokora. В этом случае установлению формы слова без начального *о* могли способствовать причины, на которые указывает А. Г. Преображенский при объяснении пол. sokora: «в пол. отпало *о* вследствие каких-либо причин, может быть ложной этимологии».

Таким образом, круг слов с отпадением начального гласного в говорах русского языка невелик, хотя, возможно, он и не ограничивается перечисленными словами. Почему же именно эти слова допускают отпадение начального гласного независимо от условий или, другими словами, в каких же случаях происходит лексикализация фонетической закономерности стяжения?

Прежде всего замечается одна общая особенность слов *город*, *гурец* и др.: постоянное ударение на третьем, реже на втором, слоге от начала: *огоро́д*, *огуре́ц*, *океа́н*, *окуна́ться*. Постоянное ударение дает возможность закрепиться слову в форме без начального гласного (при подвижном ударении — начальный гласный в других формах слова легко восстанавливается, и единство фонетического облика слова тем самым нарушается).

Нельзя не заметить также, что форма слова без начальной гласной закрепляется, главным образом, у слов, имеющих после отпадения начальной гласной один согласный, а не сочетание согласных: *о — гурец*, *о — город*, *о — кеан*; только одно из рассмотренных слов имеет сочетание согласных *бл* (*блачка*), правда, вполне допустимое уже в древнерусском языке.

Отпадение начального гласного в слове происходит, как совершенно правильно заметил П. Д. Тимошенко, только в тех случаях, когда оно не влияет на значение слова, и не происходит тогда, когда оно могло бы привести к затемнению значения слова или к различным семантическим сближениям и ассоциациям.[39]

Этим, очевидно, объясняется и то, что слова, теряющие начальный гласный, в современных говорах являются бесприставочными — ведь утрата приставки могла бы привести к изменению значения слова. В этом смысле и глаголы *окунать, окунаться*

---

[38] Н. Анненков. Ботанический словарь. СПб., 1878.
[39] П. Д. Тимошенко. Афереза в українській мові.

не являются исключением, так как в качестве производящих основ слова *кунать, кунаться* не зарегистрированы в современных говорах.

Кроме общих для рассмотренных слов особенностей в каждом отдельном случае могли быть и индивидуальные причины, способствующие закреплению формы слова без начальной гласной. Среди этих причин можно назвать следующие: отсутствие у слова родственных слов (как у слов заимствованных: *океан, акушерка*, у собственных имен, таких, как *Александр, Алексей* и др.), разрыв родственных связей или же — наличие родственных слов, фонематический состав которых не имел гласного в начале слова (как при слове *огород — городьба, горожа, городить* и др.) и потому служил поддержкой формы без начального гласного, и некоторые другие причины.

Л. А. БАЛАХОНОВА

К истории слова *инжир* в русском языке

В русский литературный язык из говоров вошли не только многие исконно русские или общеславянские по своему происхождению слова, но и значительное количество лексических заимствований из разных языков. Эти элементы иноязычной лексики сначала проникали в народно-диалектную речь, а затем уже получали права общерусских слов. Одним из примеров такого последовательного распространения в русском языке тюркского заимствования может служить история слова *инжир*.[1]

Казалось бы, какая связь существует между русскими говорами и этим словом, обозначающим реалию, вообще не имеющую распространения на территории бытования русских народных говоров. Однако принадлежность слова *инжир* к диалектной лексике в начальный период проникновения его в систему русского языка не вызывает сомнения. Это подтверждается сопоставлением целого ряда фактов, которые мы ниже рассмотрим.

Словари современного литературного языка отмечают два значения в слове *инжир*: 1) южное плодовое дерево и 2) плод этого дерева.

Синонимами слова *инжир* в его первом значении являются слова *смоковница* и *фиговое дерево*. Второе значение *инжир* входит в синонимический ряд со словами *винная ягода*, *смоква*, *фига*. Для современного языкового сознания синонимы слова *инжир* (как в первом, так и во втором значении) находятся на периферии активного употребления или имеют более узкую сферу применения. Однако соотношение этих слов, характерное для 60-х годов XX в., совсем недавно было диаметрально противоположным. Еще в словаре под ред. Д. Н. Ушакова (т. I, 1935 г.)

[1] М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. II. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. М., 1967, с. 133 (инжир. инджир.. Из тур., крым.-тат., тат., кыпч. anjir-, то же (Радлов I, 748, 1454), карач. injir (KSZ 10, 107)).

слова *инжир*, *инжирный* отнесены к лексике с ограниченной территорией бытования и сопровождаются пометой «обл.» (у существительного к тому же отмечено лишь одно значение — «плод»). Точно так же в создававшемся в 20—30-е годы Словаре русского языка под ред. А. А. Шахматова слово *инжир* охарактеризовано как иноязычное заимствование, получившее в России распространение только на диалектной почве. По-видимому, в распоряжении составителей вовсе не было свидетельств употребления этого слова в литературных текстах, в противном случае они обязательно привели бы их. В словарной же статье указаны только диалектные источники. Ср.: и н ж и́ р. (Турецк.) Обл. Фиги винные ягоды. Брянск. (Тихонов) Рыльск., Судж. (Оп. обл. сл.) Южн. (Даль). С иным произношением: *Инджир*. Уральск. (Карпов).[2]

Не вдаваясь пока в оценку правильности данной стилистической характеристики в хронологическом ее аспекте, важно подчеркнуть, что еще в 20—30-е годы нашего века лексикографы относили слово *инжир* к областной лексике. Это тем более показательно, что слова *айва*, *алыча*, *хурма* (также тюркские по происхождению), обозначающие реалии того же ряда, что и *инжир*, ни в этих, ни в более ранних словарях русского языка, никогда не сопровождались пометой «обл.».[3]

Детальное рассмотрение истории слова *инжир* в русском языке лишний раз показывает, какими многообразными путями воздействуют одни языки на другие.

В общенародных словарях конца XVIII—первой половины XIX в., как толковых, так и специальных, слово *инжир* еще отсутствует. В русском языке издавна существовали собственные названия соответствующих реалий (дерева и плода) — *смоква*, *смоковница*, *фига* и т. д., которые и были представлены в этих словарях.[4] Точно так же в специальных и художественных контекстах этого времени употребляются только эти слова. Ср.: Фига винноягодная (Ficus carica Linn.). Плоды сего дерева, известные под именем винные ягоды (Caricae pingues), содержат много слизи и сахара. Будучи разварены в молоке, они доставляют пре-

---

[2] Эта часть словаря не была опубликована и хранится в карточках и гранках в Архиве ИЯЗ АН СССР в Ленинграде.

[3] Слово *айва* впервые зафиксировано Словарем Академии Российской 1789—1794 гг.; слово *алыча* — Словарем Даля; слово *хурма* — Словарем церковно-славянского и русского языка 1847 г.

[4] См.: Словарь Академии Российской. СПб., 1789—1794; Н. О с и п о в. Подробный словарь для сельских и городских охотников и любителей ботанического, увеселительного и хозяйственного садоводства. СПб., 1791; Н. А м б о д и к - М а к с и м о в и ч. Новый Ботанический словарь на латинском, немецком и русском языках. СПб., 1804; И. М а р т ы н о в. Техноботанический словарь. СПб., 1820; П. С о к о л о в. Общий церковнославяно-российский словарь. СПб., 1834; Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук, тт. I—IV. СПб., 1847, и др.

восходную мягчительную припарку (Н. Щеглов. Хозяйственная ботаника. СПб., 1825). Или, освеженный брызгами фонтана, смокву бы я кушал (Плещеев, Об одном скорблю я). [Почва] дает же разнородный хлеб, овощи, артишоки, померанцы, маслину, абрикосовые деревья, смоковницу (Вяземский, Стар. зап. книжка). [Чичиков] полоскал беспрестанно горло молоком с фигой, которую потом съедал (Гоголь, Мертвые души).

Ни в одном источнике общенародного языка первой половины XIX в. слово *инжир* не встречается. Однако оно представлено в диалектной записи этого времени. Первая (впрочем, и единственная для первой половины XIX в.) известная лексикографическая фиксация слова *инжир* в русском языке представляет собой запись курских слов и относится к 1849 г. В этом же году в Академию наук, создававшую областной словарь, были присланы «Областные или местные слова, употребляемые в Курской губернии в городах Рыльске и Судже, собранные Дмитрюковым».[5] Среди этих слов было и слово *инжир*. Ср.: Инжир. Винная ягода. Почем фунт инжиру? Инжир привезли в коробках и на лычках.[6]

Соответствующая словарная статья «Опыта областного великорусского словаря» точно воспроизводит эту запись. Таким образом, именно Областной словарь Академии «паспортизовал» факт бытования этого заимствования на территории русского языка в качестве локализма, противопоставленного общенародным названиям.[7]

Все остальные печатные и рукописные материалы, в которых слово *инжир* зафиксировано как русское диалектное слово, относятся ко второй половине XIX в. и даже к началу XX в. На основании их можно приблизительно установить, «географию» распространения слова *инжир* (фонетический вариант *инджир*) на территории России (материалы располагаются в хронологической последовательности самих записей): курское («Опыт»), южное (Даль), донское (Архив ИЯЗ),[8] брянск. орловское (Тиха-

---

[5] Опыт областного великорусского словаря, изд. Вторым отд. Акад. наук. СПб., 1852. Указание источников, с. X (в дальнейшем: Опыт).

[6] Архив АН СССР, ф. 210, № 97.

[7] Именно составители Областного словаря предприняли и первую попытку выяснить этимологию этого слова, обратившись к специалистам по восточным языкам (так они поступали со всеми диалектизмами иноязычного происхождения). Вот эти первые этимологические справки: *инжир*, персидско-турецк. *инджйр* в том же значении (П. Я. Петров. Список некоторых великорусских слов, сходных с восточн. Изв. Имп. Академии наук. 1852, т. I. Материалы для словаря, сс. 81—92); *Инджар*, перс. *инджир*, винная ягода. (И. Н. Березин. Записки о восточных словах в областном великорусском языке. Там же, сс. 186—192).

[8] «Слова и выражения, употребляемые в области войска Донского, но не встречающиеся в языке великорусском». Автор и год неизвестны. Рукопись XIX или начала XX в. Архив ИЯЗ АН СССР, № 7.

пов),[9] уральское (Карпов),[10] кавказское (имеется в виду говор русских военных поселенцев на Кавказе, выходцев из Воронежской, Тамбовской, Саратовской и Курской губерний, переселенных в 30—40-х годах XIX в., запись 1909 г.[11]

«Тюркские слова, — пишет А. И. Попов, — проникали и в русскую общенародную лексику и в отдельные говоры самыми различными путями: и в силу политических обстоятельств, и на основе широких торговых связей — общих и местных. Мы зачастую сталкиваемся и с особого рода проникновением лексики (в данном случае тюркской) в тот или иной говор через некоторые социальные группы населения, особенно через казачество (донское, терское, гребенское, уральское, сибирское).[12] Именно так и произошло с одним из так называемых «торговых» слов — тюркским словом *инжир*. Параллельно с общенародными словами — винная ягода, смоква, фига — в южных губерниях России, в речи русских, живущих на Кавказе, уральских и донских казаков и украинцев[13] употреблялось иное, местное название соответствующего плода — *инжир*, заимствованное из тюркских языков. Иначе говоря, в результате местных торговых и языковых контактов здесь этот плод называется так, как называли привозившие его бухарские, хивинские, турецкие и персидские купцы, а также татары, азербайджанцы, турки и некоторые другие народности, жившие в Крыму и на Кавказе. И не случайно поэтому в диалектной речи, а затем и в русском литературном языке заимствованное слово инжир первоначально обозначает только «плод», не обозначая «дерева». В русские и украинские губернии юга России привозились только плоды (а не сами деревья), и поэтому слово *инжир* остается и закрепляется в русской диалектной речи как название плодов.

---

[9] П. Н. Тиханов. Брянский говор. Сб. ОРЯС, т. 76, № 4, 1904, сс. 33—95.

[10] А. Б. Карпов. Сборник слов и выражений, употребляемых уральскими казаками. Уральск, 1913.

[11] Б. Ф. Михайлов. Некоторые особенности языка русских военных поселян Тифлисской губернии. Сб. ОРЯС, т. 89, № 2, 1911, сс. 1—10.

[12] А. И. Попов. Некоторые вопросы и задачи исследования лексики русских говоров. В сб.: Лексика русских народных говоров. М.—Л., 1966. Ср. также: Н. А. Карауллов I-й. Говор гребенских казаков. Слова, заимствованные с турецко-татарских наречий. Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1907, вып. 37, отд. 3.

[13] См.: Основа. Южно-русский литературно-ученый вестник. (СПб., 1862). В конце каждой книги Вестника дается словарик «Объяснение неудобопонятных южно-русских слов». В книге IX среди прочих слов приведено и слова *инжир*: *инжир* — винные ягоды. Оно употреблено в рассказе А. Гавриша «Пять день з життя х-го студента», напечатанном в этой книге: От, и рішив стати під церковою, біля бублейниць, палянишниць и крамарів з медяниками, *инжиром* перцем й ріжками (с. 64). На этот источник ссылается Б. Д. Гринченко в своем «Словаре украинского языка» (т. II. Киев, 1907—1909).

До какого же времени слово *инжир* противостояло общерусским названиям в качестве диалектизма? Со второй половины XIX в. это слово можно встретить не только в диалектных записях, но и в общенародных словарях. Показания словарей свидетельствуют о непрерывном изменении положения слова в общей лексико-семантической системе русского языка XIX—XX вв. Слово *инжир* после «Опыта» приводится в общерусских словарях довольно последовательно, однако примерно до 90-х годов XIX в. сопровождается двоякого рода ограничительными пометами, характеризующими слово либо как иноязычное, либо как диалектное. Это является доказательством того, что с одной стороны, слово начинает получать большее распространение в русском языке по сравнению с первой половиной XIX в., но, с другой стороны, пока еще воспринимается как чуждое, изолированное в составе общенародной лексики. Так, например, в Словаре Даля и в Словаре Толля[14] слово сопровождается пометой «южное». Первым специальным словарем, в котором помещено слово *инжир*, был Ботанический словарь Анненкова.[15] Анненков приводит разные названия соответствующей реалии, в том числе и *инжир*, но противопоставляет его общерусским названиям как слово, употребляемое в Малороссии: смоква, смоковница, винные ягоды (везде), смоквы (плод), фига, фиги, хвиги (Малор.), *инжир* (в Малор. Молд.). Смокины, *инжир*. (Бух. *Андшиль*-Ажг. Тат. *Инджир*.) — Перс. *Анпшир* (Кушак). *Эдшир* (Еверсм.) — Узбек. Хив. *анжир*. — Сарты: *инджир*.

В «Словаре растений» П. Алабина в синонимическом ряду названий данного плода также приводится *инжир*, но только как кавказское слово: «Ficus carricum. Фига. Фиговое дерево. Винная ягода. *Инжир* — по кавказски...».[16]

Так же квалифицируется слово *инжир* в Энциклопедическом словаре Березина[17] и в «Словаре практических сведений» Симонова.[18] *Инжир*: так на Кавказе называют винные ягоды и фиговое дерево.

Характерно, что именно в это время и именно в таком, как отмечают словари, отношении к общерусской лексике эпизодически употребляется рассматриваемое слово и в художественной литературе. В тех единичных случаях употребления, которые нам встретились в литературных источниках 80-х годов XIX в., оно воспринимается писателями как чужеродное, нелитературное и используется для создания определенного речевого колорита.

[14] Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. Под ред. Ф. Толля и В. Зотова, тт. 1—3. СПб., 1863—1864.

[15] А. Анненков. Ботанический словарь. СПб., 1878, с. 145.

[16] П. Алабин. Словарь растений. Изд. 2, СПб., 1879.

[17] Русский энциклопедический словарь. Изд. М. Березина. Тт. 1—15, СПб., 1873—1879.

[18] Л. Симонов. Словарь практических сведений. СПб., 1884.

Именно этой цели служит слово *инжир* в рассказе А. И. Левитова «Графчик», (СПб., 1884) (кстати, в картотеке ИРЯЗ эт единственная цитата на данное слово из источников XIX в.) А. И. Левитов, широко использующий в своих произведения народно-разговорную лексику как в прямой, так и в авторско речи, выделяет курсивом просторечные, диалектные, жаргонны и т. п. слова, введенные в ткань авторского повествования. В при веденной ниже цитате вместе со словами *палатка*, *жамки*, *легонь кое* выделено курсивом и слово *инжир* (при этом следует учест что в рассказе описывается Москва, а не Кавказ, Крым или дру гие южные места, где введение слова *инжир* было бы оправдан самой ситуацией): Перед пролеткой палатка с инжиром, с жам ками, с орехами, с бутылкой кислых щей, с кренделями, пече ными яйцами, легоньким и печенкой.

Употреблено слово *инжир* у современника Левитова, писа теля того же направления В. А. Гиляровского в рассказе «Че ловек и собака» (1885), написанном к тому же в одно время с рассказом Левитова «Графчик». В рассказе Гиляровского слово *инжир* также несет определенную стилистическую нагрузку, слу жит средством речевой характеристики героя. Здесь оно — просто иноязычное слово, которое знает бывший солдат, воевавший в Тур ции, но как незнакомое читателям оно разъясняется в подстроч ном примечании: Вспомнил он родину, далекую, болотную, холод ную «губернию», вспомнил, как ел персики и инжир [19] в Туре тчине, когда «во вторительную службу» воевать с туркой ходил.

Других письменных свидетельств употребления слова *инжир* в художественной литературе второй половины XIX в. нам не встретилось. Как названия данных реалий (дерева и плода) про должают употребляться слова: винная ягода, фига и др. Ср.: За десертом подавали новый фрукт.. вроде сливы; но это не слива, а род фиги или смоквы. Гончаров, Фрегат «Паллада». [Крас нов:] Извольте гостинцу-с! Винных ягодок свежих получили-с. А. Островский, Грех да беда. Платаны, фиги и персики росли среди громадных камней. М. Горький, Крымские эскизы (1897).

Почти аналогичную картину дает изучение специальной ли тературы второй половины XIX в. Так же, как в художествен ных текстах этого времени, в подавляющем большинстве специ альных текстов соответствующей тематики (даже самого конца XIX в.) слово *инжир* отсутствует. Ср.: В Тифлисском акклимати зационном саду производится продажа фруктовых и орнамен тальных растений:.. II. Фиги (Ficus carica) местных сортов (1874 г.).[20] Другой южный плод, имеющий также больше значе ние, есть *смоква* или фига, которая, по всему вероятию, прежде

[19] В подстрочном примечании объясняется: Винные ягоды.

[20] Записки Кавказского общества сельского хозяйства. Объявление. СПб., 1874, с. 10.

других плодов сделалась известною жителям южной Европы. К. Кох. Воздушные плодовые растения (1877).[21] Легкостью размножения отличается здесь и фиговое дерево. Кроме местных фиг, растущих по лесам, встречаются... фиги, введенные турками из Смирны. (А. А. Вейнерт. Плодоводство на Кавказе (1891).[22] Исключительной поставщицей фиги служит Южный берег, а именно Алупка.. На Южном берегу нередко приходится собирать в татарских садах потребную партию винной ягоды лишь небольшими количествами. (Л. П. Симиренко. Консервные фабрики Крыма (1893).[23] Мною разведено много экземпляров фигового дерева в рижских садах... Я вовсе не имел в виду пропагандировать культуру смоковницы на севере. (Г. Куфальт. Опыт разведения фигового дерева в северо-западной России).[24]

Слова фига, смоковница и остальные члены обоих синонимических рядов, как видно из примеров, употребляются безразлично в специальных текстах разных авторов и могут легко заменять друг друга. В одной и той же статье можно встретить разные названия этого дерева и плода, но существительное *инжир* в этих взаимозаменах, как правило, еще не участвует.

Только очень немногие авторы в своих исследованиях по растениеводству и плодоводству в 70—80-е годы XIX в. пользуются словом *инжир* как русским названием соответствующего дерева и плода. Но поскольку оно не являлось еще общеизвестным названием, в этих работах можно встретить указания авторов на его этимологию и отношение к номенклатуре общерусских, общеупотребительных названий. Так, в статье В. Чернявского «Плоды Абхазии, Джигетии и Мингрелии» (1877) указано, что слово *инжир*, заимствованное из турецкого языка, является местным словом русских, живущих на Кавказе: *Инжир* (местное русское название Ficus carica) по абхаз. *Аллохá*.[25] Но, с другой стороны, автор одной из первых больших работ (на русском языке) о растительности Кавказа Я. С. Медведев[26] широко употребляет в своем исследовании слово *инжир* без каких-либо комментариев и оговорок. Ср.: Инжир произрастает почти повсеместно в Закавказье... На востоке плоды инжира в большом употреблении.. Известно множество разновидностей инжира.[27]

Как показывают источники, слово *инжир* в специальной литературе закрепляется раньше, чем в художественной. С самого

---

[21] Вестник Имп. российского общества садоводства. СПб., 1877, с. 199.

[22] Плодоводство. Ежемесячный иллюстрированный журнал, издаваемый Российск. общ. плодоводства. СПб., 1891, № 12, с. 522.

[23] Там же, 1893, № 4, с. 221.

[24] Там же, 1893, № 11, с. 707.

[25] Вестник Имп. российского общества садоводства, с. 81.

[26] Я. С. Медведев. Деревья и кустарники Кавказа. Тифлис, 1883, вып. 5—6.

[27] Там же, с. 227.

начала XX века появляется ряд статей ученых-садоводов, специально посвященных этой субтропической культуре. Среди общепринятых названий слово *инжир* приводится в них значительно чаще, чем раньше, появляясь даже в названиях статей, употребляется и производное словосочетание — *инжирное дерево*. И все же характерно, что даже в этих работах сохраняется известная функциональная ограниченность в применении слова, достаточно последовательно выдерживаемая разными авторами. Слово *инжир,* как правило, мы встречаем в этих статьях либо при перечислении всех существующих в русской номенклатуре названий данной реалии (как одно среди других), либо при описании отечественных сортов (в тех случаях, когда не указываются точные названия сортов, в которые могло входить обозначение плода на разных языках).[28] Если же описывались сорта, распространенные в других странах, или давалось общее описание этой культуры независимо от мест распространения, то в этих случаях слово *инжир* пока еще уступало место старым названиям: дерево у одних авторов чаще называлось смоковницей, у других — фиговым деревом, а плод чаще всего — фигой. Ср.: Фиговое дерево или инжир, иначе смоковница (Ficus carica) принадлежит к семейству *Urti* caseae. А. С. Романовский, Фиговое дерево и его культура.[29] Настоящее царство инжира — это Гагринский участок — здесь его можно встретить в лесу на каждом шагу. Н. Н. Шавров, О разведении Смирнской винной ягоды.[30] Большинство насекомых фиги изучено сравнительно недавно. В 1882 г. проф. Сольме Лаубах, изучая оплодотворение винных ягод, один из первых обратил внимание на насекомых, живущих в фигах. К. А. Горбачев, Насекомые инжира.[31] Автор сравнительно большой работы «Культура фигового дерева» Т. Кварацхелия, широко применяя все названия данной реалии в самом начале своей работы, считает нужным указать в подстрочном примечании на происхождение нового синонима: Название *инжир* произошло от татарского слова «энджиль». Синонимы инжира: смоковница (смоква), фиговое дерево (фига) и винная ягода.[32]

---

[28] Ср.: Из числа сортов, разводимых на Кавказе и в Крыму, наиболее известны: кавказские сорта — Бакинский инжир Чапла, Читаливи, Бордзнули-ливи, Саквиркобо-легви, Топла-легви; крымские сорта — Кара-инжир, Сари-инжир, Лоп-инжир, Мор-инжир. Н. Н. Шавров. Смоковница. Полная энциклопедия русского сельского хозяйства, т. VIII. СПб., 1903, сс. 1217—1218.

[29] Вестник Имп. рос. общ-ва садоводства, 1902, № 9, с. 7.

[30] Кавказский вестник практического садоводства. Тифлис, 1902 № 131, с. 3.

[31] Там же, 1902, № 144, сс. 7—8.

[32] Т. Кварацхелия. Культура фигового дерева. Практическое руководство к размножению, посадке и уходу за фиговыми деревьями... СПб., 1912, с. 3. На с. 32 автор пишет: Русская садовая литература очень

Соотношение синонимов во всех этих работах объективно отражает их действительное соотношение в языковом употреблении этого времени, что подтверждается и показаниями словарей. В специальных и общих словарях самого конца XIX—начала XX в., включивших слово *инжир*, оно дается уже без ограничительных помет, рассматривается как общерусское название, но пока еще не равноправное по употребительности с остальными членами синонимического ряда.

В словаре Богданова,[33] в Энциклопедических словарях Брокгауза и Ефрона,[34] Южакова,[35] Граната[36] и других, слово дается без ограничительных помет, однако толкование приводится при каком-либо ином семантическом эквиваленте, в тексте же словарных статей слово *инжир* употребляется редко или не употребляется совсем. Так, например, в словаре Богданова толкование дается в словарной статье «Фиговое дерево», где приведены и все синонимы. В самой словарной статье «дерево» называется смоковницей, а «плод» — смоквой. Наиболее широко используется слово *инжир* в словарной статье «Смоковница» в Энциклопедии сельского хозяйства.[37] Это объясняется, по-видимому, тем, что для ее автора Н. Н. Шаврова, редактора Кавказского вестника практического садоводства, жившего на Кавказе, это название было словом активного употребления. Во всех своих статьях на соответствующую тему он широко пользуется словом *инжир* (см. выше).

Употребление слова *инжир* в общенародных письменных источниках XIX—начала XX в. дает нам основание утверждать, что по крайней мере до 90-х годов XIX в. слово *инжир* не входило в состав литературной лексики и противопоставлялось общенародным названиям соответствующей реалии как слово другого языка или как диалектное слово. Именно до этого времени совпадают в своих показаниях все источники как диалектные, так и общенародные. Ощущается ли диалектная или, лучше сказать, иноязычно-диалектная окраска в последующий период, с 90-х годов XIX в. до 30-х годов XX в.? Ответить на этот вопрос труднее из-за противоречивости фактических данных. С одной стороны, как мы видели выше, еще в 30-е годы нашего века словари русского литературного языка относят слово *инжир* к об-

---

бедна статьями о фиговом дереве, не говоря уж об отдельных книгах, посвященных ему: единственно, чем я мог пользоваться — это статья Н. Н. Шаврова.

[33] С. М. Богданов. Иллюстрированный сельскохозяйственный словарь. Энциклопедия сельского хозяйства. Киев, 1891.

[34] Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз и Ефрон. Тт. 1—41 и доп. СПб., 1890—1907.

[35] Большая энциклопедия. Под ред. Южакова. Тт. 1—22. СПб., 1901—1909.

[36] Энциклопедический словарь т-ва бр. А. и И. Гранат и К°, тт. 1—58. М., 1910.

[37] Полная энциклопедия русского сельского хозяйства, т. VIII.

ластной лексике. Правильность такого отношения к слову п
тверждает, казалось бы, запись его как местного, сделанн
в 1929-м году. Ср.: *Инжи́р*. Винная ягода, смоковница. Дон.
Но с другой стороны, как показали нам материалы, с нача
XX в. в специальных и энциклопедических словарях, и в сп
циальных работах это слово рассматривалось в качестве нейтра
ного компонента лексической системы общенародного язы
уступающего своим семантическим дублетам лишь в частоте уп
требления.

Противоречивость лексикографических показаний, на на
взгляд, отражает закономерные процессы, происходящие при у
воении литературным языком как этого слова, так и вообщ
иноязычных или диалектных терминов. Зачастую они уп
требляются уже как равноправные в кругу специальной терм
нологии, в то время как в кругу общелитературной лексики в
еще ощущается их изолированность, их связь с «источнико
происхождения».

Полная «акклиматизация» слова *инжир* в системе общенаро
ной лексики, а вместе с тем и трансформация обоих синонимич
ских рядов, в которые оно входит, происходит уже в советско
время. Прежде всего это отражает судьбу самой реалии. Хот
инжир в нашей стране с давних времен возделывался на Кавказе
в Крыму, Туркмении, Узбекистане, Таджикистане и других ме
стах, однако только после революции эта субтропическая кул
тура получила широкое распространение. Повышение значени
реалии в народном хозяйстве привело к еще большему распрос
ранению именно того из ее названий, которое наиболее широк
бытовало в местах ее распространения.

В связи с этим закономерен такой вопрос: является ли фак
полного усвоения литературным языком слова *инжир* только
в последние десятилетия XX в. следствием непрерывного разви
тия и воздействия на литературный язык устно-диалектной тр
диции или уже совсем поздним обращением русского литерату
ного языка непосредственно к языкам-источникам без учета диа
лектной традиции.

В своем исследовании «О тюркских элементах русского языка
Н. Д. Дмитриев пишет: «В советскую эпоху ряд восточных
(и тюркских) терминов был усвоен вместе с новыми понятиями.
Ср. такие новые слова, как инжир (вместо «винная ягода»), сабза
'сорт изюма', кок сагыз 'каучуковая смола', джугара 'кукуруза
и др. Таким образом, иногда имеется возможность непосредст
венно наблюдать усвоение тюркизмов русским словарем».[39]
Н. Д. Дмитриев высказывает предположение, что языком, из
которого слово *инжир* непосредственно заимствовано, является

[38] А. В. Мирто в. Донской словарь. Ростов-на-Дону, 1929.
[39] В кн.: Н. Д. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, с. 510

узбекский язык: «Инжир. Персидское слово *анджир*, откуда узб. *энжир*, туркм. *инжир*, тур. *incir*. Русское *инжир*, распространившееся главным образом после революции (прежде говорили винная ягода'), восходит, вероятно, к узбекскому».[40]

Рассмотренные нами материалы, в том числе диалектные, свидетельствуют о иных путях и времени проникновения этого слова в русский язык. В своей статье мы пытались показать, что позиции рассматриваемого слова укреплялись в лексико-семантической системе русского языка постепенно, в течение длительного времени, при воздействии народно-диалектной речи всего юга России, Украины, что не исключает, конечно, и непосредственного воздействия языков-источников.

Позиции слова на почве литературного словоупотребления укреплялись в разных направлениях: совершенно исчезла специфически местная окраска слова, утвердилось второе значение (название «дерева»), вошли в употребление прилагательные *инжирный* и *инжировый*. Уже с начала 30-х годов слово *инжир* получает широкое распространение не только в специальной, но и в художественной литературе.

Ср.: (Дочь) по-ребячьи бросилась к столу с криком: — Папа! А инжир есть? В сахаре? Федин, Братья (1927). К этой же группе (засухоустойчивых растений) относятся из плодовых: инжир, фисташка, виноград. Н. И. Вавилов, Изв. ЦИК (1931). Фиги известны у нас под именем винных ягод или *инжира*. Жуковский, Соц. реконструкция и наука (1932). Дикий инжир и гранат, также кизил, мирабель, лох (шпат), как и алыча, ежегодно дают огромные урожаи. Пасынков, Человек в лесу (1932).

Правда, нельзя не отметить и тот факт, что в произведениях писателей старшего поколения, написанных в этот и даже в более поздний период, слово *инжир* все еще могло сохранять известную изолированность в контексте, что как-то специально подчеркивалось, комментировалось автором, например, разъяснялось с помощью прежних названий. Ср.: Из фруктовых деревьев здесь (в Ленкоранском уезде) растут яблони, инжир (смоковница), груши, тутовое дерево, гранаты. М. Павлов, Воспом. металлурга.

И все же широкое употребление слова *инжир* в разных по характеру контекстах, думается, дает основание считать, что в 30-е годы в лексической системе языка вряд ли сохранилось противопоставление существительного *инжир* как диалектизма его общенародным синонимам. Именно на этом основании вызывает сомнение стилистическая характеристика слова, которая дана в словарях под ред. Д. Н. Ушакова и А. А. Шахматова.

В современном литературном языке существительное *инжир* — нейтральное слово, употребляющееся без каких-либо сти-

[40] Там же, с. 534.

листических ограничений во всех стилях и жанрах общенародного языка. Более того, можно утверждать, что оно является доминантой в обоих синонимических рядах. Мы встречаем его в специальных (ботанических и товароведческих) и научно-популярных контекстах, в художественной литературе, употребляем в разговорной речи. Судя по примерам употребления в пределах специального общения, слово *инжир* пока не является единственным названием данной реалии, а сосуществует с прежними названиями в качестве равноправного или чаще главного члена синонимических рядов (кстати, сосуществование нескольких синонимов — явление довольно распространенное в научной терминологии).[41] Ср.: Эти плоды известны под названием винных ягод, смокв, фиг или инжира. Н. Верзилин, Путешествие с растениями. Одним из близких родичей фикуса является смоковница или инжир, дающий соплодия, известные под названием «винные ягоды». Б. В. Игнатьев, Ботаника. Инжир, или смоковница — небольшое дерево или кустарник. Плоды этого растения называют инжиром, а также винной ягодой, фигой. Н. Д. Куденцов, Товароведение для кулинаров.[42]

Параллелизм функционирования всех названий имеет место только в специальных контекстах. Однако и здесь слово *инжир* является наиболее перспективной и жизнеспособной лексемой. В отличие от своих синонимов оно не связано ни с какими добавочными ассоциациями, что еще более укрепляет позиции слова в лексической системе языка (ср. фразеологические сочетания: бесплодная смоковница, фиговый листок, винная кислота и др., значение слова фига, синонимичное слову кукиш и т. д.).

Что касается употребления рассматриваемых лексем за пределами специального общения, то здесь они перестают быть абсолютными синонимами. Прежние названия продолжают употребляться в художественной и научно-популярной литературе, но функционирование их ограничено контекстами, связанными с описанием прошлых веков, особенно древнего мира. Ср.: Таврида дохнула на путешественников всем своим очарованием: многовековые дубы, каштаны, маслины, смоковницы. И. Новиков, Пушкин в изгнании. Вот магарец — ему нужна афинская соль, чеснок и смоквы (винные ягоды), но продать ему нечего. Древн. Греция, Книга для чтения (1954). В египетских надпи-

---

[41] См. об этом в статьях: А. П. Евгеньева. О некоторых особенностях лексической синонимии русского языка; А. В. Лагутина. Абсолютные синонимы в синонимической системе языка; Г. Е. Мальчевский. Лексикографические пометы семантико-стилистической равнозначности в двуязычных словарях. В сб.: Лексическая синонимия. М.—Л., 1967.

[42] См. также: С. С. Станков, В. И. Талиев. Определитель высших растений европейской части СССР. М., 1957; Н. Г. Жучков. Частное плодоводство. М., 1954; Товароведение продуктов, т. II, М., 1949; В. Г. Нестеров. Общее лесоводство. М.—Л., 1952, и др.

сях Древнего Царства упоминаются смоковницы и виноградники Палестины. Авдиев, Ист. древн. Востока.

В контекстах, посвященных современной жизни, употребляется только существительное *инжир*. Ср.: (Софья Ивановна) посадила два куста вьющихся роз, три куста гранатника, пять инжиров. Павленко, Счастье. (Марья) читает все подряд, — и о хлопке, и о сахарной свекле, и о цитрусах. И хотя ни маслина, ни инжир, ни какая-то хурма никогда, вероятно, не будет расти в Подсосенках, но ей и это интересно. Медынский, Марья.

Исключительное положение заняло это слово в разговорной речи. Закрепление его в качестве единственного названия в товарной номенклатуре привело к полному вытеснению прежних названий в устной речи носителей современного литературного языка (во всяком случае, младшего и среднего поколения), что в свою очередь несомненно воздействовало на укрепление слова во всех стилях и жанрах русского языка.

Е. Н. ЭТЕРЛЕЙ

К вопросу о взаимоотношении русского литературного языка и диалектов. *Гнус*

В Проекте «Словаря русских народных говоров» Ф. П. Филин, говоря об изучении взаимодействия русского литературного языка и диалектов, отмечает: «Изучение истории „вчерашних диалектизмов“ очень важно. Показания диалектов, современных и прошлых, были бы весьма ценным материалом для выяснения диалектных истоков многих слов литературного языка (в его общенародной и профессиональной разновидностях)».[1]

Исследованию лексических взаимоотношений между русским литературным языком и народными говорами посвящено немало работ, среди которых назовем, в частности, известные лексические этюды В. В. Виноградова.

Но вопрос о «вчерашних диалектизмах», помимо его очевидной теоретической значимости, представляет собой определенный интерес и с точки зрения лексикографической, тесно смыкаясь с вопросом об отграничении диалектной лексики от общенародной.

Известно немало слов, занимающих пограничную, промежуточную область между лексикой общенародной и диалектной. Связь таких слов с диалектами еще так свежа, так ощутима, а их употребление в различных стилях общенародного языка отмечено таким своеобразием, что подчас трудно бывает определить: отнести ли их к диалектной или к литературной лексике.

Очевидно, что без самого пристального изучения таких слов в различных сферах их бытования нельзя решить вопроса о включении их в диалектный словарь.

Задача настоящей статьи — проследить пути проникновения слова *гнус* в лексический состав русского литературного языка и по мере возможности наметить хронологию этого процесса.

---

[1] Ф. П. Филин. Проект «Словаря русских народных говоров». М.—Л., 1961, с. 23.

www.ruslang.ru

«Словом „гнус“, — пишет крупнейший специалист в области паразитологии акад. Е. Н. Павловский, — население Дальнего Востока и Сибири называет всю совокупность летающих кровососущих насекомых.. Такое обозначение этих насекомых, используемое в краеведческой и общей литературе и в описаниях путешественников, в настоящее время вошло в специальную научную литературу».[2]

Первым словарем, зафиксировавшим слово *гнус* в его современном значении («мелкие летающие насекомые»), был словарь С. И. Ожегова.[3] До этого времени мы не находим указанного значения ни в одном из словарей руского литературного языка. Статей на это слово нет и в энциклопедических словарях XIX—XX веков — в том числе и в первом издании Большой советской энциклопедии.

Таким образом, *гнус* в его современном значении — недавнее приобретение русского литературного языка. Означает ли это, что до XX века это слово совсем не было известно русскому языку? Безусловно, нет: оно существовало уже в эпоху древнейших письменных памятников.

И. И. Срезневский приводит слово *гнус* в двух значениях: sordes и abominatio. По-видимому, названное слово было распространено по преимуществу в церковной литературе (учительной и житийной): мы находим его в Изборнике Святослава 1073 г. (abominatio: Вьсакъ бо гноусъ възненавидѣ Гъ..), в Сказании Ипполита епископа о Христе и антихристе по рукописи Чудова монастыря XII в. (sordes: Дьржащи чашѫ златоу ..пълноу *гноуса*), в Пандектах Никона Черногорца (abominatio: *Гноуса* ради), в Никоновской летописи (abominatio: Повелѣ Иванъ градъ отъ нечестивыхъ истребити и всякихъ Елинскихъ богомерскихъ *гноусовъ* повелѣ очистити). Позднее это слово отмечено в Служебнике XV в. Воскресенского Новоиерусалимского монастыря (sordes: омыи *гноусъ* ѿ дша моеа), в Житии Феодора Сикейского из Четьи Минеи Московской Синодальной библиотеки XVI в. (sordes: по мнозѣ троудѣ *гнѫсы* не моѫщи взирати гноя плюяху гноя того) и в Шестнадцати словах Григория Богослова по рукописи XVII в. (abominatio: гнусу Сидоньску).[4]

Представляется, что дальнейшее развитие значений слова *гнус* шло по пути конкретизации старых значений, сопровождаясь при этом утратой известной эмоциональной окрашенности, ранее присущей слову. Такая конкретизация наметилась уже

---

[2] Е. Н. Павловский, Г. С. Первомайский и К. П. Чагин. Гнус (кровососущие двукрылые), его значение и методы борьбы с ним. Медгиз. М., 1951, с. 3.

[3] Словарь русского языка. Составил С. И. Ожегов. М., 1949.

[4] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893.

в древнерусском языке, например, в уже упомянутом Сказан Ипполита епископа: «Вавулонъ великый мти.. *гноусомъ* земл ныимъ». Возможно, здесь мы имеем один из наиболее ранни случаев конкретизации древних значений слова: «гноусъ земельный» ассоциируется со значением «мыши, крысы», известны в говорах. В этом смысле приведенный пример обнаруживает бли зость с примером из Якутских актов XVII в. (следует обратит внимание на географию этого последнего памятника): ..и те н окла^{ды} рож^{ь} и соль в Енисе^{и}ско^{м} остроге стои^{т} в анбара^{х} и а^{н}бар све^{р}ху кро^{в}лями каплю^{т} и гну^{с} всяко^{и} есть.[5]

Затем слово *гнус* исчезает: мы не находим его в словарях русского литературного языка. Однако это отнюдь не означает его полной и окончательной утраты: «Такие слова нередко сохранялись.. в областных народных говорах. Спустя некоторое время после своего удаления из литературной речи, иногда измеряемое веками, эти слова вновь проникали из местных народных говоров в литературный язык — с новыми значениями, с иной экспрессией, с иными стилистическими возможностями».[6]

В народных говорах уточняются, конкретизируются древние значения слова, развивается новая система значений. «Abominatio» и «sordes» И. И. Срезневского сохраняются в других славянских языках: ср. чешское и словацкое *hnûs* ‘отвращение, омерзение’, сербо-хорватское *гнȗс* ‘грязь, навоз, отвращение’, а также болгарское выражение *гнус ме е* ‘я брезгую, мне противно’.

Семантическим центром русского диалектного *гнус* становится значение «вредные нечистые животные и насекомые, приносящие вред человеку и его хозяйству». Так истолковывает слово В. И. Даль, отмечая территорию его распространения: Сев., Вост., Сиб.[7] Вокруг данного значения группируются все остальные, — вернее, оно как бы вбирает в себя эти остальные значения, соотносясь с ними как общее с частным. Так, уже в середине прошлого века известно значение ‘мыши, крысы’ (Арх., Олон., Волог., Перм., Свердл., Том., Тобол., Енис., Алт., Амур., Сиб.). Ср., например: «*Гнус* в онбаре одолел: все мешки проили, а из сусеку рожь выпустили» (Перм., Луканин). Указанное значение приводит Опыт областного великорусского словаря 1852 года (Арх., Олон.).[8]

[5] Этот пример взят из Картотеки ДРС (Москва). Все предшествующие примеры даны по «Материалам для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского.

[6] В. В. Виноградов. Из истории лексических взаимоотношений между русскими диалектами и литературным языком. Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка, вып. 1. М.—Л., 1947, с. 43.

[7] «Нечистое мелкое животное, гадина, иногда и досадное насекомое». В. И. Даль, Толковый словарь, т. I, М., 1935, с. 371.

[8] Опыт областного великорусского словаря, СПб., 1852, с. 38. Такое значение имеет слово *гнус* и в произведении бытописателя русского Севера

«Гнусом» называют жители Севера, Сибири и Урала также некоторых других грызунов: хомяков (Тобол.), кротов (Север., Вост., Сиб.), полевых мышей (Ишим. Тобол.), а иногда и зайцев (Ишим. Тобол.). Однако эти значения встречаются значительно реже. Еще реже употребляется *гнус* для обозначения хищных животных: волков (Тобол., Иркут.) и медведей (Ишим. Тобол.). Такие случаи отмечены лишь отдельными собирателями. Название *гнус* употребляется применительно к птицам (ронжа и сойка), истребляющим кедровые орехи (Тобол.), ужам и змеям (Тобол., Том., Новосиб., Свердл.). Значение «гад, змеи» отмечено в Дополнении к Опыту (Тобол.).[9]

Широкое распространение в русских народных говорах получает обозначение словом *гнус* различного рода насекомых. Это насекомые-паразиты, обитающие в крестьянских избах (блохи, клопы, тараканы и под.). Ср.: Гнусу у их в избе: тараканов, да клопов, да сверчков, да мизгирей, дак проходу нет! Уж эта Маланья, такая она неряха да растрепа! Неколда в избе не изобиходит, ну оно *гнусу-то* жить и приволье! (Перм., Луканин). Это значение бытует в основном в Сибири (Тобол., Амур., Том., Сиб., Вят.). Приводится оно и в Опыте 1852 года: Вредные насекомые в доме. Тобол.[10]

Гнус — это также саранча (Енис.) и вообще насекомые, истребляющие посевы (Вят., Краснояр., Том., Кемер., Тобол.).

Наконец, на территории Сибири, Дальнего Востока, Пермской губернии и северных областей России слово *гнус* имеет значение 'кровососущие насекомые' (мошки, комары, мокрицы, слепни и пр., при этом не делимые на отдельных особей, а в их совокупности).

На это значение следует обратить особое внимание, так как в отличие от всех перечисленных выше значений оно не имеет соответствий в литературном языке: в данном случае слово *гнус* обозначает реалию, существующую только в таежных и тундровых зонах России и неизвестную на других территориях. Поэтому собирателям, записавшим это слово, приходится растолковывать само понятие «таежный гнус», с которым не знакомы жители европейского центра и юга России: «Гнус — мошкара, мошка, клещи. В тайге с июня по сентябрь невозможно ходить, настолько много там в это время различных кусающихся мошек, комаров и клещей. От их укусов нет никакого спасения, у непривычного человека руки и лицо распухают в сплошной волдырь. Нет ничего мучительнее быть в это время в тайге. Для лошадей и других животных устраивают на это время „дымокуры", около

А. П. Чапыгина: Кусков не кидай, гнуса привадишь. А. П. Чапыгин. Бегун. Архангельск, 1916.

[9] Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858, с. 34.

[10] Опыт областного великорусского словаря, с. 38.

которых и стоят животные, — „гнус" боится дыма и не тревожит их».[11]

Таежные и тундровые массивы, являющиеся, по свидетельству ученых, местами распространения насекомых, названных в народе «гнусом», расположены главным образом на землях Сибири и Дальнего Востока. Для этих мест «гнус» — настоящее бедствие: «Что гнусу! Летом спасенья нет» (с. Павловское Барнаул., Молчанова); «Ну и гнусу летось у нас было — не продыснешь, коней заживо заедали» (Енис., Анучин); «На покосе тоже много горя хватил: склизь, кочка, а тут гнус навалился со всего свету белого; так донимает, что ужасти! Залепит глаза, в уши, в рот и нос набьются» (Прогр. АН, Иркут.).

Поэтому значение «кровососущие насекомые» получает преимущественное распространение именно в Сибири и на Дальнем Востоке, тогда как на Севере России (насколько позволяют судить об этом имеющиеся диалектные материалы) преобладает значение 'мыши, крысы'. В связи с этим представляется любопытным замечание М. К. Азадовского, который отмечал, что словом *гнус* «называют на Амуре мошку, комаров, паутов etc. Раза два [разрядка наша, — *Е. Э.*] слышал я, как гнусом называли также мышей».[12]

Итак, значение «кровососущие насекомые» сложилось первоначально в русских народных говорах и стало обозначением реалии, известной по преимуществу в Сибири и на Дальнем Востоке.[13] Отсюда и начался путь слова *гнус* в современный литературный язык.

Новое значение довольно долго не вычленяется из общей системы значений, существовавшей в диалектах. Так, Словарь Академии 1895 года толкует *гнус* как собирательное существительное с тем же значением, что и *гнусина*, т. е. «всякое мелкое нечистое животное». При этом слово *гнусина*, к которому отсылают составители словаря, имеет помету «простонар.».[14]

Как областное, народное слово квалифицирует *гнус* Д. И. Ушаков: («всякая мелкая вредоносная тварь, гад, насекомое» (обл.)).[15]

---

[11] А. Б. Карпов. Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых амурскими казаками. В сб.: ОРЯС, т. 87, № 1, 1909.

[12] М. К. Азадовский. Материалы говора амурских казаков, составленные на основании экспедиций 1913—1914 гг. Словарная карт. ИРЯЗ, Л.

[13] Неслучайно поэтому Большая советская энциклопедия (I-е издание), не включившая, как уже упоминалось, статьи «Гнус», использует это специфически сибирское и уральское слово в других статьях («Мошки», «Тайга», «Урал»), где его употребление (непременно с соответствующими разъяснениями) тематически оправдано.

[14] Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Академии Наук, т. I, вып. II. СПб., 1892.

[15] Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. И. Ушакова, т. I. М., 1934.

Значение «всякое вредоносное существо» приводит и С. И. Ожегов. Однако он снабжает это значение пометой «устар.», вводя при этом, как уже говорилось выше, значение «кровососущие насекомые» без всяких помет. Последнее обстоятельство особенно важно.

Действительно, как мы увидим далее, к 50-м годам нашего века в основном заканчивается процесс стабилизации значения слова *гнус* и значение «кровососущие насекомые» становится единственным для этого слова в общенародном языке.

Но для этого надо было, чтобы неизвестная ранее реалия стала известной далеко за пределами ее бытования. Этому способствовало активное проникновение русских в глубь недоступных до недавнего времени территорий Сибири и Дальнего Востока. Ученые и путешественники, исследовавшие эти земли, познакомили русского европейца с понятием «гнус». Новое понятие требовало своего выражения в языке. Народное слово *гнус* как нельзя лучше подходило для этого: во-первых, оно не было совсем чужим для русского, владеющего литературным языком, так как в общенародном языке исстари существовало прилагательное *гнусный*, через которое отчетливо осознавался смысл незнакомого сибирского понятия; во-вторых, собирательное существительное *гнус* хорошо передавало значение комплексности, нерасчлененной целостности указанного понятия (тучи насекомых, где невозможно выделить отдельных особей); наконец, это слово вмещало в себя понятие всех таежных насекомых в целом, (а литературный язык знал только наименования отдельных насекомых, включаемых в этот комплекс: комары, мошки, слепни и т. д.).

Путь сибирского слова *гнус* в общенародный язык лежал через язык естественнонаучных и публицистических сочинений, а также через язык русской художественной прозы.

Наиболее ранние свидетельства о *гнусе* находим в дневниках путешествий и в работах ученых-естествоиспытателей. Однако долгое время авторы естественнонаучных сочинений и путевых дневников употребляют *гнус* как народное, диалектное слово, отмечая кавычками или специальными комментариями его местный характер.

Так, выдающийся русский путешественник Н. М. Пржевальский, приводя слово *гнус*, услышанное им на Уссури, указывает, что этим словом «..казаки (разрядка наша, — *Е. Э.*) называют комаров, мошек и оводов..».[16]

На местное происхождение слова обращает внимание известный ученый географ В. К. Арсеньев: Перед вечером появилась мошка. Местные старожилы называют ее гнусом, — пишет

[16] Н. М. Пржевальский. Путешествие в Уссурийском крае. 1867—1869. М., 1947, с. 43.

он в дневниках экспедиции по Уссурийской тайге в 1906—1907 гг.[17]

То же самое находим в путевых дневниках В. А. Обручева: «..Тучи комаров, гнуса, как их зовут в Сибири, вились вокруг всадников и лошадей».[18]

Позднее, в романе «Плутония», В. А. Обручев дает понятию «гнус» именно то определение, которое утверждается с течением времени в энтомологической и медицинской литературе. При этом В. А. Обручев не забывает указать на его сибирское происхождение: — И какое наземное животное могло бы выдержать укусы этого страшного *гнуса*? — сказал Громеко, употребляя сибирское выражение для обозначения жалящих кровопийц.

Гнус — кровососущие двукрылые насекомые. Такое значение имеет термин, совсем недавно появившийся в научной литературе. Приблизительно до конца 30-х годов нашего века термин этот совершенно не использовался учеными-естественниками. Так, в работах акад. А. Ф. Миддендорфа кровососущие насекомые названы мошками, слепнями, жигалками.[19] Не употребляют термина «гнус» ни врач Н. Б. Слюнин (участник экспедиции Богдановича в Охотско-Камчатский край), ни Н. А. Байков: вместо этого находим «комары», «кровопийцы», «мошки».[20] Даже в исследовании Е. Ф. Киселевой о фауне Таймырского полуострова, относящемся к более позднему времени (1936), нет указанного термина.[21]

Лишь в 40—50-е годы XX в. народное слово *гнус* начинает активно проникать в литературу по вопросам медицины, энтомологии и паразитологии. Это подтверждается и показаниями Большой медицинской энциклопедии: в первом издании энциклопедии (1927) слово *гнус* вообще отсутствует, а в издании 1958 г. дается подробная справка о *гнусе*, где, в частности, говорится следующее: Гнус — летающие двукрылые насекомые, сосущие кровь людей и животных. Народное наименование (Сибирь, Дальний Восток и другие места) вошло в научную литературу как обозначение всего комплекса кровососущих двукрылых насекомых.

То обстоятельство, что именно в эти годы народное наименование *гнус* закрепляется в научной литературе, связано с деятельностью ряда советских ученых во главе с акад. Е. Н. Павлов-

---

[17] В. К. Арсеньев. По Уссурийской тайге (Собр. соч., т. I, Владивосток, 1947).

[18] В. А. Обручев. Мои путешествия по Сибири. М.—Л., 1948, с 17.

[19] А. Ф. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, чч. 1—2. СПб., 1860—1877.

[20] Н. В. Слюнин. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание, I—II, СПб., 1900; Н. А. Байков. В горах и лесах Манчжурии. СПб., 1915.

[21] Е. Ф. Киселева. К фауне комаров западной части Таймырского полуострова. Тр. Биологического научно-исследовательского ин-та. Томск, 1936.

ским, которые обратились в это время к исследованию кровососущих двукрылых Дальнего Востока и Сибири, оказавшихся переносчиками тяжелых инфекционных заболеваний (энцефалита, сибирской язвы и под.).

Однако новый термин не сразу акклиматизировался в научной литературе. Вплоть до наших дней ученые-естественники предваряют свои работы, посвященные сибирскому «гнусу», довольно подробным истолкованием самого понятия с непременным указанием на сибирское происхождение слова. Так поступают и Е. Н. Павловский, и А. Мончадский, и В. А. Набоков, и М. Ф. Шленова.[22] Кроме того, в этих работах, как правило, наряду с термином «гнус», употребляются синонимичные ему слова: «кровососы», «кровососущие двукрылые» и т. д. Нередко преобладают именно эти обозначения (как, например, в указанной брошюре А. Мончадского).

К концу 50-х—началу 60-х годов термин *гнус* становится привычным и употребляется уже значительно свободнее. К тому же окончательно стабилизируется значение этого термина: им обозначают лишь определенные разновидности насекомых (мокрецов, мошек, малярийных комаров Anopheles, слепней и москитов).

Следует учитывать, что наличие термина в отдельном научном пособии «не всегда может свидетельствовать о его принадлежности к специальной литературной лексике, так как в такое пособие при определенных условиях может легко попасть и диалектное слово. Однако употребление такого термина не в одном, а во многих пособиях должно свидетельствовать о том, что он вошел в словарный состав литературного языка».[23] *Гнус*, как мы пытались показать, представляет собой пример такого рода, когда многократное, настойчивое использование диалектного слова в научной литературе приводит к формированию нового научного термина, способствуя вовлечению недавнего диалектизма в общенародный язык.

Параллельно с этим происходит процесс усвоения слова *гнус* художественной литературой, где оно появляется не ранее конца XIX в. и по преимуществу — в произведениях, богатых этнографическими деталями сибирского быта, а также у писателей, которые родились или долгое время жили в Сибири.

---

[22] Е. Н. Павловский, Г. С. Первомайский и К. П. Чагин. Гнус (кровососущие двукрылые), его значение и методы борьбы с ним. М., 1951; А. Мончадский. Летающие кровососущие двукрылые — гнус. М., 1952; В. А. Набоков и М. Ф. Шленова. Гнус, биология и меры борьбы с ним. М., 1955. Ср. также: Е. Н. Павловский. Защита от гнуса (комаров, мошек, слепней и др.). М., 1941; А. В. Гуцевич. Гнус (кровососущие двукрылые насекомые). В кн.: Паразитология Дальнего Востока. Л., 1947.

[23] Ф. П. Филин. Проект «Словаря русских народных говоров», с. 29.

В сущности, до самого недавнего времени слово это бытова в языке русской художественной прозы в качестве диалектизма необходимого писателям для более яркого воссоздания си бирского колорита. В этом смысле невозможно говорить (прим менительно к языку художественной литературы) об «усвоении слова *гнус* русским литературным языком. Употребляя это не знакомое, экзотическое, с точки зрения европейского читателя слово, писатели всегда тем или иным способом поясняют его К тому же его значение здесь менее стабильно, чем в научно публицистической литературе, зато образная природа слова ощу щается совершенно отчетливо, тогда как в языке естественно научной литературы, как всякий термин, оно лишено какой бы то ни было экспрессии.

В рассказе «У перевоза» писателя-народника Н. Наумова (родившегося и выросшего в Тобольске) сибирский крестьянин называет «гнусом» овода: — А оводу-то, оводу-то... страсти сколько! — проговорил он после непродолжительного молчания. — И!.. Совсем замучил скотину! — отвечал мужичок, — одно слово, гнус! [24]

При этом, следует сказать, что произведения Н. Наумова, как правило, посвящены быту сибирских крестьян и изобилуют местными словами. Эту особенность творческого почерка писателя отмечала Литературная энциклопедия: «Специфика Н. в границах русского народничества заключается в том, что в его произведениях содержится областной сибирский колорит».[25]

Очерк Н. Гарина-Михайловского «Карандашом с натуры» (1898) имеет подзаголовок «По Западной Сибири». Н. Гарин-Михайловский, несколько лет работавший на строительстве Сибирской железной дороги и хорошо знавший быт сибирских крестьян, их характерные, образные словечки, употребляет слово *гнус* в очерке, так объясняя его значение: Вас заедят здесь комары, слепни, овода, мошкара — все, что называется здесь гнусом. Так и говорят здесь сибиряки: Три греха у нас: гнус, мороз и бродяжка. Из приведенной цитаты видно, как настойчиво подчеркивает писатель местный характер слова.

В произведениях XX в. наблюдается известная неустойчивость в значении слова *гнус*. Некоторые авторы употребляют его как синоним слова *комар* (но с собирательным значением и, видимо, с известным экспрессивным оттенком): Неусыпное солнце всегда на полдне! Всегда плечи жжет мошкара, комар-гнус, и неустанный, незакатный пламень, прожигающий тайгу, мхи и лишайчатые, пепельного цвета скалы. (Вс. Иванов, Хабу). Приве-

[24] В том же значении употребляет слово *гнус* и Н. Н. Мамин-Сибиряк: Как-то управились бабы с покосом, не вылегла ли рожь, не появился ли какой-нибудь гнус, не осыпался ли овес — где же бабам за всем углядеть? («На чужой стороне»).

[25] Литературная энциклопедия, т. 7, 1934.

дем еще пример из романа А. П. Чапыгина «Белый скит»: Крень стоит над озером, простирает над болотом свои руки и шепчет: — Слепень, мошка, гнус-комарье, здынься!» Это, пожалуй, единственное произведение о русском Севере, где нам встретилось слово *гнус* (действие романа происходит в таежной деревушке Олонецкой губернии, — там, где родился и вырос А. П. Чапыгин).

Напротив, в других произведениях *гнус* по значению не совпадает с собирательным *комар, комарье*: оба слова употребляются как однородные члены предложения, обозначающие различные понятия.

Так, Л. Леонов, рассказывая о таежных скитаниях молодого Арсения Скутаревского в годы гражданской войны в Сибири, пишет: Комаром, гнусом и еще чем-то тонкостным, со щекотными усиками облепило их опухающие лица. (Л. Леонов, Скутаревский). Алибаев, герой повести Вл. Лидина «Великий или Тихий», проводит одну из ночей в таежной чаще, «пожираемый комарами и гнусом». «Идут зимой и летом, пробиваются сквозь пургу и несметные полчища комара и гнуса», — так пишет о сибирских строителях Ананьев в очерке «Ворота в Сибирь».[26]

Вероятно, во всех приведенных цитатах *гнус* имеет то значение, в котором употребляет его А. Первенцев в романе «Честь смолоду»: Мошка, маленькая, как москит, эта мошка ходит тучами днем. Она не пьет кровь, как комар, а садится на тело и вгрызается в мясо. Ср. также: В тайге его заедала мошка, злая, наседавшая тучей, так что становилось нечем дышать. Там утро, и день, и вечер едины: беспощадный, бесится гнус. Здесь жаркий день — и притихла мошка, толкутся и снуют над головой какие-то одиночки, словно в тайге царство гнуса, а здесь царит человек. (С. Сартаков, Хребты Саянские).

Итак, в языке художественной литературы слово *гнус* еще продолжает оставаться диалектизмом, сохраняет свой местный, локальный характер.

Однако в ряде произведений это слово употребляется без всяких пояснений. Означает ли это, что оно стало настолько привычным, что исчезла необходимость в комментариях? Вероятно, нет.

Здесь следует прежде всего выделить две категории: произведения, повествующие о жизни Сибири и Дальнего Востока, и произведения, не отмеченные такой локальной определенностью.

В первых сама тематика подсказывает смысл слова: Бежал он от золота, от цинги, от таежного гнуса (С. Диковский, Егор Цыганков).[27] Или: В здешних-то местах простому человеку никак не

[26] Литературная газета, 9 июня, 1956.

[27] Вполне вероятно, что для С. Диковского слово *гнус* было привычным: оно могло быть хорошо известно писателю, большую часть жизни прожившему на Дальнем Востоке.

удержаться: зверь бы заел, либо гнус одолел (П. Бажов, Малахитовая шкатулка). В таких произведениях *гнус* — непременный атрибут таежной сибирской жизни: Не понравилась ему барачная жизнь, и возненавидел он Сибирь с гнусом в тайге, с тонким звуком МАЗов на дорогах (Ю. Казаков, По дороге).

Примеры другого рода — когда произведение лишено соответствующей локальной характеристики, а слово *гнус* тем не менее употребляется без пояснений, — немногочисленны. Первый по времени случай такого употребления находим в рассказе В. В. Вересаева «Проездом»: — До чего дики, боже мой! — говорит герой рассказа, уездный врач, о местных жителях. — Бьешься, бьешься, сил нет, Вроде как гнус какой висит над тобой эта баба и притом в огромном количестве. Здесь отчетливо ощущается экспрессивная окраска слова, но значение его не совсем ясно. Впрочем, приведенный пример вообще представляется сомнительным: рассказ написан в 1903 г., а напечатан в 1904. Писатель вносил в него некоторые поправки и изменения. В тот же период времени (1904) В. В. Вересаев служил фронтовым врачом на Дальнем Востоке. Не было ли слово *гнус* результатом знакомства В. В. Вересаева с этим явлением дальневосточной жизни и не появилось ли оно в процессе позднейших исправлений?

В «Тихом Доне» М. А. Шолохова *гнус* обозначает, по всей вероятности, москитов, широко распространенных в южных областях России: Коноводы укрылись с лошадьми в потайных уремах... Там коней не беспокоил гнус, в оплетенной диким хмелем чаще было прохладно.

Особенно интересен пример употребления слова *гнус* у К. Г. Паустовского. Дело в том, что К. Г. Паустовский чрезвычайно взыскателен в отношении использования диалектизмов в художественной литературе: Одно непонятное слово, — пишет он, — способно разрушить самое образцовое построение прозы. Требование строгого отбора диалектизмов — творческое правило К. Г. Паустовского: Существует вершина — чистый и гибкий русский язык. Обогащение его за счет местных слов требует строгого отбора и большого вкуса.[28]

Слово *гнус* писатель употребляет без пояснений: В окнах домов не было стекол. Их заменяли частые металлические сетки. На них сидело снаружи столько гнуса, что в комнате было темно (Золотая роза). Можно ли утверждать, что слово *гнус* воспринимается К. Г. Паустовским как общенародное, понятное любому читателю? На этот вопрос трудно ответить с полной определенностью: употребляя диалектизмы, К. Г. Паустовский старается избегать «скучных пояснений» и сносок. «Слово должно быть поставлено в такой связи со всеми соседними словами, чтобы значение его было ясно читателю сразу, без авторских и редакторских

[28] К. Паустовский. Избранная проза. М., 1965, с. 268.

ремарок».[29] Возможно, что приведенная нами цитата — один из примеров практического применения писателем этого правила.[30]

Как бы то ни было, но многократное употребление слова *гнус* русскими писателями, — тем более такими выдающимися мастерами слова, как В. В. Вересаев, Н. Н. Мамин-Сибиряк, М. А. Шолохов, К. Г. Паустовский и др., — сделало его с течением времени известным читателю, привычным для него. В последние годы оно проникло даже в язык поэзии. Ср., например: Я прощаюсь с тайгой, улетаю на запад. Травяной, смоляной, пропитал меня запах. Обожгла пелена ненасытного *гнуса*, притерпелась спина к непосильному грузу,[31] или: Ему бы дорогу, да только не эту, Но гладких дорог здесь пока еще нету, А есть только просеки в хмурых урманах, Болота, пески и вода на полянах, Туман, облака кровожадного *гнуса*, Безлюдье и залежи срочного груза.[32] Однако, в языке русской художественной прозы слово это в значительно большей степени, чем в естественнонаучной литературе, сохраняет связь с диалектами, о чем свидетельствует очень осторожное употребление его современными писателями.[33]

Вообще, сам по себе факт бытования диалектного слова в художественной литературе не может быть достаточным аргументом в пользу усвоения бывшего диалектизма общенародным языком: здесь важно учитывать характер его использования писателями (местный колорит произведения, общую насыщенность его диалектизмами и т. д.). Каждый пример употребления такого слова в языке художественной литературы требует специального рассмотрения (вплоть до некоторых деталей биографии писателя, который сам может оказаться носителем диалекта).[34]

Что касается слова *гнус*, то по отношению к нему художественная литература сыграла роль катализатора, способствуя широкой известности того понятия, которое этим словом обозначается, и тем самым ускоряя процесс его усвоения литературным языком.

---

[29] Там же, с. 268.

[30] Ср. другие примеры из произведений К. Г. Паустовского: Откроются ветряки, что машут крыльями на курганах... (Воронежское лето); К востоку от Боровых озер лежат мещорские болота «мшары» или «омшары». (Мещерская сторона); В нагретых травах «жундели» шмели (Мещерская сторона); Это был тихий человек, болезненный — «квелый», как говорили по деревне (Стекольный мастер).

[31] Э. Портнягин. Прощанье с тайгой. Комсомольская правда, 17 декабря, 1967.

[32] Н. Кутов. Сибирские строки. Звезда, № 5, 1967, с. 140.

[33] Так, например, С. Сартаков, один из сибирских писателей, в трилогии «Хребты Саянские» в редких случаях использует это слово, предпочитая ему более привычное «мошка».

[34] Вот почему представляется неубедительным тот иллюстративный материал, которым сопровождается слово *гнус* в семнадцатитомном словаре русского языка (Академия наук, Л. 1950—1965), где все примеры заимствованы из произведений этнографического характера.

Обращает на себя внимание еще один факт: в недавно вышедшем «Словаре русских старожильческих говоров среднего течения реки Оби» слово *гнус* отсутствует: ни в одном из значений, отмеченных в этих местах, составители словаря не приводят указанного слова. Это обстоятельство, как нам кажется, заставляет предположить, что в тех говорах, где когда-то существовала целая система значений, все остальные значения, кроме того, которое стало общенародным, утрачены. Отсюда — новое прилагательное *гнусный* —обильный гнусом, которое впервые отметил названный словарь («Какой нынче гнусный год!»).

Итак, слово *гнус*, значение которого сформировалось в русских народных говорах, проникает в современный литературный язык через язык естественнонаучной литературы и русской художественной прозы. Можно ли считать этот процесс окончательно завершенным? Применительно к одной из разновидностей русского литературного языка — вероятно, да: к концу 50-х—началу 60-х годов это слово закрепляется в научной литературе в качестве термина, обозначающего «комплекс кровососущих насекомых».

В художественной литературе позиции этого слова менее устойчивы: здесь еще достаточно прочны нити, связывающие его с диалектами. Однако факты употребления слова *гнус* в языке советской поэзии, при этом без каких бы то ни было комментариев, свидетельствуют о дальнейшем усвоении его и этой разновидностью русского литературного языка.

А. Ф. МАРЕЦКАЯ

Слова с корнем *весн(а)* в русских народных говорах[1]

Судьба слова *весна* и производных от него в русских народных говорах и русском литературном языке не тождественна.

В русских народных говорах в их соотношении с литературным языком слова эти по словообразовательному признаку делятся на две группы: 1) совпадающие по форме с литературными, 2) не совпадающие по форме с литературными.

В первой группе есть такие слова, которые совпадают с литературными и по форме и по значению: *весноватый*, *веснушчатый* 'покрытый веснушками, с веснушками'. Мы не останавливаемся на них. Нас интересует лексика с корнем *весн(а)*, в той или иной степени отличающаяся от соответствующей лексики литературного языка, в частности, семантические особенности этой лексики, — семантические диалектизмы.

Слово *весна* бытует во всех говорах в том же значении, что и в литературном языке — время года между зимой и летом. Вместе с тем в говорах в отличие от литературного языка слово *весна* имеет ряд значений вторичных, развившихся из общерусского значения, ограниченных названием каких-либо конкретных предметов, событий или явлений, происходящих в весеннее время года: 1) весенний разлив (Весной зовут ..первую воду после Егорья. Арх., Даль. Поводь была как весна. В весне выкупался. Весна по причелину была. Буйск., Солигал. Костром.); 2) первый весенний дождь (Арх., Даль. Север); 3) веснушки (На лице весна. Парень-от с весной на лице был. Ср. Урал, 1964); 4) лихорадка (в сочетании — *весна трясет*, Соликам. Перм., 1898); 5) трава, которую используют в народной медицине для

[1] По материалам картотеки словаря русских народных говоров и словарной картотеки ИРЯЗ АН СССР, рукописи Деулинского словаря, по словарям русского языка и собственным наблюдениям над говорами.

лечения больных малярией (Малярию у нас все весной лечат. Свердл., 1964).

Кроме этого, в слове *весна* отмечено значение — период времени между зимой и осенью; вообще теплое время года (С пасхи у нас начинается *весна* и докуда... до празника до осеннего рожества богородицы... С празника пойдет осень. Как снег слезет и до сентября — все весна, а потом осень — десять недель с половиной (Ряз. Ряз., Деулинский словарь).

Наречие *весной* имеет также значение — период времени между зимой и осенью; в теплое время года. (Вот весной за грибами ходили, много видели их (лосей). Вот весной купалси, в покос... и озяб.., его враз и схватило. И садка, и уборка — все весной. Успенье весной бывает, в августе. Д. Деулино Ряз. Ряз.).

В прилагательном *весенний* возможны сочетания с существительными, относящиеся не только ко времени года между зимой и летом, но и к летней поре. Например: весенний песок — место, где ловят рыбу неводом в мае и июне (Тобол., 1899. Урал).

Слово *веснушка* (*веснушки*) встречается также в значениях: 1) подснежная клюква (Покр. Влад. 1817, Бурнашев без указ. места, Влад. Даль); 2) растение Valeriana Officinalis, сем. мауновых, валерьяна (Олон., Анненков); 3) растение Viola laelia, сем. фиалковых; фиалка (Нижегор., Анненков); 4) лихорадка (Перм., 1848. Вят).

Вторая группа — диалектные образования с корнем *весн(а)* — представляет собой лексические диалектизмы. Они относятся к различным частям речи.[2] Более многочисленные образования существительных: *весе́нник*, *весе́нница*, *ве́сень*, *веснась* (удар.?), *весни́га*, *весни́ка*, *ве́сни́на́*, *весновáльщик*, *весновáнье*, *весно́вка*, *весново́дье*, *весноде́ль*, *весноде́льник*, *веснопáшка*, *весно́тка*, *весну́ха*, *весня́*, *весня́к весня́нка*, *весня́та*, *привесна* (удар.?), *про́весна* и др. Многочисленны также образования диалектных прилагательных: *весе́нский*, *ве́сненский*, *весновáльный*, *весновáльский*, *весново́й*, *весно́вский*, *веснодéльный*, *веснодельско́й*, *весну́шный*, *весня́ный* и др. Отмечаются глагольные диалектизмы: *весновáть*, *завеснова́ть*, *завеснова́ться*, *веснодéлить*; и наречные: *вёснусь* (*ве́снусь*), *вёснуся* (*ве́снуся*, *вёснысь*, *ве́снысь*), *се́весен*, *се́весень*, *се́весну*, *се́весны*.

Основной способ образования этих диалектизмов суффиксальный; встречаются префиксально-суффиксальные образования, отдельные слова образованы с помощью только префиксов, наблюдаются фонетико-морфологические образования и словосложение.

---

[2] В диалектной лексической группе имеется другой ряд слов с этим корнем, но в иной огласовке — *вешна*. *Вешна* является второй производной основой от *весна* и живет своей жизнью, имея цепь своих, производных от *вешна* образований, и требует дополнительного анализа.

I. Суффиксальные диалектизмы

Как сказано выше, продуктивны суффиксальные образования существительных и прилагательных. Из глагольных суффиксальных образований зарегистрировано лишь *весновать* (образовано от чистой основы *весн(а)* с помощью суффикса *ова(ть)*.

Слово *весновать* отмечено в Слов. Акад. 1806 г. в значении «препровождать, проводить где-либо весну» (без ограничительных помет). Первая фиксация его в говорах (олонецких и архангельских) относится к 1823 г. с более узким значением: проводить весну на промысле. Эти значения бытуют и сейчас в говорах. Широкое распространение получило общее значение — проводить где-либо весну, оставаться где-либо на весну, зарегистрировано в архангельских, поморских, костромских, воронежских, тобольских, томских, якутских говорах. Нам приходит весна красная, — с милым весновать (Арх., Соболевский). Годовать — жить год, зимовать — зиму, летовать — лето, весновать — весну, осеновать — осень. По льду перетащились, весновали там (Том).

На севере отмечено и более конкретное значение — промышлять в море рыбу и зверя ранней весной (Арх. Даль); Кака стара, еще весновала сей год (Беломор.).

В южносибирских говорах (1847 г.) глагол весновать употребляется в значении — останавливаться где-либо во время пути весною, ожидая вскрытия рек или более удобного для езды времени.

В Шуйск. Влад., 1932, отмечено значение — праздновать наступление весны.

Все эти значения глагола *весновать* связаны с весенним временем года между зимой и летом). Но возможно и отношение вообще к теплому времени года, охватывающему период весны и лета; например: пасти скот на летнем пастбище (Весновать за рекой со скотом поезжаем, Усть. Цилем. Арх., 1951).

а) Суффиксальные существительные. Существительные образуются с помощью суффиксов как непосредственно от корня *весн(а)*, так и от прилагательного с суффиксом *н* (*весенний*) и глагола с суффиксом *ова(ть)* этого корня (*весновать*).

От основы *весн(а)* образованы существительные мужского и преимущественно женского рода, обозначающие названия предметов и явлений природы: мужского рода с помощью суффикса *як*: *весня́к*; женского рода с помощью суффиксов: *иг(а)* *весни́га*, *ик(а)* *весни́ка*, *ин(а)* *весни́на*, *отк(а)* *весно́тка*, *ух(а)* *весну́ха*, *янк(а)* *весня́нка*; посредством суффикса *ят(а)* образовано весня́та, мн. ч. (форма ед. ч. не зарегистрирована).

От основы прилагательного *весенний* образованы существительные с помощью суффиксов *ик* (*весе́нник*, муж. р.) и *иц(а)* (*весе́нница*, женск. р.), обозначающие также название предметов и явлений природы.

От глагольной основы образованы существительные с помощью суффиксов *льщик — весновальщик* (муж. р.), обозначающие названия лица по его действию, *ньѣ(е)* — веснованье (ср. р.) и *к(а) — весновка* (женск. р.), обозначающие процесс действия. (Впрочем *весновка* могло быть образовано и от основы существительного *весна* с помощью суффикса *овк(а)* — обозначает название предметов и явлений, связанных с каким-либо действием).

Все эти существительные семантически объединяются словом *весна* в значении определенного времени года, но представляют собой знаменательные слова, выражающие какое-то частное конкретное понятие, относящееся ко времени весны. Наблюдаются среди них близкие или одинаковые по значению слова, образующие семантические пары или группы, соотносительные со значениями «весны» (общерусским и диалектными).

Параллельно со словом *весна* в общерусском значении употребляется *весенница* в значении ‘весенняя пора, весеннее время’ (Пск., 1858).

С конкретизацией общего понятия слова *весна* связаны приставочные существительные: *привесна* в значении ‘начало весны’: Вот вешнику ежели стрыгут, это значит с привесны, это вешника, вот как гнать на рост — это вешника (Ряз. Ряз., Деулинский словарь); *провесна* ‘в значении конец весны’: Теплынь на провесны (Дон., Миртов) [3] и сложное по образованию существительное *веснась* в значении ‘прошедшая весна’ (Кузнецк. Том., Архив РГО).

В значении ‘весенний разлив’ известно существительное *весноводье* [4] (время весеннего разлива, половодье, Ржев., Осташк. Твер., Пск., 1855). Близко к этому одно из значений слова *весно́вка* ‘весеннее вскрытие реки’: Весновка была, реку ломало (Тулун. Иркут., 1924).

Как увидим далее, имеются и производные от *весна* существительные со значением лечебной травы, например, *весня́нка* (Курск., 1897), ср. также *весну́шка.*

В значении ‘веснушки’ встречаются слова: *веснина* (Даль, без. указ. места), *весно́тка* (Арх., Даль, Арх. 1885), *весну́ха* (Пск. Пск., 1902—1904; в Слов. Акад. 1847 с пометой «Простонародное»), *весня́нка* (Нерехт. Костром., 1853: Сколько у нашей девки веснянок много. Пушк. Пск., 1957).

Особую группу образуют существительные со значением ‘лихорадка’, отмеченным в слове *весна*: *весе́нница* (Порх. Пск.,

---

[3] Ср. дальше приставочные образования.

[4] Д. К. Зеленин в работе «Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии», указывая на многочисленные названия лихорадки по ее различным проявлениям, упоминает и *веснуху:* «Наконец, *весну́ха,* вёшница ..., весница», «т. е. весенняя, мучающая весной лихорадка» (Гродненская губ.). Сборник музея антропологии и этнографии, т. IX, Л., 1930, с. 78.

Осташк. Твер., 1855), *весно́вка* (Охан. Перм., 1930), *весня́нка* (Оренб., 1849; Ветл. Костром., Духовищ. Смол.), *весну́шка* (Перм., 1848. Вят.); широко распространено *весну́ха* (Волог., 1822): Не веснуха ли у тя? Веснуха пристала (Олон.). У нее бред сильный, жар — это *веснуха*, (Пск.). Теперь редко кто веснухой болеет (Свердл.). Зарегистрировано также в смоленских, новгородских, петербургских, тверских, ярославских, пермских, тобольских и забайкальских говорах.[4]

Образование слов с более конкретным значением, а вместе с тем и образование пар и групп слов с одинаковым значением не ограничивается только соотносительностью с употреблением существительного *весна* в различных значениях: отмечаются семантические пары и группы слов с обозначением названий таких конкретных понятий, предметов, явлений, бывающих в весеннее время года, какие не зарегистрированы в слове *весна*.

Так, слова *веснушка* (Бурнашев, без указ. места; Влад., Даль) и *веснянка* (*веснянки*, Пск., Даль) объединяются в значении «подснежная клюква».

Слова *весенник* (Пск., 1855. Поволжье, бассейн Оки, Мурзаевы) и *весняк* (Ряз., Симб., 1858. Поволжье, бассейн Оки, Мурзаевы, Волж., Арх.) совпадают в значении ‘весенний юго-восточный ветер’.

Выделяется группа существительных со значением ‘овечья шерсть весенней стрижки’: *весни́га*, *весни́ка*, *ве́сни́на*. Слова *веснига* и *веснина* ограничены небольшой территорией распространения и фиксация их более поздняя. (Веснига шерсть и летнина, Верхнекетский. Том., 1964. Весной стригут — весникой зовут Нижне-Сергин. Свердл., 1964). Слово *веснина* имеет широкое территориальное распространение. Оно отмечено в словаре Бурнашева 1843 г.: Снимать веснину. (Твер.). Употребляется в псковских, вологодских, владимирских, кировских, пермских, челябинских, южносибирских говорах, на Урале и Зауралье, на Енисее, в Томской, Кемеровской и Тобольской областях. Приведем несколько примеров: Когда в поле в первый раз выгоняем овец, стригем шерсть, это ве́снина (Пск.); Весной весни́на, великим постом стригут. Весни́на хороша шерсть. Весни́на на чулки да на исподки (Том.).

Веснина зарегистрирована также в значении ‘овечья шерсть и летняя стрижка’ (Никол. Волог., 1852. Том., Кемер.).

Некоторые слова, составляющие семантические группы, многозначны и объединяются в эту группу только отдельным значением; многозначное слово также может иметь два или несколько значений, совпадающих с другими словами, образующими дублеты, например: *веснина, весновка, веснуха, веснянка.* Слово *веснина* наряду с значением ‘овечья шерсть’ употребляется в шутливой речи в значении ‘длинные волосы на голове мальчика или мужчины’ (Заурал., 1924—1937). Кроме этого,

веснина обозначает снетки весеннего улова (Пск. Пск., 190[illegible] 1904) и совпадает в этом значении с существительным в фор[illegible] мн. ч. *веснята* (Старорусский Новг., 1855 и Новг.).

Слово *веснянка* совпадает с другими словами в значени[illegible] ‘веснушки, лихорадка, подснежная клюква’, а также близко [illegible] мантически к слову *весна* в значении ‘лечебная трава’: весня[illegible] кой называют травянистое цветущее растение, употребляем[illegible] в лечебных целях; лесной черный горошек (Курск., 1897). В др[illegible] гих значениях дублетов не зарегистрировано: форма мн. ч. ве[illegible] *нянки* встречается в значении ‘подснежники’ (Пск. Пск., 1902[illegible] 1904. Холм. Пск.) и в значении ‘мошки’ (Иркут., 181[illegible] форма ед. ч. отмечена в значении ‘весенняя песня’ (Бурнаш[illegible] квалифицирует его как малорусское слово, Даль дает без тер[illegible] риториального указания, записано Добровольским в Дмитр. Ор[illegible] 1905 г. в этом значении; Слов. Акад. 1951 помещает с этнограф[illegible] ческой пометой).

Слово *весно́вка*, кроме совпадающего с другими словами зна[illegible] чения ‘лихорадка’ и близкого по семантике к слову *весна* значе[illegible] ния ‘весеннее вскрытие реки’, соотносительно также со сло[illegible] вом *весновáньe* в значении ‘весенняя охота (Арх., 1940), весен[illegible] няя охота на гренландского тюленя во льдах Белого моря: На Моржовце живу всю зиму до вешнего промысла и также на[illegible] весновке (Арх., 1950). Только в этом слове отмечены значения: 1) сезон весеннего сплава леса: Вот скоро месяц, как мужики на[illegible] весновку ушли. Две весновки робил на сплаву, плавили в То[illegible] больск (Турин. Свердл., 1964); 2) весенний лов рыбы (Арх.[illegible] 1940); 3) зерно, высеваемое весной: Весновка — рожь такая[illegible] весной сеют. Раньше весновка, ярица — сеяли весной (Том.). Весновка — пшеница, сеяли весной, а под зиму сеют — это есь[illegible] зимова рожь (Кемер.). Последнее близко к одному из значений[illegible] слова *веснуха*.

Слово *веснуха,* совпадая с другими словами в значениях ‘вес[illegible] нушки’ и ‘лихорадка’, вместе с тем обозначает различного рода[illegible] болезни, бывающие в весеннее время года, как-то: 1) малярию: Меня полный месяц веснуха трепала, акрихину перепил сколько[illegible] (Мстин. Новг., 1948); 2) туберкулез: Веснуха... лихорадка, а на[illegible] Кенозере и чахотка (Олон., 1885—1898); 3) желтуху[illegible] (Белозер. Новг., 1898); 4) ревматизм: Веснуха его ухватила — ноги отняла, руки болят, — водяная она (Верхнеуд. Забайк.[illegible] 1925). Встречаются записи, где словом *веснуха* обозначается[illegible] болезнь без указания какая (Валд. Новг., Доброписцева). Болезни: веснуха, краснуха, желтуха (Холм. Пск. Отмечено и в архангельских, новгородских, олонецких, тверских, пермских говорах).

Веснухой называют рожь весною, еще не выколосившуюся: Веснуха нынче хорошая (Смол., 1914), а также человека с рыжими волосами (Алап., Полев. Свердл., 1964).

Ряд значений в слове *веснуха* не выражает прямой зависи-сти от весеннего времени года, но связан с ним опосредство-нно, через многочисленные весенние болезни, называемые *еснухой*, которые, в свою очередь, могли объясниться не иначе, к действием нечистой силы. К ним относится употребление лова *веснуха* в значениях 'дьявол, ведьма' (Заон. Олон., 1896), нечистая сила' (Полев. Свердл., Глазырина, 1953); 'бранное лово': У! ты веснуха! (Олон., 1852); Веснуха темная 'ругатель-ое выражение' (Смол.); 'шельма, плутовка' (Петрозав. Олон., 899); в фразеологическом обороте: Ни веснухи не вышло — 'не далось, не вышло' (Олон., 1885—1898).

Слова *весе́нник* и *весня́к,* совпадая в значении 'весенний юго-осточный ветер' имеют также и другие значения, связанные весенней порой. *Весняк* употребляется еще в значениях 'моло-ая поросль леса, появившаяся весной': Осиновый весня́к под-ялся (Верхот. Свердл. 1964); 'водяная мельница, работающая олько во время весенней (большой) воды': У нас мельницы весняки. Весной больше мелют. Летом не работают: воды мало (Исет. Тюмен., 1964); 'отобранный на убой и пущенный на от-гул рогатый скот' (Арх., Даль).

Слово *весе́нник* соотносится не только со словом *весня́к* в значении 'юго-восточный ветер', но и со словом *весна* в значе-нии 'весенний дождь'. Кроме этого, весенником называют жере-бенка, родившегося весной (Ср. Урал, 1964).

Среди слов, одинаковых по значению, имеются и однознач-ные. Так в группе слов со значением 'веснушки' отмечено только слово *веснотка,* остальные слова (*веснина, веснуха, веснянка*) многозначны. В словах, обозначающих овечью шерсть весенней стрижки, с этим значением отмечены формы *веснига — весника.* Слово *веснята* зарегистрировано только в значении 'снетки ве-сеннего улова', слово *веснина,* употребляемое в этом же значе-нии, многозначно. Слово *весно́ванье* кажется более конкретным по сравнению с многозначным словом *весновка,* употребляемым и в значении 'весенняя охота'. *Весно́ванье* отмечено в значении 'охота на морских зверей в весеннее время (во льдах Северного Ледовитого океана)', (Арх., Бурнашев; «Полярные моря», Мурзаевы), а также в значении места охоты на морских зверей в весеннее время (Колым. Якут., 1901). С этим значением связано сочетание: идти на *весно́ванье* — обозна-чает идти в море на лов зверей, охотиться на зверя (Арх., 1847).

Однозначные диалектизмы могут и не входить в семантиче-ские ряды, например, к словам: *весе́нна* 'весенние поборы духо-венства с прихожан' (Енис. Енис., 1902), *весновáльщик* 'тот, кто охотится на морских зверей в весеннее время' (Арх., 1847; Север) — дублеты не отмечены.

б) Суффиксальные прилагательные. Как и существительны прилагательные образуются от чистой основы *весн(а)* и про водных от нее.

Продуктивны образования от чистой основы *весн(а)*; образ ваны прилагательные с помощью суффиксов: *енск(ий) весне ский*, *ов(ой) весновóй*, *овск(ий) весновский*, *ян(ый) весня́ны* От основы существительного *веснуха* образовано *весну́шны* (суффикс *н(ый)*).

От глагола *весновать* образованы с помощью суффикс *льн(ый) весновáльный* и *льск(ий) весновáльский*.

Эти суффиксы (*н, ов, овск, енск*) употребляются для образования прилагательных и в литературном языке, но от друг основ.[5]

Надо полагать, что суффиксы диалектных прилагательны с корнем *весн(а)*, соотносительны по значению между собо Поэтому и возможны такие различные по суффиксальном оформлению прилагательные, а именно: *весненский, весновальный, весновальский, весновой, весновский, веснушный, весняный* они однозначны (за исключением прилагательного *веснушный*) обозначают ‘относящийся к весне, весенний’.

Весненский Деулинский словарь фиксирует в сочетании *весну вéсненскую*, в значении: ‘в течение всей весны’: У меня летос жили шофера, всю весну-весненскую.

Весновáльный (Весновальная артель. Слов. Акад. 1847. Арх. 1852); зарегистрированы также сочетания: *весновальный промысел* ‘промысел морских зверей весною, на Белом море’ (Арх. 1847); *весновáльный карбас, весновáльная лодка* ‘судно, употребляемое для весеннего промысла морских зверей’ (Арх., 1844; Беломор.).

Весновáльский (Арх., 1858); также в сочетании: *весновáльский крюк* ‘кривое, с большими крепкими корнями дерево, затопленное весенней водой’ (Арх., 1858).

Весновóй в значении ‘весенний’ отмечено в Словаре Акад. 1896 и затем в терских говорах: Зимова-то служба — коню корму нет, А мне, молодцу кручина; веснова-то служба — коню корму много, А мне, молодцу — веселье (песня, Водарский, 1901).

В прилагательном *весновóвский* в соответствии с диалектным значением слова *весна* отмечается значение ‘весенний или летний’: Не теплый.. ни весновский дождик, а осенний (Ряз. Ряз., Деулинский словарь).

---

[5] Например, суффикс *енск* встречается главным образом в именах прилагательных, производных от имен существительных, обозначающих географические названия (керченский, пензенский). Суффикс *овск* продуктивен в литературном языке, он используется для образования прилагательных и от основ, которые в настоящее время не сочетаются с суффиксом *ов*, например, августовский, мартовский. (Акад. грамматика русского языка, ч. 1. М., 1952, сс. 343—344).

Весну́шный: Осенний разлив меньше веснушного (Кузнецк. Том., 1895—1896); Красной рыбы не добывают: веснушный сезон (Том.); веснушная рожь (Кемер. Колым. Якут.).

Весня́ный: Весняная вода (Дон., 1874. Азов).

И все же прилагательные эти далеки друг от друга по своим значениям.[6] Выражая общее отношение к весне, обозначая понятие ‘весенний’, они имеют тенденцию к конкретизации этого понятия, сочетаясь с существительными и закрепляясь в этих сочетаниях. Конкретные значения придают им также и суффиксы, которые помогают выражать не только обобщенное значение отношения к весне, но и конкретное значение, зависящее, в какой-то мере, и от того слова, с каким данное прилагательное сочетается и от значения того слова, от которого данное прилагательное образовано. Поэтому-то прилагательное *веснушный* наряду со значением ‘относящийся к весне, весенний’ употребляется в значениях ‘относящийся к весне-веснухе в значении веснушки, веснушчатый’: Веснушный ты парень (Олон., 1852) и ‘относящийся к весне-веснухе в значении лихорадка’ (Олон., 1852). Кроме этого, прилагательное *веснушный* употребляется как бранный и как ласкательный эпитет (Олон., 1852), по-видимому, это прилагательное также применительно к значению слова *весна-веснуха*.

II. Приставочные и приставочно-суффиксальные диалектизмы

Приставочные и приставочно-суффиксальные диалектизмы с корнем *весн(а)* редки в говорах.

Как сказано выше, отмечены приставочные образования существительных *привесна* ‘начало весны’ (Ряз. Ряз., Деулинский словарь), *про́весна* ‘конец весны’ (Дон., Миртов).

Возможно, к диалектным словам относится прилагательное *повесенний* в значении ‘бывающий по весне, весной’, помещенное в словаре Даля без указания территории распространения.

Встречаются глагольные приставочные образования *завесновáть, завеснова́ться, завеснять*.

Глагол *завеснова́ть* (совершенного вида от *весновать*) [7] отмечен Далем в значении ‘остаться на весну, провести где весну’

[6] Так же, как и слова литературного языка с соотносительными по значению суффиксами, например: *н* и *ов* (*дымный—дымовой*), *н* и *ск* (*кабинетный—кабинетский*), *ов* и *ск* (*актеров—актерский*) и др. (Ср. Акад. грамматика русского языка, ч. 1, сс. 342—343).

[7] Ср. также глагол *провеснова́ть*, совершенного вида к *весновать*, в Слов. Акад. 1806 г. приводится в статье на *веснова́ть*; в других словарях его нет, в диалектных материалах не встречается. В подтверждение того, что глагол этот был ранее в употреблении, приведем цитату из «Истории русского народа» Полевого: «Разлитие рек в самом деле остановило новго-

без указания места. В этом же значении употребляется и возвратная форма *завесновáться* ‘остаться на весну’ (записана Савельевым в Енисейском уезде Енисейской губ. в 1909 г.).

Завесновáть употребляется также в значении ‘почувствовать весну и половое влечение (о животных)’ (Кадн. Волог., Шустиков). В переносном смысле как эвфемизм ‘*весновать*’ употребляется и по отношению к людям ‘слишком увлечься половой страстью’ (Кадн. Волог., Шустиков, Слов. Акад. 1899, Дилакторский).

Глагол *завеснять* отмечен Словарем Акад. 1899 г. в том же значении, что и *завесновать*, а также в безличном значении ‘начаться весне’ (А как уже гораздо завесняет). Территория распространения не указана.

Итак, отмечены единичные диалектизмы, образованные с помощью приставок *за, по, при, про*: *привесна, провесна, повесенний, завесновать, завесноваться, завеснять*. Приставки *при, про* при существительных и *по* при прилагательных конкретизируют значение того слова, от которого они образованы; приставка *за* в глагольных образованиях (*завесновать, завеснять*) может иметь чисто формальный характер (обозначает совершенный вид глагола) и может изменять лексическое значение слова, например, глагол *завесновать*, кроме обозначения совершенного вида от *весновать*, имеет значение, которое не отмечено у глагола *весновать*.

III. Фонетико-морфологические диалектизмы

Лексические диалектизмы от основы *весн(а)* образуются также фонетико-морфологическим способом: с помощью видоизменения самой основы *весна* и от падежных окончаний. Лишь в отдельных случаях подобные изменения слова по форме не меняют его содержания. К последним можно отнести, например, существительное *вёсная* (по форме прилагательное) в значении ‘весна’: Красную вёсную встречать (Самар., Симб., 1884, образовано по аналогии с субстантивированным прилагательным женского рода). Однако сказать с определенностью, что значения ‘вёсная’ и ‘весна’ полностью совпадают, нельзя. Возможно, что слово *вёсная* обозначает — эта весна, и является конкретизацией более общего значения слова *весна*, так же, например, как слово *веснась* в значении ‘прошедшая весна’ (Кузнецк. Том., Архив РГО), образованное по аналогии с наречиями типа *вёснусь*.

Существительное женского рода *весня́* (фонетическое изменение формы *весна*), обозначающее всходы озимой пшеницы

родцев. Изяслав понял хитрость дяди, провесновал в Смоленске, спешил в Киев, и гнев его обратился на невинного, как говорят летописцы» (кн. II, гл. 4, с. 436).

(Белояр. Свердл., 1964), представляет собой по образованию смягчение конечной согласной основы *весна*.

Другое слово может быть образовано путем переноса ударения с окончания на основу слова *весна* и переходом ударного *е* в *о*. Так *вёсна* употребляется в значении 'время весеннего сева': Вёсна подходит (Табор. Свердл., 1964).

Интересно по образованию существительное женского рода *вёсень*, встречающееся в значении 'первые цветы в поле весною', 'первоцвет, краска однолетних растений', (Арх., Даль). Слово *весень*, возможно, представляет собой видоизменение основы *весна* под влиянием древних основ женского рода на *ь*, типа *кость, осень*, по аналогии с *осень*. Но эта форма *весень* совпала по существу с родительным падежом мн. ч. *весен* (отличие лишь в мягкости основы) и была вытеснена многочисленной основой на *а*, к которой относилось существительное *весна*. Форма *весень* сохранилась в говорах. О наличии этой формы в древности в значении *весна* свидетельствует образованное от него, вероятно, прилагательное *весенний*. Форма *весень* в значении 'весна' живет в говорах в застывшем наречном словосложении *севесень (севесен)*, обозначающем 'нынешней весной', 'этой весной': Севесень мало дров заготовлено; Севесень за клюквой Надя ходила (отмечено в речи старшего поколения д. Б. Будогощь Киришского района Ленинградской обл.).

От падежных форм существительных наречные образования представляют любопытное явление в говорах.

Говорам, как и литературному языку, известно наречие *весной*, восходящее к форме творительного падежа единственного числа существительного *весна*. Кроме этого, в говорах бытуют наречные образования от форм родительного, винительного, дательного и предложного падежей существительного *весна* с прибавлением возвратной частицы *сь(ся)*, являющейся древним возвратным местоимением *веснысь, веснусь* (*веснуся*) и *веснесь*, неизвестные литературному языку. Лексическое значение этих наречий не всегда совпадает со значением наречия *весной*. Основное их значение 'прошлой, минувшей весной', но отмечено и употребление в значении 'этой весной', а также в значении 'вообще весной'. Наиболее употребительно наречие *веснусь*; оно широко распространено в говорах и зарегистрировано в вариантах: *вёснусь, вёснусь* и *веснýсь*. О наречиях *веснусь и веснуся* (без указания на варианты в произношении), их образовании и территориальном распространении с достаточной убедительностью сказано в статье И. А. Попова.[8]

Форма *веснуся* в значении 'прошлой, минувшей весной' употребляется не только в вологодских, костромских, пермских

[8] И. А. Попов. Сложные наречия в говорах русского языка. В сб.: Лексика русских народных говоров, М.—Л., 1966, сс. 76—78.

и тобольских говорах, как показано в статье И. А. Попова, но в говорах Сибири.

В дополнение укажем на формы, которые не учтены в статье И. А. Попова: *веснысь, веснесь. Веснысь* встречается в значении 'прошлой, минувшей весной' в архангельских говорах: Он сюдысь вёснысь приезжал (Терск. Арх., 1932) и в забайкальских (Вейнбаум).

Веснéсь зарегистрировано в значении 'весной, в весеннее время' (Забайк., 1963). Возможно, что форма *веснесь* образовалась по аналогии с *осенесь* или является позднейшим образованием по сравнению с *веснысь*. Родительный, дательный и предложный падежи ед. ч. совпадают в ряде говоров в одной форме на *ы*: *до весны, к весны, о весны,* хотя, например, в говорах Ленинградской области приходилось слышать и форму родительного *с весне́*: Он с весне хворает (Кириш. Ленингр.).

От падежных форм существительного *весна* образованы также сложные наречия *севесны, севесну, севесень* (*севесен*). Они употребляются в значении 'нынешней весной, этой весной'. Наречие *севесну* в числе других аналогичных, упоминается в статье И. А. Попова.[9] Указано и на его распространение в новгородских и вологодских говорах. Следует добавить, что встречается это наречие и в говорах Ленинградской области: Отец севесну был в городи-то (Кириш. Ленингр.). В дополнение следует также сказать, что кроме наречия *севесну*, в говорах Ленинградской области употребляются наречия *севесны, севесень* (*севесен*). Форма *севесны* зарегистрирована Е. П. Луповой в Старой Ладоге Волховского района Ленинградской области в 1938 и в 1941 гг. Бытует она и в говоре д. Будогощь Киришского района Ленинградской области. Кроме этой формы, в Киришском районе в речи старшего поколения наблюдаются *севесень — севесен.*

Итак, фонетико-морфологическое образование диалектной лексики с корнем *весна* связано так же, как и образование суффиксальных, префиксально-суффиксальных диалектизмов, с выделением конкретных значений из более общего общенародного значения слова *весна* и потребностью конкретного обозначения всего того, что бывает в весеннее время, относится к этому времени. Любопытно отметить при этом сохранение в говорах существительных *весень, веснась* в застывших древних падежных формах.

IV. Сложные слова

В современных словарях русского литературного языка приводится лишь одно сложное слово с *весна — весновспашка.* В говорах словосложение является продуктивным способом образования

[9] И. А. Попов. Сложные наречия в говорах русского языка, сс. 63—65.

слов. Принцип словосложения тот же, что и в литературном языке.

Наблюдаются образования с помощью соединительной гласной *о* (сложных существительных, прилагательных и глаголов, например; *весноводье*, *веснодель*, *веснодельник*, *веснопашка*, *весноделъный*, *веснодельский*, *весноделить*) и без соединительной гласной, путем прямого словосложения (например, сложные наречия *севесну, севесны, севесень*).

Как видно из приведенных примеров, основа *весн(а)* является первой частью сложения (за исключением наречий *с сей(сь)*, о которых сказано выше). Вторая часть сложения представлена также общерусским корнем, но аффиксальное оформление его таково, что оно образует слово диалектное. Второе слово определяет, к какой части речи относится то или иное диалектное слово. Второй частью сложения в сложных существительных с соединительной гласной *о* может быть равноправная основа существительного (*весноводье*), глагольная морфема бессуффиксальная (*веснодель*), глагольная часть, осложненная суффиксом *ник* (*веснодельник*), суффиксом *к* (*веснопашка*).

Сложные прилагательные образованы от соответствующих основ сложных имен существительных с помощью суффиксов *н* (*весноделъный*) и *ск* (*веснодельской*).

Вторая часть сложного глагола (*весноделить*) выражает действие, время которого указано в первой части сложения.

Все отмеченные сложные слова однозначны. Смысловое содержание их определяется характером и формой сочетаемых частей словосложения. В данном случае вторая часть сложного слова называет предметы, явления, признаки, действия, на отношение которых к *весне* указано в первой части словосложения. Происходит внутренняя взаимосвязь обеих частей сложения, создающая конкретное значение, ограниченное определенным признаком времени.

По общности смыслового признака сложные слова с корнем *весн(а)* могут быть объединены в семантические ряды, подобно отмеченным выше суффиксальным образованиям. Такие ряды намечаются в сложных существительных и прилагательных. Так, существительное *весноводье* (Пск., Ржев. Осташк. Твер., 1855; Твер.), как уже сказано выше, соотносительно с *весна* в значении 'весенний разлив'.

Существительное *веснодель*, женск. р. (Арх., 1940) и *веснодельник*, мужск. р. (Приозер. Арх., Усачева, 1959—1961) обозначают одно понятие 'дрова, заготовленные весной'.

К этим одинаковым по значению существительным примыкают по смыслу прилагательные *весноде́льный* и *веснодельской*, совпадающие в значении 'заготовляемый весной, весенний (о дровах, лесе)'. В значении 'весенний' указан выше целый ряд суффиксальных прилагательных, которые, выражая общее отноше-

ние к весне, имеют тенденцию к сужению этого общего значения. Сложные прилагательные *веснодельный, веснодельской* еще более ограничивают, сужают значение, конкретизируют предмет направленным на него действием. Широкое распространение получило прилагательное *весноде́льный.* Впервые зафиксировано его употребление в Сольвычегодском у. Вологодской губ. в 1821 г.; отмечается в вологодских, архангельских, вятских, пермских, челябинских говорах, в Сибири, в Тюменской, Тобольской, Томской, Кемеровской, Иркутской областях, в Забайкалье и на Амуре. Приведем несколько примеров: Если лес пролежит на улице все лето до осени, он зовется *весноде́льным*: Веснодельные бревна (Волог.); Это у нас сухие дрова, с весны лежат, весноде́льны (Арх.); Полено-то еще весноде́льное таскается (Тюмен.); Веснодельны дрова — весной колоты (Том.); Веснодельны-то лучше, жарче горят (Барнаул.).

Прилагательное *весноде́льско́й* зарегистрировано в Архангельской губ. в 1858 г.: Сделать топорище из весноде́льско́го полешка.

Наряду с прилагательными *веснодельный* и *веснодельской* интересно отметить в этом ряду еще одну форму прилагательного, имеющую хождение — *весле́динный* (дрова *весле́динной* рубки, Вят., 1847; лес *весле́динной* рубки, Вят.), восходящую по происхождению как и предыдущие прилагательные к существительному *веснодель,* но образованную путем перестановки конечных согласных *н* и *л* в корнях первой и второй части сложного слова *веснодельный:* корни *весн-* и *дил-* (*и* из *ѣ*) изменились *в весл-* и *дин-*. В результате этого слово *весле́динный* утратило четкость словообразовательной модели, благодаря контаминации его обеих частей-основ.

Будучи образованными от сложного существительного *веснодель,* эти прилагательные (*веснодельный, весле́динный, веснодельской*) выражают и определенное отношение к нему: ограничивают, сужают значение, что уже заложено в существительном *веснодель.* Возможно, что в значении прилагательного *весле́динный* намечаются дальнейшие ограничительные рамки сочетаниями: *весле́динная рубка* (дров, леса и пр.).

С этим же ограничительно-конкретным значением существительного *веснодель* связано значение и сложного глагола *весноде́лить,* выражающего конкретное понятие 'рубить весною строевой лес' (Холмог. Арх., 1907).

Существительное женского рода *веснопашка* употребляется в значении 'весенняя вспашка под осенний посев хлеба' (отмечено в Псковской, Новгородской и Ленинградской областях Копаневичем). Оно совпадает в значении с аналогичным существительным литературного языка — *весновспашка,* разница в образовании: вторая часть диалектного сложного слова *веснопашка* — бесприставочная.

В заключении о сложных словах следует сказать, что их возникновение также вызвано необходимостью конкретизации общих понятий, обозначаемых словом *весна* или относящихся к весне как времени года. Сложные слова продолжают линию выделения конкретных слов, намеченную диалектными значениями слова весна, и выражают такие конкретные понятия, которые не укладываются в пределах суффиксальных и префиксальных образований диалектов слов.

* * *

Анализ значений слова *весна* и его производных в русских народных говорах в сравнении с русским литературным языком показывает, что в говорах бытуют те же слова с корнем *весн(а)* и с теми же значениями, что и в литературном языке 'весна, весенний, веснушки, веснушчатый, весноватый, весной'; в говорах имеется ряд слов, неизвестных литературному языку, диалектных по образованию.

Слова, общие по форме и значению с литературными (за исключением *веснушчатый* и *весноватый*), имеют в говорах и иные значения, неизвестные литературному языку: являются семантическими диалектизмами; в говорах богаче представлена семантика слов, общих по форме с литературными.

Слово *весна* в говорах, кроме значения, совпадающего с литературным языком, имеет диалектные значения, связанные с названием конкретных явлений, случающихся весной, а также имеет и более общее значение 'теплое время года вообще, период между зимой и осенью'. С этими значениями слова *весна* соотносительны и производные от него семантические диалектизмы.

Диалектные производные образования от *весн(а)* (лексические диалектизмы) также соотносительны с основным общенародным значением слова *весна,* как временем года между зимой и летом, и с ответвленными от него диалектными значениями. При этом лексические диалектизмы по сравнению с семантическими диалектизмами значительно шире представляют конкретные предметы, понятия, явления (во время весны) в общенародном значении, а также, в отдельных случаях, весной как в теплое время года вообще, в период между зимой и осенью (ср. *веснина* в значении 'овечья шерсть летней стрижки', *весновать* 'пасти скот на летнем пастбище').

Образование диалектных слов в большой степени связано с выделением конкретных понятий из более общих. При этом происходит перераспределение в значениях слов: отграничиваются слова с конкретным значением от многозначных в результате чего уменьшается семантическая нагрузка многозначных слов и увеличивается количество однозначных слов. В ходе этого

словообразовательного диалектного процесса создаются семантические ряды слов.

Лексические диалектизмы образуются с помощью аффиксов, а также путем изменения и перестановки звуков в основе слова, изменением падежных форм и словосложением.

Говоры обладают богатством словообразовательных элементов, позволяющим несравненно шире, многообразнее представить по сравнению с литературным языком производные слова от *весн(а)*. Особенно продуктивны суффиксальные образования существительных и прилагательных. Многочисленны также образования диалектных слов путем словосложения (существительных, прилагательных, глаголов, наречий). Сложные слова выражают более конкретные понятия (по сравнению с суффиксальными и префиксальными диалектизмами), такие, которые, как правило, не могут быть выражены суффиксальными и префиксальными образованиями.

С диалектизмами, образованными путем звукового изменения основы слова, связано наличие в говорах второй основы *весна–вешна*, имеющей свой производный лексический ряд, живущий параллельно с основой *весна* и представляющий интерес для сравнительного анализа.

Существуя на общенародной основе русского языка, диалекты как бы дополняют ее разветвленной системой значений слова основного словарного фонда и широтой словообразовательных элементов корня этого слова, свидетельством чему является общеславянская основа *весна* в русских народных говорах.

Н. В. ПОПОВА

Трудности описания предлога в областном словаре (на примере предлога *в*)[1]

Проблема предлога относится к числу малоисследованных лингвистических вопросов. Нет общепринятых взглядов на природу и назначение этого разряда слов, а выдвигаются суждения часто противоречивые, взаимно отвергающие друг друга. Суть разногласий сводится к вопросу, имеет ли предлог «собственное значение», т. е. значение лексическое, или это явление чисто грамматическое. Например, статья А. М. Бабкина «Предлоги как объект лексикографии» начинается с утверждения, что предлоги «самостоятельного лексического значения не имеют»,[2] а Е. Т. Черкасова придерживается мнения, что предлог обладает (разрядка моя, — *Н. П.*) лексическим значением, но это лексическое значение имеет «внутреннее своеобразие».[3]

С. Д. Кацнельсон относит служебные слова (в частности, предлоги) к компетенции грамматики,[4] Н. З. Котелова выдвигает ряд аргументов в защиту лексической значимости служебных слов и т. д.[5]

Очевидно, наличие лексикографической разработки предлогов следует воспринимать как признание определенной лексической значимости у слов данной категории.

Однако разнобой в принципах подачи служебных слов в различных словарях, своеобразие способов определения предлогов, когда при описании предлога вынуждены исходить из особенностей его функционирования «только в условиях двусторонних

---

[1] По материалам картотеки «Словаря русских народных говоров» ИЯ АН СССР.

[2] См.: Лексикографический сборник, вып. III, М., 1958, с. 69.

[3] Е. Т. Черкасова. Закономерности и способы перехода полнозначных слов в предлог. Автореф. докт. дисс., М., 1966, сс. 5—6.

[4] С. Д. Кацнельсон. Содержание слова, значение и обозначение. Л., 1965.

[5] Н. З. Котелова. О логико-грамматическом уровне в языке. В кн.: Язык и мышление. М., 1967, сс. 122—136.

лексических связей»[6] — убедительное свидетельство того, что приемы лексикографической обработки соответствующего материала зависят от состояния теоретической разработки проблемы, пока еще не решенной в лексикографии.

Еще бóльшие затруднения вызывает описание «первообразных» предлогов в их диалектном употреблении. В самом деле: если при отборе и подаче диалектизмов можно руководствоваться определенным научным методом, установить границу употребления, выявить изоглоссу слова, дать объяснение местного слова или привести его литературный эквивалент, то при введении в словарь первообразного предлога такой способ неприемлем. Имеет ли, например, предлог *в* изоглоссу, не проходящую через сферу литературного употребления? Поскольку предлог выражает отношения между словами, то вопрос заключается в том, могут ли слова в диалекте вступать в такие отношения, в каких они не могут находиться на литературной почве? Т. е. возникает синтаксическая проблема, которую в Словаре русских народных говоров надо решать на материале картотеки по диалектной лексике: очень значительные материалы по русской диалектной лексике, которые десятилетиями накапливались в картотеке Словаря русских народных говоров в виде выписок из самых различных источников, составляют уникальную коллекцию слов, но не систематическое собрание их грамматико-синтаксических связей; таким образом, первая и главная трудность описания первообразного предлога — в случайном, несистемном подборе материала, так как многие дифференциальные местные словари, а тем более масса любительских записей и этнографических публикаций и не ставили себе никакой другой задачи, кроме фиксации лексического своеобразия того или иного говора.

Как представлены предлоги в областных словарях? Возможны два способа характеристики предлога в местном употреблении: первый — указать литературный эквивалент, второй — дать независимое грамматико-синтаксическое описание предложного употребления. Какой из способов рациональнее?

а) В одном из немногих словарей, введших в словник предлог *в* — «Словаре русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби», избран первый способ: способ нахождения соответствий в литературном языке. Приводится 7 значений предлога *в*, шесть из которых «соответствуют литературному *на*, а один — литературному *при*».

Рассмотрим 1-е значение этого предлога:

«1. С вин. пад. для обозначения направления движения на предмет; соответствует литературному *на*. Перво как заходит

---

[6] Е. Т. Черкасова. Закономерности и способы перехода полнозначных слов в предлог, сс. 5—6.

в крыльцо... Скотина в материк идет.. Дом в улицу окнами... В улицу когды пойти, дак так завязывались...» [7]

Однотипны ли эти конструкции? В первом примере имеется в виду направленность действия на поверхность предмета или внутрь его, последний — *в улицу когды пойти* — можно сопоставить с выражениями *по улице*, *вдоль улицы*; а *третий — дом в улицу окнами* — представляется вполне литературной конструкцией типа *дом во двор окнами*, *окнами в стену*, *окнами в сад* и пр.

Но если эти конструкции и были бы однотипны, то соответствий в литературном языке искать не следует по той причине, что в самом литературном языке происходит колебание в употреблении предлогов *в* и *на*, «смешение их прямых функций».[8] Это обстоятельство неоднократно отмечалось исследователями предложных конструкций. Так, В. С. Бондаренко справедливо отмечает, что «в значителной группе сочетаний современного русского языка предлоги *в* и *на* употребляются параллельно, и выбор между ними трудно чем-либо мотивировать. Таковы, например, сочетания с винительным падежом: ...отправиться в деревню — отправиться на деревню, зайти в кухню — зайти на кухню» и др.[9] Те же колебания в употреблении аналогичных конструкций заметны в говорах. В картотеке СРНГ находим такие примеры: На раштво́ у госьти ходила (Калуж.); Я вчера ходил к Николкиным на гости (Дон., Вят.); Сходить на погреб (Моск.); Наехал мужик на лису. — Ай, говорит, лисица! Что за шерсть, что за хвост! А сам лису в воз (Арх.); Он кричал-то во весь голос, чтобы слышно во всю Москву... (Олон.); Богатые подружки степенились, бедные же ели во весь рот (Волог.); Я кричу на весь рот (Пск.). Употребление параллельных предложных конструкций для выражения одних и тех же отношений в системе одних и тех же псковских говоров отмечает И. Т. Гомонов. Например (с вин. падежом): С мужиком в озира ходила. Пойдем на валежник за ягодами.[10] Использование разных предлогов в сходных конструкциях отмечается не только в системе одного говора, но и в речи одного лица. Ср.: Наступит такой момент, когда животные сами подбегут к стрелку на меру винтовочного выстрела.[11] Охотники скрадывают животных, подходя к ним в меру выстрела.[12] Подкрасться к зеренам на степи так,

---

[7] Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, под ред. В. В. Палагиной. Томск, 1964, т. I, сс. 57—58.

[8] В. С. Бондаренко. Предлоги в современном русском языке. М., 1961, с. 21.

[9] Там же, с. 23. См. об этом же: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века, под ред. В. В. Виноградова. М., 1964. (Раздел «Колебания, обусловленные факторами лексического порядка», сс. 83—88).

[10] См. И. Т. Гомонов, Предлоги в псковских народных говорах. В сб.: Псковские говоры, I. Псков, 1962, с. 88.

[11] А. Черкасов. Записки охотника-натуралиста. 1962, с. 384.

[12] Там же, с. 380.

чтобы они не заметили, решительно невозможно. И на той же странице: Охота на зеренов с борзыми, в разгульной степи, будет небезуспешна.[13]

Таким образом, «перевод» диалектной конструкции на литературную часто затрудняется одновременным использованием общепринятого нормативного и местного ненормативного сочетаний в одном тексте. Такая синтаксическая непринужденность наблюдается не только в индивидуальной речи и не только при сопоставлениях на обширном диалектном материале, но и в фольклорных данных, где «из песни слова не выкинешь» и не выправишь грамматическое оформление словосочетаний по своим представлениям: На кабак зайду да на вине пропью. Стал он упиваться в зелено́ вино. Пошел с женою в шатер проклаждатися, в разные забавы заниматися.

...Ты прощай, царевна морская,
Я (Садко) тебе женихом не пришел,
А ты мне в невесты не пришла.
Не села скоморошина против князя,
Не села скоморошина подле князя,
А садилась скоморошина в скамеечку
Супротив княжны порученые.
Не тот мой муж, который подле меня,
А тот мой муж, который супротив меня,
Сидит мой муж на скамеечке,
Подносит мне чару зелена вина. (Олон.) [14]

Употребление в одном контексте разных конструкций — литературной и местной — можно объяснять по-разному.

Может быть, *женихом придти* и *в невесты придти* — закрепившиеся сочетания фразеологического типа; может быть, в конструкции *садиться в скамеечку* и *сидеть на скамеечке* проявляется разное глагольное управление — *садиться в* и *сидеть на*; ср.: Садились в стол (Арх.); Девки в засто́лья садились (Перм.), может быть, в этом употреблении существует какая-то смысловая разница или оно продиктовано требованиями песенного ритма, — возможны разные объяснения, но все они могут быть лишь гадательными, пока грамматико-синтаксические связи не представлены системно, не учтены и не изучены с достаточной полнотой.

Способ нахождения соответствий в литературном языке не может быть применен и в тех случаях, когда таких соответствий в литературном языке просто нет. Например: какой литературный эквивалент предложного сочетания возможен для конструкции типа *курить в трубку*, *читать в книгу* и т. д.?

Да и как можно искать соответствий в литературном языке, не рискуя исказить синтаксическую ткань системы диалекта? Будет ли верно расценивать предлог в конструкции *пойти*

[13] Там же, с. 385.
[14] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. 1. М., 1861, с. 367 и др.

в грибы, *в дрова*, *в ягоды*, *в телят* как синонимическое соответствие литературному предлогу *за*, если, положим, аналогичная конструкция *пойти в рыбу* такого соотношения не выдерживает. Здесь никак не подставить вместо *пойти в рыбу — пойти за рыбой*. Ср. употребление в литературном языке сочетаний *пойти за грибами* и *пойти за рыбой*.

Впрочем, и толкование литературного употребления предлога «путем приведения синонимических эквивалентов» не удовлетворяет лексикографов, признается неубедительным (см. анализ приемов подачи предлогов в Словаре под ред. Д. Н. Ушакова в статье А. М. Бабкина «Предлоги как об'ект лексикографии»).[15]

б). При характеристике местного употребления предлога путем самостоятельных «развернутых определений, аналитически вскрывающих ведущие, константные и дополнительные признаки значения, или объяснения их служебных функций в речи»,[16] также обнаруживаются трудности; главная из них та, что толкование таким способом предлога стирает, делает совершенно невидимой диалектную специфику предложного употребления, как раз того, что составляет соль лексикографического изыскания. В этом случае неизбежно повторяется схема грамматико-синтаксических связей, присущая литературному языку. Например, если употребить грамматико-синтаксическую характеристику предлога *в* по отношению к конструкции, где предлог *в* указывает на предмет, с помощью которого совершается действие: играет он в гусельки яровчаты. Мой милый гуляет, в гитару играет, в гитару играет, девок забавляет; во гармонью не играйте-ка, спят девицы, не пугайте-ка, — то под эту же рубрику подойдет и литературное употребление *играть в шашки*, *в шахматы*, *в карты* и т. д. *Играть в гусли* когда-то было нормой для литературного языка, потом было заменено, а в говорах сохранилось. Путем независимого грамматико-синтаксического описания предложной конструкции весь своеобразный материал будет сведен в схему толкового словаря, ненормативные с точки зрения литературного употребления конструкции станут в один ряд с нормативными, что чрезвычайно обеднит, обесцветит характерную для говоров картину синтаксических отношений.

Специфика, своеобразие предложного употребления с очевидностью обнаруживается в тех случаях, когда отчетливо выявляются пласты слов, обладающих способностью сочетаться с предлогом, образовывать системные сцепления. В сущности, все рубрики лексической характеристики предлогов сводятся к выделению лексических рядов, по отношению к которым тот или иной предлог является валентным.

---

[15] См.: Лексикографический сборник, с. 73.

[16] Б. А. Ларин. Инструкция Псковского областного словаря. В сб.: Псковские говоры, I. Псков. 1962, с. 260.

Даже такая странная в отношении предлога рубрика *перед*, введенная в словаре Ушакова, которая на первый взгляд кажется сомнительной, так как «уравнивает предлог в свойствах и качествах с лексически полнозначным словом», и с этой точки зрения подверглась критике в упоминавшейся выше статье А. М. Бабкина,[17] эта помета как раз и служит делу выявления определенных лексических разрядов; в данном случае разряд абстрактной лексики крупным планом отделяется от пласта конкретной лексики.

Вычленение лексических пластов в литературном языке — очередная неизученная проблема. Тем менее возможно ее решение на областном материале. Но в отдельных примерах такие группы слов можно наметить, например сочетание с глаголами *стрелять*, *расстрелять в* соотносится с литературной конструкцией *выстрелить*, *стрелять из*: Царь разгневался на свою супругу, хотел было ее в пушки расстрелять, да отговорили приезжие короли... (Твер.). *Стрелять в ружье* (Тамб., Яросл., Влад., Волог., Онеж., Арх.). *Стрелять в пушку* (Перм.). И опять-таки это соотношение условно, так как сами эти литературные конструкции ограничены определенным кругом стабилизировавшихся сочетаний, и перейти этот круг, значит выйти за рамки нормативного употребления. В примечании к «Полтаве» к словам: «Свалить как нынче казака и обменять на рану рану» А. С. Пушкин пишет: «Ночью Карл, сам осматривая наш лагерь, наехал на казаков, сидевших у огня. Он поскакал прямо к ним и одного из них застрелил из собственных рук. Казаки дали по нем три выстрела и жестоко ранили его в ногу».[18] Под гипнозом пушкинского слога мы, может быть, не ощущаем здесь никакой стилистической неловкости, но в наши дни при норме *застрелить из* уже нельзя сказать *застрелить из собственных рук*. Это уже анахронизм, это уже расширение нормативного употребления.

Другая четко вычленяемая группа — группа «глаголов времяпрепровождения», обозначающих действие, совершаемое с помощью какого-либо предмета (о ней упоминалось выше): *играть в скрипку*, *в гитару*, *в балалайку*; *читать в книгу*, *в псалтырь*; *закурить в трубку*; *учиться в грамоту*. Здесь можно видеть соответствие литературным беспредложным конструкциям или конструкциям с предлогом *на*. Такой метод предлагается авторами «Русской диалектологии» под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой.[19]

Но можно в этих же моделях усмотреть и вполне литературные конструкции с расширенными границами лексико-семантических групп типа: *играть в карты*, *в куклы*, *в лапту* или видеть

[17] См.: Лексикографический сборник, с. 71.

[18] А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах. М.—Л., 1949, т. 4, с. 306.

[19] Русская диалектология, под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964, с. 180—184.

в этих моделях семантические ассоциации, сближение по аналогии со сходными по смыслу словами: *читать в книгу — смотреть в книгу* и т. п. — процесс, наблюдаемый, по свидетельству Д. Н. Шмелева, в языке постоянно.[20]

Разработка подобных конструкций будет гораздо определенней и убедительней, если рассматривать здесь предлог как показатель глагольного управления, учитывая в этих случаях процесс грамматикализации предлога при отдельных глаголах, как это отмечено в Словаре под ред. Д. Н. Ушакова в статье на предлог *в*. «В: с вин. п. В сочетании с некоторыми глаголами входит в состав того или иного значения этих глаголов, являясь, таким образом, только формой их грамматической конструкции. Играть в шахматы. Одеться, быть одетым в шубу» и как это не отмечено в 17-ти томном Словаре в статье на предлог *в*.

При разработке предлога в его местном употреблении большую трудность представляют частые случаи непривычных для литературного языка комбинаций общеупотребительных слов: Садились молодцы-то на добрых коней, брали они верный план во ясны очи и поехали раздольицем чистым полем... В твое здоровье станем мед есть. Не знала я меры во скорых ногах. Сена на двадцать рублей в траве купить. ... Сидит птица... дал ей бог волю в царе и царице..., не дал бог воли в рыбе да в море. (Загадка — о комаре).

Эти конструкции имеют прямые параллели в литературном языке: Брать рукоделье во белы руки (брать план во ясны очи), деньги в ассигнациях (сено в траве), в животе и в смерти бог волен (ср.: воля в царе и в царице) и вместе с тем контекст сохраняет местный колорит, а в литературном языке предпочтительнее синонимические конструкции, например: Дал бог волю над царем и царицей — не дал воли над морем и рыбой. Тот же специфический колорит ощущаем и в тех случаях, где обычные для литературного языка модели содержат диалектизмы. Выставал Илья на резвы ноги, спущал коня во чисто поле, а сам выстал во сырой дуб. Накрутилися в калик перехожиих, *он* (Потык Иванович) во камень зака́менел. (Олон.).[21]

Предлог *в* выражает здесь те же синтаксические отношения, что и в выражениях типа: *обернуться в серого волка*, *превратиться в столб*.

Далее: за недостаточностью материала часто невозможно определить, насколько устойчиво употребление предлога, не является ли оно фразеологическим или не подвержено ли действию семантических ассоциаций.

Наконец, многие примеры из былинных записей прошлого века для прошлого столетия звучали вполне литературно, как это

[20] Д. Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964, с. 191.

[21] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. 1. М., 1861.

видно из некоторых работ, посвященных изучению предлогов в историческом плане.[22]

Исходя в оценке предлога в его диалектном употреблении из норм современного литературного языка, мы искажаем историческую перспективу.

Какое же место следует отвести предлогу в областном словаре? Думается, что недостаточно характеризовать предложные сочетания лишь в статье на предлог. Все материалы должны найти свое место при разработке семантически полнозначных компонентов, составляющих предложное сочетание. Так, при глаголе *курить* — следует дать и предложное управление.[23] Сочетание *в камень закáменел* найдет свое место в статье «закаменеть» и т. д.

Но если разбросать материал по статьям на знаменательные слова, он по существу пропадет для исследования вопроса синтаксических связей в диалектах.

Чтоб этого избежать, по-видимому, нужно иметь в виду для различных предлогов способы демонстрации: 1) лексико-семантический и 2) синтаксический.

В некоторых первичных предлогах сохраняются особые диалектные сведения, например, *про* в значении 'для' (в литературном языке уцелели только их архаические остатки в виде выражений *про запас*, *не про вашу* честь), *о* (около) и др.

В других случаях лексико-семантическая специфика употребления диалектных предлогов стерта или вовсе отсутствует (как происходит с предлогом *в*). Специфика их — в словосочетаниях, ограниченных небольшим кругом слов. Происхождение своеобразия словосочетаний с предлогами может быть самым различным: остатки ранее распространенных в общенародном языке конструкций, семантические ассоциации и т. д. В словаре эти процессы трудно вскрыть (это дело монографических исследований); четко очертить круг слов, составляющих специфику диалектных словосочетаний, невозможно из-за недостатка и даже иногда случайности имеющегося материала. Остается один выход — помещать за знаком ◊ всю имеющуюся сумму специфических сочетаний, разбив ее на соответствующие рубрики. Подобранный таким образом материал несомненно будет полезен, так как явится базой для дальнейших исследований.

---

[22] Ср.: Н. И. Букатевич. Опыт исторического изучения предлогов и предложных сочетаний в русском литературном языке, ч. 1. Одесса, 1957; Г. В. Шекурова. История предлога «про» в русском языке (с XI по XVII вв.), автореф. канд. дисс. Л., 1955.

[23] Видимо, своеобразные местные сочетания, составленные из литературных компонентов, в словаре дифференциального типа смогут быть зафиксированы лишь в словарной статье на предлог. Так, если глагол *курить* не войдет в словник СРНГ, то все же в статье на предлог *в* он будет зафиксирован.

Е. П. ЛУППОВА

Двойные предлоги в русских народных говорах (на материале говоров Кировской области)

Вопрос об употреблении двойных предлогов в русском языке до настоящего времени не является достаточно разработанным. Двойными предлогами, как известно, называются парные сращения двух первообразных предлогов, в составе которых один предлог дополняет значение другого.[1] Для русского литературного языка характерно употребление двух двойных предлогов — *из-за* и *из-под*. Встречающиеся же в произведениях литературы другие двойные предлоги (по-за, по-над) в словарях русского литературного языка приводятся со стилистическими пометами: первый — обл. или простореч.; второй — народно-поэт. и обл.[2] В академической грамматике указывается, что «более разнообразны и употребительны парные сращения простых односложных предлогов в просторечии и народных говорах.[3]

Изучение двойных предлогов в русских народных говорах до начала составления диалектологического атласа русского языка не имело планомерного характера. Двойные предлоги упоминаются в отдельных статьях, посвященных описанию того или иного говора, изредка вносятся в собрания областных слов и встречаются в некоторых текстах записей фольклора.[4]

Значительные материалы по употреблению двойных предлогов в говорах русского языка собраны по единой программе для составления диалектологического атласа, в которую включен спе-

[1] Грамматика русского языка, т. I. Изд. Академии наук СССР, М., 1952, с. 659.

[2] Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. III. М., 1939, сс. 478, 574; Словарь русского языка, т. III. М., 1959, сс. 324, 392. Словарь современного русского литературного языка, т. X, М.—Л., 1960, сс. 751—752, 1222.

[3] Грамматика русского языка, т. I, с. 659.

[4] Сведения эти объединены в картотеке словаря русских народных говоров (КСРНГ) Словарного Сектора Института языкознания.

циальный вопрос о двойных предлогах. На основании новых материалов, собранных на территории Европейской части СССР, устанавливается, что в русских народных говорах, кроме общерусских предлогов *из-за* и *из-под* употребляются и другие двойные предлоги, но не повсеместно, а характерны, главным образом, для двух территорий: северо-восточной (Архангельская, Ярославская, Костромская, но главным образом Вологодская и Кировская области) и юго-западной, примыкающей к УССР части Курской, Белгородской и Воронежской областей.[5] Диалектные различия по говорам русского языка выражаются: а) в наличии тех или иных двойных предлогов и б) в употреблении падежей зависимого имени с этими предлогами (винительного, творительного и дательного). При описании групп говоров северного наречия употребление двойных предлогов с дательным падежом имени указывается в числе признаков Вологодской группы северного наречия.[6]

Предметом нашей работы является употребление двойных предлогов в говорах Кировской области — территории, которая не была охвачена при картографировании материалов, использованных в книге «Русская диалектология», хотя и отнесена в этой книге к территории северных областей, для которых употребление двойных предлогов характерно.

Материалы по двойным предлогам в кировских (вятских) говорах, собранные до составления диалектологического атласа, чрезвычайно скудны. Беглые замечания об этих предлогах имеются лишь в отдельных статьях.[7] Совершенно не отражены двойные предлоги в известных словарях вятского говора.[8] Слабо выражено употребление двойных предлогов и в записях фольклора.[9]

Данная статья написана на основании материалов, собранных по всей территории Кировской области экспедициями в связи

---

[5] Русская диалектология. М., 1964, сс. 177—178. При картографировании материалов в этой книге не охвачены обширные территории более поздней колонизации на северо-востоке и юго-востоке.

[6] Русская диалектология, с. 266.

[7] В. К. Магницкий. Особенности русского говора в Уржумском у. Вятской губ. Изв. Общ. археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1884, т. V, сс. 48, 49; Е. П. Луппова. Говор Кукменской волости Вятского уезда. Тр. Вятского Гос. музея. 1927, с. 75.

[8] Н. М. Васнецов. Материалы для областного словаря Вятского говора. Вятка, 1908; Словарь в приложении к работе Д. К. Зеленина «Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губ.». СПб., 1903.

[9] Сборник великорусских сказок из архива Русского географического общества, изд. А. М. Смирновым. Пгр., 1917. Сказки Вятской губ., сс. 369—426; Н. М. Васнецов. Песни северо-восточной России. М., 1884. В известном сборнике «Великорусские сказки Вятской губернии» (Пгр., 1915), составленном Д. К. Зелениным, диалектные двойные предлоги не встречаются.

с составлением диалектического атласа, и личных наблюдений автора, (материалы собраны в 60 районах области).[10] В работе используются сведения по двойным предлогам, которые имеются в кандидатских диссертациях и статьях о говорах отдельных районов.[11] В качестве сравнительного материала в статье используются материалы картотеки словаря русских народных говоров (КСРНГ) и картотеки Словарного Сектора Института языкознания Академии Наук СССР (КСС).

В говорах Кировской области, кроме двойных предлогов *из-за* и *из-под*, которые в данной работе не рассматриваются, отмечено 7 двойных предлогов: *по-за*, *по-под*, *по-над*, *по-перед*, *по-по*, *за-под*, *в-под*. В первой части двойных предлогов наиболее употребителен предлог *по* (входит в состав пяти двойных предлогов), во второй части — в состав трех предлогов входит предлог *под*. Отдельные предлоги имеют не одинаковое распространение на территории области и неодинаковую степень употребительности. Наличие тех или иных двойных предлогов отмечено в материалах в 192 населенных пунктах 53 районов Кировской области, что говорит о широком охвате территории, но распространение их наблюдается не повсеместно (в материалах по 150 пунктам указывается, что предлоги эти или не употребляются, или в записях отсутствуют примеры на их употребление). Большинство пунктов (124), в которых не отмечены двойные предлоги, разбросаны в районах, где по другим пунктам двойные предлоги зафиксированы. Изоглоссу же распространения данного явления можно наблюдать лишь на юге области в бассейне нижней реки Вятки, где имеется сплошная территория с отсутствием данного явления в шести районах (Лебяжском, Буйском, Шурминском, Кильмезском, Малмыжском и Вятско-Полянском) и на северо-востоке, где отделяется небольшая территория в Зюздинском районе и прилегающих частях Бисеровского и Омутнинского районов, на которой двойные предлоги не зафиксированы.

Есть основание предполагать, что двойные предлоги имеют более широкое распространение, чем это показывают имеющиеся в нашем распоряжении материалы. На эту мысль наводят следующие соображения. Двойные предлоги в силу специфики их значения встречаются в речи сравнительно редко. О редком употреблении их имеются сведения в материалах по разным пунктам

---

[10] Названия районов даются в том виде, в каком они зафиксированы в материалах во время записи, без учета последующих изменений в районировании.

[11] Л. И. Горева. Говоры Вожгальского района. Киров, 1952; А. Д. Прозорова. Говоры Медянского района Кировской области. Киров, 1955 (в образцах разговорной речи в приложении диссертации); Т. А. Оленина. Говоры Мурашинского района Кировской области. Хабаровск, 1958, с. 39.

области.[12] Опыт учета употребительности двойных предлогов при фиксации длительных рассказов одного лица или длительных бесед с ним подтверждает редкое употребление двойных предлогов в общем потоке речи. Поэтому при записи речи в одном пункте, особенно если пребывание в нем было кратковременным, в зависимости от обстановки и тематики беседы, двойные предлоги могут быть и не выявлены в речи лиц, над которыми производились наблюдения.

Двойные предлоги в кировских говорах имеют пространственное значение, и лишь предлог *по-за* в единичных случаях отмечен во временном значении. Обычно двойные предлоги употребляются в глагольных сочетаниях, причем лексический состав глаголов, с которыми чаще употребляются двойные предлоги, не отличается большим разнообразием. Более употребительна в этих конструкциях группа глаголов движения: *идти*, *ходить*, *бегать*, *бежать*, *ехать*, *ездить* и производные от них приставочные глаголы: *пройти*, *выйти*, *объездить*, *убежать* и др. Реже встречаются глаголы: *быть*, *бывать*, *жить*, *стоять*, *сидеть*, *косить* и др.

Двойные предлоги в кировских говорах в зависимости от общего значения конструкции, указывающего место совершения действия или направление его, употребляются в первом случае с дательным или творительным падежом имени, во втором — с именем в винительном падеже. Употребительность падежей в конструкциях с двойными предлогами неодинакова при сочетании с разными предлогами. Рассматривая вопрос о соотносительности употребления дательного и творительного падежей, приходится основываться на сочетаниях с формами существительных в ед. ч., так как во мн. ч. в большинстве говоров Кировской области дательный и творительный падежи имен совпадают в одной форме на -м. Формы мн. ч. принимаются во внимание, если в данном пункте зафиксированы в этих конструкциях и формы ед. ч. или есть соответствующие указания записывающего. Степень употребительности двойных предлогов определяется с учетом лексики, встречающейся в сочетаниях с этими предлогами. Двойные предлоги рассматриваются в порядке их большей распространенности и употребительности в говорах Кировской области.

Предлог *по-за*

Предлог *по-за* в говорах Кировской области самый распространенный из всех рассматриваемых нами двойных предлогов. Он отмечен в 183 пунктах, т. е. почти во всех пунктах, по которым

[12] Об этом свидетельствуют наблюдения и в других говорах. См. статью: Ф. Л. Скитова. Двойные предлоги и сочетания с ними в говорах Пермской области. Уч. Зап. Перм. гос. ун-та, т. XVI, вып. 1, 1960, с. 75.

имеются сведения о наличии двойных предлогов. Обычно предлог *по-за* употребляется в пространственном значении и очень редко во временном.

Предлог *по-за* в пространственном значении в зависимости от значения конструкции употребляется с винительным и с дательным или творительным падежами: По-за лу́к иди́тё (Кошата Нагор.); По-за дере́вне прое́хал (Юрьево Котельн.); По-за пе́цькой-то спря́тались (Сырчины Поломск.).

1. Конструкции с предлогом *по-за* + винительный падеж имени встречаются в материалах редко (отмечены в 11 пунктах), причем в этих сочетаниях встретилось всего лишь 7 разных существительных. Во всех примерах с данной конструкцией выражено направление движения (отвечает на вопрос куда). Падежное управление зависит от второй части двойного предлога — предлога *за*. Общее значение предлога *по-за* в этих конструкциях определяется также второй частью предлога: Упа́ла по-за коло́дець (Пустоши Орич.); По-за огоро́т уйду́ (Яковлевская Гора Подосин.); По-за осы́рки гоне́ют (Гребни Верхошиж.); По-за огоро́т можно вози́ть (с. Никольское Медян).

В русском литературном языке этим конструкциям соответствуют сочетания предлога *за* с винительным падежом: *за колодец, за огород, за осырки.*

2. Конструкции с предлогом *по-за* + дательный падеж имени являются самыми распространенными в говорах. Если даже принять во внимание только те пункты, в которых зафиксированы сочетания существительных в четко определенной падежной форме дательного падежа ед. ч., то и в этом случае (отмечено в 109 пунктах) эти конструкции являются преобладающими. Об употребительности их говорит и разнообразная лексика, встречающаяся в сочетаниях предлога *по-за* с дательным падежом (отмечено более 40 разных существительных).

В конструкциях с предлогом *по-за* с дательным падежом управление зависит от первой части предлога, т. е. *по*, который в пространственном значении управляет дательным падежом (ср. *по столу*, *по деревне* и т. п.). Значение же предлога *по-за* в конструкциях с дательным падежом при общем значении места (отвечает на вопрос где) может приобретать оттенки значения в зависимости от того, вытекает ли значение двойного предлога из совокупности значения его составных частей, или определяющей по значению является одна из его частей.

Если значение двойного предлога складывается из значения предлога *по* (распространение действия по какому-либо пространству) и *за* (за чем-либо, позади чего-либо), конструкции с этим двойным предлогом обычно употребляются при глаголах движения: По-за селу́ пройди́тё (Окатьево Даров.); Бе́гал по-за ови́ну (Скурихино Свечин.); По-за дере́вне ра́ньше и́здили (Толкуново Кай.); По-за кана́ве идёт (Елань Унин.) и др.

В конструкциях с предлогом *по-за*, соответствующим по значению только второй части двойного предлога — *за* (за чем-либо сзади чего-либо, по ту сторону чего-либо), употребляются разные глаголы: По-за Вя́тке были уже други́ё теле́ги (Боровляне Нолин.); По-за Богоро́цьку жыве́т до́ць то (Ухтым Богород.); По-за пе́чке ли́сенка изла́жена (Б. Высоково Макар.); По-за огоро́ду то ста́л (Петровское Уржум.).

В литературном языке в том и другом значении конструкциям с дательным падежом соответствуют обычно сочетания предлога *за* + творительный падеж имени.

В отдельных примерах, зафиксированных в материалах, можно отметить и другие оттенки пространственного значения предлога *по-за*, вытекающие из основного значения: а) вокруг чего-либо: Ло́шади хо́дят по-за ладо́не, т. е. лошади (при конной молотьбе) ходят по окружности, вокруг молотильной площадки (Ивановское Кикнур.); б) мимо: [13] По-за сту́лу не се́ли (Бакуленки Верхошиж.).

3. Конструкции с предлогом *по-за* + творительный падеж имени, имеющие то же общее значение, что и конструкции с предлогом *по-за* + дательный падеж (отвечает на вопрос где), в кировских говорах встречается реже (отмечены в 37 пунктах с формами существительных в ед. ч.). Меньшая употребительность этих конструкций выражается в менее разнообразной лексике, отмеченной в сочетаниях с творительным падежом (зафиксировано 14 разных существительных).

Падежное управление в этих конструкциях зависит от второй части двойного предлога *-за*. Значение предлога *по-за* в сочетаниях с творительным падежом обычно также соответствует значению предлога *за*: А там по-за ле́сом тро́пка есь (Пещера Омутнин:); По-за ме́льнице мали́ну фсу вы́брали (Святополье Порез.); По-за гумно́м се́ют (Дыричи Свечин) и др. Значение же предлога по-за, вытекающее из значения обеих частей предлога, указанное нами в конструкциях с дательным падежом, в сочетаниях с творительным встречается редко с глаголами движения: До́жжот по-за Омутной прошо́л (Зимино Омутн.); По-за огоро́дом течо́т ре́чка (Антоново Уржум.).

Равнозначные конструкции *по-за* + дательный падеж имени и по-за + творительный падеж нередко отмечаются в одном и том же пункте: По-за лушко́м мо́жно пройти́ и по-за дере́вне итти́ (Ряби Бельск.); По-за лу́гом, по-за дере́вней и по-за го́роду (Казанцы Кикнур.) и др. На территории Кировской области нельзя наметить изоглоссу между распространением конструкций двойного предлога *по-за* + дательный падеж и *по-за* + творительный падеж. Можно лишь говорить о более или менее после-

[13] Данное значение предлога *по-за* отмечено в украинском языке. См.: Українсько-Росїйський словник. Київ, 1964, с. 465.

дательном употреблении характерных для данных говоров конструкций *по-за* + дательный падеж на той или другой территории, в том или другом пункте.

В материалах по кировским говорам в конструкциях с предлогом *по-за* встречаются и формы существительных во мн. ч. на *-м*, которые в местном говоре употребляются в значении и дательного и творительного падежей (отмечены в 57 пунктах). Эти формы воспринимаются как формы в дательном падеже, если в данном пункте наблюдается последовательное употребление форм дательного падежа и в примерах с существительными в ед. ч.: По-за лесу объе́дёт; По-за уго́ру выйде́ш; По-за лугам езьдят (Коса Зуев.) и др. Труднее определить падеж в тех пунктах, где приводятся примеры только с существительными во мн. ч. Судя по преобладающему употреблению с предлогом *по-за* форм дательного падежа у существительных в ед. ч., можно предполагать, что и во мн. ч. в большинстве случаев формы на *-м* употреблены в значении дательного падежа, особенно, если эти конструкции употребляются в сочетании при глаголах движения: По-за дома́м убёк (Николаевское Нагор.); По-за огоро́дам отошли́, По-за зада́м (Домницы Совет.). В то же время отмеченная нами в ряде пунктов непоследовательность употребления дательного и творительного падежей в конструкциях с существительными в ед. ч. возникает, вероятно, не без воздействия мн. ч., в котором формы дательного и творительного падежей не различаются.

Конструкции с предлогом *по-за* в пространственном значении являются продуктивными в живых говорах. В материалах в сочетаниях с предлогом *по-за* употребляется разнообразная лексика, обозначающая название предметов окружающей природы и обстановки (всего в сочетаниях с разными падежами зафиксировано более 70 слов). Наиболее часто в материалах употребляются существительные *деревня*, *лес*, *река*, *луг*, *гумно*.

Употребление предлога *по-за* во временном значении в материалах, собранных для диалектологического атласа, отмечено в единичных случаях: По-за ту́ зи́му (Талица Бельск.); По-за лоньськóму го́ду ‘позапрошлой зимой, в позапрошлом го́ду’ (Осташевск. поч. Подосин.).

В диалектологических записях XIX в. отмечено употребление предлога *по-за* только в пространственном значении.[14] В этом же значении употребляются конструкции с предлогом *по-за* и в записях песен: По-за го́роду гуляет царь царев сын... по-за саду, по-за зелёному летал голубь... по дворику, по-за дворику, по улице и др. — во всех случаях с дательным падежом.[15]

---

[14] В. К. Магницкий. Особенности русского говора в Уржумском уезде Вятской губернии, т. I, с. 48.

[15] Песни северо-восточной России. М., 1884, сс. 80, 164, 215, 219.

Предлог *по-за* встречается в русских памятниках с XVII в.[16] В памятниках Вятской земли XVII—XVIII вв. предлог *по-за* в пространственном значении встречается при описании границ земельных участков и угодий. В Столбцах из деревни Шавкуновской XVII в.: «а у болшей дороги по-за плоскому логу на еловую борть».[17] В прошении крестьян Великорецкого оброчного стана на двух страницах изданного текста отмечено 7 случаев употребления предлога *по-за* в сочетании с существительными в дательном падеже: «а с росох Мутницких по-за Чюдиновскому починку по сосеку впрам на Жилкину рѣчку», «а по-за Сизме до Поромочеве...» «а по Талице внизъ по-за Орловской дороге до Хвощевицы рѣчки», «а по за Чюдиновской волости, по осекам, и в тѣх межах всякие угодья».[18]

Предлог *по-за* относится к группе более распространенных двойных предлогов в севернорусских и южнорусских говорах.[19] В соседних говорах Пермской области также преобладает пространственное значение предлога *по-за*, который может употребляться с винительным, дательным и творительным падежами.[20] Предлог *по-за* отмечен в украинском языке в сочетаниях с винительным и творительным падежами[21] и в белорусском языке с творительным падежом.[22]

В словарях русского литературного языка, как уже говорилось, предлог *по-за* имеет неодинаковые пометы: простореч.[23] и обл.[24] В картотеке Словаря современного русского языка имеется 17 примеров употребления предлога *по-за* в произведениях 13 писателей XIX—XX вв. Во всех примерах предлог *по-за* имеет пространственное значение, причем в большинстве их употребляется с творительным падежом: В садочке по-за тыном что-то зашуршало (Короленко, «Судный день»); Закатилось мое солнце по-за болотами (Паустовский, «Золотая роза»); Пойдем по-за выгоном (Вс. Иванов, «Пархоменко») и др. Только в двух

---

[16] Н. И. Букатевич. Опыт исторического изучения предлогов и предложных сочетаний в русском литературном языке. Одесса, 1957, с. 77. То же в статье И. Б. Кузминой и Немченко «О некоторых синтаксических явлениях в говорах юго-западных и центральных областей к западу от Москвы» (Докл. и сообщ. Ин-та языкознания, 1956, № 10, с. 125).

[17] Список с оброчной данной памяти на дикое раменье, что в Чепецком стану около р. Косинки, отданное на льготу И. М. Кайсаровым С. Гребенкину 1662, сентября 10. Тр. Вятск. учен. арх. ком. 1914, I, с. 224.

[18] Прошение крестьян Великорецкого оброчного стана царю Петру Алексеевичу... 1711, там же, сс. 250.

[19] Русская диалектология, с. 177.

[20] Ф. Л. Скитова. Двойные предлоги и сочетания с ними. Уч. зап. Перм. ун-та, т. XVI, вып. 1, 1960, сс. 19—21.

[21] Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, т. III. 1909, с. 252.

[22] Е. Ф. Карский. Белоруссы, вып. 2—3. М., 1956, с. 422.

[23] Словарь современного русского литературного языка, т. X. М.—Л., 1960, с. 751.

[24] Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1939, т. III, с. 478; Словарь русского языка, т. III. М., 1959, с. 324.

примерах встретилось употребление предлога *по-за* с винительным падежом: Спрятался по-за корчму (Куприн, «Конокрады»), Как послушаешь толки женщин о предстоящем им переселении по-за Пермь (Добролюбов «Губернские очерки Щедрина»). Конструкции с предлогом *по-за* + дательный падеж в языке писателей не употребляются.

Предлог *по-под*

Двойной предлог *по-под* является вторым по широте распространения в говорах Кировской области (отмечен в 64 пунктах). Он употребляется только в пространственном значении с двумя падежами: дательным (более употребительным, отмечен в 53 пунктах) и с творительным (менее употребительным, отмечен в 14 пунктах).

1. В конструкциях с предлогом *по-под* + дательный падеж имени управление падежом зависит от первого предлога *по*. Значение же двойных предлогов в этой конструкции чаще складывается из совокупности значений обеих частей его, — пространственных значений предлогов *по* и *под* при обозначении предмета, ниже которого направляется действие: По-под телéге силóшки бéгают (Зубари Халтур.); По-под горé éхать нáдо (Брагичи Орич.); По-под бéрегу шлá (Шипулята Даров.); Трú вóлка по-под окóшку бежáт (Яковлевская гора Подосин.). Обычно конструкции эти употребляются при глаголах движения. В литературном языке им соответствуют сочетания с предлогом *под* + творительный падеж имени, т. е. *под телегой*, *под горой*, *под окошком* и др.

Реже двойные предлоги употребляются в значении одного из предлогов, входящих в его состав: По-под землé то вот катúлося (Боровицы Мураш.), т. е. *по земле*.

Иногда предлог *по-под* употребляется в значении, близком к значению 'около', 'возле', 'вдоль': По-под лéсу фсё иттú нáдо бы́ло (Ухтым. Богород.).

2. В конструкции с предлогом *по-под* + творительный падеж имени падеж зависит от второй части двойного предлога *под*, но в значении двойного предлога в большинстве случаев, как и в конструкциях с дательным падежом, сохраняются значения обеих частей его: По-под окóшком хóдит (Пещера Омутн.); По-под кустóм парохóт идёт (Пустоши Орич.).

Состав лексики в конструкции с предлогом *по-под* менее разнообразен, чем в сочетании с предлогом *по-за* (отмечено только 19 существительных, причем в сочетаниях с дательным падежом 16, а с творительным только 7. Некоторые существительные встретились и в том, и в другом падеже). Наиболее часто в сочетаниях с предлогом *по-под* встречаются существительные *гора*,

лес, *окошко* и *берег*. Остальные слова отмечаются в одном-двух примерах.

Из старых записей предлог *по-под* отмечен в выше упомянутой статье В. К. Магницкого в Уржумском уезде.[25] Редко встречается этот предлог в записях местного фольклора — в песне: Бежит мышка по-под лавочке;[26] в загадке: Два си́зых го́лубя по-под земле́ хо́дят, мир ко́рмят (черкуша, косуля).[27]

Двойной предлог *по-под* указывается в числе более употребительных предлогов в других говорах русского языка, северных и южных.[28] В смежных пермских говорах этот предлог, так же как и в кировских говорах, выражает пространственное значение, но употребляется не только с дательным и иногда творительным падежами, но и с винительным.[29]

В украинском языке предлог *по-під* может употребляться с винительным и творительным падежом в значениях 'под', 'около', 'возле', 'вдоль'.[30]

Предлог *по-под* не вошел в словари современного русского языка. Но в картотеке словарного сектора имеется три примера на употребление предлога *по-под* с творительным падежом имени в произведениях трех писателей: Лучше бы по-под горой пройти (Куприн, «Конокрады»); Хорошо тоже весной у нас бывает: пойдут по-под снегом ручьи (Салтыков, «Губернские очерки», «В восторге»); А вот еще трое едут по-под лесом — прибавил Антонов, отличавшийся удивительным глазом (Л. Толстой, «Набег»). Во всех этих примерах авторы вводят конструкции с предлогом *по-под* в речь персонажей.

Предлог *по-над*

Двойной предлог *по-над* в говорах Кировской области встречается более редко (отмечен только в 23 пунктах 18 районов). В материалах по некоторым пунктам сообщается, что предлог этот употребляется не в разговорной речи, а в песнях: По-над ле́сом бо́льше ф стари́нных пе́снях пою́т (Верхосунье Бельск.); Употребля́ётца ф пе́сьне «По-над ле́сом по-над зеле́ным» (Черкушский с/с, Кайск.).

Предлог *по-над* употребляется только в пространственном значении. В отличие от рассмотренных нами конструкций с предлогами *по-за* и *по-под*, в конструкциях с предлогом *по-над* пре-

---

[25] Изв. Общ. археологии, истории и этнографии при Казанском университете, 1884, V, с. 49.

[26] См.: Песни северо-восточной России, с. 244.

[27] Записана диалектологической экспедицией в д. Жданово Санчур.

[28] Русская диалектология, с. 177.

[29] Учен. зап. Перм. гос. уп-та, т. XVI, вып. 1, сс. 22—23.

[30] Українсько-Росїйський словник. Київ, 1961, т. 4, с. 159.

обладает употребление с творительным падежом (отмечено в 20 пунктах). Управление зависит от второй части предлога *над*.

Значение предлога *по-над* или складывается из значения обеих составных частей его (над чем-либо, имеющим протяженность, или этот предлог употребляется иногда в значении вдоль чего-нибудь): А ли́го по-над ре́чкой расстила́йотчя тума́н (Пещера Омутнин.); На Или́нишну хо́дим по-над бе́регу (Окатьево Даров.).

Лексический состав существительных в конструкциях с предлогом *по-над* очень однообразен. В материалах встретились всего 7 разных слов, из них существительные: *берег*, *лес*, *река*, *рицька* повторяются в разных пунктах, остальные слова (*изба*, *окошко*, *дрова*) отмечены в отдельных пунктах.

Такое лексическое однообразие конструкций с предлогом *по-над*, преобладание форм творительного падежа, менее характерных для живой речи в конструкциях с другими двойными предлогами, а также имеющиеся указания в материалах на употребление этих сочетаний в песнях позволяют высказать предположение, что для живой речи современных говоров Кировской области эти конструкции не характерны и употребляются лишь в сочетании с немногочисленными словами, из которых некоторые встречаются в песнях.

Предлог *по-над* отмечается в числе более употребительных в других севернорусских и южнорусских говорах.[31] В смежных пермских говорах, судя по примерам, приводимым Ф. Л. Скитовой, в конструкции с предлогом *по-над* также преобладает употребление имени в творительном падеже.[32] Из других славянских языков предлог *по-над* употребляется в украинском и польском языках, с творительным и винительным падежами.[33]

В словарях русского литературного языка предлог *по-над* имеет пометы «народно-поэт. и обл.». По данным картотеки словарного сектора предлог *по-над* является более употребительным, чем предлог *по-за*. Он встречается в произведениях 36 писателей XIX—XX вв. от Гоголя до Горького, Фадеева, Маяковского, Шолохова, Прокофьева и др. Во всех примерах (44) предлог *по-над* употребляется с творительным падежом в авторской речи и реже вводится в речь персонажей. Приведем некоторые примеры: По-над самым провалом дороги два человека еще могут проехать, а трое ни за что (Н. В. Гоголь, «Страшная месть»); — А ты, часом, не по-над речкою ли шел? (Короленко, «Судный день»); По-над крышами его мечется огонь, рвется кверху

---

[31] Русская диалектология, с. 177.

[32] Уч. зап. Перм. ун-та, т. XVI, вып. 1, с. 22.

[33] Українсько-Російський словник, т. 4, с. 184; W. Vondrak. Vergleichende slavische grammatik, band II. Göttingen, 1928, cc. 305—306.

(М. Горький, «Исповедь»); С самого рассвета до темноты сиди по-над морем (К. Паустовский, «Синева»); А по-над горам птица летит к морю (Вс. Иванов, «Хабу»); Направо на юг на холме по-над Доном находился большой кожевенный заво (А. Н. Толстой, «Хлеб») и др.

Лексика в этих конструкциях довольно разнообразна, встретилось более 40 разных слов, причем некоторые существительные в сочетании с предлогом *по-над* повторяются у разных писателей (*по-над лесом*, *по-над берегом*, *по-над горой*, *по-над рекой*, *по-над Доном*» и др.), часть из них отмечена нами в числе более употребительных и в кировских говорах.

Предлог *по-перед*

Двойной предлог *по-перед* в материлах по кировским говорам зафиксирован лишь в 3 населенных пунктах в сочетании с одним словом *окошко* в дательном и творительном падежах: По-пе́ред око́шком пою́т (Корени Вожг.), по-пе́ред око́шку (Хлебники Кировск.), по-перед око́шком (Хороши Богород.). Значение двойного предлога в этих примерах близко к значению предлога *перед*.

Предлог *по-перед* отмечен в числе севернорусских предлогов.[34] По-видимому, данный предлог наречного происхождения. В записи сказки в Вятской губ. встречается сочетание *по-перед* с родительным падежом в значении ‘впереди, раньше’: Иль ты поперед меня поспел?[35] В этом же значении встречаем употребление *по-перед* с родительным падежом в вологодских говорах: Я поперед матери-то пришла;[36] и в записях фольклора[37] на других территориях. Встречается *по-перед* с родительным падежом и в памятниках XVI—XVII вв.: Послаша бо точю того дни попередъ себя избранныхъ своихъ отроков.[38] Слово *по-перед* в Словаре современного русского литературного языка рассматривается как наречие просторечное.[39] В картотеке Словарного Сектора имеются примеры на употребление этого слова в значении ‘раньше другого’ с родительным падежом: Иван опять всё поперед всех (С. Н. Сергеев-Ценский, «Медвежонок») и др.

---

[34] Русская диалектология, с. 177.

[35] Сб.: Великорусские сказки из архива Русского Географического Общества, вып. 1—2.

[36] З. Баженов. Словарь вологодского наречия (КСНРГ).

[37] А. С. Соболевский. Великорусские народные песни, т. I, сс. 27, 282.

[38] История о Казанском царстве. ПСРЛ, т. 12, СПб., 1903 (списки XVI—XVII вв.) из картотеки ДРС, в которой имеются и другие подобные примеры.

[39] Словарь современного русского литературного языка, X, с. 1278.

В украинском языке отмечается употребление *попереду* в значении наречия (*впереди, сперва, прежде*) и предлога (*пред, перед*).[40]

Возможно, что в кировских говорах управление дательным падежом при двойном предлоге *по-перед* наречного происхождения развилось под воздействием других двойных предлогов, в первой части которых стоит предлог *по*. Но для решения этого вопроса мы не располагаем еще достаточным материалом.

Предлог *по-по*

Двойной предлог *по-по* по своему образованию отличается от других двойных предлогов тем, что он представляет собой удвоение одного и того же предлога — *по*.[41] Он зафиксирован в пространственном значении только в трех пунктах Кировской области, причем во всех случаях в сочетаниях со словом с корнем *-низ* в дательном падеже ед. и мн. ч.: По-по низу ветер (Просница Просниц.); По-по низа́м (Хлебники Киров. и Гостево Котельн.). В других говорах в числе употребительных предлогов не отмечается.

Предлог *за-под*

Двойной предлог *за-под* зафиксирован только в одном пункте в сочетании с творительным падежом в пространственном значении: За-под горо́й опя́ть ле́с (Лекма Шестак.) Значение двойного предлога складывается из значений обеих частей его Управление творительным падежом может зависеть как от первой, так и от второй части двойного предлога. Предлог не отмечен в числе употребительных предлогов в других говорах.[42]

Предлог *в-под*

Предлог *в-под* зафиксирован лишь в одном пункте: Ф-под уго́р (Луптюг Чернов.) с винительным падежом имени. Этот предлог отмечен в записи фольклора: На горе то соболя убил, в-под горою лисицу задавил,[43] в конструкции с творительным падежом. В числе употребительных предлогов в русских народных говорах не отмечается.[44]

---

[40] Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка. Киев, 1909, т. III, с. 51.

[41] Удвоение предлогов *в*, *с*, широко представлено в областных говорах и отмечается в памятниках письменности. См.: Н. И. Букатевич. Опыт исторического изучения предлогов и предложных сочетаний в русском языке. Одесса, 1958, с. 156.

[42] Русская диалектология, с. 177.

[43] А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. IV, с. 70.

[44] Русская диалектология, с. 177.

* * *

Рассмотренные нами материалы показывают, что из 7 двойных предлогов в говорах Кировской области более или менее распространенными являются только 3 предлога: *по-за*, *по-под* и *по-над*, которые более часто встречаются и в других говорах русского языка. Остальные предлоги (*по-перед*, *по-по*, *за-под*, *в-под*) зафиксированы лишь в отдельных пунктах в единичных примерах.

Самым употребительным и широко распространенным является предлог *по-за*, который отмечен на широкой территории области, зафиксирован в примерах с разнообразной лексикой, отразился в записях фольклора и встречается в языке деловых памятников XVII и XVIII вв. Вятской земли. Менее употребителен предлог *по-под*, отмеченный в меньшем числе пунктов в примерах с менее разнообразной лексикой и лишь в отдельных случаях в записях фольклора. Третий из этой группы предлог *по-над*, хотя и встречается в целом ряде пунктов, по-видимому, уже не является продуктивным в живой речи, встречается в сочетаниях с немногочисленной группой слов и отмечается в ряде пунктов как предлог, характерный для старинной песни.

Двойные предлоги в говорах Кировской области употребляются с тремя падежами: дательным, творительным и винительным. Наиболее продуктивными в кировских говорах являются конструкции двойных предлогов с дательным падежом, которые характерны только для севернорусских говоров и являются одним из признаков вологодской группы северного наречия. В кировских говорах дательный падеж встречается в сочетаниях со всеми двойными предлогами, в первую часть которых входит предлог *по* (*по-за*, *по-под*, *по-над*, *по-перед* и *по-по*), управляющий дательным падежом зависимых слов. Наиболее широко представлено употребление дательного падежа имени с предлогами *по-за* и *по-под*.

Конструкции с творительным падежом, преимущественное распространение которых характеризует южнорусские говоры, в кировских говорах употребляются в том же значении, что и конструкции с дательным падежом, но являются менее продуктивными. Они встречаются в сочетаниях с теми же предлогами, которые употребляются и с дательным падежом, кроме предлога *по-по*, но управление в конструкциях с творительным падежом зависит от второй части двойных предлогов: *за*, *под*, *над* и *перед*. Преобладающее место занимают эти конструкции только с предлогом *по-над*. Кроме того, только с творительным падежом отмечен случай употребления предлога *за-под*.

Конструкции с винительным падежом, выражающие направление движения, в кировских говорах очень редки: они наблюдаются только в сочетании с предлогом *по-за* (в 11 пунктах) и с предлогом *в-под* (в 1 пункте).

Сопоставление употребления двойных предлогов в кировских говорах с другими севернорусскими говорами, в частности, с соседними говорами Пермской области, показывает их общие черты в составе более употребительных предлогов (*по-за*, *по-над*, *по-под*) и общие характерные особенности в употреблении падежей с этими предлогами (преимущественно употребление дательного падежа в конструкциях с предлогами *по-за* и *по-под* и творительного падежа с предлогом *по-над*). В то же время имеются значительные расхождения в говорах в составе менее употребительных предлогов, которые отмечены на одной территории и не зафиксированы на другой. В кировских говорах отмечены предлоги *по-перед*, *по-по*, *за-под* и *в-под*, а в пермских говорах предлоги *в-за*, *до-по*, *по-на*, *с-по*, *с-под*; ни в пермских, ни в кировских говорах не отмечены предлоги *под-на*, *под-за*, *на-под*, *за-по*, *до-за* и др., встречающихся в некоторых севернорусских говорах.[45] Таким образом, можно предполагать, что еще не все двойные предлоги выявлены в говорах русского языка.

Расхождения между говорами касаются также и степени употребительности тех или иных падежей с двойными предлогами. В пермских говорах, например, более продуктивно, чем в кировских говорах, употребление винительного падежа в значении направления движения, которое зафиксировано в говорах Пермской области не только с предлогом *по-за*, но и с предлогами *по-над*, *по-под* и с мало продуктивными предлогами *в-за* и *с-по*.

Наиболее распространенные в говорах двойные предлоги *по-за*, *по-над* и *по-под* отмечаются в языке писателей XIX—XX вв., причем наиболее часто представлен предлог *по-над*. Предлоги *по-над* и *по-за* вошли в словари русского языка с стилистическими пометами. Они встречаются в литературных произведениях и в авторской речи при описании природы и обстановки и в речи персонажей. Предлог *по-под*, не отмеченный в словарях русского литературного языка, встречается в картотеке современного русского языка в редких примерах в речи персонажей. Характерной особенностью употребления двойных предлогов в языке писателей является отсутствие сочетаний этих предлогов с дательным падежом, обычное употребление с творительным падежом, в редких случаях с винительным падежом.

До настоящего времени мы располагаем лишь скудными сведениями по истории двойных предлогов (имеются лишь данные об отражении в памятниках письменности XVII в. предлога *по-за*). Весьма возможно, что некоторые двойные предлоги являются новообразованиями последнего времени. Выяснение всех вопросов, связанных с историей двойных предлогов, потребует дальнейшее изучение живых народных говоров и памятников письменности с привлечением материалов по другим славянским языкам.

---

[45] Русская диалектология, с. 177.

И. А. ПОПОВ

Наречия и наречные сочетания, соотносительные с формой винительного падежа существительных с предлогом *в-(во)* в русских говорах (ч. 1)

В диалектологических источниках XIX—XX вв. встречается много наречий и наречных сочетаний, соотносительных с формой винительного падежа существительных с предлогом *в-* (*во-*).[1] Их количество значительно превышает число образований такого рода в литературном языке, так как складывается оно из материалов лексических систем многочисленных говоров русского языка.

Обширность класса наречий, соотносительных с вин. падежом с предлогом *в* в говорах, обусловлена, как и в литературном языке, также частой употребительностью вин. падежа в сочетаниях с глаголами, т. е. в позиции, удобной для выражения признака действия — того значения, которое характерно для наречия как особого класса слов. Кроме того, отношения, выражаемые предлогом *в* в русском языке — направленность действия на предмет, состояние, в которое что-либо превращается в результате определенного действия, время, срок совершения действия и некоторые другие — создают благоприятную почву для формирования наречий и наречных сочетаний места, образа действия, времени и др. На высокую продуктивность наречий, соотносительных с формой вин. падежа с предлогом *в* в русском языке, обратил внимание В. В. Виноградов.[2]

Диалектные материалы, собранные на обширной территории русского языка в европейской части и в Сибири на протяжении XIX—XX вв., дают представление о многочисленности и широте распространения наречий рассматриваемого типа и зависимости их образования от характера мотивирующей основы, ее семантической и словообразовательной структуры. В зависимости от

[1] Имеются в виду, помимо собранных автором, материалы картотеки Словаря русских народных говоров, картотеки Словаря современного русского литературного языка (Институт русского языка АН СССР, Ленинград), Словаря русских народных говоров (вып. 4, 5, М.—Л., 1969).

[2] В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, сс. 354—356.

характера мотивирующей основы можно выделить особенно большую группу наречий, соотносительных с формой вин. падежа с предлогом *в* отглагольных существительных (включая наречия, образованные путем адвербиализации известных существительных, и наречия, образованные по этому образцу от глагольных основ; для последних исходные существительные не могут быть указаны, известны только формы глагола. Иногда такие существительные восстанавливаются собирателями на основании формы наречия, однако реальность их существования без подтверждения фактами из истории языка или диалектными нередко сомнительна).

В статье рассматриваются наречия, соотносительные с основами названного типа.[3]

В привлеченных для исследования материалах обращает на себя внимание очень широкий круг наречий, соотносительных с формой вин. падежа ед. ч. при сравнительной ограниченности их образования от формы мн. ч. Поэтому рассмотрим сначала наиболее многочисленную группу наречий.

I. Наречия, соотносительные с формой единственного числа существительных

Рисунок морфологической и словообразовательной структуры наречий рассматриваемого типа зависит от грамматического рода и структуры производящего слова или основы. Поэтому в дальнейшем материал целесообразно группировать в зависимости от соотносительности наречия с грамматическим родом имен существительных.

1. Наречия, соотносительные с формой мужского рода.

Ограниченным кругом диалектной лексики представлены наречия, соотносительные с непроизводными основами названных существительных. Схематично эти наречия можно представить таким образом: В + К, где В — приставка (предлог), К — корень. К их числу принадлежат: *вгон*, *вплав*, *вскок*, *втай*, *втям*, характеризующие способ протекания действия.

Вгон ‘наперегонки’ (Пск. Доп. Оп.).[4] Ср.: *гон* ‘быстрый бег, езда, погоня’ (ССРЛЯ); древнерусское *гонъ* ‘погоня’ (Срезневский).

Вплав ‘вплавь’. *Вплав плыть*: Сине морюшко вплав плыли (песня) (Холм. Пск., 1912, СРНГ). Ср. глагол *плавать*, а также сущ. *плав* ‘плот’ (Пск., Твер. Даль), ‘время плавания на судах от вскрытия до замерзания рек’ (Олон. Даль), а также *плов* ‘лодка, судно’ (Даль, с пометой «стар.»).

[3] Наречия, соотносительные с другими основами, будут рассмотрены во второй части статьи.

[4] В статье принята система сокращений используемая в Словаре русских народных говоров (вып. 1—5, М.—Л., 1965—1969).

Вскок ‘вскачь’ (Слов. Акад. 1806): Во весь дух, во весь опор, скоком, скачью, говорят о конном (Даль, без указ. места; Епифан. Тул., 1896; Стариц. Твер., Усть-Медв. Дон., Онеж.). Ехать вскок. (Чердын. Перм., СРНГ); Настояще хорошо ехали, где ездой, где (в) проскачь, а с последнего побэрду (в)ускок доехали (Колым. Якут. Богораз). Ср.: сущ. *скок* ‘действие по глаголу скакать’ (ССРЛЯ).

Втай ‘тайно, скрытно, секретно’ (Мезен. Арх. Подвысоцкий; Холмог. Арх. Грандилевский): Говорю тебе втай, не разбаивай (Пинеж. Арх. Матвеев; Сарат., СРНГ). Ср.: *тай* ‘потайное место’ (Пск., Осташк. Твер. Доп. Оп.) и глагол *таить* ‘скрывать’.

Втям. Взять втям: ‘понять и запомнить что-либо’ (Пск. Даль). Ср.: *тям* ‘понимание, смысл, рассудок’ и глагол *тя́мить* (Пск., зап., южн.) и *тя́млить* (Ворон.) ‘знать, разуметь, смыслить’ (Даль).

Однако главным источником пополнения класса наречий являются производные префиксальные основы: В + (П + К), где П — префикс производящей основы, К — ее корень. В кругу производящих основ более активно используются основы с префиксами *до-*, *за-*, *на-*, *об-*, *пере-*, *по-*, *раз-* (*рас-*), *с-*, *су-*, *у-*, на базе которых возникла обширная группа наречий.

1. Наречия со структурной В + ($П_{до}$ + К): *вдога́д*, *вдогля́д*, *вдогбн*, *вдомен*, *вдонбс*, *вдбсе́к*.

Вдога́д ‘понятно, заметно’. Чаще с отрицанием: Мне не вдогад было (Даль); Кабы вдогад-то было. А мне и не вдогад, что они варганят (Барнаул. Том. Молчанова; Жиздр. Калуж., СРНГ). В ССРЛЯ наречие дано с пометой: в *просторечии*, *обл.* и *устар.* Оно образовано от сущ. *дога́д* ‘действие по глаголу догадаться’ (Тамб. Даль), *домек* (Обоян. Курск. Машкин). В памятниках это существительное встречается неоднократно, например: Городъ невелик .. а по погаду, дворов съ 30;[5] На обман держи догад.[6] Отмечено и наречное сочетание: Аще.. не в догад паук проглотит.[7]

Вдогля́д ‘заметно, видно’ (Пск., Валд., Вышневол., Осташк. Твер. Карпов; Барнаул. Том. Молчанова). Образовано от существительного *догляд* ‘действие по глаголу доглядеть’: Без догляда нет хозяйства (Даль), ‘присмотр’: Малых детей без догляду не оставишь (Курск., Ряз. Кардашевский; Мещов. Калуж. Косогоров; Брасов. Брян. Мятишева; Костром; Второе Дон.; Охан. Перм. Лепорский; Урал. Миртов; Свердл. Слов. гов. Ср. Урала; Том. Слов. гов. басс. р. Оби; Тулун., Нижнеуд. Иркут. Виногра-

[5] Хождение Трифона Коробейникова, 1593—1594 гг., под ред. Х. М. Лопарева (Правосл. палест. сб., т. IX, в. 3. СПб., 1889 — ДРС.

[6] Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и пр. XVII—XIX ст. Собрал и приготовил П. Симони. СПб., 1899, с. 210 — ДРС.

[7] Статейный список посольства Н. Спафария в Китай (1672—1678). Вест. археол. и ист., СПб., 1906, с. 194 — ДРС.

дов). Ср. также *догляд* ‘попечение, уход’ (укр.), ‘досмотр, надзор’ (белор.).

Вдогóн ‘вдогонку’: И вдогон за ним пустились (КАССР, МДА, 66). Милый хитер, На машину и в Питер, А я, девушка, вдогон, посади меня с собою (Шуйск. Влад. Водарский; Дон. Миртов; Кедабекск. Азербайдж. Кац). ССРЛЯ квалифицирует это наречие как просторечное. Оно отмечается в памятниках XVII в.: ..боярин и воеводы послали в догон Ямгурея Мурзу[8] (1654 г.). Соотносительно, очевидно, с существительным *догон* ‘действие по глаголу догонять’ (Даль).

Вдомен ‘взамен’ (Уржум. Вят., 1882, СРНГ).

Вдонóс обычно с «не»: ‘невнятно, не слышно (т. е. не донося до слуха)’: Как-то невдонос бает. Ничего услышать не можно (Колым. Якут. Богораз). Невдонос говорить — недоговаривать (Амур. Азадовский). Ср. глагол *доносить*.

Вдóсек и *вдосéк* ‘полностью, дотла’ (Арх. Даль; Подвысоцкий, СРНГ). Ср.: *досек* ‘действие по глаголу досекать (срубать до конца)’. Досек леса (Даль).

2. Наречия со структурой В + ($П_{зв}$ + К): *взабóй, взаброд, взавéрт, взаворóт, взажúм, взакрóй, внезазнай*.

Взабóй ‘в задаток’: Опять взабой даешь. (Верховаж. Волог. Никольский, Чечков). Ср.: *забóй* ‘забивка как действие’ (Даль), откуда, вероятно, *забой* ‘пари, заклад’: Забились бежать, забой сто рублей (Амур. Азадовский).

Взаброд 1. ‘заходя глубже (в реку)’: Когда неводят рыбу, тогда одному рыбаку нужно идти гораздо глубже, нежели другому; первому нужно, как говорят, идти взаброд (Перм.(?) Муллов).

2. ‘идти одному впереди многих’ (Влад. Второе Доп.). Ср.: *забрóд* ‘действие по глаголу забраживать’, «идти бродом наперед, вожаком, заносить крыло бредня, идти приглубым крылом» (Даль), а также «заход с бреднем в воду»: В один заброд семьдесят сазанов взяли (Оренб. Урал. Малеча). Ловили мало, всего три заброда сделали (Льгов. Орл. Кардашевский). Один заброд дали ‘один раз протянули невод’ (Даль).

Взавéрт ‘сразу, за один прием, одним духом’: Он все взаверт приел. (Переясл. Влад. Доп. Оп.), Ен взаверт выпил два стакана водки (Обоян. Курск. Машкин). Ср.: *под заверт* ‘подряд’: Я под заверт три рюмки выпил (Покр. Влад. Второе доп.). Ср.: *завёрт* ‘действие по глаголу завертеть’ (Даль).

Взáворот 1. ‘назад, в обратном направлении’: Эвто совсем не в утрусденье будет нашей старухе, что она взаворот сбегает, т. е. опять в ту же дорогу, из которой лошадь пришла (Иркут., Прогр. № 142, СРНГ). 2. ‘на повороте или за поворотом’: Знаешь Сорокоумова дом? А взаворот-то и Митькина лавка будет (Гряз.,

[8] Акты Астраханской воеводской избы. Хранятся в ЛОИИ — ДРС.

Волог., Кадн. Волог. Дилакторский). Ср.: *заворот* ‘изменение направления движения; поворот’ (ССРЛЯ).

Взажи́м. Дорога *взажим* ‘стеснена сугробами или деревьями в лесу’ (Сев.-Двин. Романов). Ср.: *зажим* ‘действие по глаголу зажимать — стискивать, сжимать’ (Даль), откуда в говорах *зажим* ‘тесное место, дорога в лесной глуши’ (Сев.-Двин. Романов) и указанное наречие.

Взакро́й 1. «Смотря с берега, говорят относительно к судну: бегать взакрой.., т. е. уходить на такое расстояние от берега в море, когда судно скрывается из вида» (Астрах., Кузмищев, 1840), «На таком расстоянии по морю, что предмет закрывается округлостью, горбом поверхности воды». Отойти взакрой (Касп., Даль, СРНГ).

2. ‘Плотно (о способе настила пола, потолка и т. п.)’. Забирать перегородку взакрой (Даль): У нас-ко в новом-то доме тепло, притепло, весь потолок взакрой, а не вприплотку (Яросл., Костоловский). Взакрой стелют потолок, у одной доски выем, а у другой выступ, и оне слаживаются вместе (Таборин. Свердл. Словогов. Ср. Урала). Крышу взакрой крыли (Верхне-Тавд. Свердл., Перм. Муллов; Краснояр. Алехина). Этот плотницкий термин сохранился в говорах с более ранних времен: Потолки в кельях сделаны взакрой жеж бруя Да в заворотных же в передней и в задней кельях в чюланѣ, не мостить, намостить мосты тесовые в закрой[9] (1675 г.)... столы, с которых перемычки обшиты тесом красным в закрой. .[10] (1687 г.).

Взато́к ‘плотно, пальцы в пальцы’ (Сев.-Двин. Романов). Ср.: *заток* ‘действие по глаголу затокать, заткать, начинать ткать’ (Даль).

Внезазна́(й) ‘не зная, ненарочно’ (Кадн. Волог., 1898, Волог., СРНГ).

3. Наречия со структурой В + ($П_{на}$ + К): *внавя́з, вна́гон, вназа́р, внапла́в, внаро́к, внато́п, внатя́г.*

Внавя́з ‘насильно, против воли’: Я не брала, а она внавяз навязала. Не берешь, навязывает силой. Хошь не хошь, а бери внавяз (Пенз., 1960, СРНГ). Ср.: *навязывать* ‘принуждать, заставлять против желания принять что-либо’ (ССРЛЯ).

Вна́гон ‘вдогонку’: Цыгане-то уехали, а они за ними внагон. (Брян. Федоров). Бежать внагон (Даль). Ср. существительное *нагон* ‘действие по глаголу нагонять’.

Внапла́в ‘накладывая край одной доски на край другой (о способе постройки)’: Внаплав обшивают дом тесом или делают загородку, когда края досок сколачивают таким образом, что край

---

[9] Дополнение к Актам историческим, собр. и изд. Археогр. ком. т. IX, СПб., 1875 — ДРС.

[10] И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI—XVII стол., ч. 1. М., 1895, с. 497 — ДРС.

одной доски заходит на край другой, причем доски составляют одну плоскость (Перм. Муллов). Ср. *на́плав* 'все, что наплыло куда, нанос, нарост на дереве' (Даль).

Вна́зар 'вслед'. Кричать вназар (уназор) (Курск., Тим., Фатеж, Щигр. Курск. Халанский, Кардашевский). Очевидно, *вназар* — под влиянием аканья из *вназор*. Ср.: *назор* 'надзор без спуска глаз' (Даль).

Внаро́к 'нарочно, намеренно, специально' (Кадн. Волог. 1883—1889). Внарок он этого не сделал бы (Волог.). Я внарок ейной матери ходила про это сказать (Усть-Цилем. Арх., Калуж. СРНГ). Ср.: *нарок* 'умысел, преднамеренье, нарочное' (Даль).

Внато́п 'притаптывая, приминая (насыпать, накладывать и т. п.)': Мера гречихи внатоп — гречиха, насыпанная с придавливаньем рукою, притоптанная (Брян. Орл., Тиханов, 1904, СРНГ). Ср.: *натоптать* что во что 'притаптывать, набивать ногами или утаптывать', а также *натоп* 'действие по этому глаголу' (Даль).

Внатя́г 'в обтяжку': Внатяг голенища — ноги прямо не вздыть. Чтобы ворот глухой, чтобы все внатяг (Осташк. Калинин). Оттенок значения: 'натягивая': Обручье ведь надо внатяг насаживать (Верховин. Киров., 1957, СРНГ). Ср.: *натяг* 'действие по глаголу *натягивать*' (Даль).

4. Наречия со структурой В + ($П_{о,\ об}$ + К): *вобра́т, вобъя́в, во́гиб.*

Вобра́т 1. 'обратно (возвращаться)'. Когда будешь вобрат (Даль). Чай к ночи вобрат не поспеешь (Север., вост., Даль). ..Да поехал он вобрат да в стольне Киев град (Арх. былины). 2. 'с возвратом': Думай взять, думай и вобрат отдать (Север., вост. Даль). Возьми ты у меня вобрат деньги (Заонеж. КАССР, авт.). Ср.: существительное *обрат*: 1. 'обратный путь' (Даль): Билет купи с обратом (Перм. Миртов). Ср. также глагол *оборотить* 'возвратиться': К вечеру домой не оборотишь (Даль). 2. '*возврат*': Обрат денег (Даль).

Вобъя́в 1. 'на яву, в действительности' (Кадн. Волог. Шайтанов). 2. *Не вобъяв* 'тайно'. Созвала (на свадьбу) я, красна девица, всю родню.. И придет кормилец-батюшка (умерший), не вобъяв да людям добрыим (причит.) (Пошех. Яросл., 1896, СРНГ). 3. 'во всеуслышание, не скрывая, гласно'. Вобъяв дело пошло. (Пск., Осташк. Твер. Доп. Оп.). Ср.: *объяв* 'действие по глаголу *объявить*' (Даль); 'объявление' (Пск. Доп. Оп.).

Во́гиб 'огибая': (Поморы) закабалены.. у норвежцев, да у тех немногих русских фирм, которые покупают у них за ничто весь их товар и отправляют его морем, «в огиб», как здесь выражаются, т. е. огибая скандинавский полуостров (В. Майнов. Поездка в Обонежье и Карелу, СРНГ).

5. Наречия со структурой В + ($П_{перо}$ + К): *вперева́л, впереверт, впереви́д, вперего́н, вперехва́т.*

Вперева́л ‘перевалив через плечо’: Нести мешок вперева́л (Иркут., 1924, СРНГ). Ср. *перева́л* ‘действие по глаголу перева́ливать’: Перева́л земли, для очистки места (Даль).

Впереверт 1. ‘в перевернутом виде’: Пояс-от впереверт наде́л (Пинеж. Арх. Матвеев; Шадр. Перм. Миртов; Иркут., СРНГ). 2. ‘перевертываясь (с глаголом катиться)’. (Южн. р-ны Красноярск. кр. Алехина, Рогова, Скворцова). Ср.: *переверт* ‘переверты́вание (в детской игре)’ (Влад. Второе Доп.); ‘переворот; сделать переверты’ (Мещов. Калуж. Косогоров); ‘оборот’: переверт земли (Даль). Ср. также в памятниках: Іа ѣхал от Букина болота направо.. да к Юрьевскому болоту по рубежом и по перевертам, да к Окиньевскому рубежу.[11]

Впереви́д ‘никогда, отроду’: Вперевид этакой штукенции не видал (Ряз. Пискарев, Диттель). Мы чистого-то хлеба вперевид или вперевидь не видаем, не видывали (Даль). Ср.: глагол *перевидать* ‘увидеть, воспринять зрением все или многое, всех или многих’ (ССРЛЯ).

Вперего́н ‘вперегонки’ (Брон. Моск. Каринский, СРНГ). Ср.: *перего́н* ‘действие по глаголу перегонять’ (ССРЛЯ).

Вперехва́т ‘с некоторым излишком, свыше меры’: У тебя, брат, все вперехват (Иркут., Виноградов, СРНГ). Ср.: *перехва́т* ‘действие по глаголу перехватывать’ (ССРЛЯ).

6. Наречия со структурой В + ($П_{п}$ + К): *впо́кат, впондрав, впо́соб, впота́й* (*во́пота́й*), *впохо́д*.

Впо́кат ‘покато’: Желобки, вода стекает от дожжа. Кто как сделат. Корытцем делали, сделают впокат: тут повыше, тут пониже, покатом (Мариин. Кемер., Слов. говор. басс. р. Оби). Ср.: *покат* ‘действие по глаголу покатить; склон, наклон’ (Даль).

Впондрав ‘по нраву, хорошо’: Не впондрав ему пришлось (Пинеж. Арх. Матвеев). Ср.: *за пондрав* души ‘очень хорошо’ (Урал, Миртов), — а также глагол *пондравить* кому, на кого ‘угодить’ (Даль).

Впо́соб ‘в помощь’: Вподоб ли будут ему деньги-то? (Кадн. Волог. Иваницкий; Волог. Дилакторский). Ср.: *по́соб* ‘действие по глаголу пособить, оказать помощь’ (Даль) и *посо́б* ‘свадебный обряд, когда дарят невесте подарки’ (Олон., Куликовский).

Впота́й (*во́потай* и *вопота́й*) ‘тайно, незаметно’: Что ни скажешь впотай (Заонеж. КАССР, авт.). Смерть впотай взяла душу со белых грудей (Повен. Олон., Песни, Рыбников). Вопотай скажи сестрице ты родимой (Север. Барсов; Олон., Куликовский; Перм., Свердл., СРНГ). Наречие *впотай* с колеблющимся написанием — слитно или раздельно — встречается в па-

[11] Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства, изд. Археограф. комиссии. СПб., 1838, с. 162.

мятниках XVII в.: И в Крым де тот Татарин ... ездил впотай..[12] ..и письма в потай принимал ..[13] (1639—1643 гг.). Впрочем, в памятниках в функции наречия встречается и беспредложная (бесприставочная) форма: ..посылая потай..[14] (XIII в.) ..послал ливонцом помочь потай..[15] (1560 г.). Наречие *впотай* (и его варианты) соотносительно с сущ. *потай* 'действие по глаголу потаить', а также 'тайное место': Деньги у него в потаю лежат. Баулец с потаем (Даль). Ср. также чешск. potai 'тайность'.

Впоход 'попутно, по тому же направлению' (Сев.-Двин., 1928, СРНГ).

7. Наречия со структурой В + ($П_{при}$ + К): *вприжи́м, впризор, впримы́к, впри́пуск, вприсло́н, впритру́д, впритру́н, впритру́т, впритя́м.*

Вприжи́м 'плотно, тесно, туго, под нажимом' (Холмог. Арх., 1907). Ср.: *прижим* 'действие по глаголу прижимать' (Даль).

Впризор 'вприглядку'. (Дон., Миртов). Ср. *призор* 'присмотр' (Холмог. Арх., Грандилевский): Больно от нее от снохи призор плохой, плохо призирает (Брон. Моск., Каринский, Петров. Сарат., Наумов). Ср. также глагол *призирать* 'присматривать' (Брон. Моск., Каринский). Ср.: *призреть* 'взглянуть, бросить взор' (Даль).

Впримы́к 'вплотную, примыкая' (Даль, СРНГ). Ср. *примык* 'действие по глаголу примыкать' (Даль).

Впри́пуск 'припуская кого или припускаясь к чему': Поить скотину вприпуск, припуском, прямо из реки, водоема, не черпая, не из посудины. Корова доится вприпуск, не дает молока без теленка. Навалились на кашу вприпуск, жадно. Звезды горят вприпуск, ясно, рясно. (Даль, без указ. места, СРНГ). Ср.: *припуск* 'действие по глаголу припускать' (Даль).

Впритру́д 1. 'трудно, тяжело, поневоле' (Алт., Вербицкий). 2. 'близоруко, пристально': Он все впритруд смотрит (Зауралье, 1962, СРНГ). Ср.: *притрудить* 'утомить, намять, натереть мозоли'. Притрудить руку (Даль); возвр. — *притрудиться* (Даль).

Впритру́н 'близко, пристально, упорно (смотреть)': Впритрун и посмотрел на меня, я ажно спешился (Соликам. Перм., Второе Доп.). Ср.: *притрунить* 'пригрозить, прижать': Как притрунил хорошенько, дак сказал же, а то нет да нет (Соликам. Перм., Второе Доп.).

---

[12] Донские дела, кн. IV. РИБ, т. 29, с. 881 — ДРС.

[13] Роспись кому имянем и за какую вину какое наказанье было ... Чтение ОИДР, 1883, кн. 1, с. 25 — ДРС.

[14] Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, изд. Археограф. Ком. СПб., 1888, с. 180 — ДРС.

[15] Памятники дипломатических сношений России со Швецией. В кн.: Сб. Русск. истор. общества, т. 129, СПб., 1910, с. 78 — ДРС.

Впритру́т 1. ‘вплотную, очень плотно’ (Шадр. Перм., 1895): У дверей же впритрут две сенных девушки-караульщицы улеглись (сказка; Свердл. Шадринск, Бирюков, СРНГ). 2. ‘пристально, в упор, с близкого расстояния (рассматривать)’: Впритрут шило поглядел (Тобол. Тобол., 1895—1898. Шадр. Перм., СРНГ). Ср.: глагол *притирать* ‘плотно подгонять к чему-либо’ (ССРЛЯ).

Впритя́м ‘памятно’: Нам это впритям (Курск., Орл., Тамб.). Мне что-то невпритям (Обоян. Курск., Машкин; Жиздр., Мосал. Калуж. Воскресенский). Сходное в белорусском наречие *вприцям* ‘заметно’. Ср.: *притямить* ‘припомнить’: Что-то я этого не притямил (Обоян. Курск., Машкин; Курск., Калуж., Смол., Даль).

Вприсло́н ‘встык, вплотную’ (Петров. Сарат., Колеганов). Ср.: *прислон* ‘действие по глаголу прислонить’ (Даль), а также ‘место касания, опоры’ (Мезен. Арх.; Федоров), ‘место, куда можно укрыться’ (Север., Даль) и др.

8. Наречия со структурой В + ($П_{про}$ + К): *впробег, впроверг, впрогар, впрогляд, впроказ, впролом, впромес, впронос, впрорез, впросов, впросон, впроход, впрочет, прочох.*

Впробе́г ‘бегом’: Увидели мертвое тело и понеслись впробег (Тотем. Волог., 1900, СРНГ). Ср.: *пробег* ‘действие по глаголу пробегать’ (Даль).

Впрове́рг ‘опрокидывая наземь’: Он впроверг его кидал (песня) (Шенк. Арх., Буслаев, 1850, СРНГ). Ср.: *проверга́ть, провергну́ть* ‘пробить, бросив что или проломить швырком’ (Даль).

Впрога́р ‘так, чтобы прогорало, накалялось’: Скласть печь впрогар, нетолсто, в кирпич на ребро (Даль, без указ. места, СРНГ).

Впрогля́д ‘напрогляд, наглаз, по уровню, пронивелировать’: Выровняли весь двор впрогляд (Даль, без указ. места, СРНГ). Ср.: *прогля́д* ‘действие по глаголу проглядывать, проглядеть, просмотреть, осмотреть, нивелировать’ (Даль).

Впрока́з ‘ради шутки, чтобы посмеяться, из озорства’: Это впроказ ему сделали. Впроказ людям шуток не шути (Даль, без указ. места, СРНГ). Ср.: *проказы* ‘шутки’, проказить ‘шутить’ (Даль).

ВпролО́м ‘не меняя лошадей (ехать)’. «Ехать до места назначения на лошадях впролом, т. е. с одним ямщиком от станции до станции» (Охан. Перм., Миртов с пометой «*стар.*», 1930); ‘без остановок (ехать)’ (Охан. Перм., Миртов с пометой «*теперь*» 1930, СРНГ).

Ср.: *пролом* ‘действие по глаголу проламывать — ломать насквозь’ (Даль).

Впроме́с ‘не очень круто замесить тесто’: Меси квашню впромес, вро́змес, не больно круто (Даль, без указ. места, СРНГ).

Ср. *промес* ‘действие по глаголу примешивать (перемешивать)’ (Даль).

Впро́мес ‘с примесью’ (Тихв. Новг., Бердников).

Впронóс 1. С отрицанием: 1. ‘не для передачи, распространения’: Не впронос будь сказано (Барнаул. Том., Молчанова). Ср.: *пронос* ‘перенос, сплетня’ (Север, Барсов; Олон., Куликовский), а также *переносить* ‘передавать слух, сплетничать’: Наша Дарья ничего не пронесет уж (Онеж. КАССР, Калинин; Сев.-Двин., Романов). 2. ‘мимо’: Будь мое слово не впронос, запомните: придет лаптям конец — за диковину будете глядеть (Петров. Сарат., Наумов). Ср.: *пронóс* ‘действие по глаголу проносить’ (Даль). 3. ‘не в обиду сказать’: Не впронос вашей чести сказано. Не впронос слово молвить (Даль). 4. ‘не отдыхая’ (Сев.-Двин., Романов).

Впро́рез ‘между чем-либо (ездить, входить)’: Держи судно впрорез промеж балок (Тихв. Новг., Бердников). Ср.: *прорез* ‘действие по глаголу прорезывать’ (Даль).

Впросóв ‘проваливаясь, увязая’: Конь идет впросов (Пск. Пск., Савицкий). Ср.: *просов* ‘действие по глаголу просовывать; подснежная вода в распутицу, куда проваливается нога’ (Даль); ‘пробивание ногой лошади поверхности смерзшегося слоя снега или льда’ (Пск.; Кузнецов).

Впросóн ‘до полного пробуждения’: Спит невпросон. Ему сон невпросон (Барнаул. Том., Молчанова). Ср.: *проснуться.*

Впрохóд 1. ‘всегда, беспрестанно, постоянно’: Впроход ест (Переясл. Влад., 1849). Мы впроход ездим на конях (Костром.). Робенки-то все впроход кусок-то волокут. Она впроход поет (Волог.). Впроход машины, все впроход (Верховин. Киров., Котлас, Арх., Сев.-Двин.). Он впроход пирует (пьянствует), откуда только деньги берет (Перм., СРНГ). 2. ‘от начала до конца, насквозь’: Впроход пустить (Даль, без указ. места. Арх., СРНГ). Оттенок значения: ‘целиком, полностью’: Впроход голова разболелась (Верхнетоем. Арх., 1949, СРНГ). 3. ‘мимоходом, попутно’: Впроход руки мою (Верхнетоем. Арх., 1950, СРНГ). Ср.: *проход* ‘действие по глаголу проходить’ (Даль). Аналогично — наречие *вóпроход* ‘часто, всегда, постоянно’ (Тотем. Волог., 1898.): Он вопроход там бывает (Волог., СРНГ).

Впрочéт ‘читая вслух’: Объявить о сем впрочет на сходках. Прибить к столбам, впрочет всем. Этот почет людям (нам) не впрочем, «не заметен, не в пользу, не касается нас» (Даль, без указ. места, СРНГ). Ср. глагол *прочитать*, существительное *прочет* действие по этому глаголу (Даль): Взята книга для прочету, а пропала без зачету (Даль).

Впрочóх ‘для чихания; чтобы прочихаться’ (Даль, без указ. места, СРНГ). Ср.: *прочох* ‘действие по глаголу прочихать’: Понюхать табаку для прочоху (Даль).

9. Наречия со структурой В + ($П_{раз,\ роз}$ + К): *вразбо́й, вразбро́с, вразве́с, враздро́б, вразлу́к, вразро́й, вро́змес.*

Вразбо́й ‘поодиночке, отдельно, порознь’: Надо выехать всем вместе, а не так, чтобы вразбой (Верховин. Киров., 1957, СРНГ). Ср.: *разбой* ‘действие по глаголу разбить, разделить и распределить по разным местам ‘разослать «врознь»’ (Даль).

Вразбро́с ‘в весеннюю воду’ (Урал, Миртов).

Вразве́с 1. ‘по частям, не оптом (о продаже)’ (Урал., Миртов). Ср. в памятниках: продавати в развес.[16] (1588 г.): ..пудами, а не в развес[17] (1645 г.). Наречие соотносительно с сущ. *развес* + ‘действие по глаголу развесить, размерить, разделить по весу’: Мешать по развесу (Даль). Отсюда *развес* ‘дробная продажа на вес’ (Даль, с пометой «*стар.*»).

Ср. в памятниках: 6 развесов по 10 гривенок (1565–1568 гг.).[18] 2. ‘развешивая (что-либо)’: Сушить вразвес, т. е. сушить, развешивая на сушилках (Казань. (?) Киттара).

Враздро́б ‘не кучно, рассыпая (о ружье)’: Ружье бьет (враздроб) (Дон., Калмыков). Ср.: *раздробить.*

Вразлук ‘в разные стороны’ (Петров. Сарат., Колеганов). Ср.: *разлука́ть* (вещи) ‘раскидать, расшвырять’ (Даль).

Вразро́й ‘начиная с середины поля (о пахоте)’: Можно пахать вразрой, а можно в обыгонку (Курск.; Кардашевский). Ср. наречие *разроем* (копать глину, песок разроем): «раскопом. разметом» (Даль) — и сущ. *разрой* ‘распутица’ (Тул., Соколов). ‘пора разлива’ (Курск., Даль).

Вро́змес ‘не густо и не жидко (замесить)’: Сайка месится круто, калач жидко, а витушка врозмес (Даль).

10. Наречия со структурой В + ($П_{с}$ + К): *всвал, всклад.*

Всвал ‘в первый раз пахать целину’: Перепахал всвал (всю целину). «В сваленном (перевернутом — *И. П.*) виде они (пласты — *И. П.*) лежат до бороньбы. Поле после первой вспашки покрыто лентами сваленного дерна» (Барнаул. Том., Молчанова). Ср. *свал* ‘средняя линия распахиваемого поля, когда пашут от краев к середине’ (Дон., Миртов) и ‘действие по глаголу свалить — опрокинуть’ (Даль).

Всклад ‘друг на друга сложить, положить и т. п.’: Всклад дрова-то сложены (Верхне-Уфал., Челяб., Таборин. Свердл., 1964, СРНГ).

11. Наречия со структурой В + ($П_{су}$ + К): *всугон, всугрёб, всугрев, всупор, всутерп.*

---

[16] Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археогр. ком., т. III. СПб., 1848, с. 198.

[17] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археогр. эксп. Акад. Наук, т. I. СПб., 1836, с. 409 — ДРС.

[18] Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565—68 гг. и 1646 г. (Труды ист.-археограф. ин-та. Материалы по истории народов СССР, вып. 2). Л., 1932, с. 20 — ДРС.

Всугóн ‘вдогонку’ (Южн.-Сиб, Гуляев): Всугон погнали (Барнаул. Том., Молчанова). Лошадь-то вырвалась, он всугон за (ней) (Зауралье, Тимофеев). Заяц выскочил и понесся по лесу, а за ним всугон собаки (Пе́тров. Сарат., Наумов). Всугон идти (Олон. Рыбников; Арх., Былины Печоры и Зимнего берега; Яросл. Мельниченко). Ср. в памятниках: А он де, Ондрей, всугон ево учел бить дубьем[19] (1645—1649 г.): .. и князь Григорий Борисовичь, вылезчи за городъ ... со всѣми ратными людми всугон, литовских людей многих побили и языки поимали[20] (1609 г.). Ср.: *сугонить* ‘догонять’ (Волог., Дилакторский).

Вариантом наречия *всугóн* является *встугóн* ‘вдогонку’ (Пинеж. Арх., Матвеев).

Всугре́б ‘сколько можно взять, унести в руках’: Не всугреб захватил — не в мочь, не в силу (Даль, без указ. места, СРНГ). Ср. *сугреб* ‘сгребенная сухая трава’ (Новг., Новг. Г. В., 1844, № 37), ‘куча’ (Богородский), ‘сугроб’ (Волог., Иваницкий; Волх. Ленингр., Попов).

Всугре́в ‘настолько, чтобы было тепло’: Дровец всугрев. Одежки всугрев (Даль, без указ. места, СРНГ). Ср. *сугрев* ‘тепло, теплота’: Сугреву нет в избе (Волог., Пск., Твер., Доп. Оп., а также др. матер.).

Всу́пор, *всупо́р*, *вбсупор*, *восу́пор*, *восупо́р* ‘наперекор, вопреки’: Говорить всупор (Арх., Подвысоцкий). Всупор слова не бывало (Соликам. Перм., Второе Доп.; Барнаул. Том., Молчанова). Во́супор (Арх. Холмог., Опыт). Восу́пор (Арх., Подвысоцкий). Восупо́р (Арх., Холмог. Арх., Опыт). Также в фольклоре: Да и жил я в Царе-граде три года, да не смел я всупор слова молвити (Онеж., Гильфердинг). Наречие образовано от существительного *супор* ‘спор, размолвка’: Тогда издвоишася люди.. и створиша супоръ (Новг. 1 лет., ДРС). Ср. также белор.: *супор* ‘соперник’ и глагол *супорить* ‘спорить, прекословить’ (Арх., Подвысоцкий).

Всутерп ‘сколько можно терпеть’. Просто стало не всутерп (Осташк. Твер., Доп. Оп.). Чтоб были всутерп ей (жене) и ребяты и крестьянская работа (Великол. Пск., Успенский). Всутерп (Пск., Карпов, Доп. Оп.). Ср. наречие *сутерп* в том же значении (Карач. Орл., Мещов. Калуж., Косогоров), а также *суцерб* ‘состояние, при котором можно еще терпеть’ (Колым. Якут. Селищев).

К рассмотренным примыкает наречие *всустык* ‘встык’ (Боров. Новг., Гарновский) с более сложной морфологической структурой.

При образовании наречий рассматриваемого типа производящие основы с суффиксами используются менее активно, чем ос-

---

[19] Донские дела, кн. 3. РИБ, т. 26, с. 740 — ДРС.

[20] Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археогр. ком., т. II. СПб., с. 285 — ДРС.

новы с приставками, приведенные выше. Эти наречия представлены редкими примерами: *втерпёж*, *вступи́к*, *втрусо́к*.

Втерпёж ‘так, что можно терпеть, сносно’: Вода не так горяча, втерпеж руке (Сарат., 1858). Пока было втерпеж, так молчали (Вят., СРНГ). Ср. существительное *терпеж* ‘терпение’: Терпежу нету-ка (Ветлуж. Костром., Марков) и глагол *терпеть*.

Вступи́к ‘о способе езды на лошади’: Ехать рысью, вскачь, вступик, ступиком (Кем. Арх., 1929, СРНГ).

Втрусо́к ‘рысцой, малой рысью (ехать, бежать)’: Я все бежал втрусок да запыхался (Устюжн. Новг., 1848. Новг. Волог., СРНГ). Ср. *трусить* ‘бежать рысцой’.

Отдельные наречия включают в свой состав приставку и суффикс: *впотаёк*, *вскосо́к*, *всугбнок*.

Впотаёк ‘тайно, незаметно’ (Осташк. Калинин., Копорский). Ср. рассмотренное выше *впотай*.

Вскосо́к ‘наискось’ (Пск. Осташк. Твер., Доп. Оп.): Иди вскосок, а не прямо, там суше (Пушкиногор. Пск., Степанов). Ср. глагол *скоси́ть* ‘сделать что-либо под кривым углом’: Скосить брус, а также наречие *скосок* ‘наискось’ (Вост., Даль): Мы с ним скосок живем (Пск., Осташк. Твер., Доп. Оп.).

Всуго́нок ‘вдогонку, в погоню, вслед’: Всугонок бежал (Кирил. Новг., 1897, СРНГ). Ср. глагол *сугнать* ‘достичь, нагнать’ (Даль).

Непроизводительность основ с суффиксами при образовании наречий, соотносительных с формой мужского рода, обусловило однообразие морфологической структуры этого вида наречий.

II. Наречия, соотносительные с формой существительных женского рода *на -а*

Эти наречия, как и только что рассмотренные, редко образуются от существительных отглагольных с непроизводными основами: *втеку* (*втёку*) ‘наутек, вспять, в бегство’. *Втеку* (Вят., 1848). *Втёку:* Парень у меня нанимался в подстрадки, пожил три дня да и втёку (т. е. ушел, убежал) (Перм., СРНГ). Ср.: *тёка* ‘быстрое движение жидкости где-либо, быстрое течение’. В Дубне есть такие тёки, что детишек с ног сбивает (Моск., Иванова). Ср. также глагол *течь*.

Главным источником пополнения наречий являются основы производные (префиксальные, суффиксальные, префиксально-суффиксальные). Остановимся подробнее на этом материале.

1. Наречия со структурой В+(П+К)+У (Ю). При образовании этих наречий были использованы производящие основы с префиксами *до-*, *на-*, *при-*, *пере-*: *вдогбну*, *вдогбню*, *внату́гу*, *вприме́ту*, *вперекувы́рку*.

Вдогбну ‘вдогонку’: Он в лодку и вдогонку. Пойдем вдогону (Кондоп. КАССР, авт.).

Вдогóню — с тем же значением: Беги вдогоню (Даль; Охан. Перм., Миртов). Ср. существительное *догоня* ‘погоня’: А за ним скоряе догоню послали (Волог., Дилакторский; Пск., Копаневич).

Внатýгу ‘тяжело’: Внатугу это даже не будет. Это было мне внатугу. Внатугу поработал (Заонеж. КАССР, авт.). Ср. существительное *натуга* ‘действие по глаголу натуживать, заставлять надрываться’ (Даль), ‘напряжение сил’ (Зауралье, Тимофеев), ‘тяжелая работа’ (Пск., Осташк., Твер., Доп. Оп.). В древнерусском *натуга* ‘напряжение’,[21] ‘притеснение, тягота’,[22] в украинском *натуга* ‘напряжение, усилие’.

Впримéту ‘заметно’: А нам она не вприметь, то она вытворяет (Барнаул. Том., Молчанова). Ср. в памятниках: ...а на которую сторону грива, тово ему не в примету потому, что в Астора(ха)ни в аманатех сидит на аманатцком дворе семь лѣтъ.[23] (1645 г.).

Впрóнзу ‘насквозь, сквозь’: Впронзу проткнул (Даль, без указ. места, СРНГ). Ср.: *пронóза* ‘действие по глаголу пронозить, проткнуть’ (Даль); ‘проницательный человек’ (Курск., Нижегор., Опыт).

2. Наречия со структурой В+(П+К+С)+У. Это самый обширный в лексическом отношении круг наречий среди образованных (или соотносительных) от основ женск. р. При образовании наречий данной группы использовались основы с приставками *за-*, *ис-*, *на-*, *о-*, *пере-*, *по-*, *при-*, *про-*, *раз-(рас-)*, *с-*, *су-* и с суффиксами *-к-*, *-очк-*, *-ух-*, *-ушк-*. Существенной разницы в словообразовательной активности основ с разными приставками (кроме основ с *пере-*, *раз-(рас-)*, давших большее количество наречий), не было, но обращает на себя внимание резкий контраст в использовании основ с разными суффиксами; так, основы с суффиксом *-к-* участвуют в образовании почти всех наречий данной группы, суффиксы *-очк-*, *-ушк-*, *-ух-* встречаются в единичных примерах. Обратимся к материалу, который представлен наречиями *взабóйку*, *взабóрку*, *взанóску* и мн. др.

Взабóйку ‘до отказа, полностью (нагрузить)’: Взабойку нагружать судно — значит нагрузить его трюм товарами полностью, от днища до палубы, так, чтобы в судне не оставалось свободного места (Волж., Неуструев). Ср. глагол *забить* ‘наполнив множеством чего-либо, сделать недоступным’.[24]

Взабóрку ‘заправив в голенища сапог (о штанах, брюках и т. п.). (Старики) носят пиджаки, на ногах блестящие сапоги,

---

[21] Матерьялы для истории медицины в России, вып. 4. СПб., 1885, с. 906 (1672—1682 гг.) — ДРС.

[22] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1895.

[23] Акты Астраханской воеводской избы XVII в., хранятся в ЛОИИ — ДРС.

[24] Словарь русского языка, т. I. М., 1957.

брюки носят «взаборку» (Яросл. Яросл., Богородский). Ср. глагол *забрать* ‘засунуть, заправить край свободной одежды’.

Взади́рку ‘зачесывая назад (волосы)’: Он взадирку волоса-то носит (Верховин. Киров., Симонов). Ср. *задирка* ‘действие по глаголу задирать’ (Даль).

Взано́ску 1. ‘сумрачно’: Небо-то ведь взаноску, как бы ладно стало жать (Вят., Васнецов); 2. ‘целиком, полностью’: Взаноску все соты (Вят., Васнецов, с примечанием: о пчелах).

Взастижку ‘в погоню’ (Охан. Перм., Миртов). Ср.: *застижка* ‘действие по глаголу застигать’ (Даль).

Взаты́чку: Сени у нас рубленые, соединяются с избой взатычку (когда в прирубе сеней вырубается четверть, а в углу избы «ус») (Бежец. Твер., Еремин, 1925, СРНГ). Ср.: *затычка* ‘действие по глаголу затыкать, заделывать и т. п.’ (Даль).

В затя́жку ‘что есть духу, силы’ (Урал., Миртов). Ср. существительное затяжка ‘действие по глаголу затягиваться — тянуть сверх силы’ (Даль).

В испло́шку ‘невзначай’ (Черепов. Новг., Тр. МДК, XII). Ср.: *исплошка* ‘состояние по глаголу исплошать—оплошать’ (Даль). Ср. также в древнерусском *исплошитися* ‘оплошать’: Исплошишася Новгородци, а того не видяху, что рать иная идет с поля.[25]

Внае́мку ‘внаймы’ (Лебед. Тамб., Арх. АН, СРНГ).

Вна́зирку ‘не спуская глаз, следя за кем-либо’. Тот улепетывал, а он за ним вназирку (Орл., Опыт, Кардашевский; Курск., Кардашевский; Дон., Миртов). Даль приводит вариант *в назерку*: Гончие пошли в назерку. Ср. глагол *назреть* ‘увидать’: Назрел зайца в логове. Назрел невесту (Север., вост., Даль). Этимология Петрова,[26] связывающего *в назирку* с арабско-татарским *назар* ‘смотрение’ искусственна, так как существует богатое словообразовательное гнездо с русским корнем *зр-* (см. Словарь Даля). Ср. также группу русских наречий: *назиркою* (Зап. Болотова), *назирком* (Дон., Миртов, Петров. Сарат. Колеганов), *в назирки* (Дон., Миртов) ‘не спуская глаз’, *в надзерку* (Зарайск., Ряз., СРНГ).

В нападку ‘припадая к воде, пить’: Пить в нападку из ручья, легши на землю (Урал, Миртов.). В нападку пить (Моск., Яросл., Доп. Оп.).

В нахле́стку ‘так, чтобы срезанные накосо концы колесного обода легли один на другой’: Стали колеса делать не в нахлестку, а в притычку (Верховин. Киров., Симонов). Ср.: *нахлестка* ‘действие по глаголу нахлестывать-накидывать, набрасывать’ (Даль).

---

[25] Летописный сборник, именующийся летописью Авраамки. ПСРЛ, т. XVI, СПб., 1889, с. 185. (1495 г., сп. конца XV—начала XVI в.) — ДРС.

[26] П. Я. Петров. Списки некоторых слов, сходных с восточными. Известия АН, 1852, Материалы для словаря, сс. 81—92.

В окру́жку ‘кругом’: Обошли в окружку поле. В окружку двора намело. Ты остришь меня в окружку (Вят., Васнецов). Ср. глагол *окружить*, а также *окружка* ‘катание жениха и невесты на лошадях по улицам в день свадьбы’ (Урал, Миртов).

В отпятку ‘*назад*’: Он на нее, она в отпятку, видит, что дело-то неладно (Никол., Кирен. Иркут. Бобряков). Ср. глагол *отпятить* ‘подать назад’ (Даль); *отпятиться* ‘отказаться, отступиться (Кашин. Твер., Смирнов).

В перекувы́рку ‘не так, как следует сделать, сказать’: Он говорит в перекувырку (Дмитр. Моск., Орлов). Даль восстанавливает искусственную, по-видимому, форму существительного *перекувырка* ‘действие по глаголу перекувыркивать — опрокидывать’ на основании наречия *перекувыркой*: Полетел перекувыркой.

В перескóчку ‘прыжками’ (Меленк. Влад., Афонина).

В посы́чку ‘вертя между ладонями (веретено)’ (Волог., Обпорский, Дилакторский): Она прясть не прядет, а все в пасычку (Рузск. Моск., Опыт). Ср.: *прясть с посычкой* ‘выпрядывать нитку, вместе с тем крутить ее’ (Перм., Опыт).

В прибе́жку 1. ‘бежать потихоньку’: Она все куда-то спешит, все в прибежку трусит (Осташк. Калинин., Копорский). 2. ‘припрыгивая (идти)’: Идти в прибежку (Пск., Осташк. Тверд., Доп. Оп.). В Доп. Оп. приведено существительное *прибежка* ‘ходьба с припрыгиванием’, восстановленное, очевидно, искусственно, так как в иллюстрации дано указанное наречное сочетание. Даль вслед за Дополнением отметил это существительное с значением ‘действие по глаголу прибежать’.

В придвóйку ‘дуплетом, последовательно из обоих стволов (выстрелить)’ (Боров. Новг., Поршняков, с примеч.: «охотн.»). Ср.: *придвойка* ‘повторение, удвоение’: Ее поют с придвойкой (Режев. Свердл., Бирюков). Ср. также глагол *придвоить* ‘припрячь’: Придвоить лошадь (Даль); *придвойка* ‘припряжка, пристяжка’ (Курск., Доп. Оп.).

В припáдку ‘припав к земле, к воде’ (Пинеж. Арх., Матвеев): В припадку стал пить, Князь море его за бороду взял (Болд. Горьк. Чернышев.; Яросл., Мельниченко). Ср.: *припадка* ‘действие по глаголу припадать’: Припадка к воде (Даль).

Вприпáшку ‘вприсядку’: Так и пляшет, так и пляшет вприпашку, так и приседает (Новоржев. Пск., Максимов).

Вприпло́тку ‘прикладывая один край доски на другой’: Потолок в доме, соединенный доска с доской невыстроганными краями, как будто сплоченный. У нас-ко в новом доме тепло, притепло, весь потолок сделан взакрой, а не вприплотку, — говорят мужики между собой (Рыбин. Яросл., Костоловский; Перм., Муллов). Ср. глагол *приплотить* ‘приладить, приделать плотно, точно’ (Даль).

Вприты́чку 1. ‘плотно соединяя концы, края чего-либо в прямой стык’ (Пск., Кузнецов): Пригнать бревна впритычку (Перм.,

Муллов, Верховин.; Киров., Симонов). Рубить впритычку (Даль). Ср.: *притычка* ‘действие по глаголу притыкать’ (Даль). 2. ‘спотыкаясь, торопясь’: То сделай, другое сделай, так и бежишь все впритычку (Боров. Новг., Поршняков).

Впритру́ску ‘трусцой (бежать)’ (Чухл. Костр., Прилуцкая): Бежит впритруску, сил не тратит, все быдто шагом. Дорога ровная, ехали больше впритруску (Петров, Сарат., Наумов). Ехать верхом в притруску (Даль). Ср.: *притруска* ‘мелкая рысь и действие по глаголу притрусить — пустить коня рысцой’ (Даль).

В присе́чку ‘о способе соединения плотов’: Рубят плоты в присечку на Каме. Ср. *присечка* ‘действие по глаголу присечь, отсечь, отрезать, отрубить’ (Даль).

Вприщу́рку ‘прищурив (глаза)’: Смотри вприщурку. Все делает вприщурку, все скромничает для показа (Петров. Сарат., Колеганов). Ср. глагол *прищуриваться*.

Вприхле́бку ‘запивая чем-либо’: Каша сухая, ешь вприхлебку с молоком (Йонав. Лит. ССР). Кашу аржаную варили густую, ели вприхлебку (Прейл. Латв. ССР). Мы больше чай с сахаром вприхлебку пьем, боле ничего не надо (Йыгев. Тарт. Эст. ССР., Слов. говор. Прибалт.). Ср.: *прихлебка* ‘действие по глаголу прихлебывать и похлебка’ (Даль). Ср. также: Жевать бабе охлопки без прихлебки.[27] А на прихлебку не лучилось.[28]

Впро́бежку ‘бегом’: Она все впробежку, впробежку (Кондоп. КАССР, авт.). Ср.: *пробежка* ‘действие по глаголу пробегать’ (Даль).

Впрово́дку ‘вынимая и опуская (удочку)’: Ловить рыбу удочкой на сильном течении впроводку, т. е. вынимая и опуская удочку (Перм., Миртов). Ср. в памятнике: За то ихъ воровство учинено имъ наказание биты на козлѣ кнутом и в проводку, и животы ихъ всѣ взяты [29] (1665—1674 гг.).

Впротя́жку ‘об упряжке, с выносом, с укосом, с выносным, ездовым, не в ряд’ (Даль, без указ. места, СРНГ). Ср.: *протяжка* ‘действие по глаголу протягивать’ (Даль).

Впрочёску ‘изредка, редко’: Ты, братец, надевай свой новый кафтан только впрочёску (Иркут., 1926, СРНГ). Ср.: *прочёска* ‘действие по глаголу прочёсывать’ (Даль).

Вразбе́жку. Крыша, потолок и т. п. вразбежку; крыть, настилать и т. п. вразбежку. Способ настила кровельных досок: верхняя доска прикрывает просвет между двумя нижними досками: Крышу крыли второй раз вразбежку. Потолок взакрой бы-

---

[27] Старинные сборники русских пословиц, поговорок, заговоров и пр. XVII—XIX стол. Собрал и приготовил П. Симони. СПб., 1899 — ДРС.

[28] Кабак (праздник кабацких ярыжек). Рукоп. Гос. ист. музея № 3860, л. 301 (не позднее 1666 г.) — ДРС.

[29] Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археогр. ком., т. V, СПб., с. 138 — ДРС.

вает и вразбежку (Таборин. Свердл., 1964, СРНГ). Ср.: *разбежка* 'действие по глаголу разбегаться' (Даль).

Вразбро́ску 'по отдельности, не дружно' (Амур., Азадовский). Ср.: *разброска* 'действие по глаголу разбросать'.

Вразде́лку 'врозь'. У нас все идет вразделку: бригадиры и фермеры работают не вместе (Верховин. Киров., Симонов). Ср. глаголы *разделять, разделить*.

Вразме́тку 'в разные стороны': Класть вразметку камни или кирпичи, значит класть так, чтобы один камень большой проходил в одну сторону складываемой стены, а другой — в другую (Пск., Копаневич). Ср.: *разметка* 'действие по глаголу разметывать — разбрасывать, раскладка' (Даль).

Враспря́жку 1. 'не до конца (запрячь)' (Терск., Востриков). 2, 'идти обозом, запрягая лошадей порознь', по одной под воз. Ехать враспряжку (Сарат., Доп. Оп., Даль): Пару лошадей запрячь в двои сани (Охан. Перм., Миртов). Ср. глагол *распрягать* и существительное *распряжка*: Русская запряжка, не в дышло, с пристяжкой (Урал, Доп. Оп.).

Враство́рку 'настежь': Мы выбежали — все избы в растворку, все бежать (Верховин. Киров., Симонов). Ср.: *растворка* 'действие по глаголу растворять' (Даль).

Врастопы́рку 'в разные стороны (расставить)': У ей ноги-то врастопырку (Барнаул. Том., Молчанова). Ср.: *растопырка* 'действие по глаголу растопыривать, а также развилина, рассоха' (Даль).

Врастя́жку 'растянувшись, вытянувшись' (Холмог. Арх., 1907, СРНГ). Ср.: *растяжка* 'состояние по глаголу растягиваться, растянуться' (Даль).

Всвя́зку 'связав (несколько бредней)' Вся деревня ходила всвязку ловить рыбу (ловить рыбу двумя, тремя бреднями для более широкого захвата) (Бесед. Курск., Кузнецова).

Всугбнку 'вдогонку' (Перм., Опыт; Урал, Миртов; Сибир., Черепанов; вост., Ср. Урал, СРНГ). Ср. у Даля: Дать кому сугону или сугонку — нагоняй, головомойку; также глагол *сугонять* 'гонять, бранить' (там же).

Всусти́жку 'вдогонку' (Сев. Двин. Романов; Перм., Миртов). Ср.: *сустигать, сустигнуть, сустичь* 'нагонять, догонять' (Север., Вост., Даль).

Всуте́рпку 'насколько можно терпеть' (Даль, без указ. места, СРНГ): Не всутерпку больно (Черепов. Новг., Герасимов). Ср.: *сутерпка* 'терпение' (Черепов. Новг., Герасимов): *сутерпеть* 'терпеть' (Орл. Орл., Будде).

Приведенные примеры свидетельствуют о широком использовании основ с суффиксом *-к-* при образовании наречий, соотносительных с существительными женск. р. на *-а*. Использование других суффиксов наблюдается, как уже отмечалось, редко. Примером таких образований могут быть наречия с суффиксами *-ух-*, *-ушк-*: *впокату́ху, впокату́шку*.

Впокату́ху ‘покатываясь (смеяться)’: Все впокатуху смеялись (Рыбин. Яросл., Мельниченко). Ср. глагол *покатиться*: Все со смеху покатились (Даль). Ср. также *покатуха* ‘круглый стержень для раскатывания теста’ (Верхне-тоем. Арх., Федоров).

Впокату́шку 1. ‘до самозабвения, до изнеможения’ (Холмог. Арх., Грандилевский). Ср. приведенный выше глагол *покатиться*, а также сущ. *покатушка* ‘каток’ (Даль) и ‘деревянная доска, на которой раскатывают тесто’ (Красногор. Арх., Меркурьев). 2. ‘не вставая с постели, не поднимая головы (при болезни)’ (Холмог. Арх., Грандилевский). Ср. *покатиться* ‘упасть замертво, в бесчувственном состоянии’ (ССРЛЯ — с пометой «устар.»), а также *кататься* ‘валяться, перекатываться’: От боли катается по полу (Даль).

Вповалу́шку ‘вповалку (лечь)’. Легли вповалушку (Волх. Ленингр., авт.). Ср.: *повалиться* ‘лечь, упасть’ (Даль), ‘лечь спать’ (Новг., Олон., Арх., Даль).

3. Наречия со структурой В+(К+С)+У. Этих наречий в обследованных источниках встретилось немного. Они имеют в своей основе суффиксы *-очк-*, *-янк-*, *-як-*, *-ачк-*, *-ячк-*, *-к-*: *втру́сочку*, *втруся́нку*, *встоя́ку*, *встоя́чку*, *влежа́чку*, *вскача́ку*, *вскобо́чку*.

Втру́сочку ‘рысцой, малой рысью (ехать, бежать)’ (Пск. Пск., год и автор неизв., СРНГ). Ср.: *трусить* ‘бежать рысцой’ (Даль).

Втруся́нку — то же, что *втрусочку*: За ним двинулся с места тоже весь поезд (свадьба — *И. П.*), с шумом, и криком; потянулся по дороге, куда поскакали верховые, только не поспешно, а втрусянку (Пошех. Яросл., Архангельский). Ср. упомянутый глагол *трусить*.

Встоя́ку 1. ‘стоя на ногах’ (Холмог. Арх., Грандилевский). 2. ‘стоймя, прямо’ (Холмог. Арх., Грандилевский). Ср. глагол *стоять*.

Встоя́чку ‘стоя’ (Холмог. Арх., Грандилевский): Парень на все руки, даже спит встоячку (Петров. Сарат., Наумов; Тул., Ворон., Моск., Ленингр., СРНГ). Приподнять, подсадить кого в стоячку. Работа в стоячку (Даль). Приводя существительное *стоячка*, Даль поясняет его указанными наречными сочетаниями, восстанавливая, следовательно, форму существительного искусственно.

Влежа́чку ‘лежа, в лежачем положении’ (Холмог. Арх., 1907): Влежачку бить не полагается (уговор в игре в кулачном бою) (Ворон., Курск., Тул., СРНГ). Ср. глагол *лежать*.

Вскача́ку ‘вскачь’ (Осташк. Твер., Карпов). Ср.: *скачка*, *скакать*.

Вскобо́чку ‘подскакивая’ (Пск., Осташк. Твер., Доп. Оп.). Ср. глаголы *скочить*, *скокнуть* ‘перескочить, подпрыгнуть’: Скокнуть через забор (Даль).

Рассмотренные наречия, соотносительные с формой существительных женск. р. на *-а*, по морфологической структуре более разнообразны, чем наречия, соотносительные с формой мужск. р., что обусловлено характером структуры производящих основ. При этом широко представлены в говорах наречия, образованные от префиксально-суффиксальных основ (наречия со структурой: В + (П + К + $С_к$).

III. Наречия, соотносительные с формой существительных женского рода (типа *кость*)

Группа этих наречий многочисленна в говорах, причем имеется резкий контраст в количестве образований от непроизводных и производных основ.

С непроизводными основами соотносительны единичные наречия *вплы́вь* (*вплы́нь*), *вскóчь*.

Вплывь ‘вплавь’ (Даль). *Вплынь* — с тем же значением: А за нею селезенька.. вплынь заплывая (Обоян. Курск., Машкин; Доп. Оп.). Пятая утена вплынь заплывала (Щигров. Курск., Халанский; Тарус. Калуж., Кардашевский). Хоть вплынь плыть, да у милой быть (Даль).

Употребление *н* вместо *в* имеет место и в глагольной основе: Аленушка, сестрица моя! Выплынь, выплынь на бережок (Афанасьев. Народные русские сказки). Ср. также в белор. *вплынь*, в укр. *уплинь* с тем же значением ‘вплавь’.

Вскочь ‘вскачь’: Конь как побежит вскочь (Йонав. Лит. ССР). Мы ехали сегодня вскочь и вскочь (Прейл. Латв. ССР). Лошадь вскочь пошла (Йыгев. Тарт Эст. ССР, слов. гов. Прибалт.). Ср. наречие *вскок*.

Однако главным источником пополнения этого разряда наречий являются производные основы с префиксами *до-*, *за-*, *по-*, *про-*, *об-*, *раз-* (*роз-*), *с-*, *су-* (т. е. В + (П + К)): *вдогадь*, *вдоглядь*, *вдогонь*, *взабель*, *впогонь*, *вобредь* и др.

Вдóгадь ‘понятно, вдогадку’ (Тихв. Новг., АНН, Ф. 216, оп. 4, № 117; Вышневол. Осташк. Твер., Доп. Оп.; Пск., Копаневич). Ср. сущ. *догадь* ‘действие по глаголу догадываться’ (Тамб., Даль) ‘сметка’: В нем нет никакой догади (Даль).

Вдóглядь 1. ‘заметно, видно’ (Курск., Опыт, Даль). 2. ‘ясно, понятно, вдомек, вприметy’: Парень-то ушел с избы а мне и не вдоглядь (Тихв. Новг., Опыт, Даль, СРНГ). 3. ‘доглядевшись’ (Пск., Твер., Карпов, 1855, СРНГ; с неясным значением: Сиб. Черепанов, 1854, СРНГ).

Вдогонь ‘вдогонку’ (Вельск. Арх., Меркурьев): Вдогонь-то посылала, да уж она ушла (Покр. Влад., Чернышев). Ехать вдогонь (Мосал. Калуж., Второе Доп.; Смол., СРНГ). Она вдо-

гонь побежала за Нинкой (Алекс. Куйб., Бондалетов; Колп. Том., Слов. говор. басс. р. Оби; Амур., Азадовский).

Взáбель 'забелив (суп, щи)' (Пск., Осташк. Твер., Доп. Оп.): Взабель щи хлебаем (Даль, без указ. места, СРНГ).

Внáзарь 'не спуская глаз, следя за кем-либо': Он побег, а я за ним вназарь (Обоян. Курск., Машкин, Доп. Оп., Кардашевский). У Даля есть вариант *вназырь*: За шкодливым хоть вназырь ходи (Курск., Даль).

Внаскáчь 'вскачь' (Казан. Казан. 1897, СРНГ). Ср. глагол *наскакивать*, *наскакать* 'наноситься вскачь' (Даль).

Вóсырь 1. 'сыровато (не совсем высохло)': Когда в осырь сено наметано в стог, то с боков стога подставляют подпорки (Волог., Дилакторский; Сольвыч. Волог., Иваницкий). 2. 'сыровато (не пропечено, недоварено)'. Наша стряпка хлебы-то испекла в осырь (Ветлуж. Костром., Марков; Енис. Енис., Арефьев). Ср. наречие *осырь*. Хлеб осырь маленько (Обоян. Курск., Доп. Оп.). Осырь овчин не складывай, скиснутся (Даль). Вари барину яйца осырь (Олон., Куликовский). Приводимое Грандилевским без примеров существительное *осырь* 'сыроватость, недоспелость, недозрелость' (Холмог. Арх.) сомнительно. Однако в говорах есть глаголы *осыреть* 'отсыреть' (Даль), *осырять* 'отсыреть' (Слобод. Вят., Муарская), которые могли повлиять на морфологическую структуру рассматриваемого наречия.

В óхолодь 'холодновато': У нас в избе-то что-то в охолодь (Ветлуж. Костром. Марков). Ср. наречие *охолодь* 'немного прохладно' (Пск., Осташк. Твер., Доп. Оп., Твер., Даль) и глагол *охолодить* 'дать остынуть': Закрывай дверь-от, охолодишь ведь, и так в амбарнике-то не жарко (Медян. Киров., Горева); Затворяй дверь, охолодишь избу (Вят., Васнецов).

В óбредь 'редко' (Тетюш. Казан., Доп. Оп; Казан., Даль). Ср. наречие *обредь* 'редко' (Даль) и глагол *обредúть* 'разредить': Лес у нас молодой, заросли временем обрежать надо, а то даром глохнет (Даль, Том., Кемер., Молчанова).

В оплúвь 'полно, ровно с краями' (Тобол., Курган., Андрианов; Тобол., Патканов, Зобнин). Ср. глагол *оплывать* 'выливаться через край' (Холмог. Арх., Грандилевский).

Впóваль 'рядом (лечь)' (Охан. Перм., Миртов).

В погóнь 'в погоню': За ним девица в погонь, кричит, молодец, постой (Соликам. Перм., Миртов). В погонь догонять (Новос. Тул., Глаголев). Наречие *в погонь* в памятниках письменности встречается неоднократно: ...полки въ погонь за ним пошли.[30] (1709 г.); ...посылана была за непріятелемъ въ погонь наша партия[31]..

[30] Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709. СПб., 1840, с. 186 — ДРС.

[31] Походный журнал 1695. 1726 г., СПб., 1853—1855, с. 26.

В по́колоть ‘насилу, в нужде, кое-как’: В поколоть бьемся, боремся, с нуждой. В поколоть сладим (Сибир., Даль.). Ср.: *поколоть* ‘нужда, крайность, где колотишься’. Хоть в долг, хоть в поколоть (Даль).

Впо́ровень 1. ‘вровень с краями’: С краями вповоровень (Колым, Якут., Богораз). 2. ‘поровну’ (Каргоп. Олон., Светлов; Олон., Куликовский). Ср. глаголы *поровнять*, *поравнять*, а также соотносительные с их основой сущ. *по́ровни* ‘ровесники’ (Даль), *поровёнок* ‘однолеток’ (Север. Бурнашев, Даль).

Впо́ходь ‘попутно, по тому же направлению’. (Сев.-Двин., 1928, СРНГ). Ср. сущ. *по́ходь* ‘образ ходьбы, поступь’ (Даль) и наречие *впо́ход*.

Впро́бежь ‘бегом, быстрым шагом; быстро, торопливо’: Впробежь не много увидишь (Даль, без указ. места, СРНГ). Ср. глагол *пробежать*, а также сущ. *про́бежь* ‘проточная вода’ (Даль).

Впро́гарь ‘так, чтобы прогорало, накалялось’ (Даль, без указ. места, СРНГ). Ср. глагол *прогореть* ‘сгореть насквозь; стать углем’ (Даль), сущ. *про́гарь* ‘прожженное, прогорелое место’ (Даль).

Впро́грезь ‘спросонья, не совсем проснувшись’ (Даль, без указ. места, СРНГ). Ср.: *прогре́зить* ‘грезить в продолжение известного времени’ (Даль).

Впро́месь 1. ‘с примесью чего-либо’: У тебя сегодня хлебы испечены впромесь с житной мукой. Зачем это у вас молоко-то впромесь с водой (Арх., Мезен. Арх., Опыт). Мука-то у нас ржаная идет впромесь с житнею (Арх., Подвысоцкий). Молоко впромесь с водой (Даль). 2. ‘не очень круто (замесить тесто)’ (Даль, без указ места, СРНГ).

Впро́низь ‘сквозь, насквозь’ (Даль, без указ места, СРНГ). Ср. *пронизать* ‘проткнуть насквозь’ (Даль); *про́низь* ‘продырявленная монета, камешек, стеклышко, буса, бисерина и т. п., служащие для украшения’ (Даль).

Впро́кидь ‘прямо, как кинуть, как лукнуть камнем’ (Арх., Даль). Ср. глагол *прокидывать, прокинуть* ‘кидать мимо’: Лукнул, да прокинул, не попал (Даль).

Впро́редь ‘изредка, редко’: Впроредь — редко по месту или по времени (Даль; Тихв. Новг., Бердников). Рожь родилась впроредь (Пенз. Опыт). Моркошка впроредь вышла (Барнаул, Том., Молчанова). Огурчики-то сейгод впроредь (Обоян. Курск., Машкин). Ср. сущ. *проредь* ‘отсутствие густоты в некоторых местах’ (Пск., Осташков. Твер., Доп. Оп.), ‘что-либо редкое’ (Даль) и глагол *проредить* ‘прочистить вырубкой, прополоть’ (Даль).

Впро́резь 1. ‘прорезая насквозь, сквозной резьбой.’ Серебряная работа впорезь (Даль): Петли впорезь бы надо (Барнаул. Том., Молчанова). Ср. *прорезь* ‘дыра’: Да сделай (почини) прорезь (дыру) (Пенз., Колеганов); 2. ‘густо, обильно (об урожае), так что с трудом серпом прорезать’: Хлеб родился впорезь

(Опыт, Даль). Рожь с пшеницей уродилась впрорезь, серпом трудно жать (Пенз.; Колеганов). 3. ‘изредка, редко’ (Пенз., 1960, СРНГ).

Впро́садь ‘рядами, по прямой линии (о посадке деревьев, кустов)’: Натыкали по льду ельнику впросадь (Даль, без указ. места, СРНГ). Ср. *про́садь* ‘ряд посаженных деревьев’ (Даль) и *просадить* ‘обсадить или засадить вдоль, с боков (деревьями)’ (Даль).

Впро́скачь ‘вскачь’: Кони торопятся во всю рысь да впроскачь (Параб. Том., Сов. говор. басс. р. Оби). Даль поясняет наречие *впроскачь* ‘попеременно рысью и вскачь’. Ехать, гнать впроскачь (Даль). Настояще хорошо ехали, где ездой, где (в)проскачь, а с последнего побэрду (в)ускок доехали (Колым., Якут., Богораз). Даль приводит сущ. *проскачь* «рысь и скок попеременно», однако иллюстрирует его указанным примером с наречием.

Впро́торь (*впро́тарь*) ‘вдоволь, сколько нужно’: Всего впротарь, ешь сколько хошь (Пенз., Тамб., Опыт). У нас хлеба и впротарь не станет, не токма в продажу (Тамб., Даль). Выбирай, всего впротарь (Пенз., Колеганов). Ср. существительное *протарь, протори* ‘издержки, расходы; убытки, изъян, особ. издержки и трата судебная, по тяжбам’. Нашу проторь ни проесть, ни проспать! (Даль). Ср. также глагол *протаривать, проторить* ‘расточить, промотать, расхитить, заставить издержаться’ (Даль).

Впро́тяжь ‘об упряжке, с выносом, с укосом, выносным, ездовым, не в ряд’: Пыльно живали, впротяжь езжали — а пришло, ни в ряд, ни в корень (Даль, без указ. места, СРНГ).

Впро́хладь ‘прохладно’: На Николу еще впрохолодь бывает (Пинеж. Арх., Матвеев). Ср. *прохолодь* ‘прохлада, умеренный холод’: Зимою мы держим в прохолоди (Даль) и глагол *прохолодить, прохолаживать* ‘дать остыть’ (Даль).

Впри́струнь ‘строго, приструнив кого-либо’: Вприструнь усадить кого, строго, круто, прилежно приструнить (Даль, без указ. места, СРНГ).

Впри́трудь ‘с напряжением, с усилием’: Впритрудь смотрела (Соликам. Чердын. Перм., Опыт; Чердын. Перм., Миртов). Ср. наречие *впритруд*.

Впритру́ть «Замечательно, что это же слово *впритруть* (с мягким, впрочем, окончанием) в Пермской губ. крестьяне употребляют для обозначения внимательного рассмотрения какого-нибудь предмета в самом близком расстоянии от глаз» (Перм., Вербицкий, 1858): Я его впритрутьту не видела (Охан. Перм., СРНГ). Ср. наречие *впритрут*.

Вро́збежь ‘вразбежку, вразноряд, рядами, шашнею’ (Даль, без указ. места; СРНГ). Ср. глагол *разбежаться*.

Вро́збрось ‘в разбросанном виде, в разных местах’: Ситчик хорош, по нем цветочки в розброс (Обоян. Курск., Доп. Оп.; Фатеж. Курск., Дмитриев., Севск. Орл., Кардашевский). Ср. глагол *разбросать*.

Вро́змесь ‘не круто и не жидко’: Каша сварена в розмесь (Обоян. Курск., Доп. Оп.). Ср. *размесить* ‘месить, мешать густую, как тесто, глину’ (Даль).

Вро́ссыпь 1. ‘отдельно, порознь’. В россыпку, россыпью, рассыпчато вразброд, порознь, одиночкой, не плотами, не связкой. Гнать лес вроссыпь, не связывая плотами (Даль, без указ. места, СРНГ). С оттенком: ‘врассыпную’: Лезут вси свиньи домой, вроссыпь (Ельн. Смол., 1914, СРНГ). 2. ‘так, чтобы рассыпа́лась, была рассыпчатой (о каше)’: На второе есть гречневая каша, только сегодня не размазня, а вроссыпь (Ленингр., Виноградов; СРНГ). Ср. глагол *рассыпа́ться*, существительное *ро́ссыпь* ‘действие по глаголу рассыпать’ (Даль).

Вро́стяжь 1. ‘растягивая что-либо’ (Даль, без указ. места, СРНГ);

2. ‘растянувшись’ (Даль, без указ. места, СРНГ). Ср. глаголы *растягивать, растягиваться*.

Враздро́бь. В сочетаниях: *бить враздробь* ‘стрелять плохо, сильно разбрасывая дробь (о ружье)’ (Дон. Калмыков, 1897). Кисть (винограда) *враздробь* ‘неплотная кисть винограда’ (Дон., Калмыков, 1897, СРНГ). Ср. глагол *раздробить*.

Вре́зь ‘вровень с краями; до краев (наливать, наполнять)’: Кадушка врезь полна (Яросл., Даль; Венев. Тул., СРНГ). Ср. глагол *срезать*, а также существительное *срезь* «что срезано, обрезки; срезанный с тушки жир и пр.» (Даль) и наречие *срезь* (смол.) с тем же значением (Даль). В основе наречия лежит представление о ровной, как бы срезанной на уровне краев сосуда поверхности.

Всугóнь ‘вдогонку’: Он всугонь пустился за ним (Сольвыч. Волог. Баженов, Дилакторский; Мезен. Арх., Григорьев; Сев.-Двин.; Романов; Ветл. Костром., Марков): Беги всугонь, догоняй (Перм., Огарев, Волегов и др.; Вост., Даль). Беги ей всугонь (Верхне-Тавд. Свердл., Слов. гов. ср. Урала). Она уж всугонь закричала, да он не дал ворочаться (Кирен. Иркут., Бобряков; Тулун. Иркут., Виноградов; Сиб.; Селищев, Барнаул. Том., СРНГ). С другим ударением — *всу́гонь:* Всугонь гостя не потчуют (Перм. Опыт, Луканин). Памятники письменности донесли употребление наречия *всугонь* в языке более раннего времени: ..всѣхъ посѣкоша бердышами по домом ходяше и в темницах и в сугонь догоняху,[32] ..а сами де побѣжали всу-

[32] Сказание летописно о граде Астрахани..: Рукоп. ГПБ, OIV, XVII, № 55 — ДРС.

гонь за тѣм татарином и тово татарина сугнали они у перевозу (1654 г.). И потому он Ахмаметов поехал к нему Елдашу всугонь..[34] (1742 г.). Наречие соотносительно с существительным *сугонь* ‘погоня’: Сугонь по пятам бежит (Даль). Только что теменца была, а то не уйти бы, сугонь по пятам бежала (Шенк. Арх., Подвысоцкий). Ср. также глагол *сугнать* ‘догнать’ (Даль).

Всутéрпь, всýтерпь. С отрицанием: ‘так, что невозможно вытерпеть, вынести’ (Тихв. Новг. Доп. Оп.; Боров. Новг., Синозерский; Новг. Колосов). Когда много попьешь чаю, томность такая нападет, даже не всутерпь (Мещов. Калуж., Чернышев). Мороз не всутерпь (Даль). Даль отмечает употребление в некоторых говорах наречия *сýтерпь* (север., вост.) *сутéрпь* (юж.) – «что можно стерпеть, снести, вытерпеть, посильное». Однако, по его словам, «более говорят всутерпь».

Всýтычь 1. ‘разными концами вместе, встык’ (Переясл. Влад. Доп. Оп.): Лечь всутычь ногами, головами (Даль; Котельн., Вят., Муллов, значение неясно). 2. ‘наперекор’. Говорить всутычь (Даль). 3. ‘мало, в обрез’ (Перм., Миртов). Вариантом отмеченного является *всуточь* ‘встык, рядом’: Усадьбы наши всуточь сошлись (Тагил. Перм., Миртов). Даль так поясняет значение этого наречия: «противоположно; смежно, в обратном порядке». Он отмечает также наречие *сутычь* ‘в упор, встык’.

Наречия, соотносительные с производящими суффиксами или префиксально-суффиксальными основами, редки: *вбыль, взáбыть.*

Широко распространено в говорах наречие *вбыль* ‘в самом деле, действительно’. Вбыль али в шутки. — Это верно? — Да говорю, что вбыль. Вбыль ишь, не врет, не омманыват (Белоз. Волог., авт.; Кирил., ААН, ф. 197, оп. 2, № 145; Тихв.; Опыт; Черепов., ААН, ф. 197, оп. 2, № 150; Новг.; Олон., Опыт, Куликовский; Пск., Опыт, Никитин, Савицкий, Остров.; ААН, ф. 197, оп. 2, № 195; Торжк., Опоч., Копаневич; Пск., Перм. Луканин; Сиб. Черепанов).[35]

Взáбыть ‘очень крепко (спать)’: Спит взабыть (Белоз. Волог., авт.). Ср. в памятниках: Небрежение же имуще о таковой службѣ, сею в забыть ставиша, и изнемогаше болныи безводиемь[36] (XIII, XV вв.). А еже уже минуло бяше, то то в забыть полагаа, а напредъ ея потязаа, подражатель былъ премудрому

---

[33] Акты Астраханской воеводской избы XVII в. Хранятся в ЛОИИ — ДРС.

[34] Материалы по истории Башкирской АССР, ч. 1. Башкирские восстания в XVII в. и перв. пол .XVIII в. М.—Л., 1936 (Тр. Ист.-археогр. ин-та, т. XVIII, с. 487) — ДРС.

[35] Наречие *вбыль* имеет в говорах несколько фонетических и словообразовательных вариантов: *вбыля, взабыль, возабыль, взаболь, возаболь, взабол, взабуль, взаль, вовзабыль, вовзаболь, воззаболь, вотзабыль, вдозаболь.*

[36] Патерик Киево-Печерского монастыря. Изд. Археогр. ком., СПб., 1911, с. 217 — ДРС.

апостолу Павлу[37] (XVI в.). Существительное *забыть*, с которым соотносится рассматриваемое наречие, отмечено в говорах в значении 'забытье' (Курск., Даль) и в памятниках в значении 'забвение': .. такожь забыть нѣкоторую прияша оно(й) вѣры[38] (XIV—XVI вв.).

Из приведенного материала видно, что наибольшее количество наречий, соотносительных с формой винительного падежа существительных женск. рода на мягкий согласный, было образовано от производных префиксальных основ, т. е. были образованы наречия со структурой В + (П + К).

IV. Наречия, соотносительные с формой множественного числа существительных

Количество наречий, соотносительных с формой винительного падежа мн. ч. существительных отглагольных составляет около 20% от общего числа наречий, соотносительных с существительными данного типа. Очевидно, сравнительно невысокая производительность форм мн. ч. обусловлена меньшей обобщенностью значения форм мн. ч. по сравнению с формами ед. ч.

В образовании наречий рассматриваемой группы участвуют непроизводные и производные основы, однако в силу общей закономерности отмечены лишь единичные образования от основ непроизводных: *вдыбы*, *вскакú*.

Вдыбы́ 'надыбы (наперекор)': Мужики все за Федю, а она (жена) вдыбы (Белоз. Волог., авт.). Ср. *дыбы* 'столб под журавец у колодца' (Смол., Даль), а также глагол *дыбиться* 'вздыматься стойком' (Даль). Ср. также существительное *дыба*, производное, по-видимому от глагола *дыбати* (диал. *дыбать* 'подниматься на носки, ходить на цыпочках'.[39]

Вскакú 'бегом, вскачь': Иди вскаки, беги (Черепов. Новг., Эрдман, Доп. Оп.), 'вскачь' (Пск., Копаневич).

Богаче и разнообразнее представлены наречия от основ производных с префиксами, суффиксами и суффиксально-префиксальных. К их числу принадлежат:

1. Наречия, образованные от основ префиксальных (В+ +(П+К)+И), *вдогóни, взаймú, впереймы́, впóкаты, впробéги, впрóсроки.*

Вдогóни 'вдогонку'. Ехать в догони (Мосал. Калуж., Второе Доп.). Отец прислуг послал вдогони догонять (Болд. Горьк., Чернышев).

---

[37] Великие Минеи-Четии, собр. всероссийским митрополитом Макарием. Изд. Археогр. ком.

[38] Книга глаголемая Козмы Индикоплова. СПб., 1886. (Изд. ОЛДП, № 86) — XIV, XV и XVI вв.

[39] Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961, с. 101.

Взаймú ‘в долг, взаймы’. Дай мне рублев 10 взайми (Онеж. КАССР, Калинин).

Впереймы́ ‘наперерез, поперек пути, чтобы перенять, перехватить’. Беги впереймы ему (южн., Даль).

Впóкаты ‘до упада (смеяться)’. Смеяться в покаты (Ветлуж. Костром., Марков).

Впрóбеги ‘бегом’ (Вят. Доп. Оп.). Ваня-то все впробеги убежал, ходко, бегом (Верховин. Киров., Симонов). Пустился впробеги (Белоз. Волог., авт.).

Впрóсроки ‘с опозданием’. Я работу снесла впросроки. Деньги отдали впросроки (Прейл. Латв. ССР, Слов. гов. Прибалт.).

2. Наречия, соотносительные с суффиксальными основами (В + (К + С) + И). Отмечено несколько наречий с суффиксами *-к-*, *-ыш-*, *-ышк-*, причем чаще встречаются наречия с суффиксом *-к-*: *вбредкú*, *вдыбкú*, *вплывкú*, *впрядки*, *вскачкú*.

Вбредкú ‘вброд’. Переправушку имел он на быстром броду. Не вбредки они брели, все вплывки (Дон., Миртов).

Вдыбкú ‘надыбы’. Загорело, так вдыбки вся деревня поднялась (Верховин. Киров., Симонов).

Вплывкú ‘вплавь’ (Дон., Миртов). Прим. см. выше.

Впрядки ‘карьером (скакать)’ (Ряз. Ряз., Городцов).

Вскачкú ‘вскачь’ (Вят. Опыт; Вят., Котельн., Слобод. Вят., Тиховидов; Тихв. Новг., Бердников). Вариант этого наречия *воскачки* ‘быстро, вскачь’: Мы ехали больно ходко — воскачки (Нолин. Вят., Разумовская).

С суффиксами субъективной оценки *-ыш-*, *-ышк-* встретились единичные наречия *вкрáдыши*, *вкрáдышки* ‘украдкой’ (Охан. Перм., Миртов). Ср. также *вшлéньки* ‘рысью, трусцой’: Все в шленьки угнал (Верховин. Киров., Симонов), глагол *шленькать* ‘ехать верхом, рысцой’ (Вят., Перм., Даль) и наречие *шленьком* с тем же значением (Даль).

3. Наречия, соотносительные с основами суффиксально-префиксальными (В + (П + К + С) + И).

При образовании наречий этого типа отмечено использование основ с приставками *до-*, *за-*, *на-*, *по-*, *при-*, *пере-*, *про-* и суффиксами *-к-*, *-ячк-*, *-ошк-*, *-ушк-*, *-ышк-*. Чаще встречаются наречия с суффиксом *-к-*: *водогóнки*, *взаéмки*, *внáзерки*, *впоскачкú*, *вприсядки*.

Вдогóнки ‘вдогонку’. А он (старик) за нами вдогонки (Алекс. Куйб., Бондалетов; Курск., СРНГ).

Взаéмки ‘взаймы’. На, это тебе взаёмки (Заудалье, Тимофеев).

Внáзерки ‘не спуская глаз, следя за кем-либо’. Я шел за ним вназерки (Дон., 1876, СРНГ).

Впоскачкú ‘вскачь’ (Яросл., Голанов, Копорский, Мельниченко).

Вприсядки ‘вприсядку’ (Дон., Миртов).

Наречия с другими суффиксами единичны: *вдогоня́чки*, *вперегóношки*, *вперевéртышки*, *впрóбегушки*, *вперемéтышки*.

Вдогоня́чки ‘вдогонку, наперегонки’. Побежим давай вдогоня́чки (Буйск. Костром., Второе Доп.).

Вперегóношки ‘вперегонки’ (Свияж. Казан., ЗСПФ).

Вперевéртышки ‘перевертываясь’ (Охан. Перм., Миртов; южн. р-ны Красноярского кр., Алехина, Рогова, Скворцова).

Впрóбегушки ‘рысью, быстро’ (Вят. Опыт; Вят., Котельн., Вят., Тиховидов).

Вперемéтышки ‘через голову (падать)’ (Охан. Перм., Миртов).

Таким образом, рассмотренный материал показывает, что в говорах происходило активное образование наречий от отглагольных существительных и глагольных основ по форме винительного падежа с предлогом *в(во)*.

Некоторые существительные, подвергшиеся адвербиализации, могут быть установлены по диалектным материалам и материалам памятников письменности, например, *гон* (*вгон*), *догад* (*вдогад*), *потай* (*впотай*) *призор* (*впризор*) и др.

Однако для значительного круга наречий указать исходные существительные не представляется возможным не только потому, что след их теряется в истории языка или диалектные материалы недостаточны, но и потому, что они образованы по готовой модели непосредственно от глагольной основы, минуя стадию существительного. К числу таких наречий можно отнести, очевидно, *внавяз* (от *навязать*), *вперевид* (от *перевидеть*), *впритруд* (от *притрудить*), *впроверг* (от *провергать*), *враздробь* (от *раздробить*) и под.

Значительное количество наречий соотносительно с существительными, имеющими, по данным словарей, широкое значение, формулируемое в самом общем виде «действие по глаголу..». Правда, подтверждение некоторых из этих существительных примерами с наречными сочетаниями делает сомнительной реальность их свободного существования.

Наблюдается, как уже отмечалось, различная степень активности разных основ в образовании наречий: редко, по сравнению с ед., используется форма мн. ч., единичным примером представлено образование от существительных средн. рода: *в умалéньe* ‘мало’: У меня хлеба в умаленье было (Славк. Пск., Максимов). Редкими примерами представлены наречия, соотносительные с существительными с непроизводными основами.

В то же время семантическая емкость слов с производными основами, могущих более дифференцированно выражать признаки действия или качества, способствовала более сильному вовлечению их в процесс адвербиализации. При этом преимущественное использование получили префиксальные основы при образовании наречий, соотносительных с формой существительных мужс. и женск. р. на мягкий согласный, и префиксально-суффик-

сальные при образовании наречий, соотносительных с формой существительных женск. р. на *-а*.

Рассматриваемая модель образования наречий является общей для говоров и литературного языка, но лексическое наполнение ее разное. Кроме того, приведенные выше наречия имеют локально ограниченную сферу применения. В зависимости от этого можно указать несколько групп наречий:

Наречия, отмеченные на территории севернорусских говоров; южнорусских говоров; севернорусских и южнорусских говоров; западных говоров; западных и севернорусских говоров; севернорусских говоров и Сибири; южнорусских говоров и Сибири.

Значительное место среди наречий данной группы имеют вариантные образования. Такие образования встречаются, как правило, в разных говорах. Одни из них при общности значения связаны с использованием разных форм склонения и форм числа (ед. или мн.): *впробег*, *впробеги*; *впробегушку*, *впробегушки*; *вдогон*, *вдогону*, *вдогоню*, *вдогонь*, *вдогони*; *всугон*, *всугонь*; *враздроб*, *враздробь*, *впритрут*, *впритруть*; *впритруд*, *впритрудь*; *впоход*, *впоходь*;*вназар*, *вназарь*; *впромес*, *впромесь*; *вдогляд*, *вдоглядь*; *вдогад*, *вдогадь*; *вплав*, *вплывь*; *всутерп*, *всутерпь*. Другие — с разной структурой наречий; *впробег*, *впробеги—впробегушку*, *впробегушки*; *вплав*, *вплывь* — *вплывки*; *вохолодь* — *впрохолодь*; *вобредь—впроредь*; *вскок—вскачку—вскочь—вскаки—впроскачку*; *встояку—встоячку*; *втруску—впритрусочку—втрусянку*; *втай—впотай—впотаек*; *всутерп—всутерпку—всутерпь*; *всугон—всугонку—вдогон—внагон—вдогонки—вдогонячки*; *вперегон—вперегоношки*.

Н. И. АНДРЕЕВА-ВАСИНА

Вторичная приставка *при-* в русских народных говорах и в произведениях устного народного творчества

Приставка *при-* представляет собой весьма продуктивное средство глагольного словообразования. В современном русском языке и его говорах *при-* одна из многозначных приставок. Присоединяясь к бесприставочным глаголам, она вносит в них различные пространственные и количественно-временные значения, которые могут быть сведены в основном к обозначению направленности действия и указанию на завершенность или неполноту действия.

При- может употребляться также в качестве вторичной приставки. Это явление имеет место в литературном языке и в народных говорах. По данным Словаря современного русского литературного языка,[1] *при-* сочетается с рядом приставок (*в-*, *на-*, *по-*, *с-*, *у-* и т. д.). Большинство глаголов со вторичным *при-* в литературном языке имеет значение неполноты действия (например, *привста́ть*, *призабы́ть*, *призакры́ть* и т. д.), и сравнительно небольшая часть глаголов выражает избыточность, чрезмерность или особую полноту действия (например, *принале́чь*, *прината́ щиться* и т. д.).

Глагольные образования со вторичной приставкой *при-* имеют место и в других славянских языках (украинском, белорусском, болгарском и т. д.).[2]

Они были известны старославянскому языку. Имелись образования со вторичной приставкой *при-* и в древнерусском языке. При этом, как пишет Л. А. Тришина,[3] вторичная приставка

[1] Словарь современного русского литературного языка. М.—Л., 1949—1965.

[2] Вторичная приставка *при-* характерна не только для современного состояния этих языков, но имелась и в прошлом. (Относительно украинского языка см. статью Л. И. Ройзензона «Заметки о глаголах с вторичными приставками в староукраинском языке XV—XVIII столетия. Тр. Самарканд. ун-та. Исследования по русскому языку, вып. 118, 1959).

[3] Л. А. Тришина. Глаголы со вторичными приставками в древнерусском языке (по материалам И. И. Срезневского). Научно-техн. кон-

при- в древнерусском языке вносила в глаголы либо указание на приближение к объекту, присоединение, либо усиливала значение первой приставки.

В русских народных говорах глаголы со вторичной приставкой *при-* весьма употребительны, число приставок, с которыми она сочетается, значительно больше, чем в современном литературном языке.

Факт широкого распространения в русском языке и его диалектах многоприставочных глаголов (в том числе и со вторичной приставкой *при-*) отмечался многими исследователями. Но большинство из них (К. С. Аксаков, Г. Павский и др.) рассматривало вопрос о глаголах со сложными приставками лишь в связи со способами видообразования глагола.

Специальных же работ, посвященных исследованию вторичных приставок в русском языке, очень мало.[4] Имеется только одно исследование, в котором это явление рассматривается на диалектном материале.[5] Таким образом, этот интересный раздел глагольного словопроизводства остается пока еще слабо изученным.

Настоящая статья посвящена рассмотрению одного из частных вопросов, а именно: употреблению в русских говорах вторичной приставки *при-* в сочетании с другими приставками, исследованию продуктивности и смысловой роли этой приставки в диалектах. При этом, поскольку глаголы со связанной основой (например, *призанять*) или мнимые многоприставочные глаголы (например, *призамолкать*, *призаплывать*, *прираскидывать*) по сути дела не являются глаголами со вторичной приставкой *при-*, они исключаются из материалов статьи. Выделять в этих глаголах две приставки можно лишь с точки зрения генетической, с синхронной точки зрения глаголы этого типа представляют собою вторичные образования от исходных приставочных глаголов с почти сросшимися и утерявшими свое лексическое значение приставками (ни в говорах, ни в литературном языке нет глаголов *молкать, плывать* и т. п.). Не показательными для нас являются также глаголы со сложными приставками типа *приобесси́леть* и т. п., поскольку эти глаголы представляют собой особый слу-

ференция молодых ученых и специалистов, секция гуманитарных наук. Тезисы докладов. Новосибирск, 1966.

[4] Л. И. Розейзон. О многоприставочных глаголах русского языка. Русский язык в школе, 1966, № 6; Л. А. Тришина. Заметки о двуприставочных глаголах в русском языке. В кн.: Вопросы языка и литературы. Тематический сборник, в 1, ч. I. Новосибирск, 1966; М. В. Черепанова. О словах со сложной приставкой *обез-* (*обес-*) в русском литературном языке. Русский язык в школе, 1960, № 4; А. И. Чижик-Печлейко и В. В. Титовская. О глаголах со вторичной приставкой. Тр Воронеж. ун-та, т. 47, 1957. Сб. работ историко-филологического ф-та

[5] А. В. Королькова. Вторичная приставка *по-* у перфективных глаголов типа *пописать* (на материале брянских говоров). Уч. зап. Ленинград. пед. ин-та им. Герцена, т. 248, 1963, кафедра русск. яз.

чай глагольного словопроизводства.[6] Поэтому приставка *при-* в них не является вторичной.

Таким образом, рассмотрению подвергаются только те глаголы, в которых приставки легко выделяются с точки зрения современного словопроизводства.

Материалами для статьи послужили записи диалектной речи, хранящиеся в картотеке «Словаря русских народных говоров» и общей картотеке «Словаря русского языка», а также фольклорные произведения.

Как уже говорилось выше, данные диалектов свидетельствуют о широком использовании вторичной приставки *при-* в образовании глаголов (в картотеках их насчитывается более 300). Вторичное *при-* соединяется с большинством из продуктивных приставок русского языка. В говорах имеются следующие типы: *прив(о)-*, *привы-*, *приза-*, *прииз-*, *прина-*, *прио-*, *приот-*, *припо-*, *прираз-*, *прис(о)-*, *прию-*. При этом вторичное *при-* в диалектах присоединяется как к приставочным глаголам, имеющимся в общенародном языке, так и к приставочным глаголам, являющимся диалектизмами: *призакопте́ть*, *приозя́бнуть*, *прирассо́риться* *приудержа́ть*, *приуе́хать*, *приусы́пать*, *призагоршова́ть*, *призаплесне́ве́ть*, *приобу́ркаться*, ‘немного привыкнуть’, *принату́чить* ‘покрыться тучами’ и т. д. Нет каких-либо ограничений и в ее соединении с глаголами разных лексических групп.

Из перечисленных выше типов сочетаний вторичного *при-* наиболее продуктивными в говорах являются: *приза-*, *прина-*, *прио-*, *прираз (рас)-*, *прию-*: *призабле́кнуть*, *призагу́нуть*, *призасты́нуть*, *принаба́ять*, *принабрани́ть*, *принабря́кать*, *принаводи́ть*, *принахлу́пить*, *прнахму́рить*, *приобрани́ть*, *приовя́нуть*, *приодря́хну́ть*, *приознако́миться*, *прираздýмать*, *прираздýть*, *прирасту́житься*, *приуморбзить*, *приумы́ться*, *приусы́пать*, *приуту́житься*. (По данным картотеки на каждый из этих типов сочетаний приходится приблизительно по 20—30 глаголов). Наименее продуктивными являются сочетания: *прив(о)-*, *привы-*, *прииз-*, *приот-*, *припо-*, *прис(о)-*. Случаи их употребления единичны: *привосва́таться*, *привоспомина́ться*, *привы́бить*, *привы́пить*, *привы́рубить*, *приизве́дать*, *приизве́яться*, *приздержа́ть*, *приизъе́хать*, *припожа́ловать*, *припонюжить*, *припоте́шить*.

Совсем отсутствуют в наших материалах сочетания вторичного *при-* с приставками *до-*, *пред-*, *про-*, *низ-*, *при-*, *пре-*.

Чем объясняется широкое распространение одних типов сочетаний и отсутствие других?

---

[6] В русском языке нет глагола *бессилеть*. Подобные глаголы со сложной приставкой *обез-* (*обес-*) образованы путем перевода прилагательного в разряд глаголов одновременным присоединением окончания *-еть* и приставки, т. е. приставка *при-* в этих глаголах, строго говоря, не может быть названа вторичной. См.: А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка, ч. II, с. 150.

Вторичное *при-* обычно вносит в глагол оттенки, характеризующие действие с количественной стороны. Это, видимо, препятствует широкому ее соединению с глаголами, первичные приставки которых обозначают лишь направленность действия.

Очень мала употребительность вторичного *при-* с конкретными глаголами, имеющими при себе приставку с ярко выраженным пространственным значением. Количество глаголов такого типа составляет приблизительно 3—4% от общего числа глаголов со вторичным *при-*. Чем ярче выступают пространственные значения первой приставки, тем реже употребляется данная приставка со вторичным *при-*. Например, очень мало глаголов с приставками *прив(о)-*, *привы-*, *приот-*. Наличие у первичной приставки значения предела действия, его чрезмерности также служит препятствием для присоединения *при-*. Так, например, значение приставок *до-*, *из-* не нуждается в семантическом усилении, и, следовательно, добавление вторичного *при-* (вносящего оттенок неполноты действия или усиливающего значение первичной приставки) оказалось бы в этих случаях или противоречащим значению первичной приставки или излишним. Продуктивность различных типов сочетаний зависит также от употребительности первичных приставок. Например, приставка *низ-*, кроме того, что она вносит в глагол в основном пространственные значения, встречается также лишь в глаголах старославянского происхождения, поэтому глаголов с приставкой *низ-* и в литературном языке немного. В наших материалах вторичное *при-* в сочетании с приставкой *низ-* вообще не встречается. Немаловажную роль играют, видимо, также причины эвфонического характера. Так, в говорах вторичное *при-* не присоединяется к глаголам, имеющим первичные приставки *пред-*, *при-*, *про-*.

Рассмотрим значения вторичной приставки *при-* в русских говорах. В качестве первичной приставки *при-* в говорах употребляется в следующих значениях: 1) Указывает на наличие приближения одного предмета к другому, на сближение их или близость вообще; 2) Обозначает завершенность, законченность действия; указывая при этом, в зависимости от семантики глагола, на распространение действия на ряд объектов и окончание этого действия вследствие исчерпанности этого ряда, полный охват предмета действием, особую интенсивность действия, развитие действия до предела; 3) Значение неполноты действия. В незначительном количестве глаголов *при-* выступает в значении дополнения, добавления чего-либо к чему-либо (добавочное действие для получения лучшего результата, а также в значении действия сверх меры и начала действия).[7]

[7] Данные о значениях первичной приставки взяты из моей статьи «Значения глагольной приставки *при-* в русских народных говорах и произведениях устного народного творчества» (сб.: Лексика русских народных говоров. М.—Л., 1966).

В качестве вторичной приставки *при-* употребляется далеко не во всех указанных выше значениях.

Следует обратить внимание на то, что вторичное *при-* не сообщает глаголу никакого существенно нового значения. Основную семантическую нагрузку несет первая приставка. Вторичное *при-* обычно лишь уточняет характер протекания действия, т. е., по терминологии проф. Исаченко, вторичное *при-* выступает как приставка-модификатор. Основное значение вторичной приставки *при-* заключается в выражении меры действия. Присоединяясь к приставочному глаголу, вторичное *при-* либо указывает, что действие совершается отчасти, немного, до некоторой степени, либо, наоборот, подчеркивает особую полноту проявления действия, избыточность, исчерпанность его. Рассмотрим эти значения.

I. Ограниченность, неполнота действия. Это наиболее четко выступающее значение. Вторичное *при-* вносит его одинаково широко как в глаголы конкретного, так и абстрактного содержания, независимо от их переходности. В зависимости от значения глагольной основы это значение вторичной приставки *при-* может иметь частные оттенки.

Ограниченность действия может проявляться как: а) совершение действия не в полном объеме: *призастúнуть* 'слегка замерзнуть' (Волог.); *призагýнуть* 'призамолкнуть' (Волог.); *призагýнуться* 'призатихнуть' (Соболевский, ВНП); *призадёргивать* 'подергивать': Поводами коня он призадергивает, шпорами коня подшпевеливает (Арх.); *призапáчкаться* 'слегка запачкаться': Маненько призапачкаться (Свердл.); *призаржавéть* 'слегка заржаветь'; А латы-кальчуга призаржавела (Рыбников, Песни); *призасóхнуть* 'подзасохнуть': Почему призасохли рецьки быстрыя? (Марков, Беломор. былины); *призатускнéть* 'немного потускнеть': Лицо бело призатускнело ночью в темноте (Соболевский, ВНП, Том.); *призачёрстнуть* 'подзасохнуть': Без тебя у меня кушанья призачерстнули (Киреевский, Шенк. Арх.); *привспугнýть* 'слегка испугать' (Даль); *приукрáсть* 'украсть немного': Такой уж смирёной котишко мяско и рыбку приукрадёт, а молоко — нет (Арх.); *приусóхнуть* 'слегка засохнуть': Приусох и завял (Смол.); *приобогрéть* 'пригреть' (Вят.); *приобáбиться* (о воде) 'немного нагреться': Вода уж приобабилась, скоро поди закипит (Киров.); *приобúть* 'немного обить': Ветры были, цветы у реки приобили (Новг.); *приобýркаться* 'попривыкнуть, ознакомиться': Приобуркался так и запоговаривает (Волог.); *приознакóмиться* 'слегка, поверхностно познакомиться' (Вят.); *приозя́бнуть* 'слегка озябнуть' (Вят.); *приоса́ниться* 'приободриться' (Симб.); *приостúть* 'немного остыть': Приостыл немного чай (2. Доп.); *приовя́нуть* 'приувянуть': Подломились ножки резвы, Приовяли ручки белы (Яросл., Олон.); *приоскати́ться, приоскользнýться* 'слегка сдвинуться, соскользнуть': Тогда-то у Илеюшки права ноженька приоскатилась, А лева руценка прио-

скользнулась (Астахова, Былины Севера); *призагомова́ть* ‘слегка забродить’: Три недели квашня кисла, на четвертую недельку призагомовала (Соболевский, ВНП, Олон., Агренева-Славянская. Крест. Свадьба); *призагоршове́ть* ‘начать понемногу закисать’: Три недели квашня кисла, Да не выкисла, На четвертую недельку призагоршевала (Олон.); *призасине́ться* ‘слегка засинеть’: Не сине море все посинело, призасинелись сини корабли (Соболевский, ВНП, Олон.); *призабеле́ть* ‘слегка забелеть: Ай призабелели да тонкие парусы (Онеж.); *приобра́довать* ‘немного обрадовать’: И приобрадуй-ка ретивое сердечушко (Барсов).

б) ограниченность действия во времени (временной оттенок): *приопну́ться* ‘на минутку, мимоходом вздремнуть’ (Костром.); *призáдлиться* ‘немного замешкаться’: Я призадлилась, призамешкалась у родителей (Терск.); *привздрема́ть* ‘немного, ненадолго вздремнуть’ (Даль).

в) некоторое изменение положения в пространстве (локальный оттенок): *привскúдывать* ‘привскинуть’ (Даль); *привздыма́ть* ‘приподнимать’ (Колым., Соколов, Сказки); *привздыну́ть* ‘приподнять’ (Волог.); *привзде́ргивать* ‘слегка приподнимать’ (Даль); *приоткинуть* ‘немного сдвинуть’: Приоткинь-ко ты с меня гробову доску! (Астахова, Былины Севера); *приудви́нуть. Приудвинуть оконенку* ‘приоткрыть окно’ (Куклин, Э. О. 1900, № 2); *прирастро́нуться* ‘прираздвинуться’: Прираздвиньтесь да прирастроньтесь на все три сторонушки (Арх.); *приотда́ть*: Когда станет петух горох клевать, приотдай ботинок (приподними ногу, под ногой была горошина) (Ачин.).

Как показывают материалы, вторичная приставка *при-* вносит значение ограниченности действия в очень разнородные по своей семантике глаголы. Основная приставка у этих глаголов обычно имеет значение результата, законченности действия (*стынуть—застынуть, пачкаться—запачкаться* и т. д.). В некоторых глаголах она обозначает начало действия (*белеть—забелеть* и т. п.). Совсем небольшое число (всего 9) глаголов имеет в своем составе первую приставку с отчетливо выраженным пространственным значением. Следует отметить, что многие из выше перечисленных глаголов экспрессивно окрашены.

II. Усилительная функция вторичного *при-*. Большое место среди наших материалов занимают глаголы, в которых вторичная приставка *при-* выступает как «усилитель» значения первой от корня приставки. При этом, как правило, первая от корня приставка вносит в глагол значение результата действия, особой полноты, исчерпанности и чрезмерности его. Значение вторичного *при-*, в основе своей, также результативное, наслаивается на значение первой приставки, что приводит к «удвоению смысла», к количественному росту признака действия. В результате слияния значений обеих приставок, взаимопроникновения этих значений возникает единое смысловое целое с определенной экспрес-

сивной окраской, значения же отдельных компонентов затемняются, и вторичная приставка *при-* уже выступает лишь как формальный показатель высшей степени действия. В зависимости от значения первой приставки и значения глагольной основы высшая степень действия проявляется как особая полнота действия, полная исчерпанность его или чрезмерность действия.[8] Приведем эти глаголы:

1. Глаголы со значением особой полноты действия: *принакорми́ть* 'очень накормить' (Онеж.); *принаба́ять*, *принавея́ть* 'много наговорить, сильно навеять': В поле витрушки на нас да принавеят, Про нас добрые-то люди принабают (Агренева-Славянская. Крест. свадьба); *принаде́лать* 'много наделать' (Перм.); *принасы́пать* 'много насыпать' (Арх.); *приосло́ушаться* 'сильно ослушаться': Тут морянин Настасьи приослушался (Арх.); *приоко́мбать* 'сильно одервенеть': Ан правая рука приокомбала (Арх.); *приодря́хнуть* 'сильно одряхлеть': Приодряхло моё тело (Арх.); *приужа́лить* 'сильно ужалить': Ты, крапива, некрасива, приужалила меня (Влад.); *приулежа́ть* 'сильно, очень отлежать' (Астахова. Былины Севера); *приума́зать* 'сильно намазать': У Иванушки головушка гладка, помадою приумазана (Влад.); *приупоте́ть* 'сильно вспотеть': Мое лицо приупотело (Курск., Пск.); *призапи́ть* 'начать сильно пить', *призагуля́ть* 'сильно загулять': Мой духанюшка призапил, Распатрет призагулял (Костром.); *принажа́рить* 'много нажарить чего-либо' (Вят.); *принавози́ть* 'много навозить чего-либо (Арх.).

2. Глаголы с оттенком чрезмерности действия: *принае́хать* 'наехать в большом количестве': Встань, муж Иван, Встань, удала голова, Принаехали родня (Олон., Арх.); *принасили́ться* 'через силу решиться сделать что-либо': Хочут меня молоду молоденьку Взамуж отдавать, Принасилилась я два словечушка батюшке сказать (Олон.); *приобба́ять* 'сильно, слишком наговорить': Добрые люди меня да приоббаяли (Барсов, I, 7); *приобла́ять* 'слишком облаять': Или чарой-то тебя приобносили там, Или какая собака приоблаяла (Астахова, Былины Севера); *приобза́риться*, *прикуки́нуться*: Вы на что да приобзарились, Вы на что да прикукинулись? 'на что так сильно позарились, к чему бросились?' (Наумов, Арх.); *призапла́кать* 'сделать заплаканным': Уж тут хоть призаплачу белое свое да личушко (Агренева-Славянская, Крест. свадьба); *прирасту́житься*: Горько-тошно прирастужилась (Астахова, Былины Севера); *прирасспра́шивать* 'расспрашивать с особым пристрастием': Уж как меньшой призадумался, Призадумался да прирасплакался, Прирасплакался он, прирасспрашивал (Астахова, Былины Севера); *прирассо́риться* 'совсем поссо-

[8] Следует отметить, что эти оттенки значения очень близко соприкасаются между собой, поэтому выделение глаголов в ту или иную группу представляет значительную трудность.

риться' (Вят.); *прирастре́скать* 'полностью растрескаться'; *прирасте́шиться* 'сильно раскричаться' (Беломор., Терск.); *прирасспорить* 'сильно поспорить': Об этом они с князем прирасспорили (Арх); *прирассерди́ться*: Тут соловей прирассердился (Тихонравов и Миллер, Русск. былины); *приразжа́литься* 'очень, сильно пожалеть' (Арх.); *приобве́шиваться* 'много, со всех сторон повесить что-либо': Я рябинушку ломала, Приобвешалась (Калин.); *приизве́яться*: Без своего родителя, без батюшки Приизвиются-то буйны на них ветрушки 'со всей силой набросятся на них злые ветры' (Барсов); *приобрани́ть* 'очень сильно разругать': Тут Суханьшу приобранили (Тихонравов и Миллер).

3. Глаголы со значением исчерпанности действия: *призъе́хать* 'все изъездить' (Арх.); *прииздержа́ть* 'все, целиком истратить' (Астахова, Былины Севера); *приобчи́стить* 'полностью уничтожить': Приобцистил Михайло силу татарскую (Макаров, Беломор. былины); *приизве́дывать* 'полностью, до конца изведать': Мы святорусские земли приизведали (Новг.); *призаре́заться* 'погибнуть': *А* падал Дунаюшка на вострый нож, И тут же Дунаюшка призарезался (Арх.); *приусы́пать* 'все, полностью усыпать' (Онеж.); *приразру́шить* 'полностью разрушить' (Кем. Арх., Оренб.); *припосека́ть* 'все иссечь' (Арх.); *приудержа́ть* 'все издержать' (Арх.); *привы́бить* 'целиком, полностью выбить' (Арх.); *призайти́* 'побывать всюду': Здравствуй, милая моя, Призашел все города (народная песня); *призаду́ть*: В чистом полюшке сильная вьюга: Призадуло-то все пути-дорожки 'полностью все покрыло (снегом)' (Волог.); *приобжени́ть*: Все мы думали, 'печальные головушки': Приобженим по студеной холодной зиме (Барсов); *приобсе́сть* 'занять все свободные места': Приобсели все горницы сизокрылые голуби (Арх.); *присвали́ться* 'всем, до одного, полностью свалиться': Все мужики то да присвалилися (Арх.); *приопа́дать* 'полностью, целиком опасть': *Приопали дерев листочки* (Арх.); *призаму́чить* 'совсем, до конца замучить': Всех наших лошадушек она призамучила (Соболевский, ВНП); *прирастая́ть* 'полностью растаять': Снеги прирастаяли (Соболевский, ВНП); *призагну́ться*: Его вострая сабля притупилася, Его копье борзумецко призагнулося 'совсем искривилось, перестало быть острым' (Т. А. Шуб, Былины русских старожилов низовьев реки Индигирки).

Таким образом, как свидетельствуют материалы, глагольные образования со вторичной приставкой *при-* занимают значительно бо́льшее место в лексике народных говоров, чем в литературном языке (по данным XI тома Словаря современного русского литературного языка таких глаголов 30). Вторичное *при-* в говорах соединяется почти со всеми приставками, но продуктивность отдельных словообразовательных типов различна.

Основная семантическая роль вторичного *при-* состоит в том, чтобы придать глаголу дополнительные смысловые оттенки. Сле-

дует отметить, что значения вторичного *при-* четко не разгранич̆ены. Часто бывает весьма затруднительно без контекста определить, в каком значении она употреблена. Наиболее четко выступает значение ограниченности действия. Оно более конкретно и дает бо́льшую возможность для сочетаний с приставками, имеющими пространственное значение.

Однако, легко заметить, что в подавляющем числе глаголов в наших материалах приставка *при-* выступает в роли «усилителя» значения первой приставки. Первая приставка обычно варьирует значение результативности (особая полнота действия, избыточность, исчерпанность его). Вторая же приставка, повторяя значение первой, придает особую выразительность глаголу, делает его экспрессивно окрашенным. Глагол не только обозначает какое-либо действие, но и оценивает действие. Благодаря чему он приобретает дополнительные смысловые оттенки, которые играют уже не номинативную, а характеристическую роль. Поэтому глаголы со вторичным *при-* особенно часто используются в народных песнях, былинах и сказках.

П. И. ПАВЛЕНКО

Слова с приставкой *воз-* в русских народных говорах

В русских народных говорах есть ряд имен существительных, прилагательных и наречий с приставкой *воз*. Цель настоящей работы — показать состав этих слов, особенности их образования и функционирования по сравнению с русским литературным языком.

Наиболее многочисленную группу составляют имена существительные. В говорах, как и в литературном языке, они образуются от основ глагола или имени по преимуществу префиксально-суффиксальным способом. Естественно, в количественном отношении на первое место следует поставить отглагольные существительные. Среди них с точки зрения семантической выделяются несколько групп. Первую образуют слова, обозначающие действие, реже состояние по значению глагола, а также и результат этого действия. Сюда относятся, во-первых, бессуффиксальные образования мужского рода, в отличие от однокоренных слов среднего рода на *-ние* в литературном языке, например, *воспре́т* ‘запрет, запрещение’: Она делала, как хотела, покупала, что вздумает: воспрету ей от мужа не было (Мещов. Калуж.); Вино пить воспрету не было (Костром.). Нам хотели запретить, За реку гулять ходить, Нам тогда воспрет дадут, Когда зарежут — нет убьют (песня. Яросл.); *возвро́т* имеет значения ‘обратный приход, приезд’; ‘возвращение’: Служба кончилась и пришел возворот (Петров Сарат.) и ‘отдача взятого, полученного от кого-либо; возврат’: Дал в займы без возврата (Петров. Сарат.). С некоторым ограничением сюда можно отнести и слова, в которых на выражение действия или состояния накладываются более конкретные значения, например., *возлог* ‘возложенные на кого-либо обязанности’: Какие еще на меня делаете возлоги? (Шуйск. Иван.); *возга́р* с лексически связанным употреблением: *возгар сенокоса* ‘разгар сенокоса’ (Камышл. Свердл.). По форме к ним примыкают такие семантические диалектизмы, как *во́зраст,* известное в говорах — в двух *значениях:* 1) ‘возму-

жалость, зрелость' (Клин. Моск., Пудож. Олон., Барнаул). Обычно употребляется в предложных конструкциях: *до возрасту* (Петрозав. Олон.): Вот тебе пятьдесят рублев; дочку ли, сына ли родишь — все равно, сбереги деньги до возрасту: станешь дочь выдавать замуж — будет у ней приданое (Афанасьев, место записи сказки не указано); 'в возрасте быть, стать': Вот и третий сынок в возрасте стал, Повостряе стал (Онеж. Арх.) и 2) 'рост человека; размеры животного': Возраст какой, и три и четыре вершка щука (Гарин Свердл.); *воспля́х-всполох* 'тревога' (Яросл.); *восхо́д* имеет значения, 'свет, мир': На свете, на восходе Надо всех равно любить (Белозер. Новг., Соколовы) и лексически связанное 'летний восход' 'юго-восток': Вы поедете на летний восход (Амур.).

Также некоторые литературные имена существительные бытуют в говорах в лексически или грамматически ограниченных сочетаниях. Например, *возвра́т* 'держать, возвращаться': Тут ко своему боярину, Дюку Степановичу, возврат держит (Лодейнопол. Петерб., Рыбников); *с восто́ргом* 'торжественно, с честью' — выражение уже переходит в разряд наречных образований. Ср.: Вперед посла послали, чтобы его стретили от царя с восторгом (легенда. Тавд. Сверд., Ончуков). Нетрудно заметить, что и другие имена существительные обычно в употреблении, вступая в связь с определенными глаголами, становятся семантически неразложимыми сочетаниями, например, *быть, стать в во́зрасте*, 'вырасти'; *дать, положить воспре́т* 'воспретить'; *был воспре́т*, 'воспрещается'. Кроме слов мужского рода в говорах отмечаются подобные образования женского рода, например, *воспре́та* 'запрет, запрещение': Воспрета была до пятнадцатого августа не трогать шишку (Параб. Том.). Во-вторых, в эту группу входят слова среднего рода с суффиксом *-нье, -ние,* как и в литературном языке, например, *возлече́нье* 'лечение': Он уехавши на возлеченье в Ленинград (Хвойнин. Волог.); *востарза́нье* 'растерзание'. *вэску́рканье* и *возгра́енье* 'карканье': Кабы бросил его тулово во чисто поле, Там черным-то воронам на воскурканье, А серым-то волкам востарзанье (Печор. Ончуков.); Не оставь ты, конь, во чистом поле Серым волкам на растерзанье, Черным воронам на возграенье (Мезен. Арх. Тихонравов и Миллер). В словах *воспаре́нье, возрыда́нье* и др. на ряду с выражением отвлеченного действия легко обнаруживается значение результата этого действия и другие конкретные значения. В этом отношении показательно *воспаре́нье* и *воспаре́ние,* — слово, широко употребительное в живой разговоренной речи в разных говорах. Оно имеет два значения: 1) 'испарение, пар; парение воздуха': Зимой воспарение в избе от самовара и от печи днем, табачным — дым — воспарение (Арх.); Пар в избе вследствие продухов. Вишь какое воспаренье в избе-то, плотники, видно, подгадили, мох плохо стлали при подъеме (Костром., Марков); Земля воспарения дает

(Курск.); Сильное воспаренье — дождь будет. Воспарение бывает после дожжа, поднимается, как туман (Свердл.); А огурец не любит мороз. Ему надо воспаренье тако (Том.); Когда воспаренье хороше, тогда грибы хороши (Кемер.); От земли воспарение идет (Кокчет.). Кроме того, слово известно в новгородских, ярославских говорах и на Кубани; 2) 'испарина, пот' (Ср. Урал). *Возрыда́нье* 'рыдание', в употреблении ограничено предложным сочетанием — *в возрыда́нье*: В слезах я слово молвила, в возрыданье речь говорила (Холмог., Арх., Якушкин). Она плачет, что река льется. — В возрыданье слово молвила (Крестец. Новг., Соболевский). Конкретное значение выражается в семантическом диалектизме *воспита́нье* 'питание, пища': Воспитанье плохо теперь (Арх.). Как видно из приведенного здесь материала, иногда значение отвлеченного действия или совмещается с другими конкретными значениями, или отсутствует вовсе.

Для русской народной речи и произведений фольклора характерно широкое использование слов на *-нье*, *-ние* в уменьшительно-ласкательной форме. Среди данных образований можно найти не только диалектные слова, имеющие конкретное значение, но и слова общерусского распространения с отвлеченным значением. Ср., с одной стороны, *воспева́ньице* 'распевание, пение': Испоранному было по утрычику, До раннего петунья воспеваньица (Север., Барсов.). Отчинили ли дверички скорешенько, чтоб с пораннему петушью воспеваньецу... Твоя душенька не отлетела бы (Агренева-Славянская, крестьянская свадьба. Место записи не указано); *возраста́ньице* 'достижение какого-либо возраста; вырастание': Нынче после твоего бываньица, После девья возрастаньица, Отшибать стала меня тошная тоскечушка (Олон.); Ты порасскажи, спорядной мой суседушко, Про мое да сирот малых возрастаньицо (Север., Барсов) — и *возрыда́ньице, воздыха́ньико* — с другой. В слезах пути-дороженьки не видят. С возрыданьица словечушка не молвят (Том.); В слезах стою да слово молвлю я, В возрыданьице да речь говорю я (Арх., Марков); Ты вымый, жена, мне рубашечку. Не мый же, жена... ты на ветрику, Не качай, жена, на качалочке; Вымыешь, жена, горючими слезами. Ты высушишь воздыханьиком, Выкачаешь на белых грудях (Смол. Смол.).

Вторую группу отглагольных существительных с *воз-* составляют слова мужского и женского рода, обозначающие лиц по тем или иным признакам с помощью различных суффиксов, например, *воспи́тальник* и *воспита́льник* 'ребенок, взятый на воспитание, воспитанник': Воспитальников принимали из казенного дому (Клин. Моск.); Усоветовала, что взяла воспитальника, у вдовы в приемыши (Свердл.); Он был воспитальник из детдома (Кемер., Том.); А воспитальник как у него живет? (Волог.). Известно и соотносительное с ним слово женского рода — *воспита́льница* (Перм.). С этим значением в говорах употребляются следующие

слова: *воспита́тельник*: Он нам воспитательник, не родной. Воспитательник мой в городе живет (Средний Урал); *воспито́мец*: Ета Ларынин воспитомец. Тогда ина взяла и отдала своего сына, этого воспитомца оставила себе (Красн. Смол.). В слове *воспито́мец* отмечено более узкое значение ‘ребенок, взятый на воспитание в крестьянскую семью из приюта за определенную плату в дореволюционное время’ (Борович. Новг.), и *воспито́мка*: У меня вот жила воспитомка (Демян., Борович. Новг.). Подобное значение имеет существительное *воспито́н* ‘ребенок, взятый из приюта на воспитание в крестьянскую семью’ (Петерб.). В говорах Сибири в записях 1886 г. приводится ласкательная форма — *воспито́нчик*, но с общим значением ‘воспитанник’: А был у меня скажу тебе конек..., лошадка бы, по-нашему выразиться, воспитончик мой. Известно слово и женского рода — *воспито́нка* (Тобол.).

Для иллюстрации разнообразия слов этой группы приведем другие примеры: *возвра́тник* ‘тот, кто возвратился в родные места’ (Моск.); *воздыха́тор* ‘вздыхатель, обожатель’ (Сарат.); *восста́тель* ‘заступник, защитник’: За его еще восстатель есть (Гарин. Свердл.); *восста́нцы* ‘повстанцы’: С восстанцами скрывались местные торгаши (Серов. Свердл.); слова в уменьшительно-ласкательной форме — *воспево́чик* ‘тот, кто воспевает кого-либо’: Я маленький юночик, Пресвятой девы воспевочик, Я христа воспеваю (Сольвыч. Волог.) и *возмо́льщичка* ‘молельщица’: Ужо слушай-ко, пристаршой родной батюшка, Ты возмольщичка печальна, родна матушка (Север., Барсов.). Можно привести еще одно слово, ставшее семантическим диалектизмом, *воспи́танница* ‘воспитательница’: Воспитанница у них была для детей из немок (Пск.). К третьей группе отглагольных существительных можно отнести несколько слов с конкретно-предметным значением: *во́згород* ‘изгородь, забор’: Был у бабы, у дуры новой возгород, Семена были чужие, покупаемые (Онеж. Арх. Соболевский); *возва́рец* ‘суп или компот’ (Волог.); а также *воспря́тушки* ‘прятки, род игры’ (Вят. Орл., Шахова, 1896), и *возы́гры* (значение неясное): Слышно: Ванюшка по улице идет, возыгры возыгрывает (песня, Вят., Зеленин).

Имея общие с литературным языком корневые морфемы, эти существительные значительно отличаются по способу образования. Ср., например: *воспитальник*, *воспитальница* (основы глагола +суфф. *-льник*, *-льница*) и литературное *воспитанник*, *воспитанница* (основа причастия+суфф. *-ик*, *-ица*); *воздыхатор* и литературное *вздыхатель*, *возмольщичка* и литературное *молельщица*. Что касается таких слов, как *воспитомец*, *воспитатель*, то, будучи сходными по форме с литературными *питомец*, *воспитатель*, они не соответствуют им по значению.

Несравнимо меньше имен существительных с приставкой *воз-* в говорах, образованных от именных основ с помощью различных

суффиксов. Здесь придется привести единичные примеры слов с суфф. *-ье,* обозначающих место, где что-либо находится, происходит: *возмо́рье* 'взморье': По возморью легкой зыбью Тело сокола несло (Терск.); Муксун плодится, он подымается с взморья, оттуль товары шли на возморье (Том.); Антирелия крепостная стояла на возморье (Кемер.). В тобольских говорах это слово также известно в значении 'берег большого озера'; *во́злюдье* — только в предложном сочетании — *на во́злюдье* 'чтобы показаться на людях': Платье у меня есть на возлюдье, Золотой казны у меня да есть по надобью (Онеж. Арх., Гильфердинг); *возголо́вье* 'изголовье; подушка или иное возвышение под голову'. Дается в Словаре Даля без указания территории бытования. Другие иллюстрации употребления этого слова почерпнуты в основном из фольклорных произведений: Я постелю не стелю, Возголовье не кладу, Сама его не люблю — Гулять на улицу пойду (Белг. Курск.); Возголовье раскидала во сердцах (Курск.); Жена мужа не взлюбила. Постелечку твердо стлала. Возголовье низко клала (Амур.); Моя теплая постеля — сыпучий песок, Высокое возголовье — крутой бережек (Медын. Калуж.); У Солдата, у злодея Чужая фатера, Чужая фатера, Хруская постеля, Хруская постеля, низкое возголовье. Слово также бытует в рязанских и псковских говорах. Встречается в употреблении ласкательная форма *возголо́вьице* и *возголо́вице:* Ты постелюшка мать сыра земля, Возголовьице — бел горюч камень (Ковр. Влад., Соболевский); На горку взошла да письмо нашла, Будто мой милый во постелю слег. Постеля, постеля — сыра мать земля. Возголовьице — гробова доска (Землян. Ворон.); Брала девка перья на подушечку — Милому дружку возголовице (Пудож. Олон.). С обозначением изголовья вообще известны, например, *возголо́вки* (Вят.), *возгла́вок* (Нижегор., Даль); а *возголо́вник* 'подушка, которая положена под голову': Повивальная бабка берет от домохозяйки небольшое количество печеных яиц и кладет их в зыбку, под возголовник, в которую засим она кладет и своего повитого внученка (Инсар. Пенз.). Имеются записи слова из Куйбышевской обл. Особняком стоит бессуффиксальное существительное *воспятки́* 'пятки, подошвы' (Болх. Орл.).

При изучении состава слов с приставкой *воз-* в говорах не менее интересными оказываются имена прилагательные и наречия с данным префиксом, хотя по количеству они значительно уступают именам существительным.

По своему морфологическому строению большая часть имен прилагательных в говорах совпадает с подобными образованиями в современном русском литературном языке. Как известно, в литературном языке имена прилагательные с *воз-* по образованию являются или причастиями (*возвышенный, возлюбленный, возбуждающий, восходящий*), или образованы от отглагольных существительных с суфф. *-тель* (*возбудительный, восстанови-*

тельный) или от существительных бессуфиксальных (*возраст-ной*).

При рассмотрении лексического материала с очевидностью обнаруживаются подобные словообразовательные типы слов и в говорах. Так, среди имен прилагательных с *воз-* нужно выделить, во-первых, группу слов по образованию бывших причастий, например, *возру́бленый* 'рубленый, бревенчатый': На том боку за речкою стоял большой дом. В том дому стояло крыльцо возрубленое (Задон. Ворон.); Среди дворца стоит крыльцо, крыльцо возрублено (Амур.); *воскра́шеный* 'крашеный' (Кем. Арх.); *восходи́мый* 'восходящий': К восходимому красну солнышку Во поход идти (Амур.); *восхоте́нный* 'такой, которого очень хотят, желанный': Восхотенное — ранее пожеланное, Вот тебе твое восхотенное варево — дикушная каша (Петров. Сарат., Колеганов, 1959); во-вторых, группу слов, образованных от бессуффиксальных отлагательных существительных. Например, *восхожий* 'восходящий': Солнышко восхожее высоко восходило (Холмог. Арх.; Якушкин); А поутру, как ныне, было все по-раннему, А по восхожу — ту было ту солнышку красному (Арх.). Слово известно также в говорах Волог., Перм., Калуж., Курск., Орл. областей; *воспри́емный* 'приемный': Девка была восприемна, мать-то, не доживя, умерла (Ср. Урал); *воспова́льный* 'повальный': Поутру-то у нас, у казаченков, Будет-то у нас воспальный круг (Терск.). Однако только в говорах известны отыменные образования, например, возлюбе́зный 'очень приятный, милый, любимый': Благослови своего чада, дитя возлюбезного (Казан. Казан.); Ты прощай, Сибирь знакома, Я в Россию жить пойду. Там встретят меня родные, Возлюбезные мать-отец (Уксян. Курган.); *воспреми́лый* 'очень милый, премилый': Ты рассейска вольна пташка, воспремилый соловей (песня, Вят.). Отмеченные образования свойственны только говорам и характерны для их словообразовательной системы.

По характеру связи приставки с основой перечисленные здесь слова распадаются на две группы: одной группе слов приставка *воз-* не сообщает нового значения, она оказывается семантически опустошенной, ср.: *воскра́шеный* 'крашеный', *возру́бленый* 'рубленый', *воспова́льный* 'повальный'; в другой — обозначает высшую степень качества, соответствуя по значению приставке *пре-* литературного языка, ср.: *возлюбе́зный* 'очень приятный, милый, любимый'; *восхоте́нный* 'желанный'. Иногда в этом случае приставка *воз-* является вторичной и играет усилительную роль, например, *воспреми́лый* 'очень милый'.

Весьма своеобразным и показательным представляется состав наречий с приставкой *воз-* в говорах. Во-первых, укажем на то, что в них бытуют слова, образованные от имени существительного, например, *воспра́вду* 'в действительности, в самом деле; вправду': Я думала восправду, ан несешь ты околесную! (Ниж-

недев. Ворон.); *во́збочь* 'сбоку': Возбочь его сидела Гарпинушка-барыня, Ивановна-госпожа (Обоян. Курск.); *возго́ловы* 'в изголовье': Возголовы положь соль (Вожг. Киров.). Такое сложение приставки *воз-* и имени существительного не ведет к стиранию ее значения. Оно проявляется довольно отчетливо, что видно из приведенного уже материала. Во-вторых, здесь выделяются наречия, образованные от наречий, в которых *воз-* обозначает высокую степень признака. В наших материалах они представлены однокоренными словами: *воздале́че* 'очень далеко' (Орл., Даль). Кроме того, есть примеры употребления в произведениях фольклора: Навздалече-то было, воздалече, там стоял-то, стоял, стоял высокий терем! (Терск., Соболевский); Воздалече-воздалече во чистом полю, Стояли там хоромы высокие (Шенк. Арх., Киреевский); и в ласкательной форме *воздале́ченько* и *воздале́ченьки*: Далеко воздалеченько было, воздалеченько, Было во темном лесу (Грозн. Терск.); Воздалече было, воздалеченьки во чистом поле, Как и рос — вырастал там сырой дуб (Дон., Соболевский).

Кроме того, известны наречия, аналогичные по образованию литературным, например, *воздо́ржно* 'воздержанно': Он жил воздержно, не гуляка был (Шалин., Нижне-Тавд. Свердл.); Воздержно живет, самостоятельный (Нязепетр. Челяб.).

Своеобразие имен существительных, прилагательных и наречий с приставкой *воз-* в говорах заключается в том, что хотя для их образования используются морфемы общенародного языка, тем не менее эти вновь созданные слова свойственны лишь только диалектам.

П. И. ПАВЛЕНКО

Глаголы с приставкой *воз-* в русских народных говорах

Изучение слов с приставкой *воз-*, бытующих в русских народных говорах, представляет большой интерес в плане выявления особенностей взаимодействия лексики говоров и литературного языка. По общему мнению, своеобразие слов с приставкой *воз-* состоит в том, что большинство из них относится к категории слов книжных, часто с высоким эмоциональным наполнением, с ярко выраженной стилистической окраской.

Характеризуя приставку *воз-*, В. И. Даль писал в своем словаре: «*Воз* и сокращенное *-вз-* одно и то же, но обык усвоил языку то одно, то другое; *воз* больше употребляется в языке книжном, или говоря о предметах высших (вознести очи к небу; взнести камень на гору), и прямее указывает на подъем, вышину (возвести здание, взвести на кого клевету); а иногда требуется только ухом».

На книжный характер слов с префиксом *воз-* указывается также и в современных словарях русского языка. Академическая грамматика дает такую характеристику глаголам, образованным с помощью приставки *воз-*: «Глаголы с этой приставкой — в большинстве своем книжные, с известным налетом торжественности; многие из глаголов этого типа устарели и воспринимаются как архаичные».[1]

В книге А. В. Исаченко «Грамматический строй русского языка» приставка *воз-* вообще исключена из перечня современных глагольных префиксов ввиду ее полной непродуктивности в современном русском языке. «В составе русского литературного языка оказывается немало глаголов церковнославянского происхождения; эти глаголы содержат несколько приставок, употреблявшихся в этом языке, но переставших быть продуктивными в русском языке: *воз-* (*вос-*, *возо-*), *низ-* (*нис-*, *низо-*), *пре-*, *пред-* (*предо-*) и *со-*. Приставки *воз-*, *низ-* и *пред-* сохраняют еще свое

[1] Грамматика русского языка, т. I. Изд. АН СССР, М., 1952, с. 581.

самостоятельное значение в ряде глаголов».[2] Если словообразовательные возможности приставки *воз-* иссякли в современном русском языке, если большинство слов с этой приставкой является книжным и часто устарелым, то изучение образований с префиксом *воз-* в русских народных говорах представляется тем более интересным. Каков состав этих образований и какие процессы, происходившие в русском языке на протяжении его истории, привели к тому или иному распределению и оседанию слов с приставкой *воз-* в разных сферах русского языка — в говорах, фольклоре, современном литературном языке, каковы их функционально-стилистические особенности? Чем объяснить существование в лексическом составе говоров целой серии слов, образованных с помощью приставки *воз-*?

Ответить на эти вопросы нелегко. Для этого потребуется провести ряд исследований исторического развития слов с приставкой *воз-* в русском языке, а также изучить их в современном состоянии в различных аспектах — лексико-семантическом и функционально-стилистическом.

Задача настоящей статьи — дать возможно полный общий обзор состава диалектных глаголов с приставкой *воз-*, определить значения приставки и показать лексический круг основ, присоединяющий этот префикс, выявить семантические оттенки, возникшие в приставочных образованиях и показать некоторые особенности их функционирования в говорах сравнительно с современным русским языком.

Статья построена на материалах, извлеченных из картотеки «Словаря русских народных говоров» и основной картотеки Словарного сектора. Всего было выбрано около 300 слов, из них немногим более 200 — глаголы. Приблизительно столько же слов с приставкой *воз-* приводится в «Словаре современного русского литературного языка» (в 17-ти томах) и «Словаре русского языка» (в 4-х томах), так что по количеству таких образований диалекты не уступают литературному языку.

Для решения поставленных задач представляется необходимым постоянно прибегать к сравнению диалектных образований с приставкой *воз-* с соответствующими фактами литературного языка. При таком сопоставлении в кругу данных префиксальных образований ясно обнаруживаются два типа слов: слова, корневые морфемы в которых имеют общерусское распространение, т. е. являются общенародными, литературными и слова, в которых приставка *воз-* присоединяется к корням, известным только в словарном составе говоров. В количественном отношении оба типа слов почти равны.

---

[2] А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. II. Братислава, 1960, с. 149.

Общий характер состава диалектных глаголов с приставкой *воз-* определяется тем, что половина из этих слов образуется из сцепления общенародных приставки и корня.

Начиная обзор диалектных глаголов с приставкой *воз-* именно с данной категории слов, следует отметить, что сравнение диалектных образований с литературными по признаку тождественности производящих основ в них позволит более наглядно показать роль приставки *воз-* в создании слов, ограниченных употреблением в говорах и произведениях фольклора. Можно выделить несколько групп подобных слов.

В первую обширную группу входят диалектные глаголы с приставкой *воз-*, соответствующие приставочным, реже бесприставочным глаголам литературного языка. Приставка *воз-* в этом случае совпадает по значению с несколькими приставками общенародного языка.

Рассмотрим сначала те группы слов, в которые приставка *воз-* вносит пространственные значения.

1) Приставка *воз-* обозначает, как и в литературном языке, направленность действия вверх и соотносится с приставками *под-*, *вз-* в общенародном употреблении. Это значение проявляется в глаголах, обозначающих какое-либо движение, подъем, перемещение. Например, *возним́ать* и *возня́ть* 'поднимать, поднять': Не вознимайте меня, братцы, да под могучие плечи (Шенк. Арх.); Ножки возняла и лошки подала (Свердл.); *возним́аться* — 'подниматься': Не утреняя заря-зелена занималася, Да высоко вознималась (песня) (Шенк. Арх.); Идешь, а тут опять возниматься (Свердл.). Оба глагола, как видим, употребляются не только в фольклорных произведениях, но и в живой разговорной речи.

Глаголы *воздымать* 'поднимать' и *воздыматься* 'подниматься' вышли из широкого употребления в современном языке (в словарях оба слова приводятся с пометой «устар.»), да и в XIX в. их использование ограничивалось поэтическими контекстами. Этим, собственно, и определялся характер их лексической сочетаемости: *воздымать волны*, *валы* и т. п. В некоторых современных говорах эти слова широко употребительны в различных ситуациях, а сочетаемость их не ограничена лексически определенным кругом слов. Ср.: Не легко его воздымать; В лесу толсту лесину подымают вагой, подложишь лесину и воздымаешь (Свердл.). В говорах Среднего Урала известен и совершенный вид этого глагола — *воздня́ть*, который уже вышел из употребления в современном языке. В Томских же говорах глагол *воздымать* употребляется со значением 'подниматься': Летчики у меня стояли, воздымут на высоту (Зырян. Том.). Не менее употребителен и глагол *воздым́аться:* Пар-то как воздымается (Арх.); Один конец воздымается (Свердл., Перм.). В некоторых говорах слово

известно и со значением 'вставать': Воздымись (Яросл.); Ну не воздымайся, мне ничего не видать (Свердл., Перм.).

Глаголы *воспыля́ться*, *восхаживать*, *воспа́рхивать* и др. используются в произведениях фольклора, часто в характерных для поэтики фольклора приемах: в сравнительных оборотах (*как орел*), устойчивых тавтологических сочетаниях (*пыль воспыляется*). *Воспыля́ться* 'подниматься (о пыли)': Да не пыль во чистом поле воспыляется, И от ветру сосенка Вот шатается (песня) (Тотем. Волог., Печор.); *воспа́рхивать* 'вспархивать': (Незнайко) на добре коне разъезжает, как орел воспархивает (Арх., Афанасьев); *воспорхну́ть* 'вспорхнуть' (Устюж. Новг.); *восскака́ть*, *восскочи́ть* 'вскакивать, вскочить' (Арх.); *восха́живать* 'всходить, восходить': Высоко заря восхаживала выше леса, выше темного (Терск., Панкратов); *воскати́ть*, *воскати́ться* 'взойти, подняться (о солнце)': Воскатило (воскатилось) красно солнышко (Даль, территория бытования не указывается).

В глаголе *восплывать* совмещаются несколько значений: 'всплывать, выплывать, плыть'. Ср.: Чей веночек восплывает, Ту и милый вспоминает (Терск., Соболевский); Тоненький ледок обломился, молодой ли казак провалился. Его ворон-то конь восплывает (Калуж., Уфим.); По тому-то было морю, морю синему. Там плыли, восплывали пятьсот кораблей (Дон, Соболевский).

В анализируемой категории слов приставка *воз-*, как уже говорилось, имеет то же значение, что и в литературном языке. Значения же приставки *воз-*, о которых речь пойдет ниже, реализуются только в говорах и являются диалектными. Слова с таким значением приставки *воз-* отсутствуют в современном русском языке.

2) Приставка *воз-* обозначает действие, направленное внутрь чего-нибудь, и соотносится с префиксом *в-* в литературном языке. С этим значением встречаются лишь единичные примеры: *восходить* 'входить': Восходят козы в ворота, а поп и спрашивает: Вы сыты ли, вы пьяны ли? (Ставроп. Самар., Садовников). Второй пример взят из сказки, записанной в той же местности Садовниковым: Слезает Ивашка со добра коня.., восходит в зеленый сад.

Говоря о семантической близости приставок *в-* и *воз-* в древнерусском языке, И. А. Воробьева замечает: «в говорах до настоящего времени они являются синонимами и употребляются одна вместо другой»,[3] но, к сожалению, не приводит примеров такого употребления.

3) Приставка *воз-* обозначает удаление и соотносится с приставкой *от-* в современном русском языке. Здесь, как и в преды-

[3] И. А. Воробьева. К вопросу о развитии глагольной префиксации в русском языке. Тр. Томск. ун-та, т. 153, 1960, с. 89.

дущем случае, имеется единичный пример употребления слова *воспра́виться* ‘отправиться’ в современных онежских говорах.

Теперь обратимся к рассмотрению таких групп приставочных глаголов, в которых проявляются количественно-временные значения приставки *воз-*. Первой довольно большой по объему и разнообразной по лексическому значению производящих основ является группа глаголов, в которых приставка *воз-* обозначает возникновение, начало (обычно интенсивного) действия.

Начинательное значение приставки *воз-* обнаруживается, во-первых, в глаголах звучания. Это в основном глаголы, обозначающие те или иные звуки, издаваемые животными, птицами и под. Например, *воскукова́ть* ‘закуковать’: Воскукуй, возгорюй, сера кукушица (Олон.); *воска́ркивать* и *воска́ркнуть* ‘закаркать’: Ни белый лебедь по синю морю восплывал, Ни черный ворон во темных лесах, Сам ворон воскаркивал (Терск., Соболевский); Ой, не черный-то ли ворон, да он во темных-то лесах, ой да ворон воскаркнул (Терск., Соболевский).

Начинательное значение приставки *воз-* в некоторых типах префиксальных образований проявляется неотчетливо, выступает часто в комплексе с другими значениями. Так в приставочных глаголах звучания с суффиксом *-ну* (а таких глаголов в наших материалах довольно много) возможно вычленение начинательного значения, но возможны и иные толкования приводимых текстов. Например, в словах *возры́кнуть* не только отмечается значение ‘зарычать’ но и ‘рыкнуть’: Не зверинушка из башенки возрыкнула (Киреевский, без обозначения места записи); *воскря́кнуть* ‘закрякать и крякнуть’: На море утушка купалася, На синем серая полоскалася, Полоскавшись утушка воскрякнула (песня, Ряз.); *возбря́кнуть* ‘забрякать, брякнуть’: Медна пушечка в поле возбрякнула (Оренб., Мякутин); *восплакну́ть* ‘заплакать’ (Нижегор.): Восплакнула Матрешка жалко по косе (Казан.); Сама за стол села, За столом воздохнула; Воздохнула — восплакнула (Ворон.); Как восплакнул Микитушка По своем милом дитятку (Курск.); *воскрича́ть* и *воскри́кнуть* ‘закричать, кричать’. Примеры извлечены из произведений фольклора Арх., Олон. губ. Приводятся они в Словаре Даля, но без указания территории распространения; а в глаголах *воспева́ть* и *воспе́ть* сосуществуют значения ‘запевать’, ‘распевать’ и ‘петь’. Ср.: Садилась малая птица воспевати (Каргоп. Арх., Рыбников.); Что ты, Саша, приуныла? Не слыхать твоих речей. Прежде пела, воспевала: Ровно в саде соловей (песня, Волог.); Княжеский сын.. в своей светлице воспевает (Вят., Соболевский); Воспой, воспой, соловушка, воспой молодой (песня, Ворон.). Слово известно также в говорах Ряз., Орл., Терск., Моск., Нижегор., Оренб. губ. и на Байкале.

Для некоторых приставочных образований характерно выражение в одном значении глагола начинательного значения при-

ставки *воз-*, а в другом — интенсивности его проявления. Ср.: *возгудéть,* в котором регистрируется два значения: 1) ‘загудеть’: Ох, девка, возгудело где-то (Свердл.); 2) ‘громко заговорить, закричать’: Как Наташка возгудит, так из десятка голосов ее речь (разговор) узнаешь (Волог.).

Во-вторых, начинательное значение приставка *воз-* вносит в некоторые глаголы физического действия или состояния, например, *возболéть* ‘заболеть’: Возболит мое сердечушко, возболело ретивое (песня, Шадр. Перм.); *возбушевáть* ‘забушевать’: Возбушевали буйны ветры, с терема верхи посорвали (песня, Курск.); *восшатáться* ‘зашататься’: Восшатался добрый молодец (Дорогоб. Смол.).

Надо особо показать приставочные образования, в которых ясно выражается возникновение интенсивного действия, быстрое наступление какого-либо состояния. Это значение определяется у глаголов чувства и психических переживаний, у таких, как *возмолúться* ‘взмолиться’: И выдернул саблю вострую И ладит отрубить ему буйну голову, Возмолилися князья-бояра, Русские могучие богатыри, Не сек бы Алеше буйной головы (Каргоп. Арх., Рыбников); Она первый раз как возмолилась, со церквей кресты валились (Новг.). Слово известно также в костром., перм., вят., волог. говорах; *возгнéваться* ‘начать гневаться, разгневаться’: Сказали хозяину, хозяин возгневался (Тавд. Свердл.); *возгоревáть* ‘загоревать’ (Олон.); *воссерчать* ‘рассерчать’: Воссерчал-то он на братца на крестного (Онеж., Гильфердинг).

Как видно из рассмотренного материала, приставка *воз-* в этом значении способна замещать несколько приставок литературного языка, правда, по-разному выражающих данное, начинательное, значение — это приставки *вз-*, *за-* и *раз-*. К этим словам примыкает другая группа слов, в которых приставка *воз-* выражает полноту, интенсивность действия без определенного указания на его начало. Ср.: *воспивать* ‘пить, распивать’: На столи сидят воспивают (Арх.); Перепойную чару воспивали (Смол., Добровольский); *возгýливать* ‘гулять, разгуливать’: Уж ты где, ворон, был, Где горный возгуливал (Амур.); *возныватъ* ‘ныть, изнывать’: Полно, сердце, полно ныть, вознывать (Ветл. Костром.); *воспекáть* ‘припекать, жечь (о солнце)’: С утра жалобно ведь солнце воспекало (Север., Барсов); *возыгрывать* ‘наигрывать’: Слышно: Ванюшка по улице идет. Возыгры возыгрывает (Север., Барсов); *возыгрáться* ‘разыграться’: Раздушечка — добрый коник возыгрался надо мной (песня, Дон); *воскрыситься* ‘окрыситься, разозлиться’ (Охан. Перм.); *возгорчúться* ‘огорчиться’: Возгорчится свет надежна тут головушка, Испромолвит мне единое словечушко (Север., Барсов); Тут ужахнулось ретивое сердечушко.., Возгорчилась я, победная головушка (Агренева-Славянская, место записи не указано).

Преимущественное использование приведенных глаголов фольклорных произведениях самоочевидно, на факты же потребления некоторых из них в живой речи (ср. *возгневаться, раскрыситься*) следует указать особо.

Достаточно обширна и лексически разнообразна третья группа префиксальных глаголов, в которых приставка *воз-* имеет значение завершенности, исчерпанности действия. Указанное значение можно обнаружить: а) у глаголов, выражающих чувства и психические переживания. Например, *возжале́ть* 'пожалеть': Шел бедный мужик, возжалел бедного и подал ему копеечку (Новг., Афанасьев); *возжа́литься* 'сжалиться' (Волог., Грязов. Волог. и Мещов. Калуж.); *возлю́биться* 'полюбиться, понравиться': Пришли в королевский дом; королю это возлюбилось, пожаловал он Мартышку небольшим министром (Арх., Афанасьев); *востерпе́ть* 'вытерпеть, потерпеть': Он, пожалуй, тебе не востерпит. Дух мой не востерпит (Жизд. Калуж.); *воска́яться* 'раскаяться, покаяться': Тут Марьюшка да воскаялась (Мезен. Арх., Григорьев); б) у глаголов, обозначающих разнообразные физические действия и некоторые состояния: *воскра́сить* и *воскраси́ть* 'украсить': Воскра́шена ее комната заграничными цветами и разными духами (Ставроп. Самар.); Только храмы-те и воскраси́ли (Суздал. Влад.); *восчи́стить* 'вычистить': Восчисти (рыбу), восударина, своими руками, вымоешь, пирог испеки (Енис.); *возли́ть* 'вылить, излить': Буйны ветры на нас бушуют, Велики волны на нас возольют (Царев. Казан.); *воскупа́ться* 'выкупаться, искупаться': Птица Намырь взалкалася.. в зелии, в вине воскупалася, а опившая душа, встрепыхалася (Симб., Майков); *вознюха́ть* 'понюхать': Ты вознюхай малиновый душок, Ты вознюхай час ракитовый кусток (Кем. Арх.); *возви́деть* 'увидеть, заметить': Прокатится время и не возвидишь как (Шигон. Куйб.); *возмочи́ть* 'помочить': Возмочи-тко ты сыру землю Своем горючми слезми (Молож. Яросл.); *воспоте́ть* 'вспотеть': А чай под тобой конь воспотел И испить захотел (Пенз.); Как пололи девки лен, лен да половши, Да половши воспотели (Переясл. Влад.); *возгруби́ться* 'погрубеть': У меня помутятся очи, покатятся слезы, возгрубится сердце (Арх., Марков.); в) у глаголов, выражающих отвлеченные действия. Например, *восцеле́ть* 'уцелеть, сохраниться': Эта вещь восцелела. У мене масло восцелело (Боров. Калуж.); *возгада́ть* 'погадать': От сна-то проснусь, возгадаю: Да когда-то мои резвы ноги притомятся, Да когда-то моя буйная головушка с плеч свалится (Дон, Соболевский); *воспроща́ться* 'попрощаться': С матерями воспрощались (Кольск.).

Количественно-временные значения приставки *воз-* в говорах в общем совпадают с теми же значениями приставки в современном русском языке. Но если в литературном языке приставка *воз-* в подавляющем большинстве случаев присоединяется к сло-

вам со значением отвлеченного действия, то в говорах неизмеримо шире реализуется возможность соединения указанной приставки с глаголами, имеющими конкретное значение. Именно в этом видим мы различия: они касаются характера значений производящих основ, а не значений приставки.

Вторая большая группа префиксальных глаголов, имеющих тождественные с литературным языком производящие основы, характеризуется тем, что приставка *воз-* не вносит в них новых значений, а служит лишь для подчеркивания, усиления лексических значений этих слов, т. е. приставка выполняет усилительную, а не смыслоразличительную роль. В данном случае она усиливает идею обратной направленности действия; *возверну́ться* ‘вернуться, возвратиться’: Возвернись, воротись, родимый ты мой (Терск.); Поспешаю пораньше возвернуться. Не, маманя, мы рано возвернемся (Дон.); Глядь, Иван возвернулся (Орл. Курск.); *возворо́тить* ‘воротить, возвратить’ (Ворон., Волог.); Ежлив только невеста бы отказалась от жениха, шаль не возворотют назад (Том.); *возворо́титься* ‘воротиться, возвратиться’: Мать ему говорит: — Милое ты мое дитятко!. Куда ты деньги изводишь? — Э, мать моя родимая! Не тужи об деньгах; они когда-нибудь возворотятся (Новг., Афанасьев); Все счастье с милым улетело И не возворотится назад (Корсун. Симб.); Не знай, когда возворотится. Кабы возворотиться дал бог (Барнаул.); Залоги разрабатывали, попашут года четыре, бросают, отдыхают годов десять, возворотются (Том.).

В одном ряду с данными образованиями можно рассматривать слова, которые по форме полностью совпадают с литературными, но отличаются от них своей семантикой. Сюда, например, относятся: *возбужда́ть* и *возбуди́ть* ‘будить, пробуждать ото сна’: А и некому пети, рано воспевати, Мелкую челядь рано возбуждати (Волог., Соболевский); Я сама, девка, встану, Тебе парня возбужу, Возбужу тебе поране И подале провожу (песня, Ворон.); *восстава́ть* и *восста́ть* ‘заступиться за кого-либо’: Если видел, что его били, дак ты пошто не восстал (Кирен. Иркут.); Восстал ты за него? Ни черта! Не восстал (Пинеж. Арх.); Он всегда за лодырёй восстает. Видел, да че не восстал за ребенка (Свердл.); *возгорди́ться* ‘рассердиться’: Я тебя возгордил да и сам-то возгордился на те (Глазов. Вят.); Бог возгордился на людей (Уржум. Вят.); *возраста́ть* ‘воспитывать’: Как я их возрастала (Курск.); *воспи́тывать* и *воспита́ть* ‘кормить, питать, вскармливать, выкармливать’: Напрасницы не скажу: жирно нашей сестры не воспитывают (Олон.); Ты воспитываешь меня хорошо (говорит конь своему хозяину в сказке, Пск.); Господи, приведи его (ягненка) воспитать (Костром.); Это у нас человек безродный, бедный, мы его воспитываем посуточно (Свердл.); Чем же ты их воспитывать будешь? Картошкой (Кемер.); Старого воспитывать, что малого, все дай повкуснее (Прейл.

Латв. ССР). Кроме того, слово бытует в говорах Арх., Ленингр., Перм. и Том. областей; *воспита́ться* 'кормиться, питаться': Воспитаться нечем (Волхов. Ленингр.); Земля стала воспитаться другой природой, и хлеб стал рость лучше (Демян. Новг.); *восстанови́ть* 'достроить': Она (колбасная) еще не восстановлена (Пинеж. Арх.).

Следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что приставочные образования, о которых идет речь, в отличие от всех остальных глаголов, встречающихся исключительно в фольклорных текстах, широко распространены в современных говорах и в живой разговорной речи.

Третью группу слов составляют префиксальные образования, в которых приставка *воз-* является вторичной.

Приставка *воз-*, по нашим данным, вступает в соединение с приставочными образованиями *по-* и *про-*, как и в литературном языке, но в отличие от последнего, во-первых, приставка *воз-* не имеет в них собственного значения, а способствует более сильному выявлению значений той приставки, к которой она присоединяется. Таким образом, функция приставки *воз-* сводится к усилению значений первичной приставки. Во-вторых, подобные образования в литературном языке являются лишь единичными (ср.: *воспоследовать, воспроизводить*), в то время как в диалектах они представлены значительным числом, что легко проиллюстрировать конкретными примерами. Рассмотрим глаголы с приставками *вос-* + *по-*, где приставка *по-* имеет разные значения: 1) охват действием всех или многих субъектов (или объектов). Это значение проявляется в глаголах физического действия: *восполе́чь* 'полечь (о многих)': Мы пива напьемся — вси восполяжем (Тихв. Новг.); *воспосе́сть* 'сесть (о многих)': Мы пива напьемся — вси воспосядем (Тихв. Новг.); *воспоруби́ть* 'порубить (о многих)': Зговорит Василий таково слово: Вся сила ведь воспорублена, Славны богатыри привыбити (Онеж., Гильфердинг). 2) Совершение действия в течении некоторого времени или повторяемость действия: *воспоне́житься* 'понежиться': Я у батюшки, у матушки едина дочь была, У родимого у братца воспонежилась (Терск., Соболевский); *восполе́тывать* 'полетывать': Ну, а где ты, ворон, был, Где восполетывал? (песня, Пск., Крив. Том.). 3) Законченность действия. Это значение реализуется в глаголах физического действия: *воспоро́дить* и *воспороди́ть* 'породить, создать': Еще чье ж это чадо милое? Хорошо больно воспорожено; Не заря ль его воспородила, Не красно ли солнце возлелеяло? Воспоро́дила родимая матушка (Царскосел. Петерб.); Ты скажи, сирота, кто тебя воспородил? Воспородила меня, сироту, родна матушка (Сарат., Соболевский); Не одна мать нас с тобой воспоро́дила (Оренб.). Известно также и в пермских говорах: Мать сына воспородила, ... Белою грудью мать сына воскормила (Терек.). Имеются записи из псковских говоров:

Кто ж вас, горы, воспородил? (песня, Крив. Том.); *воспоки́нуть* ‘покинуть’: Воспокинула крестову свою матушку; Удалилась моя белая лебедушка (Север., Барсов); Куда денутся милы детонькы Воспокинуть их нету силушки (Север.); Меня миленький воспокинул, бросил, позабыл (Ковр. Влад., Соболевский). Известно также в глаголах психического действия или состояния: *воспоте́шить* ‘потешить’: А играй игру в гуселка во яровчаты Воспотешь-ка самого князя Владимира (Онеж., Гильфердинг); Как споют они молодцу песенку — Воспотешат унылу головушку (Север.); Ты воспой, веселый соловей, Воспотешь ты при кручине молодца (Клин. Моск.); *воспока́яться* ‘покаяться’: Ты гуляй, гуляй, добрый молодец. До тех пор гуляй, пока хочется. Нагуляешься — воспокаешься (Соболевский, без указания места записи слова); Оне год живут и другой живут, А на третий год воспокаялись; Хорошо жить за солдатами (Нижегор.); Провожала милого я до реченьки, отдала с руки колеченько; Отдала я — воспокаялася, за свое я в ноги кланялася (Твер.); И попрошу да я попа, отца духовного, И воспокаюся служителю церковному (Север.).

Сфера употребления слов с двойными приставками за редким исключением ограничивается произведениями фольклора, где в полной мере раскрывается их стилистическая выразительность.

Аналогична роль приставки *вос-* в образованиях с первичной приставкой *про-*, обозначающей в наших примерах законченность действия, которое выявляется в глаголах *воспрогво́рить* и *воспромо́лвить* ‘проговорить, сказать’, и *воспрове́щить* ‘предсказать что-либо; проговорить, сказать’: Пала голова тут на сыру землю. Сама она ему тут воспровещила (Онеж., Гильфердинг).

Данные глаголы чаще всего выступают в обычных для фольклора устойчивых оборотах: *воспроговорить, воспромолвить слово, речь*. Например: Воспроговорят калики таковы слова: Что чувствуешь в себе, Илья? (Петрозав. Олон., Рыбников); Да ты здей со мной доброе здоровьицо, Воспроговори единое словечушко (Север., Барсов); Воспромолви хоть единое словечушко, Словцо тайное — непроносное (Север., Барсов); Воспромолвят мужики тут таково слово: А не званому ведь гостю зде места нет (Онеж., Гильфердинг); Воспромолвил же я да ныне такую речь: Уж я много, Скопин, по землям бывал (Печор., Ончуков); Воспромолвил, моя милая, ласково словечко! (Перм., Соболевский). Приведем еще несколько примеров: *воспроводи́ть* ‘проводить’: Не угодно ль, красавица, Я тебя воспровожу (Олон.); *воспросви́стывать* ‘издавать свист, свистеть’: А ясен сокол, как воспросвистывает (Онеж., Гильфердинг); *воспрогне́ваться* ‘прогневаться’: Ты скажи-тко, батюшка, что гневно воспрогневался (Вельск. Волог.); *воспроку́риться* ‘вызвать опьянение, ударить в голову (о вине, пиве)’: Вино-пиво теперь воспрокурилося

Пудож. Олон., Рыбников); Что это нынь чудо счудилосе, Винодиво да воспроку́рилосе (Онеж., Гильфердинг).

Приведенные факты показательны и говорят о том, что образование широких рядов двойных приставочных сцеплений происходит в говорах свободнее, чем в литературном языке.

Существует также группа приставочных образований, которая по характеру производящих основ занимает как бы промежуточное положение между двумя типами диалектных глаголов с приставкой *воз-*: глаголами, имеющими общие с литературным языком основы, описанные ранее, и глаголами с основами собственно диалектными, состав которых предстоит определить и показать. Речь идет о глаголах, в основах которых в общем-то одинаковых с литературным языком, имеются известные фонетические и морфологические различия. У слов указанного вида проявляются и пространственные и количественно-временные значения приставки, уже рассмотренные выше.

1) Приставка *воз-* обозначает действие, направленное вверх. Это значение приставки обнаруживается в словах, выражающих конкретные физические действия, например: *воздымливать* 'поднимать': За волосы он Чурилушку захватыват Да с воды с коня воздымливат (Онеж., Гильфердинг); *воздынуть* 'поднять' (Примор. Арх.), а также в словах с отвлеченным значением: например, *возноша́ть—возносить, восхвалять*: Мы тебя, Татьянушка, величаем, Мы тебя, Ивановна, возношаем (Сольвыч. Волог.); *возвы́шить* и *возвыши́ть* 'повысить': Землю ценой возвышили (Новг. Новг.); *возвыши́ть* (Мосал. Калуж.) и *возду́нуться* 'подняться (о цене)': Цена воздунулась на базаре (Осин. Перм.).

2) Приставка *воз-* указывает на то, что действие происходит вновь и присоединяется к основам с тем же значением: например, *возно́вить* и *возновить* 'возобновить': Возно́вить знакомство (Кашир. Твер.); Возновить госьбу нать (Пинеж. Арх., Калым. Якут.); *возновли́ть* 'обновить': Нечем возновлить-то церкви-то (Коптел., Невьян. Свердл.); *возновля́ться* 'возобновляться': Три лица законных мужьев кончались, через четвертое лицо жена возновля́лась (Ставроп. Самар., Садовников); *возновиться* 'возобновиться': С того-то Чукочья деревня возновиться не могот, стоит пуста (Колым. Якут.).

3) Приставка *воз-* имеет начинательное значение. Обозначение начала действия совмещается с интенсивностью его проявления. Это значение реализуется в глаголах, выражающих чувства и психические переживания, например, *возгодова́ть* 'вознегодовать' (Онеж.); *вознави́деть* 'возненавидеть': Его маменька родная.. Заимела грех великой, Вознавидела княгиню (Сов. Фольклор, 1935); *возлюбля́ть* 'любить, полюбить': Слышу-вижу, миленький, вздыхаешь, Иную возлюбляешь (Новг., Соболевский); Кого ты нас, батюшка царь, лучше возлюбляешь? Ну, кто сделает мне лучшую вещь, того лучше любить буду (Ставроп., Са-

мар., Садовников); Цветы алые цветочки Стали опадати. Любы меня сердечный друг, Он стал спокинати, Иную стал возлюблять (Ворон.); *возра́даться* ‘возрадоваться’: Красные девушки возрадалися (Клин. Моск.), а также в глаголах, обозначающих различные звуковые явления, например, *воску́ркать* ‘закаркать’: Не черен-то ворон В чистом поле воскуркал, Стенька Разин слово молвил (Енис. Енис.); Два черные ворона воскуркало (Арх.); *восклюка́ть* ‘покликать, звать’: Девки весну восклюка́ли (Смол., Добровольский). В глаголах, выражающих конкретные физические действия, например *восколы́баться* ‘заколебаться, закачаться’: Восколыблется море, разволнуется (Беломор., Марков): На ново крыльцо заходит — крыльцо зыблется, Крыльцо зыблется да восколыблется (песня, Перм.); *востре́пе́хнуться* и *востре́титься* ‘встрепенуться’: Соловей-то востре́пе́хнулся, Красные девушки возрадалися (Клин. Моск.); Востре́петишься, Илья, да на сырой земле (Арх., Григорьев).

Особое место занимают диалектные приставочные глаголы на *-ся*. Они отличаются тем, что значение начала действия совмещено в них с выражением его силы, напряженности. Это значение характерно для глаголов, обозначающих движение и другие физические действия, например, *возлета́ться* ‘начать сильно летать’ и *возыска́ться* ‘начать усиленно искать’: По чисту полю они возлеталися, Черну галыньку они возыскалися (Егор. Ряз.); для глаголов звучания, например, *воскрича́ться* ‘начать сильно кричать’: Галки все они возгаркались, Оны воскричалися (Егор. Ряз.); *восплака́ться* ‘начать сильно плакать’ и *возрыда́ться* ‘сильно зарыдать’: Ай, восплачется Иванушко Иванович (Онеж., Гильфердинг); Ты восплачься, Ольгушка, Перед своим батюшком (Тул.); Как восплакалась сиза голубочка, Возрыдалася сизокрылая (Терск., Соболевский); Она плакала, как река лилась, слезы катятся, как ручьи текут, Возрыдалася, что погоды бьют (Сарат., Соболевский); *восскрипе́ться* ‘сильно заскрипеть’: Усшумелись, усбушевались в саду яблонки, А восскрипелись сосновые дверп (Дмитр. Орл., Добровольский). Это значение проявляется также в глаголах, выражающих аффектное состояние человека, например, *воскипе́ться* ‘вскипеть, вспылить’: А как тут она да воскипелася, Обвернулася она да лебедью белою (Онеж., Гильфердинг); *вознегодова́ться* ‘вознегодовать, рассердиться’: Вознегодовался теперь рендатель, не отдает землю, а барыня на границию уехала (Мещов. Калуж.); *воспыла́ться* ‘вспылить, разгневаться’: И воспылался королевское величество на удалого дородня добра молодца (Петрозав. Олон., Рыбников); *возгорева́ться* и *востужи́ться* ‘загоревать, опечалиться’: Востужится — возгорюется Натальюшка. О свет мои сени новые (песня, Дмитр. Орл.).

Таким образом, приставка *воз-*, соединяясь с основами на *-ся*, имеет значение, подобное значению приставки *вз-* и основ на *-ся* в диалектных глаголах, очень распространенных в тульском го-

ере. Это своеобразное явление диалектного словообразования писано Ф. П. Филиным.[4]

4) Приставка *воз-* выражает исчерпанность действия. Это значение она сообщает глаголам, обозначающим воздействие на состояние лица, например, *возлечáть* 'вылечивать': Говорят у молодых-то скорее срастывается и полом (ноги, руки), а тут на даче у нас мальчик разломал руку, дак отец сам фершал, и дохтур, людей возлечают, а тут не могли, на осколки видно разломилась кость-та (Хвойнин. Волог.); *возблюдúть* 'вырастить, воспитать': Семь человек (детей) я возблюдил (Моск., Ворон.); *возненя́нчить* 'вынянчить': Что крестили его священички, Принимали да князья-бояра, Возненянчили нянки-мамушки (Перм.); это значение имеют также глаголы, обозначающие конкретные физические действия, например, *возгнуздáть* 'взнуздать': Под ельничком, под ельничком, Под частым березничком. Там ходил табун коней, Шелком перепутаный, Серебром возгнузданный, Свет Натальюшка выхаживала, Да таки речи сговаривала: — Уж чьи же эти кони Шелком перепутаны, Серебром возгнузданы (песня) (Ряз.); *воздóхнуться* 'вздохнуть': Он плывет, плывет — воздохнется, На воде-то мужу тонется (Олон.). Сюда относятся и такие глаголы, как *воспроси́ться* 'спросить, попросить': Зашел, зашел, заехал я, зашел воспроситься: — Ты позволь, моя разлюбезная, позволь мне жениться (Орл., Соболевский); *возвели́чить*, сов. вид от глагола *возвеличáть* 'величать': Как вас назвать по имячку и возвеличить по изотчине (Петрозав. Олон.). Известно и в говорах Владимирской губ.

Особый интерес представляют глаголы с приставкой *воз-*, производящие основы которых являются исключительно диалектными и вовсе не известны литературному языку. То, что приставка *воз-* может соединяться с основами, имеющими локальный характер, явится немаловажным фактом для последующего выявления процессов, определивших развитие слов с приставкой *воз-*, их осмысления и оценки. Однако надо сказать, что данных такого рода еще мало, они только подбираются и требуют дальнейшей проверки, поэтому дается лишь предварительная характеристика слов данной категории.

Из рассматриваемого материала вытекает, что приставка *воз-* здесь имеет как пространственные, так и качественно-временные значения.

1) Так, значение направленности действия вверх приставка *воз-* вносит в следующие глаголы: *воздедю́ривать* и *воздедю́рить* 'взгромождать, высоко накладывать что-либо': Не воздедюривай воз-то, а то может свалиться; Стог сена воздедюрили, он и поко-

[4] Ф. П. Филин. Об одной особенности диалектного словообразования. Уч. зап. ЛГПИ, т. XV, 1956, сс. 183—188.

сился (Пенз.); *возры́нуть* ‘воспрянуть, выправиться’: После дождя все в полях-то возрынуло (Черепов. Новг.).

2) Приставка *воз-* обозначает начало обычно интенсивно проявляемого действия. Это значение выражается в глаголах звучания, что видно, из следующих примеров: *возгра́ивать* ‘закаркать’: Как садился ти вороны на сыро дубье, Кабы первый ворон тут возграивал (Печор.); *возжуплять* ‘запеть (о соловьях)’: Как орел да быд-то в саде воспевает, Как соловьюшко в зеленом возжупляет (Север., Барсов); Соловушко в садике жупит возжупляет. Меня молодешеньку Горе разбирает (песня, Олон.); По сараям петухи да воспевают, А по гнездышкам соловьи возжупляют. (Твер., Агренева-Славянская); *возги́кать* ‘закричать (о птицах)’: Седучи птичка возгикала, Серым утицам Подала голос (Белозер. Новг.); *воски́кать*, *воскы́кать* *восхи́кать*, — все они имеют значение ‘закричать (о лебеде)’: И соловьем твое (житье) просвистело. Белой лебедью воскикало (песня, Мезен. Арх.); Не беда-то лебедь.. воскыкала — возрыдала (Симб.); На море лебедушка купалася, На синем море лебедь белая умывалася, Купавши, умывши, восхикала (песня, Вят.); *возга́йкать*, известное в Калужских говорах и *возга́кати* имеют значение ‘закричать громко, сильно’: Вы позвольте-тко, желанные родители, попустить да свой зычен голос Белой лебеди возгакати (Петрозав. Олон., Рыбников).

Как можно заключить из приведенного здесь иллюстративного материала, область применения данных слов ограничивается фольклорными произведениями. От перечисленных выше отличается характером использования *возголомени́ться* ‘помереща́ться’: Воснях, чтоли, возголоменилось тебе? (Сиб., Даль).

3) Приставка *воз-* выражает исчерпанность действия. Это ее значение определяется в словах, обозначающих отвлеченное действие или психическое состояние. Например, *восчу́нуться* ‘раскаяться, исправиться’ (Макар. Нижегор., Даль); *возъяви́ть* 1) ‘обвинить, оклеветать’: Ну ка он каку возъявил махину — будто я вор! (Судог. Влад.); 2) ‘рассказать о чем-либо, признаться в чем-либо’: С милым речи говорила, Всю я тайность возьявила, С кем прежде водилася, Жила не бранилася; а также в словах, выражающих конкретные физические действия: *воспопа́шиться* ‘отдышаться’ (Кашин. Твер., Смирнов).

В данной группе диалектных образований приставка *воз-* еще отчетливо проявляет свои значения. Однако при соединении с основами, обозначающими не только действие, но и характер его протекания, приставка *воз-* начинает утрачивать свое значение. Это стирание ее конкретного значения наблюдается в глаголах, во-первых, выражающих силу, напряженность действия. В данном случае значение, свойственное приставке, совпадает с общим значением основы и приставка уже не может придать основе

инципиально нового содержания. Например, *восстаны́кивать*, *восстаны́ковать* имеет значение: 1) ‘плакать с криком, стоном’: й да парень у тебя восстаны́ковает (Петрозав. Олон.) и 2) ‘петь обычно громко)’: Дашка рожь жне и восстаныкивает (Петрозав. лон.); *возю́машивать*, *возюма́шивать*, *возю́машить* и *возюма́ить* ‘усиленно просить, умолять о чем-либо’ (Ветл. Костром.). есприставочный глагол *юмашить* в том же говоре значит ‘мониться’. Здесь наблюдается расширение значения слова в его риставочной форме. *Возглыба́ться* ‘внимательно, пристально мотреть, рассматривать’: Царевна не столько, как говорится, кулает, насколько возглыбается на сущего этого московского упца (Пск.) и *восширя́ться* ‘ехидно улыбаться, смеяться’ Свердл.).

Иногда действие, выражаемое основой, носит слишком общий характер и совмещает в себе несколько конкретных его проявлений. Например, *возгунде́ривать* ‘плясать, петь, играть, веселиться’: Как возгундеривают в той избе (Ветл. Костром.); *воскова́ркивать* ‘петь, плясать, веселиться’: Важно воскова́ркивают. Вот так воскова́ркивают, видно напились - здорово (Ветл. Костром.).

У некоторых глаголов в разных значениях проявляется не одно значение приставки, а несколько, и тогда они неясно вычленяются и отграничиваются. Ср.: *возгуда́ть* 1) ‘гудеть’ (Свердл., 1964), 2) ‘заиграть; играть на каком-либо музыкальном инструменте’: Некому в гусли играти, возгудати (песня); Гусли звончаты возгудали (песня, без указания места бытования); Эх, возгудай-ко, моя возгудалочка (Ветл. Костром.), 3) ‘запеть; петь (обычно громко, нестройно)’: Работник у нас развеселой, пашет ли, гребет ли, лошадей ли пойдет поить, все песни возгудат; Наш Сидор зачнет как возгудать церковные стихи, да куды ты! Стекла дрожат, поет не хуже нашего дьячка; Фу, как ты возгудашь! Да только пенье твое что-то не баско выходит (Перм.); Сынок возгудает, как голубок. Опять возгудать принял. (Свердл.); Ну-ка возгудайте, девки, ему (Амур.). Известно еще в вологодских говорах, 4) ‘громко заговорить, закричать; громко говорить, кричать’ (Волог.), 5) ‘заплакать, запричитать; плакать’ (Волог., Свердл.), 6) ‘лаять с подвыванием’: Собака возгудать (Калуж.). В подобных словах значения приставки то не проявляются вовсе, то выступают нерасчлененно.

Таким образом, глаголы с приставкой *воз-* в говорах распадаются в сущности на две большие группы. Первую более обширную группу составляют образования, которые имеют общую с литературным языком производящую основу, во вторую входят глаголы, основа которых является диалектной. Как бы промежуточное положение занимают глаголы, в основах которых, в общем-то одинаковых с литературным языком, имеют место известные фонетико-морфологические различия. Внутри каждой из этих

групп выделяются семантически различные подгруппы глаголов на основе значений приставки *воз-*.

При изложении материала мы стремились показать, что одни слова употребляются в былинах, песнях, сказках и других фольклорных произведениях, другие же шире представлены в живой разговорной речи и до сих пор остаются в активном употреблении. Другие вопросы, вытекающие из употребления глаголов с приставкой *воз-* в речи, в данной работе не рассматривались. Неоспоримо то, что проблема употребления слов с приставкой *воз-* в говорах представляет большой и несомненный интерес, но именно в силу этого она требует специального углубленного изучения.

Л. И. ЦАРЕВА

Слова с приставкой *па-* в русских народных говорах

Предметом нашего исследования являются слова с приставкой *па-* в русских народных говорах. Статья построена на материалах картотек: «Словаря русских народных говоров», «Словаря современного русского литературного языка» и «Псковского областного словаря».[1] В работе также использованы материалы: областных словарей,[2] словарей русского литературного языка, этимологических и исторических. (Список использованных словарей см. в конце статьи).

Использованы показания памятников письменности, извлеченные из «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского.

Для сравнения привлекались данные родственных славянских языков. Изучение слов с приставкой *па-*, как и слов с некоторыми другими малоизученными приставками (например, *паз-*, *пра-*, *су-*), расширяет наши знания в области диалектного словообразования, интерес к которому в последнее время очень возрос.

В русском литературном языке слов с приставкой *па-* сравнительно немного. Если исключить устаревшие, специальные и грубопросторечные слова, то мы найдем в нем лишь 23 слова с этой приставкой: *па́водок, па́голенки, па́губа, па́губный, па́дчерица, па́кость, па́костить, па́костливый, па́костник, па́костница, па́костничать, па́костный, па́луба, па́лубный, па́мять, па́мятный, па́сека, па́сечник, па́сечный, па́смурный, па́сынок, паску́да, па́тока, пау́к.*

[1] Словарь современного русского литературного языка, т. IX. М.—Л., 1959. Псковский областной словарь с историческими данными, вып. 1. Л., 1967 (далее ПОС).

[2] Список областных словарей, материалы которых использованы в работе см.: Словарь русских народных говоров, вып. 1. Составил Ф. П. Филин, М.—Л., 1965 сс. 21—160.

По свидетельству словарей в современных западнославянских и южнославянских языках слов с приставкой *па-* не очень много[3].

В русских народных говорах состав слов с *па-* более многочислен и разнообразен. Нами отмечено 312 слов с этой приставкой. Многие из них известны одновременно нескольким говорам: *пáбедки*, *пáбережье*, *пáводок*, *пáводь*, *пáводье*, *пáвозок* и *пáузок*, *пáволна*, *пáдворок*, *пáобед*, *пáозерье*, *пáсевки*, *пáужина*, *пáщенок*; другие слова имели широкое распространение в древнерусском языке и сохранились в активном запасе говорящих на современных русских диалектах, являясь устаревшими в современном русском литературном языке или совсем в нем не употреблялись. Так слова: *пáбирок* 'виноград, оставшийся на лозе после сбора; остаток'; *пáвечерие*, *пáвечерница* 1) 'время, близкое к вечеру', 2) 'молодежная вечеринка', *пáволок* 'заливной, поемный луг, участок земли'; *пáдорога* 'распутица', *пáжить* 'пастбище, луг, где пасется скот' (заметим, что в XIX в. слово это не было областным);[4] *пáозерие* 'местность по берегу озера'; *пáперсть* 'ремень или тесьма в конском уборе на нижней части конской груди' – широко употребляются в русских народных говорах, что подтверждается областными словарями и материалами картотек «Словаря русских народных говоров» и ПОС.

Слова с приставкой *па-* привлекали к себе внимание лингвистов прежде всего потому, что эта приставка как словообразовательный элемент «была известна всем славянским языкам уже на очень древней ступени их существования». Об этом свидетельствует сравнительно большое (более 200) общее количество слов с приставкой *па-* в различных славянских языках, общность значений самой приставки *па-*, несмотря на часто различный состав слов с *па-* по отдельным славянским языкам, наличие ряда слов, известных большинству славянских языков (*память*, *пасека*, *пачесы*, *пакость*, *палуба* и др.).[5]

---

[3]) В современном болгарском литературном языке только 12 слов с этой приставкой: *пáберки*, *пáгуба*, *пáкост*, *пáкостен*, *пáкостник*, *пáлуба*, *пáмет*, *пáстрок*, *пáстроче*, *пащерица*, *пáщерка*, *пáяк*. Несколько больше слов с приставкой *па-* в современном чешском литературном языке: pabérky, pablesk, pačesy, paděra, padouch, pahorek, pacholek, pachole, pakůn, palisť, palouk, paluba, paměť. pamesek, paroh, paseka, paskuda, pastorče, pastorok, pastorka, patisk, patoky, pavlač, pavlaka, pavouk, pavousy, pazvuk (28). Сербохорватские слова с приставкой *па-*: *пàбирак*, *пàвечера*, *пàветина*, *пàвлака*, *пàкосан*, *пàкоснйк*, *пàкостан*, *пàкостити*, *пàлуба*, *пàмёт*, *пàмтити*, *пàметāр*, *пàмрāк*, *пàсторак*, *пàсторка*, *пàсўнце*, *пàтока*, *пàужина*, *пàук* (19). В современном польском языке активно употребляется 20 слов с приставкой *па-*: pachalotka, pacholę, pacholek, pacholik, pasześ, pagórek, pajak, pakość. pamięć, pamiętnik, pamiętny, pasieka, pasiecznik, pasierb, pasierbica, pasmurny, paskuda, paskudny, pasynek, patoka.

[4] См.: Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный, ч. IV. СПб., 1882, с. 766.

[5] Р. М. Цейтлин. К вопросу о значениях прииенной приставки *па-* в славянских языках. Уч. зап. ин-та славяноведения АН СССР, т. IX. М., 1954, с. 219.

Сравнение слов с приставкой *па-* в восточнославянских языках и их говорах со словами, имеющими ту же приставку *па-* в западнославянских и южнославянских языках, позволяет говорить о том, что основные значения приставки *па-* определились уже в общеславянскую эпоху. В дальнейшем, в период обособленного существования славянских языков многие значения приставки *па-* сохранились в них, а в ряде случаев развились и конкретизировались.

Сопоставление материала славянских и балтийских языков, безусловно, свидетельствует об общности основных значений приставки *па-* в этих языках. Так как сопоставление этих языков не входило в нашу задачу, приведем здесь лишь некоторые данные из работы И. Эндзелина «Латышские предлоги». Интересно, что автор сопоставляет латышское *ра-* с русским предлогом *под,* а не с *па-* и говорит о значении этого предлога следующее: «Значение под префикс *ра-*, вероятно, имел первоначально также и в тех сложных формах, которые означают что-либо только похожее на именное понятие, выражаемое несложною формою, суррогат его (ср. русск. подхлёбье 'суррогат хлеба, подкорм, подсвинок'; верхнелуж. podmalena „verkümmerter Brombeerstrauch" Miklosich Vrgl. Gr. IV, 231): padēlis (лит. pósūnis, пр. passons) 'пасынок'; padmeita (лит. pódūkra, пр. producre) 'падчерица'; pamāte (лит. pamoté, пр. pomatre) 'мачеха'; patēvis (лит. patẽvis, пр. potowelis) 'отчим'; pamāsa 'сводная сестра'; paburvis LP. VII, I, 657 (burvis „ворожей") 'человек, кое-как умеющий ворожить' pazaglite Bt. 1668 (zagle 'воровка') 'женщина, выказывающая некоторую склонность к воровству'... Если несложная форма означает понятие времени, то сложенная с *ра-* форма означает время непосредственно предшествующее: pavasaris (лит. pavāsaris 'весна' собственно: подлетье); pavakare (лит. pavakaré) LP. VII, I, 137 'подвечерье'; loc, parudzē (Ulmann «zur Zeit, da die Roggenernte nahe ist)».[6]

Ученые не раз обращались к исследованию семантики приименной приставки *па-,* но главное их внимание было направлено на изучение этого префикса в литературных славянских языках.

Специального исследования значений слов с приставкой *па-* в русских народных говорах пока нет, хотя диалектный материал иногда привлекается при изучении значений *па-*.[7]

В словарях мы встречаем попытки группировать слова с приставкой *па-* по их значениям, в этимологических словарях высказываются суждения о происхождении значений приставки *па-*.

И. И. Срезневский делает следующие замечания о приставке *па-*: «Па- предлог, употребляющийся только в сложных словах,

[6] И. Эндзелин. Латышские предлоги, ч. 1. Юрьев, 1905, §§ 53—55, с. 149.

[7] Р. М. Цейтлин. К вопросу о значениях приименной приставки *па-* в славянских языках, сс. 205—224.

частью сходный по значению с по-, частью же обозначающий 1) близость по месту — подле, -по-, напр. паозерье — местность на берегу озера; 2) близость по времени *около,* например паве-черие — время близкое в вечеру; 3) близость по значению, не-полное тождество, например пасынокъ — неродной сын; 4) от-рицание главных свойств, например падорога — распутица, паби-рокъ — то, что негодно для сбора».[8] В Материалах для словаря древнерусского языка приведено 68 слов с приставкой *па-*.

Значения слов с *па-* в диалектах более разнообразны, чем в литературном языке. Некоторые слова в говорах имеют более широкий или более узкий круг значений, чем в литературном языке. Так, например, слово *па́водок* в литературном языке упо-требляется со значением ‘большое скопление воды в реке, ручье и т. п. от таяния снега и льда или от ливней’.[9] В отдельных гово-рах ему соответствуют слова: *па́водье*, *па́водь*, *па́водка* (Новг., Псков., Твер.) и *па́удок* (Волог.). Значение этого слова в боль-шинстве говоров то же, что и в литературном языке, но имеются и некоторые отличия.

Так, Васьянов в 1840 г., говоря об особенностях наречий Кур-ской, Орловской, Тульской и Калужской губерний, пишет: «Заме-чательны слова, составленные с частицею па- (имеющие значение вроде чего): паводок — сильное разлитие рек, но не настоящая полая вода».

У Даля слово *па́водок* толкуется как «внезапное наводнение от ливня, небольшой проходящий поток от дождей, не в половодье». Это значение подтверждается примерами: «Барская гроза, что па-водок (скоро сбегает). Паводком за море не сплывешь. Павод-ками река не стоит».[10] В Ашевском районе Псковской области *па́водком* называется период времени с проливными дождями. ненастье. Собиратель записал в 1962 г. такую фразу: «Ну бы-вали раньшы па́ватки, да нь такиіи».[11] *Па́водки*: ‘определение стельности коровы’: Перед паследам атпускают па́ватки, видят. што скора ателицца (Ордын. Новосиб., 1966). *Па́водки*: ‘водяные потоки от оттепели среди зимы’ (Курск.).

Лингвисты обратили внимание и на то обстоятельство, что приставка *па-* всегда перетягивает на себя ударение. Исключения из этого правила очень незначительны. Определяя значение этой приставки, Даль пишет: «Па- предлог слитный, образовавшийся из по-; выражает под-, недо-, последствие или унижение, низшую степень и всегда берет на себя ударение, например: па́бедить,

---

[8] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1895, с. 853.

[9] Словарь современного русского литературного языка. М.—Л., 1959, т. IX, столб. 9.

[10] В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, часть 3. М., 1865, с. 1.

[11] Материалы картотеки ПОС.

одок, па́губа; па́щенок, па́чеси, па́дчерица, па́сынок». Говоря распространенности этой приставки, он замечает: «Вообще редлог этот больше любят на севере, Арх., Ол., хотя там говор жий, на о».[12]

Г. И. Куликовский замечает: «Предлог этот в сложных словах начает, что действие или состояние, упоминаемое во второй их сти, не развилось в должной степени, неполно, предшествует вестному акту, означает низкую его степень. Ударение в таких вах всегда стоит на частице па-, например: па́витье, па́ужина, морок, па́чесы и т. д.».[13]

В Вологодской губернии (по свидетельству Баженова) *па́возком* называется: 1) 'маленький возок сена или соломы — средней величины воза', 2) 'паром' (Никол. Волог.).

В северных и восточных областях России: в Архангельской Олонецкой, Вологодской губ. на Печоре, на Камчатке и в Сибири *па́возок* 'лодка, обычно с парусом, для перевозки груза по мелководью'. Собиратель Протопопов указывает, что в Яренском у. Вологодской губ. уже в 1847 г. слово *па́возок* было устарелым. В Иркутской области (по свидетельству Бобрякова) *па́возки* 'небольшие суда, представляющие собою пловучий магазин': Па́уски приплывут красивы, стаят цельну ниделю (Ирк., 1960).

В современных псковских говорах (по свидетельству картотеки ПОС) слово *па́возок, па́возка* известно в двух значениях: 'небольшой воз чего-нибудь и средство передвижения по мелководью'. *Па́возка*: Па́возок было в волю в калхози. А теперь не́шта ни так называ́ющца па́васки? (Новорж. Пск., 1961).

В отличие от литературного языка, где приставка *па-* в основном приименная, в говорах от имен с приставлой *па-* широко образуются глаголы и причастия, прилагательные и наречия, например: *па́вечерничать*; *па́возить товар* и *па́узить* 'перевозить груз по мелководью, по перекатам на мелких судах, перегружать кладь временно с больших судов на малые, нагружая их снова за мелями': На Телячьем броду, знать, придется нам па́возиться, па́узиться (Даль). *Па́узиться* 'перегружаться': Лодки па́узятся у пристани (Черепов. Новг.). В вятских говорах глагол *па́возить* известен в значении 'часто к кому ходить' (Вят., Оп., 1852). Глагол употребляется и безлично: Эдак его нелёгкая то па́возит, говорится о людях, которые наскучают каким-нибудь стуком, неловкостью, неосторожностью. Когда кто разобьет какую-нибудь вещь, говорят: эк его па́возит.[14] Материал, имеющийся в нашем

[12] В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, ч. 3, с. 1.

[13] Г. И. Куликовский. Словарь областного Олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885—1898, с. 76.

[14] Дополнения к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858, с. 171.

распоряжении, позволяет выделить несколько групп значений приставки *па-* в областных словах с этой приставкой.

Первую, самую большую группу составляют слова со значением ‘небольшой по размеру, количеству, степени проявления качества или действия’. Сюда входят слова: *Па́беда* (и *па́бида*) ‘досада, огорчение, небольшая беда, неприятность’ (Пск., Твер.); *Па́бедки* ‘небольшие беды или неудачи как последствие большей беды’: Не так беды, как па́бедки одолевают. Лиха беда беде придти, а па́бедки с ног собьют (Пословицы Даля.) В Олонецких говорах, по свидетельству Г. И. Куликовского и Е. В. Барсова, слово *па́беда* обозначает беду вообще. В онежских говорах, по свидетельству Калинина, *па́бедой* зовут беднягу, бедняжку (с оттенком сочувствия). *Па́белка* ‘небольшая работа по белению стен у дома, побелка’ (Пск., Твер., Даль). *Па́ветвь* ‘вторые (боковые) ветви, второе разделение ветвей’: Много на дубу ветвей, па́ветвей (Пск., Твер., Даль). *Па́ветье* (и *па́витье*) ‘маленькие, молодые, не развившиеся вполне ветки; самые молодые ветки дерева, зеленые побеги’ (Южн.-Сиб., Гуляев, 1847, Ирк., Пошех. Яросл., Олон.). *Па́вечерня, па́вечерница* ‘краткая вечерня, малое повечерие’ (Даль, без указ. места). В говорах слово *па́вечерница* употребляется и в другом значении: ‘небольшая вечеринка, вечернее собрание молодежи увеселительного характера’ (Валд., Новг., 1964). *Па́горок* ‘пригорок, небольшой холм’ (Сев., Даль). Слово pahorek с тем же значением употребительно в современном чешском литературном языке. *Па́гроза* и *па́грозка* ‘небольшая гроза, грозка’ (Сев., Даль). *Па́гужки* ‘небольшие веревки с петлями, которые привязывают к оглоблям и к гужам, когда пашут’ (Тотем., Ярен, Волог., Арх., Олон.). *Па́дворок* ‘небольшой открытый хлев, устроенный внутри большого двора для мелкого скота — овец, коз’ (Липец. Ворон.).

Значение этого слова варьируется по говорам. Так в Орловской губ., по свидетельству собирателя Горожанского, *па́дворок* ‘двор, стоящий отдельно от жилья’. Д. К. Зеленин в записях из Воронежской обл. называет *па́дворком* только часть двора, где находится скот и птица. Собиратель Поликарпов в Нижнедевицком у. Воронежской губ. отмечает значение ‘задний маленький двор’. *Па́дым* и *па́дымок* ‘дымок, дым по ветру от дальных пожаров; мгла, морок’ (Даль, без указ. места). *Па́жилки* ‘разветвление жил, маленькие жилки’: Боль прекратится, кровь-руда остановится из всех жил и па́жилок (заговор) (Липец. Ворон.). *Па́звонок* ‘маленький колокольчик’ (Липец. Ворон.). *Па́звук* ‘призвук’. Отмечено Я. К. Гротом в «Материалах для русского словаря».[15]

Па́зыбь и *по́зыбь* ‘зыбь, невысокие волны без ветра после бури’ (Даль, без указ. места). *Па́зьмо* 1) ‘небольшой участок па-

[15] Я. К. Грот. Филологические разыскания. СПб., 1876, с. 445.

ротной земли' (Симб., Пенз., Пск., Даль); 2) 'усадьба, земля под домом, двором' (Казан., Доп. к Опыту областного великорусского словаря, 1858). *Па́ива* 'маленькая корзинка из дерева (ивы)' (Материалы для словаря русского языка Н. В. Гоголя).[16] *Па́клевка* 'потасовка'. Вероятно, небольшая потасовка, драка. Ср. глагол *клевшить* 'хлопать, ударять ладонью' (Пск., Даль). *Па́кленки* и *па́коленки* 'короткие бревна, идущие на простенки между окнами' (Арх., Даль, Подвысоцкий). *Па́клин, па́клинья, па́клинки* 'небольшие или дополнительные клинья, клинышки': Подбить избу клиньями и па́клинками. Сшили юбку из клиньев и па́клиньев; рубашечный па́клинок (Даль, без указ. места). *Па́колка* и *па́килка* 'колышек, забиваемый в середину стога': Па́колки забивают острые (Холм., Пск., 1964). Посредину ф сток забивают па́килку (Новорж., Остр. Пск., 1961). *Па́колок* 'колок, колышек': Прибить дерев па́колками (Даль, без указ. места).[17] *Па́колоток* 'палка, вокруг которой сметывают стог': Адэньe смятали, один кол забивали, па́калатак (Палк. Пск., 1961). *Па́листь, па́листок, па́листье* 'мелкие листочки в перистых листьях, образующие собою лист': Палистья рябины, ясеня (Даль, без указ. места). *Па́низка* (же́мчуга) 'полунизка, неполная, маленькая низка' (Сев., Даль). *Па́родок* 1) 'отросток, отрасль'; 2) 'кислый недозрелый плод' (Тамб., Даль). *Па́орок* 'крестьянский сын, подросток' (Сев., Даль). *Па́росль* 'сплошная поросль, молодой лес по вырубке старого' (Даль, без указ. места). *Па́росник* 1) 'молодой лес, выросший по вырубке старого': Отскочила (лиса), давай с дороги эти селедки подбирать в подол, пошла в па́росник да давай эти селедки кушать (Бельск. Смол., Смирнов, Сборник великорусских сказок, 1908); 2) 'мелкий кустарник' (Порх. Пск., 1960). *Па́рось* 'морось, мельчайший дождь' (Валд. Новг., Даль). *Па́стень* 'небольшая тень' (Даль, без указ. места): По па́стени теперь будет около полдня (Пск., 1902—1904). *Па́цепка* 'цепочка' (Яросл., Даль). *Па́сижок* 'небольшой сиг' (Олон., Куликовский). *Па́скирдок* 'небольшой скирд, неполный стометец' (Даль, без указ. места). *Па́точина* 1) 'небольшой исток воды с берега в реку, родник' (Даль, без указ. места, Охан., Соликам. Перм., 1898); 2) 'ручеек' (Никол., Тотем. Волог., Поганин). В Тобольской губ. *па́точиной* называется небольшое болотце между гривами: Пойдешь тут, дойдешь до па́точины, перейдешь ее, а там другая. До горы всего три па́точины (Тобол., Ивановский). *Па́холок* 'малый, подросток, парень, батрак' (Слов. Акад. 1847, без указ. места, Сев., Зап., Вят., Даль). *Па́щелок* 'неспильный удар, щелчок, затрещина' (Вят., Даль, Шегрен).

[16] Н. В. Гоголь. Материалы для словаря русского языка. Собр. соч. т. IX, Изд. АН СССР, М., 1952, с. 453.

[17] Следует заметить, что слово *па́колок* в начале XIX в. не было областным. Оно дано без пометы в Словаре Академии Российской (ч. IV, СПб., 1822, с. 771). Там есть пример: укреплять дерн па́колками.

Па́щелка — то же значение (Уржум. Вят., 1882. Вят., Яросл., 1918).

Вторую группу составляют слова, в которых приставка *па-* имеет значение подвида, внешнего сходства, близости по виду с понятием, выраженным тем же словом без приставки. Значение *па-* здесь может быть выражено словами: ‘вроде, как бы, внешне похожий, не истинный’. В эту группу входят слова: *па́воротка, па́ворот, па́воротье* ‘задняя часть сарафана, к которой пришиваются лямки или проймы’ (Сольвыч. Волог., Баженов). Собиратель Шустиков объясняет слово *па́воротье* так: «То место назади у сарафана, на котором прикрепляются лямки, образуя как бы ложный ворот» (Кадн. Волог., 1896). *Па́глинок* ‘суглинок, глинистая почва’ (Орл., Даль). *Па́голос* и *по́голос* ‘отголосок, отзвук, эхо’ (Даль, без указ. места). *Па́грудь* ‘гриб, похожий на грузь, с более гладкой поверхностью шляпки, чем у груздя’ (Кашин. Твер., Смирнов, 1901). *Па́дуб, па́дубок* ‘порода деревьев’. В северо-западных русских говорах и в Прибалтике (в Литве) *па́дубом* называют ясень. *Па́зык* (и *по́зык*) ‘отголосок отзвук, эхо’ (Даль, без указ. места). *Па́кисель* ‘раствор овсяной муки, на дрожжах заквашенный и процеженный для киселя’ (Новг., Даль). В Петергофском у. Петербургской губ. *па́киселем* называется вода, выступающая на поверхности овсяного киселя при его приготовлении (Второе Доп. к Опыту обл. великорусского словаря, 1905—1921). *Па́облако* ‘низкое облако от поднимающегося тумана’: Вон па́облака по горам ходят. Солнце обогреет и пойдут па́облака (Даль, без указ. места). *Па́оспа* ‘ветрянка, ветряная оспа’ (Сев., Даль). *Па́морга, па́морги, па́морока, па́морок, па́морось* 1) ‘пасмурная погода’ (Сев., Даль. Петрозав. Олон., Куликовский, 1885—1898): Если дошш, так он дошш, а ета па́мърга. Осенью па́мърги бывают (Славк. Пск., 1957). Па́морось часто бывае, дожжа нету, а моросит (Ляд. Пск., 1959). *Па́мараха.* Вариант того же слова: Па́мараха идет: абувай сапоги, трава мокрая (Порх. Пск., 1959). Слово это образовало переносное значение ‘беда, горе, несчастье, напасть’: У Ленки телёнок здох — така па́марга (Пушк. Пск., 1952); 2) ‘дождь со снегом’: Вот пашла па́мърга, дош со снегом (Пытал. Пск., 1965). *Па́зевни* ‘позевота, зевота’: Скука такая, андо па́зевни берут (Пск., Твер., Доп. Оп., 1858; Даль). *Па́гленок, па́галенок, па́голенка, па́голенки, паголе́нки, паголя́шки* ‘часть чулка, охватывающая голень. Чулки, от которых отрезаны носки (лапы); голенища чулок’ (Новг., Сиб., Черепанов, 1854). *Па́галенки* — то же значение (Дон., Миртов, 1929). А. Н. Островский [18] в «Материалах для словаря русского народного языка» приводит такой пример: Валяй чулки на па́голенки. Н. В. Гоголь объясняет слово *паголенки* как

[18] А. Н. Островский. Материалы для словаря русского народного языка. Собр. соч., т. XIII, М., 1952, с. 336.

ульки без пят'.[19] *Пáрой* 'второе поколение от роя пчёл в одно го' (Даль, без указ. места). *Пáрусло* 'сухое покинутое русло ки, нередко с ериками и колдобинами': Уходя подмывкою все льше в нагорный берег, реки покидают пáрусла на луговой сто не (Даль, без указ. места). *Пáруслина* 'старица, сухое покину е русло реки' (Даль, без указ. места). *Пáсака* 'сукровица, кровь носу' (Смол., 1902—1904). *Пáсынки* 'подпорки у стожара' Переясл. Влад., 1905—1921). *Пáсолнце* 'побочное солнце, явле ие на небе отраженья солнца' (Даль, без указ. места). От этого лова в говорах имеются производные: *пáсолнцевый свет* не ярок, лаза терпят. *Пáсолнца* являлись часто. *Пáсолнца* к тихой погоде: етом к засухам, зимой к трескучим морозам (Даль, без указ. места). *Пáясень* 'разновидность ясеня' (Даль, без указ. места).

В этой группе можно выделить подгруппу слов со значением не кровного, а более отдаленного родства. Сюда войдут широкоизвестные в славянских языках названия: *пáматерь*, *пáмать*, *пáдчерица* с вариантами: *пáдочка, пáдчерка, пáдчеруха.* Этимология этих слов в настоящее время установлена. В известной работе О. Н. Трубачева[20] подробно рассмотрена история образования этих слов в славянских языках и дан критический обзор ранее предлагаемых этимологий этих слов. *Пáвнуки* 'правнуки'. *Пáвнучка* 'правнучка': Это пáвнука моя (Вельск. Арх., Зимин, 1954). *Пáдчерица* 'неродная дочь одного из супругов, приходящаяся родной другому'.

В русских народных говорах известны различные варианты и дублеты этого слова: *пáдчерка, падчерýха* (Арх., Подвысоцкий, 1885). *Пáдочка* (Ворон., Даль).В псковских говорах для обозначения *падчерицы* употребляется два равноправных слова: *пáдчерка* и *пáсынка*: Мой мужик вдовый был, сынишка и дяфчонка малы, сироты, я за ним когда стала, так им мачиха, а они мни — пáтчирка и пáсынак (Тороп. Пск., 1963). Я её пáсынка была (Опоч. Пск., 1961). Отправляет мачеха пáдчерку в поле (Бельск. Смол., 1914). Слово *пáдчерка* в значении пáдчерица употребляется и в других областях (Каин. Том., 1897. Пск., Смол., Соликам. Перм., 1905—1921; Дон., Миртов, 1929; Луж. Петерб., Вильер де Лилль, 1871). *Пáсербица* 'падчерица' (Даль, без указ. места). *Пáматерь* 'воспитательница приемыша, неродная мать' (Даль, без указ. места). *Пáмать, пáматери* — то же значение (Даль, без указ. места). *Пáотец* 'названный отец, воспитатель приемыша, второй отец' (Даль, без указ. места). *Пáсынок* 1) 'неродной сын одного из супругов, приходящийся родным другому: Нероннава батьку фсё равно батькай звали, а сына неron-

[19] Н. В. Гоголь. Материалы для словаря русского языка, т. IX, с. 452.

[20] О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959, сс. 34, 53, 57.

нава па́сынкам называют (Слав. Пск., 1957); 2) ‘приемный сын’: Ва взятышки бярут как сваво сына, вот эта да, вот тагда па́сынок (Слав. Пск., 1957). Для названия *па́сынка* в говорах употребляются еще слова: *па́серб* (Даль, без указ. места). *Па́дчериш, па́дчерк, па́дчерок*: Ниранной сын называецца па́тчырик (Остр. Пск., 1960—1965). У ей па́тчерка и па́тчерк были (Торон. Пск., 1963). У ей па́ццырык был, теперь ён умершы (Славк. Пск., 1957). В Шенкурском у. Архангельской губ. (по свидетельству А. О. Подвысоцкого) *па́сынком* называют меньшее из двух сросшихся между собою деревьев. В. И. Даль отмечает 6 значений у слова *па́сынок*: 1) ‘неродной одному из супругов сын’; 2) ‘наискось приставленная к столбу подпора, подставка’; 3) ‘второе колено мачты, морск. стеньга’ (Волж.); 4) ‘меньшее и слабейшее из двух дерев одного корня’; 5) ‘третий слив пива’; 6) ‘лишние, бесполезные ветви растения, отнимающие у него соки’. На Дону (Слов. Миртова) *па́сынки* ‘молодые, ненужные побеги на виноградных кустах, которые обрезаются’. В этом значении слово стало сельскохозяйственным термином и широко употребляется в специальной литературе. В белорусском языке (Словарь Носовича) *па́сынок* ‘зародыш у капустного кочана между нижними листьями’. В древнерусском языке помимо основного значения было известно значение ‘княжеский дружинник’ (Срезневский, Материалы, т. II, с. 888).

Третью группу составляют слова со значением ‘отбросы, отходы, остатки, что-либо негодное к употреблению, плохое, испорченное’. Многие из этих слов развили переносное значение ‘что-либо неприятное, тяжелое, горестное’. Сюда относятся слова: *па́бедки* 1) ‘остатки от обеда’ (Пск. Осташк. Твер., 1858, Даль); 2) ‘еда после обеда, переобедывание’ (Осташк. Твер., Твер., Пск., 1858, Даль); *Па́белки* ‘остатки краски, белил, мела, извести, употребленных на беление’ (Пск., Осташк. Твер., 1858; Даль). *Па́бирки* ‘оборыши от набранного, остатки на поле, на дереве и т. п. после уборки урожая’ (Пск., Осташк. Твер., Твер., 1858, Даль). Слово это известно всем славянским языкам. Н. Геров в Словаре болгарского языка указывает значение ‘поздние плоды’.[21] *Па́болдырь* ‘ребенок, один из родителей которого русский, другой — болдырь’; *болдыр* ‘существо, происшедшее от двух пород или видов’ (по Далю); *Па́болки* и *па́волоки* ‘конопля, собранная волоком, граблями, путаная’ (Ворон., Тамб., Даль., Пск., ПОС). *Па́гнетки* ‘остатки после выжимки чего-либо; отжимки, выжимки; семенные остатки на маслобойне, макуха, жмыхи, дуранда’ (Даль, без указ. места). *Па́гниль* (и *па́гнилье*) ‘перегнившие остатки чего-либо, изгной’ (Даль). *Па́грязца* ‘остатки грязи после дождя, слякоть, мокрая земля’ (Даль, без

[21] Найденъ Геровъ. Ръчникъ на българскый языкъ, ч. IV. Пловдивъ, 1901, с. 1.

каз. места). *Па́дер* 1) ‘ленивая лошадь’ (Курск., Курск., губ. ед., 1850); 2) ‘плохая, не способная к работе лошадь (от слабости или от старости)’ (Судог. Влад., 1870., Калуж.); 3) ‘род брани’: Экой па́дер! Напиялся (навязался) на мою голову (Обоян. Курск., 1858). В Чебоксар. у. Казан. губ. *па́дер* ‘бранное слово, означающее бешеного горячего человека или бешеную лошадь’: Что ты? Встала, па́дер, среди грязи (Архив АН, ф. 216, оп. 4, № 65, год неизв.). В Орловской губ. *па́дер* ‘неповоротливый человек’ (Карякин, 1850). *Па́дера, па́дара, па́дора, па́дра, па́дерица.* Значение слова варьируется по говорам: 1) ‘мокрый снег’ (Двин., Фомин, 1877); 2) ‘сильная буря с вихрем’ (Слов. Акад. 1847; Даль, без указ. места). *Па́дара* ‘буря, ненастье’: Што-та стихло, зафтра гля-ка и па́дара буди (Гд. Пск., 1946). *Па́дерица* ‘сильная буря с ветром’: У, кака па́дерица, берёзу сломала (Сузун. Новосиб., 1964). *Па́дерище* ‘сильный ветер’ (Новосиб.). *Па́дера* ‘бурная с дождем или снегом погода, метель’. *Пурга-па́дера* ‘сильная снежная метель’ (Запечор. Арх., Подвысоцкий, 1885).

Значения слова различны по говорам: *па́дара* ‘сильные, высокие волны на озере’: Там па́дара така была, па́дара — большие волны, а у нас па́дара и волнам называю (Гд. Пск., 1959). *Па́дара* ‘гроза’: Па́дара вод была. Зарянка святила, а моланья не святила (Гд. Пск., 1959). *Па́дра* ‘вьюга’: Па́дра подымалась, вьюга (Середк. Пск., 1946). *Па́дара* ‘непогода, буря’: Па́дъра пъднялась, в озьра ехъть нельзя сивонни (Эст., 1963). *Па́дара, па́дера, па́дора* 1) ‘буря, вьюга, непогода’ (Олон., Куликовский, 1885—1898); 2) ‘лес, поваленный бурею, бурелом’ (На Тудозере и в Коштуге Олон., 1885—1898). В Новгородском у. *па́дара* ‘снег’ (Второе Доп., 1905—1921). В Енисейской обл. *па́дара, па́дера, па́дора, па́дра* ‘первый осенний снежок’ (Мурзаевы, 1959). В Вытегорском у. Олон. губ. *па́дара* ‘место, на котором навалило бурей много деревьев’: Гди ти пройти теперь по эдакой па́дары? (Филимонов, 1896). *Па́дарина* то же, что *па́дара* ‘буря, вьюга’ (Пск., Кузнецов, 1912—1914). *Па́дарь* ‘зимняя непогодь, снег и ветер’: Не было ни бури, ни па́дари, не было погоды непомерные (Олон., Рыбников, 1864). *Па́дорога* 1) ‘распутица’ (Срезневский, т. II, с. 859); 2) ‘вихрь, пурга, снег’: На зимы идёт па́дарага, вихор большой, снек вьёт (Середк. Пск., 1956). А. Г. Преображенский считает более вероятным значение ‘метель’, ‘вьюга’ и связывает с *дерг-*, а не с *дорог-*.[22] *Па́золки* 1) ‘остатки, выбрасываемые из кадушки, в которой был щелок’ (Муром. Влад., Ремезов, 1897); 2) ‘помои, грязная вода после мытья закопченной посуды’ (Моздок. Терск., 1900); 3) ‘вода с щелоком после стирки белья’: Пъстираиш, а па́зълки и выльиш (Смол., 1958). *Па́зобки* ‘объедки, остатки пищи’: Мы и па́зобками сыты (Даль, без указ.

[22] А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1910—1914, с. 2.

места). *Па́ногти* ‘заусеницы, залуп кожицы под ногтями’ (Сев. Даль). *Па́рожь* ‘выродившаяся, плохая рожь’. В некоторых местах рожь настолько выродилась, что ее крестьяне называют *су́рожью* или *па́рожью* (Новг., Водарский). *Па́севки, па́севки* 1) ‘остатки семян от посева, осевки’; 2) ‘конец сева и гулянье по этому поводу’ (Пск., Даль; ПОС). *Па́скорня, па́скорни* ‘оскребки мездры от скорняженья шкур’: Па́скорни идут на клей (Даль, без указ. места). *Па́смыка* ‘мелкая костеря и волокно, остатки от мычки’ (Даль, без указ. места). *Па́трепки* ‘куделя льна, отбросы после трепанья’ (без автора, места и года). *Па́чеси* ‘вычески, оставшиеся при чесании кудели’ (Твер., 1820; Волог., 1822; Шадр. Перм., 1896; Перм., 1926; Петрозав. Олон., 1895; Арх., 1895; Ростов. Яросл., 1902; Тюмень, 1905; Пск., 1902—1934; Белозер. Новг., Котельн. Вят., Твер., Олон. Костром., Сев.-Двин., Нижегор., Ленингр., 1925). *Па́чеса* 1) ‘второй пласт при очесе льна’: Лён чешуть, первый пласт кудели прозван вирховья, а второй пласт — па́чиса; 2) ‘второй сорт льняных ниток’: Вышший сорт нитки — су́диржана, патонше — па́часа, третий сорт — ве́ршница.

Слово имеет производные. *Па́чесина* ‘отходы при втором очесе льна’: А ета вот уже с подвярховья, па́чисина называецца, када лён чешут (Бежаницк. Пск., 1962). *Па́чесинка* ‘ласк. к пачесина’: Когда лён чешишь, павесьма, астаёцца жымка она кужыль называецца, точу с кужыля, ис па́чисинки, ис па́часья; эта с паткужаля (Локнян. Пск., 1962). *Па́чесная куделя* ‘волокно льна, оставшееся после второго чесанья’: Па́чесна куделя — верхняя куделя, а самая-та лучшая — кужель (Стр. Пск., 1959). *Па́чесна* ‘отходы, получающиеся после второго очеса льна’: С одной чесалки — верхница, с другой — па́чесна, и вот верхница потолще, па́чесна — потоньше (Гд. Пск., 1959). *Па́чесно* ‘очесы при втором чесании льна’: С верховья раньшы лапти носили, а па́чесна патонкаму ткали (Бежаницк. Пск., 1962). *Па́чесный*: Как са льна сымиш верхавину, патом па́чесье, эть пачесьё в па́чесная бёрдъ вдаецца (Опоч. Пск., 1961). *Па́чесное полотно* ‘полотно, вытканное из пачесы’: Па́чъсна пълатно еть белая точыва, с па́чъсы станушки шыли и простыни (Гд. Пск., 1958). *Па́чесовый*: Лен чешут, тягают, делаецца кудель. Самаё плахое — верховная куделина, фтарой рас прачешыш — па́чесавая кудель будя (Остр. Пск., 1960). От существительного *па́чесы* образован глагол *па́чесовать*: Патом лён чешым, шшёткай фтарой рас — па́чесываем, третий рас тоже па́чесываем (Холм. Пск., 1964). Дефки, прихадити па́чесывать. Па́чесывать — чесать фтарой рас (Ашев. Пск., 1962). *Па́чесы*: Потом отделяют вторым чесанием несколько лучшие нитки, называемые па́чесами (О возделывании льна в Псковской губернии. Пск. губ. вед., 1840, № 11). *Па́честь* ‘грубая, простая ткань; сотканная не очень тонко ткань’: Кужель — самая хорошая, тонка прядан. Па́честь — эта средняя,

последняя — верховная (Холм. Пск., 1962); Ткали самые плали ткани, счёсывали с верховья нитку грубую, пáчестья, а толстая — точа (Пустошк. Пск., 1962). *Пáчестье, пáчесь, пáчесье, чесья* 'второй слой, отделяемый при чесании льна': Ани выбрали верхвья-та, а пáчестье оставили (Опоч., Тороп. Пск., 1962, 1966). *Пáчески* 'очески от льна; очески, остающиеся при изготовлении кудели' (Обоян. Курск., Машкин, 1854. Уржум. Вят., Твер., Даль). *Пáсечка* 'серая капуста, обрубленная с кочана для скота, т. е. капустные отбросы' (Пск., Твер., Даль). *Пáдержина* 1) 'толстая холстина'; 2) 'поношенная вещь' (Пск., Осташк. Твер., 1855). *Пáдушина* 'одышка, удушье' (Пск., Твер., Даль). *Пáстриги* 'обрезки, остатки от стрижки': Суконные, ворсяные пáстриги, коими посыпают шпалеры. Пáстриги дерев (Даль, без указ. места). *Пáшибок* 1) 'обломок, осколок'; 2) 'удар шибком'; 3) 'мальчик-сорванец' (Пск., Твер., Даль).

Четвертую немногочисленную группу составляют слова со значением, близким чему-либо в пространстве или во времени. Приставка *па-* имеет в них значение: 'подле, над, рядом, около, близкий по времени'. В эту группу входят слова: *Пáвечерие* 'заход солнца, самый конец светлого вечера, вечерняя заря' (Даль). *Пáбед* и *пáобед* 'время еды между завтраком и обедом'. Слово имеет много производных, значение его варьируется по говорам. Например: *пáбедье* 'время после обеда' (Повен. Олон., Булатов, 1912). *Пáбедовать, пáбедать* 'есть между завтраком и обедом' (Каргоп. Олон., Светлов, 1892). *Пáбедить* 'пообедать': Што же я сама пáбедила, а гусей не накармила (Дмитр. Орл., 1905). *Пáобед* 'еда, закуска, перехватка перед обедом': Иногда, особенно летом в страду пáобед — просто завтрак. Обычно крестьяне везде едят пять раз в день: завтрак, пáобед, обед, пáужин и ужин (Олон., Куликовский, 1885—1898). *Пáобед, пáбед, пáбедок* 1) 'второй завтрак, полдник'. Пóлдничанье, другая выть, за коею идет третий уповод; 2) 'время близкое к полудню': Позднее пáобедье (Новг., Олон., Твер., Даль). *Пáобед, пáобедье* 'завтрак перед отправлением на работу и обедом': Солнце с пáобедья своротило (Олон., Куликовский, 1885—1898). *Пáбедовать, пáбедаю* 'закусывать спустя часа 3—4 после обеда' (Олон., Филимонов, 1891). *Пáбедок* 'предобеденная еда, завтрак во время работы в 8—9 утра' (Лодейноп. Ленингр., Калинин, 1931). *Пáбидье, пáбедье* 1) 'время с 2-х до 5-ти часов дня' (Петроз. Олон., Федорков); 2) 'полдник, еда в промежутке между обедом и ужином': Посли пиряхватки абет, патом пáбедье цаса ф цатырь. Кусок хлеба съел, вот и пáбедье (Середк. Пск., 1956). *В пáбедок* 'часа в 3 пополудни': В пáбидок паедут, в абет уж дома. Слово *пáбедье* в вышеперечисленных значениях повсеместно распространено в северных и северозападных русских говорах. *Пáбед* 1) 'еда или закусывание между обедом и ужином' (Весьегон. Твер., Тихв. Новг., Опыт., 1852, Пск.); 2) 'время для этой еды': Когда насту-

нило жниво, стали они ходить жать ниву. Вот раз как-то на пáбеде мужик с бабой расхлопотались, мужик молчит и баба тоже (сказка) (Боров. Новг., Смирнов, Череп. Новг., 1899). Кончили орать в пáбед (Пск., Копаневич, 1902). *Пáвжина* и *пáужина* 'еда в 3—4 часа дня, между обедом и ужином' (Кадн. Волог., 1866. Сев.-Двин.). «Также понимается это слово в смысле определения времени — 3—4 часа по полудни» (Кадн. Волог., Шустиков, 1896).

Варианты слова: *пáужин, пáужинок, пáужина, пáужинка, пáужна, пáуженье, пáуженки* 'перекуска между обедом и ужином, например за чаем': В Арх., Олон., Перм., Новг. губ. крестьяне в 9 ч. обедают (в работе со светом завтракают, в 2 ч. пáужинают, в 8 ужинают). Слова эти известны также в Тотем., Устюг. у. Волог. г., Нерч. Забайк., Акм., Орл., Енис., Южн.-Сиб., Вят., Тобол., Иркут., Челяб. обл. Время-та уж к пáужне (Иркут., Бобряков, 1960). Пáужын кто есть, а кто не (Гд. Пск., 1964). Пáужинки — еда между обедом и ужином (Вожг. Киров., 1950). Широко употребительны глагольные образования от слова *пáужин, пáвжина*: Пáвужына эта перят ужинам. Вот када ходим на работу, говорим: таперь папáвужынаим, паработаем, а патом домой пайдём; часа ф четыри кричать пáужынать (Пушк., Пск., 1946). *Пáвжинать* 'ужинать': Уже поздна, скора спать нада будит, давайте пáвжинать. Пáужинка. Вась, ты-п снёс батьке пáужынку, яму дамой далёкъ итить (Порх. Пск., 1962). *Пáвужынавать*: Эта па дерявенски пачорнаму, посли обеда и да вужына пáвужынавать нада (Холм. Пск., 1962). *Пáужна*: Скора пáужна будит, перет ужынам (Остр. Пск., 1960). *Пáужина* 'полдник, еда между обедом и ужином' (Беломор. Арх., Перм., Енис., Пск., Смол., Олон., Даль): А на пáужину хлеп с солью, да вода из ручья (Олон., Каин., Твер., Оп., 1852., Волог., 1898). *Пáужинная пора* 'время паужина' (Арх., Даль). В Сузунском у. Новосиб. губ. и в Свердл. обл. словом *пáужна, пáужин* называется обед (1965 г.). Завтрак был обедом, обед — пáужин, а ужин — ужином (Сузун. Новосиб., 1964). В Осташк. у. Тверск. губ. и в Пск. губ. (по свидетельству Карпова) словами: *пáуженки, пáуженье* называется: 1) 'еда после ужина'; 2) 'остатки от ужина' (1855). От слова *пáужина* есть производные со значением ветра юго-западного направления. Это значение известно в архангельских говорах. *Пáужник* 1) 'юго-западный ветер'. «Название происходит оттого, что при этом азимуте солнца промышленники пáужинают или вечерят» (Помор. Арх., Кузмищев, 1847. Арх. Даль; Подвысоцкий, 1885); 2) 'юго-запад, где солнце стоит, когда пáужинают' (Арх., Боричевский, 1842; Даль). *Пáвердо* 'одна собачья упряжка, один перегон' (Сиб., Даль). *Пáвечерье* 'под вечер, вечерком, в сумерки' (Волог. Волог., Баженов). *Пáвечорки* 1) 'темные осенние вечера'; 2) 'работа в избе в это время при огне' (Даль, без указ. места).

Слова со значением близости по месту: *па́берега* и *па́бережье* ожня, луга, покос на берегу реки; неширокое место, полоса одле берега, свободная от кустарника и леса, обычно занятая од покосом': На той па́береги-та ишшо не были (Ирк., Бобря- ов, 1960). Куда поехал косить? А на па́бережье (Арх. Доп. Оп., 858; Даль). *Па́береговой* 'находящийся на паберете': На па́бере- овом покосе травы ноне на порядок (Перм., Луканин, 1856). *Па́бородки* 1) 'складки кожи под подбородком'; 2) 'мониста индюка на шее'. Слово употребляется в говорах территорий, прилегающих к Украине. В словаре В. Д. Гринченко слово дано без пометы, являясь принадлежностью украинского литературного языка. *Па́занка* Fregaria vesca 'земляника'. Следует отметить, что землянику *па́занкой*, *па́зобникой* называют самые старшие носители говора, слово *па́занка* в диалектах становится архаизмом: Па́занка на суходолах растёт (Ряз., Гришина, 1959: Заметчин. Пенз., 1945). По говорам имеются варианты слова: *па́земка* 1) 'поземка'; 2) 'земляника' (Даль, без указ. места). *Па́зобника* и *па́зубника* 'земляника' (Спас. Ряз. Оп., 1852. Ряз. Курск., Даль). Даль сопоставляет это слово с *зобать*, тогда *па́зобника* 'то, чем закусывают после еды'. *Па́озер* 'приозерный житель'. Рыбною ловлею занимаются па́озеры — крестьяне, живущие по берегам озера, особенно на левом или западном берегу (Ильмень Новг., 1849; Тихв. Новг., Пск., Даль). *Па́озерица* и *па́озерье* 'местность вокруг озера': По всему па́озерью пахоты мало, а больше все пожни (Даль). *Па́персь*, *па́персень* 'нагрудник, наперсник для тепла' (Сиб., Даль).

Пятую группу составляют слова, в которые приставка *па-* вносит значение результата действия. *Па́жить* и *па́житьё*. Слово *па́жить* имеет два значения: 1) 'пастбище'; 2) 'то, что заработано за всю жизнь, имущество, пожитки' (Арх., Казан., Даль; Слов. Акад. Росс., Слов. 1847, Даль, Ушаков, Ожегов). Следует отметить, что в XIX в. слово *па́жить* 'луг, пастбище' употреблялось и в литературном языке, в словаре 1847 г. оно дано без всякой пометы. В вятских говорах (по свидетельству Д. Н. Зеленина) *па́житьё* 'имущество, пожитки, добро'. В песне: Люди спать, мы па́житьё таскать (Ярен. Вят., 1903). А. Мейе,[23] J. Holub и А. Г. Преображенский[24] выделяют в этом слове приставку *па-* и корень тот же, что в слове *жить*, *жизнь*: Большую он нажил па́жить (Арх., Казан. Доп. Оп., 1858). *Па́работки* 1) 'заработок, то, что заработано'; 2) 'плата за работу' (Пск., Твер., Даль). По говорам слово *па́работки* имеет еще значение 'работа в пользу помещика, часть крестьянской работы' (Опоч. Пск., Чернышев, 1928).

[23] A. Meillet. Etudes sur l'etymologie et le vocabulaire du vieux slave, II. Paris, 1905, с. 279.

[24] А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. II, П—Я, М., 1959, с. 3; Dr. Josef Holub. Strucny slovnik etymologicky jazyka ceskoslovenskeho. V. Praze, 1937.

Па́работки ‘уплата за что-либо работой’ (Пск., 1902—1904). *Па́сека* ‘участок леса, отведенный под вырубку’: Дрова пошли пилить ў па́сику. — Пасика эта часть леса, где сикут лес (Пск., 1957). Это значение в IX т. семнадцатитомного словаря дано с пометой «обл.». В говорах известно и общенародное значение слова *па́сека* 1) ‘место, где расставлены ульи с пчелами’; 2) пчеловодное хозяйство’: Па́сека — где пчёлы пасуцца (Остр. Пск., 1960). Варианты значения слова *па́сека* в псковских говорах: *па́сика* — ‘вырубленная лядина падчисто’ (Опоч. Пск., 1958). *Па́сека* ‘участок леса, болото, окруженное деревьями’: Ў па́секу мы были забрафшы, ў лесу па́сека, лес такой (Пск., Пск., 1946). Если лес вырубят сафсем — па́сека (Опоч., Пск., 1961). *Па́сечка*, ласк. к *па́сека:* На па́сечки лошать привязан (Тороп. Пск., 1963). *Па́сечина* ‘межа, обозначенная вырубкой’ (Твер., Доп. Оп., 1858). *Па́толока* ‘вытоптанное или съеденное пастбище’. Ср. *па́толочь* белорусск. ‘посев, истоптанный домашним скотом’. *Па́смешки* ‘последствия шуток, насмешек’: Хороши смешки, да каковы-то будут па́смешки (Даль, без указ. места).

Последнюю, шестую группу составляют слова, в которых приставка *па-* выражает или отрицание значения, выраженного корнем того же слова, или, наоборот, усиление этого значения. Слово часто имеет оттенок осуждения, неодобрения, презрения. Иногда, слово является бранным. В эту группу входят слова: *па́ползень*, *па́полза* 1) ‘ползающее животное’; 2) ‘ребенок, который еще не ходит, а ползает’ (Даль, без указ. места). В архангельских и вятских говорах *па́ползой* называют шалуна и непоседу (Подвысоцкий, 1885, Васнецов, 1907).[25] В олонецких говорах *па́полза* 1) ‘медленно идущий человек’; 2) ‘человек, подкрадывающийся и высматривающий, разведывающий что-либо; шпион’ (Олон., Куликовский, 1885—1898). В псковских говорах *па́полза* ‘человек, делающий потихоньку гадости кому-либо’. *Па́кость* ‘гадость, зло, вред, мерзость, нечистоты’ (Слов. Акад. Росс., Слов. 1847 г., Даль, областные словари, Ушаков, семнадцатитомный словарь, четырехтомный словарь, Ожегов), белорусск. *па́косць*, укр. *па́кість*, болг. *па́кост*, серб. *па̏кôст;* хорват. *pákôst*, чешск. *pakost'*, польск. pakość, древнерусск. *пакость*.

В верхнелужицком языке pakósć, 1) ‘нездоровый нарост на кости, наколенница (болезнь лошади)’; 2) ‘палец вора’. Pakośćak ‘вор, мошенник’.

А. Мейе и А. Г. Преображенский сопоставляют это слово с наречием *опако*, *пакы*, С. Младенов в этимологическом словаре болгарского языка[26] выделяет здесь корень *-кость-* и возводит его

---

[25] Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907, с. 198.

[26] С. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.

индоевропейскому * (s)kath-ti-s. Данные верхнелужицкого языка позволяют предположить, что слово из конкретного значения нарост на кости, болезненный, ненормальный нарост', а также воровство, мошенничество' развило абстрактное значение.

Может быть со словом *пакость* следует сопоставить древнерусское *кости* (Срезневский, т. I, с. 1297) в значениях: 1) 'тело, останки'; 2) 'поле битвы'; 3) 'род дани'. Даль сопоставляет русск. *пакость* с областным (Твер.) *касть* 'скверна'. В этих говорах *пáкость* 'крыса', что опровергается данными других славянских языков. По говорам слово *пáкость* имеет и другие значения: *пáкость* 'потрава': За каровай смотришь, а то уйдёт ф пáкасть (Ашев. Пск., 1962). Перен. бранно. У нас серый кот был пáкость такой, застрелили ево ребятишки (Великолук. Пск., 1963). *Пáкостный:* Он пáкасный, кала лашадей ходил, клевир у лашадей брал, сваей карове насил, самый пáкасть (Новорж. Пск., 1957). *Пáкастной* 'блудливый, совершающий потравы': Лошать где блыкливая, пáкасная, привязывают званочек (Новорж. Пск., 1957).

Слово часто употребляется в сочетаниях: *выйти в пáкость* 'совершить потраву': Если выдуть ф пáкасть коровы, ребяты их отвярнут (Остр. Пск., 1961): Карова ў пáкости ходит — в рош ли, ф клевир пáкастит (Тороп. Пск., 1963). *Идти в пáкость*: Кони идут уж ф пáкасть (Остр. Пск., 1960). *Ходить в пакость* 'причинять вред': Лъшадей путают путалъм, эта така вирефка, штоп аны ф пáкасть ни хадили. *Пáкостливый* 'вредный, воровской, блудливый, шаловливый' (Опоч. Пск., 1903): Пáкастная лошать имела калакольчик. Как лошать ф хлеп ушла, так гаваря, што ф пáкась ушла (Остр. Пск., 1960). *Пáщенок* 'молокосос, с оттенком пренебрежения' (Даль, без указ. места). В вятских говорах, по свидетельству Н. М. Васнецова, с этим значением употребляется слово *пáщелок* 'бранное слово; щенок, молокосос'. Ребенок, уже выросток, как бы неудачник, хотя и здоровый. Вообще, иногда значит: сын, дочь в период юношеского возраста, выхоленные, но плоховатые для крестьянской жизни. *Пáродок* 1) 'недозрелый, кислый плод'; 2) перен. 'выродок' (Даль, без указ. места). Сюда же относятся слова: *пáскуда* и *пáдорога*. *Пáскуда* (*паскýда*) бранное слово 'грязь, гадость, мерзость, нечистоты; мерзавец, негодяй'. В вятских говорах слово одинаково широко употребляется и с тем и с другим ударением. То же относится к прилагательному *пáскудный* 'распущенный, безнравственный, неряшливый' (Вят., Васнецов, 1907, сс. 199—200). Первоначально слово *паскуда* и его производные не имели в славянских языках бранного значения. Ср. значение областного слова *скýда* 'нужда, бедность, недостаток, нищета' (Даль). И древнеславянское *скудота*, *скудость* в тех же значениях. В словаре Срезневского *паскудьный* 'бедный, скудный'. В современных псковских говорах слово *паскуда* имеет значение 'колдунья', тоже бранное: У нас

паскýда эта есть в деревни. Сицас таких нет, как раньше бывала (Пустошк. Пск., 1962).

К этой же группе принадлежит слово *пáмжа* ‘метель, вьюга, буря’. Слово развило переносные значения: ‘роковая беда, несчастье, болезнь, нечистая сила’ — отсюда ругательство, бранное слово. *Пáмжа* ‘метель, вьюга, буря’: Пáмжа какая поднилась, ничиво ни видна. Зимой на улицы мятель, гаварят вот пáмжа (Великолук. Пск., 1963). *Пáмжа* ‘роковая беда, несчастье’ (Холм. Пск., 1905): Пáмжа как болезнь, ка многим гаварицца, как пажылание плахоё чалавеку (Великолук. Пск., 1963). Какой только дряни нет, как была бы харашо бес фсей этай пáмжы. Пáмжа — атвращающая существо, такое вредное, житья нет ни людям, ни скату (Великолук. Пск., 1963). *Пáмжа* ‘напасть, неприятный случай’: У Дуньки карова пазафчера пала, нада ведь пáмжа какая приключилась, а пáмжа — случай нихарошый, неприятнасть значит (Великолук. Пск., 1963). *Пáмжа* ‘нечто вроде болезни’: Чиво арёш? пáмжа тибя разбирает? (Пск., 1963). *Пáмжа*, *пáмша*, *пáможа* ‘несчастье, горе, беда’: Праслышал, што у нас така пáмша, дал нам карову, изопку (Остр. Пск., 1854). Ну вот пáможа какая, вот забыла и фсё (Пск., 1962). *Пáмжа* бранно ‘хвороба, болезнь, нечистая сила’: Пáмжа тибе возьми (Себеж. Пск., 1962). Как тебе пáмжа — так великатней, а то каб тебе чёрт. А пáмжа тебе — эта ругаюцца, а чёрт жа тибе значит (Себеж. Пск., 1962). *Пáмжа* ‘боль от ушиба, неприятность’: И нага балит, и фся пáмжа на мне. Зачем мине туды пáмжа панесет (Пустош., Великолук. Пск., 1962). Слово употребляется в сочетании с предлогом *на-* в наречном значении: *на пáмжу* ‘впустую, напрасно, бесплодно’: Как на пáмжу фсё пръпадае, как на пропъсь (Остр. Пск., 1960). *Пáмжа* знает простореч. ‘неизвестно, пропасть его знает’: Зажаривать ли картошку, пáмжа знает (Новорж. Пск., 1957).

Здесь мы приведем слова с приставкой *па-*, которые трудно было объединить в какие-либо группы по значению приставки. *Пáветер*, *пáветерица*, *пáветерище*, *пáветерница*, *пáветерье* ‘попутный ветер’ (Пск., Осташк. Твер., Карпов, 1855; Доп. Оп., 1858). *Пáветер* (Даль, без указ. места). *Пáветки* ‘жалобы, укоры’ (Пск., Твер., Даль). *Пáводок* ‘конец удочки, к которому привязывается крючок’ (Дон, 1929). *Пáвоз* ‘новые ячейки, уза, вощина, которые пчелы готовят под мед’ (Даль, без указ. места). В Обоянском у. Курской губ. слово это известно в женском роде: *пáвоза*: Пчёлы пáвозу занясли (Обоян. Курск., Машкин, 1859). *Пáволок* ‘заливной поемный луг, а также вообще участок земли под пашней или покосом’ (Слов. Акад. 1847, Даль, с пометой «устар.»). *Пáволока* 1) ‘глаза с поволокой’ (Тверск., Великанов, 1897); 2) ‘чердак’: *пáволока* ‘место пусто, помешченье’ (Лешук. Арх., 1949). По свидетельству Л. Ивашко, слово *пáволока* в Усть-Цилемском районе Архангельской обл. обозначает ‘чердак’ только в деревнях на

Пижме: У нас па́волока, а в Усьцильме подволо́ка (Усть-Цилм. Арх., 1953): На па́волоки веники есть (Там же, 1953). В беломорских говорах *па́волокой* называется ‘верх мехового платья’. *Па́ведщик* ‘поверенный’ (Даль, без указ. места). *Па́вороз* ‘шнурок у мешка, завязка’ (Слов. Акад. 1847. Даль, без указ. места). *Па́воро́зка* ‘подвязка, тесьма’ (Ейск. Кубан., 1916). Ср. древнерусск. *павороза* ‘привязка, петля для привязывания предмета к руке’ (Срезневский, т. II, с. 856, Пск., 1850). *Па́воростки* ‘завязки’ (Дон., 1929). И. И. Срезневский приводит также областное *па́вороз* ‘поясок’ (Материалы, СПб., 1895, т. II, с. 856). *Па́ворот* 1) ‘ветер, противоположный прежнему’; 2) ‘расторопный человек’; 3) ‘поворот на дороге’. *Впа́вороть* ‘обратно’ (Пск., Осташк. Твер. Доп. Оп., 1858). Даль отмечает в западных говорах у слова *па́вороть* значение ‘обратный путь’. *Папа́вороть* ‘обратно, вповороть, в обратный путь’. *Па́воротень* ‘дождь, прошедший с тучей и вернувшийся’ (Даль, без указ. места). *Па́мылка* ‘прорубь, где полощут белье’. *Па́манка* ‘пленка яйца между скорлупой и белком’: Две куры клююцца, па́манку положа, яйцо и вытякё. *Па́губа* ‘сильный вред, гибель’. Слово общеславянское. Повсеместно распространено в русских народных говорах. *Па́держина* ‘толстая холстина’ (Пск., Осташк. Твер., Доп. Оп., 1858). *Па́дубок* ‘составная часть деревянного цепа — короткая палочка, которой бьют по зерну’: Па́дубок бьет по хлебу, тереньё — палка, жердь, на которую укрепляется па́дубок (Гд. Пск., 1960). В словаре Г. Е. Кочина *па́дубок* ‘дерево’.[27] *Па́жила* ‘нитка в перемете, к которой привязываются крючки’: Пиремёты называецца такая нитина, па́жыла, а к па́жылы привязывают крючки, метраф сто (Гд. Пск., 1959). *Па́жинки* 1) ‘окончание жатвы’: Па́жынки, кончили работу — жать (Гд. Пск., 1959); 2) ‘начало жатвы’: Кагда па́жынки делают, богу бораду аставляют (Пустошк. Пск., 1961). *Па́здень* и *па́здемь* ‘тень’. *Па́зень* то же значение: Па́зем или па́зьдемь фсё одно (Ляд. Пск., 1959): Ну па́здень-тъ свой есь, тень та, и вот если гада накроиш этъй тенью, младеньц будет как змей, буде гълавой вертеть (Гд. Пск., 1959). Станим, вот па́зинь и мерим па слядам (Гд. Пск., 1959). Своеобразно употребление в современных псковских говорах общеславянского слова *па́луба*. Основное значение ‘сплошное горизонтальное перекрытие на судне в виде пола’. Употребляется также в значении ‘открытое, обычно верхнее перекрытие судна’. Слов. Академии Российской и В. И. Даль указывают также значение ‘кровля, крыша’. В Словаре современного русского литературного языка с пометой «устар.» находим слово *па́луб* ‘крытая повозка для перевозки снарядов’.

В современных псковских говорах слово *палуба* многозначно: 1) *па́лаба* ‘длинное бревно’: Па́лабу потаскать нада была взять

[27] Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937, с. 228.

Ирку, есть стала бы, или памирать задумала (Пск., 1962); 2) *палуба* ‘доски для покрытия домов и дворов’ (Ляд., Пск., 1959); 3) *палуба* ‘доски, которые прибиваются к стропилам и на которые приколачивается дранка’: Пáлыбы прикалачиваюцца к нарам (Ляд. Пск., 1959); 3) ‘решетка из жердей, служащая основой верхнего покрытия крыши’: Па страпилам делаецца пáлуба (Гд. Пск., 1959); 4) *пáлуба* ‘верхняя часть печки’: На пáлубу чашки, кринки можна ъпракидывать, зимой драва кладём, штоп сохли (Середк. Пск., 1956); ‘потолок подпечина’: Потпеч, ну нат печкай пространства пустое, а паталок ево — пáлуба (Гд. Пск., 1959); 5) *Пáлуба* ‘потолок, откуда выходит труба горна, в которой обжигают глиняную посуду’ (Опоч. Пск., 1903); 6) ‘тесовый потолок в коридоре’: Грабли на пáлубе на верхней (Ашев. Пск., 1962). Производное от этого слова *пáлубник*: Решетник или жерди стелиш пат шшапу, или пáлубник з досак, крышу накладывают (Гд. Пск., 1962). *Пáнайка* ‘прорубь на льду для водопоя скота’: Сходи к пáнаўки, памый бяльлё (Смол., Добровольский, 1914). Общеславянское слово *пáмять* в говорах имеет следующие значения: 1) ‘память’: Пáмять гарохавая (плохая память). И у её пáмять гарохавая (Стр. Пск., 1958); 2) ‘разум, сознание’; 3) ‘совесть’: Ти ёсть у тибе пáмяти так сеч дитёнка? (Смол., Добровольский, 1914). Слово употребляется в различных сочетаниях и имеет ряд производных, отличающихся по форме от соответствующих образований литературного языка. Доводить до *пáмяти* ‘проучить кого-нибудь; нанести чему-либо чувствительный вред, урон’: Индыки, доведут до пáмяти капусту (Смол., 1914). У батьки пáмити болий — глупа ня сделаить (Смол., 1914). Доходить до *пáмяти* ‘образумливаться’: Як стаў жи багатый ён да пáмяти дахадить (Смол., 1914). *Пáмятавший* ‘помнящий’: Мала пáмятафшых, которыи хадили в барщыны (Пск., 1960). *Пáмятка* ‘память’: Вы г бабе Шуре схадити, ана ф пáмятке много чего имеет (Пск., 1965). *Пáмяткий* ‘с хорошей памятью’: Я пáмятка была, малитаф многа знала (Пск., 1964). *Пáмятковый* ‘памятливый’: Заборка на палатенцы, как цвяткам каким выткана. Ни фсе забирать умели, кто пáмятковый (Пск., 1966). *Пáмятный* ‘имеющий хорошую память’: Человек пáмятный, память хороша (Ляд. Пск., 1959). *С пáмяти сходить* ‘в приступе безумия’: Как с пáмяти сходит, так што папала гъварит (Тороп. Пск., 1963). В сочетаниях с предлогами: *на моей пáмяти*, *при пáмяти*, *в мою пáмять*, *за доброй пáмятью* (пока не забыла): Иди, дачка, за добрай пáмятью, приняси деньги (Себеж. Пск., 1960). *При чьей-либо пáмяти* ‘за время жизни кого-либо’: При нашый пáмяти таких адёжъф уже не былъ (Гд. Пск., 1960). *Пáмять мне была* ‘помнится’: Адин гот пáмять мне была... (Гд. Пск., 1959). *Пáпона* ‘верхний слой кожи’: А с харошей иде проч такая пáпана, тонкая, тонкая кожка (Беженицк. Пск., 1962). *Пáпоничка* ласк. ‘пленочка’: Казьячки маленькие, толстые, как пáпаничкай затянуты (Остр.

Пск., 1950). *Пáпонка* 1) ‘яйцо без скорлупы’: Если яйцо бес скорлупы — эта плоха, пáпанка называецца (Холм. Пск., 1964); 2) ‘пленка на мясе, пленка под шляпкой гриба’: Сягодня пáпънъ нет, больша прямова мяса (Локнян. Пск., 1962). Желтапуп (гриб) внизу рубаха, така пáпанка на нём (Пск., 1963); 3) ‘барабанная перепонка в ухе’: Ну чаво кричыш, пáпанкъ треснит (Ашев. Пск., 1962); 4) ‘перепонка на ноге у гуся, утки и т. п.’ (Пустошк. Пск., 1962); 5) ‘бельмо, пленка в глазу’: Бяльмо на глазу видна, это бяльмо, а это пáпанкай завё. Ничаво ня видя, пáпанка на глазы (Остр. Пск., 1960). *Пáсморок* ‘пасмурная, снежная погода’: Пáсмарак ета, пагода, дош и снек (Ляд. Пск., 1962). *Пáхмарный* ‘пасмурный’, *пáхмурно* ‘пасмурно’: Если будить такая погода цмяная, или пáхмарная, тады я пайду ў дровы (Себеж. Пск., 1962). *Пáхмура* ‘угрюмый человек’ (Опоч. Пск., 1903): А сигодня не ясна, пáхмура (Остр. Пск., 1961). *Пáхмурный* ‘мрачный, хмурый’: Пáхмурный, свирибъй етъ фсё адно, только слоф многъ. Злой, ему хърашо никагда нет, фсегда нахмурифшы ходя (Остр. Пск., 1960). *Пáтерки* (в ушах, на шее): Бусы насили стеклянные, пáтерки называли (Себеж. Пск., 1961). *Пáтожина* (и *пáточина*) ‘вязкое, топкое место, болото’ (Опоч. Пск., Копаневич, 1903): Там в пожнях есть место, так там фсегда вязель, пáтоцына большая (Гд. Пск., 1966). *Пáточина* ‘хлам в озере, реке’: Пáтачина напала ф сети (Пушк. Пск., 1952). *Пáтрубок*: Баравок, притрубак дыму итить штоп луччы тянуть. Пáтрубак баравок. Выходная труба для дыма (Гд. Пск., 1966).

Нами было рассмотрено 312 слов с приставкой *па-*. Выделилось 6 основных значений приставки *па-*, большинство из которых известно всем славянским языкам. Не все из перечисленных значений являются одинаково древними. Некоторые из них, прежде всего конкретные и прямые можно считать древнейшими, например значения *па-* в словах: *пáсынок*, *пáдчерица*, *пáмать*, *пáматерь*, *пáотец*, *пáозер*, *пáозерье*, *пáвозок*, *пáузок*, *пáвечерие* и т. п., другие, особенно абстрактные и переносные — более поздними, например, значения отрицания, осуждения в таких словах как *пáкость*, *пáскуда*, *пáщенок*.

Многие слова с приставкой *па-* многозначны: в одном и том же говоре *па-* придает слову разные значения. Так слово *пáсевки* употребляется в говорах и в значении ‘остатков семян после сева’ и в значении ‘гулянья, праздника после окончания сева’. В слове *пáжинки* приставка *па-*, как показывают материалы псковских говоров, означает и начáло и конец жатвы.

Наряду со словами, в которых приставка отчетливо выделяется, есть и слова, в которых приставка слилась с корнем в единое целое и утратила свое значение. Это наблюдается в словах, которые в говоре не имеют соответствующих слов в близком значении без приставки (ср. обратный случай: *пáсынок*, ‘сын’,

пáволна 'волна', *пáклин* 'клин'). Это слова: *пáкость, пáмять, пáлуба, паýк.*

Для большинства современных славянских языков приставка *па-* является пассивным словообразующим элементом, она непродуктивна. Она обычно не выделяется в научных грамматиках этих языков, посвященных описанию современного состояния языка. В Грамматике русского языка, изданной АН СССР, нет раздела об этой приставке.

В отличие от других славянских языков в современных словенском и чешском языках с приставкой *па-* образуются книжные слова-термины различных наук. Эту приставку выделяет Фр. Травничек.[28]

Сравнивая слова с приставкой *па-* в русском литературном языке со словами с этой приставкой в русских народных говорах можно обнаружить черты сходства и различия.

Прежде всего обращает на себя внимание большая количественная разница. В литературном языке — 23 слова с приставкой *па-*, в говорах — 312. В литературном языке это прежде всего имена. В говорах это не только имена существительные, но и прилагательные, наречия, глаголы, причастия, образованные от этих имен. Кроме того, в отличие от литературного языка, где слова с приставкой *па-* однозначны, в говорах они часто отличаются многозначностью, развивают переносные значения.

Приставка *па-* соотносится по значению с другими приставками: *из-* (ср.: *изморозь* и *пáморозь*, *изморось* и *пáморось*), *от-* (*од-*) (ср.: odblesk и pablesk) *под-* (ср.: *подбородок* и *пабрадъкъ*), *су-* (ср.: *суглинок* и *пáглинок*, *сугорок* и *пáгорок*, *сумрачный* и *пáсмурный*). Наличие этих приставок, а также приставки *по-*, исторически связанной с приставкой *па-*, несомненно, повлияло на то, что приставка *па-* не является в большинстве литературных славянских языков активным словообразующим аффиксом.

Если в отношении литературного языка можно сказать, что приставка *па-* в нем непродуктивна, то в говорах приставку *па-* следует считать продуктивной, так как круг слов, присоединяющих приставку *па-*, достаточно широк.

Список использованных словарей

Бакотић. Речник српскохрватског књижевног језика. Београд, 1936.
С. Б. Бернштейн. Болгарско-русский словарь. М., 1953.
A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.
P. Váša a Fr. Trávníček. Slovnik jazyka českéno. Praha, 1946.
Найденъ Геровъ. Рѣчникъ на българскый языкъ, ч. IV. Пловдивъ, 1901.

[28] Фр. Травничек. Грамматика чешского литературного языка. М., 1950, с. 255.

Н. В. Гоголь. Материалы для словаря русского языка. Собр. соч., т. I изд. АН СССР, М., 1952
В. В. Горяев. Сравнительный этимологический словарь русского языка Тифлис, 1896.
Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, т. III. Киев, 1909.
А. Дювернуа. Словарь болгарского языка по памятникам народно словесности и произведениям новейшей печати, вып. VI. М., 188
Р. Jvenković и J. Broz. Rječnik hrvatskoga Jezika, t. II. Zagreb 1901.
Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древне России. М.—Л., 1937.
A. Krynsky i Wl. Niedzwiedzski. Słovnik języka polskiego, t. IV Warszawa, 1908.
П. Лавровский. Сербско-русский словарь. СПб., 1870.
Я. Лоя. Латышско-русский словарь. М., 1942.
Fr. Miklosich. Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti. Vindobonae, 185
С. Младенов. Етимологически и правописен речник на български книжовен език. София, 1941.
Э. Мука. Словарь нижнелужицкого языка и его наречий, т. II. Прага 1928.
И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
Польско-русский словарь, под ред. М. Ф. Розвадовской. М., 1955.
А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка т. II, 1910—1914.
Псковский областной словарь с историческими данными. ЛГУ, 1967.
Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный ч. IV, СПб., 1822.
Словарь церковнославянского и русского языка. СПб., 1847.
Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук. СПб., 1895.
Словарь современного русского литературного языка, т. IX, М.—Л., 1959
Словарь русского языка (в четырех томах), т. III, М., 1959.
И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1895.
Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. III, 1940.
И. И. Толстой. Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957.
J. Holub. Stručný slovník etymologický jazyka československeho. Praha, 1937.
Max Vasmer. Russisches etymologisches wörterbuch, 13. Lieferung, Bogen 16—20. Heidelberg, 1954.
Сава Чукалов. Българско-руски речник. София, 1960.

А. И. ПОПОВ

Диалектные материалы в этимологических словарях русского языка

В «Словаре русских народных говоров» под редакцией чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филина, сколько можно судить по первым пяти выпускам, нет ясно выраженного стремления к систематическому установлению этимологий собранной диалектной лексики.

Однако все же в значительном числе случаев указания соответствующего характера приводятся, причем используется ряд сведений из существующих этимологических словарей, — особенно из REW М. Фасмера,[1] а также и других — более ранних изданий, нередки ссылки на этимологические справки А. Г. Преображенского, В. И. Даля и т. п.

По большей части эти ссылки вполне уместны, хотя и носят обычно случайный характер. Следует высказать несколько соображений по поводу внедрения этимологических справок в издания подобного рода. Полагая не без основания, что основным источником, привлекаемым в данном случае, является словарь М. Фасмера, мы постараемся дать общую характеристику тем материалам этого издания, которые содержат русскую диалектную лексику. Коснемся отчасти и некоторых других работ, в связи с которыми могут оказаться — сейчас или в будущем — отдельные этимологические пояснения «Словаря русских народных говоров».

Прежде всего следует отметить, что к существующим этимологическим справочникам вообще следует относиться, при использовании содержащихся в них данных, с большой осторожностью; особенно это относится к этимологизации русской диалектной лексики, настоящая разработка которой в этом отношении только еще начинается. Не составляет исключения и REW М. Фасмера, в котором содержится весьма значительное число промахов и

[1] Russisches Etymologisches Wörterbuch von M. Vasmer. Heidelberg, 1950—1958. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, I. Изд. «Прогресс». М., 1964; II, М., 1967.

ошибок, порой довольно элементарных, а иногда и трудно обнаруживаемых.

Приступая к указаниям на некоторые разряды относящихся сюда явлений, мы должны с полной отчетливостью сознавать то обстоятельство, что М. Фасмер, во-первых, не был самостоятельным исследователем в области фактов финноугроведения, тюркологии, монголистики, кавказоведения и т. д., повторяя часто только то, что говорили представители соответствующих специальностей, так или иначе касавшиеся вопросов этимологизации русской лексики; во-вторых, его попытка широко ввести в словарь элементы диалектной лексики и топонимики была, в сущности, первой; в-третьих, работать ему пришлось в весьма неблагоприятных условиях.

Все это объясняет наличие многочисленных промахов в его работе: на некоторые из них в отношении именно диалектной русской лексики мы здесь и укажем.

Многие из этих промахов объясняются просто тем, что М. Фасмер нередко повторял старую этимологию, иногда совершенно ложную. Так по большей части обстоит дело с областными русскими словами: *комей*, *комяга*, *бардадым*, *голубец*, *кострома*, *густера*, *жучина*, *ильмень*, *кудес*, *бушва*, *ветка*, *кумоха*, *кутум* и др. Обратимся к некоторым из указанных выше слов, когда этимология, предложенная М. Фасмером или воспринятая им от других авторов, оказывается неверной или неясной.

1. О слове *ко́мей* у Фасмера сказано: «'лодка-однодеревка', псковск. Скорее к *комяга*, чем из чагатайск. kämi 'лодка', тур., крым.-тат., азерб. gämi (Радлов...)».

Причисление слова *ко́мей* к тому же гнезду что и *комяга* совершенно правильно, но вот далее читаем: «*комя́га*, *камяга* 'лодка, бочка или кадка, вытесанные из одного дерева', укр. комяга 'барка, челн', блр. *комя́га* 'корыто'..., польск. komiega.

komiga „лодка, струг".. Возможно, заимствовано из нидерл. komme, ново-в.-нем. Kumme, Kumm 'глубокий, круглый сосуд'». Ср. знач. франц. vaissean 'судно, посуда', ит. vascello 'корабль', латин. vascellum 'маленький сосуд'... Тур. gämi 'судно' не могло быть источником (вопреки Локочу, Карловичу. Невероятно родство с ком (Брюкнер...)). Ср. ко́мей.

В словарной статье Фасмера правильно лишь утверждение, что тюркские данные не имеют сюда отношения. Что касается предполагаемого заимствования из германского источника, то оно полностью невероятно, как увидим далее.

Действительно, слово *комяга* чаще всего употребительно в русских говорах во множественном числе и обычно в несколько иной форме: *комяги*, *комляги*, *комьяги*, *ко́мьи* и т. п., обозначая по преимуществу два древесных выдолбленных *комля*, скрепленных между собой связью и предназначенных для плаванья по

озерам. Бывают комьяги и из трех комлей, существует комьяга и из одного толстого ствола, порой с продольными жердями по бокам для бóльшей устойчивости.

Все это позволяет предположить, что мы имеем здесь дело с чисто русским словом, представляющим только небольшое видоизменение слов *комель*, *комли*, откуда и *комей* и *комьи*, *комьяги*, *комляги* и т. п. Произошла лишь частичная деэтимологизация, давшая такие формы как *камьи*, *камейки* и проч. Все это, вопреки М. Фасмеру, теснейшим образом связано с *ком* и другими словами этого гнезда.[2]

Основная причина заблуждений М. Фасмера в попытке этимологизации данного слова состояла в неполном охвате материала и малом знакомстве с реалиями; последнее обстоятельство привело к тому, что Фасмер представил дело так, будто бы значение 'круглый сосуд' является здесь первоначальным, чего на самом деле нет. Основным в данном случае оказывается значение 'комель'[3] толстый конец древесного ствола, употребляемый для устройства лодок-однодеревок, озерных *комьяг*, корыт и т. п. Наличие слова *комяга* в древних актах, а также польские данные показывают, что восточно-немецкие слова komegge и др. заимствованы из славянских (польских) материалов.

2 *Кутýм*, *кутýн*. Приводя это слово, М. Фасмер указывает, что оно обозначает в говорах (донск., касп.) рыбу Cyprinus rutilus, при этом добавляя: «темное слово». Между тем, существует значительный материал, позволяющий высказать определенное мнение о восточном происхождении слова *кутум*, обозначающего по преимуществу вырезуба (Leuciscus Friesei), близкого родственника плотвы, и вообще являющегося редкой рыбой. Область распространения этой рыбы — слабо соленые части Черного моря, Азовское и Каспийское моря, включая некоторые их притоки: «всего чаще он встречается в южной части Каспийского моря, в кавказских и персидских реках, где хорошо известен под персидским именем кутума».[4] Заметим, что хотя на Волге *кутума* мало, один из рукавов этой реки носит название Кутум; в Астрахани иногда этим именем называют не только редкого здесь вырезуба, но и довольно схожего с ним головля (Squalius cephalus).[5] Итак, ввиду указанных обстоятельств можно уверенно говорить о том, что русское областное *кутум*, *кутун* есть заимствование из персидского или тюркских языков, и что это не совсем

---

[2] За подробностями отсылаем к нашей работе: А. И. Попов. Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957, с. 49.

[3] Заметим, что отношения *комей* (*комьи*) — *комель* в точности те же, что отношение *Гомей* (*Гомъи*) — *Гомель* в топонимике.

[4] См. статью известного ихтиолога В. А. Фаусека в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона (т. VIIA, СПб., 1892, с. 546, «Вырезуб»).

[5] За подробностями следует обратиться к известному сочинению Л. П. Сабанеева «Рыбы России» (I—II, М., 1892, «Вырезуб» и «Голавль»).

темное слово». Точное определение источника заимствования можно будет произвести тогда, когда удастся полностью выяснить отношение между иранскими (персидскими) и тюркско-татарскими данными; дело в том, что в тюркских языках имеются элементы лексики, несомненно относящиеся сюда же. В чувашском языке мы встречаем *кутам*, *кутан* 'голавль'[6] при наличии ряда диалектных вариантов, относящихся к другим рыбам — там, где нет ни вырезуба, ни голавля.[7] Для нас здесь не имеет большого значения выяснение отношений заимствования между тюрками и иранцами в данном случае, так как все равно останутся не вполне уточненными задачи, связанные с определением источника заимствования (либо иранским, либо тюркским) в русский язык (через посредство профессиональных рыбаков или через торговцев рыбой).

Следует отметить, что в настоящее время слово *кутум* перестало играть роль замкнутого диалектизма, так как именно под этим названием продают вырезуба (иногда и похожих на него рыб) в торговых организациях многих городов СССР.

Все эти обстоятельства (т. е. соответствующие вопросу реалии) остались неизвестны М. Фасмеру, как и во многих аналогичных случаях, что и побудило его признать слово *кутум* «темным».

3. «*Бред*, *бредина* 'ива' гдовск., Псковск. обл. ...; бредóвый 'из ивового лыка' ... восходят к *бреду́*, *брести́*, потому что ива растет на сырых местах» — говорит Фасмер, сообщая и другие суждения об этом областном слове, которое распространено несколько шире,[8] чем он указывает, так что и здесь обнаруживается неполнота охвата материала. Однако в данном случае дело не в этом, а в отсутствии всякой возможности признать допустимой прямую связь между *бредина* и *брести*. По-видимому, следует подумать прежде всего об отношении данного элемента лексики к литовск. briedis 'лось', латышск. briedis 'олень', др.-прусск. braydis 'лось', так как *бредина* есть один из основных видов пищи этих животных, как и косуль («диких коз», как их называют обычно охотники); поэтому один из наиболее распространенных видов ивы и носит научное название Salix саргаеа 'козья ива'. Охотоведческая практика полностью подтверждает возможность и даже высокую вероятность подобной этимологии; дело здесь опять-таки в реалиях, а не в случайных сопоставлениях «по созвучию». Заметим еще, что упомянутое Фасмером украинское *бредулец* (Ledum palustre) служит лишним подтверждением правильности

---

[6] В. Г. Егоров. Чувашско-русский словарь. Чебоксары, 1936, с. 274.

[7] Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Чебоксары, VII, с. 48: *котам* (*кодам*), *кутан* (*кудан*).

[8] Торопецк., Осташковск., Пинежск. кроме Гдовск.; в Торопецком говоре часто применяется помимо указанных Фасмером форм еще *бредьё* 'ивняк'.

указанной нами здесь этимологии, так как лоси очень охотно едят эту траву (багульник).

4. *«Бардадым* 'пиковый или трефовый король, король черной масти в карточной игре', тверск. ... Толкование из *бородач* (Преобр. I, 17) вполне приемлемо, но не объясняет словообразования» (далее следует в целом правильное, но слабо подкрепленное дополнение О. Н. Трубачева: «из польск. bernardyn» и т. д.). «Бородач» сюда, конечно, отношения не имеет и рассматриваемое слово действительно произошло от наименования бернардинских монахов, но не прямо из польского, а через белорусское *бардадым* 'бернардинец'.[9]

Помета М. Фасмера *тверск.* может вызвать некоторое недоумение, так как областью распространения слова *бардадым* является вся Россия, причем это, конечно, просторечное, а не диалектное слово в собственном смысле; это, скорее «технический термин» карточной игры, хотя он иногда принимает и другие значения.[10] Применялось это слово и как прозвище; Н. Д. Телешов, описывая московский Хитров рынок в 1902 г., вспоминает: «Хозяин ночлежки, скупщик краденого, звался „Бордодым“».[11] Имеются даже отражения в топонимике, связанные, конечно, с подобными прозвищами и кличками; так например, в «Списках населенных мест» Российской империи прошлого века в Медынском уезде Калужской губернии указано селение Бордадымовка. Но лучшим доказательством общепонятности рассматриваемого слова служит тот факт, что более ста лет назад (в 1858 г.) в Петербурге существовал уличный юмористический листок — брошюра «Бардадым», издававшийся известным тогда журналистом С. И. Турбиным (псевдоним: П. Бахтыгозино).[12]

Все сказанное показывает, что слово *бардадым* далеко выходит за рамки территориального диалектизма и должно рассматриваться, повторяем, как просторечие; на это у М. Фасмера нет и намека, — и его этимология неверна, и материалы недостаточны.

Слово *бардадым* включено во второй выпуск «Словаря русских народных говоров» на совершенно законных основаниях, так как некоторые из указанных там значений этого слова отклоняются от обычного употребления и потому представляют примеры семантических диалектизмов.

Говоря о том, что *бардадым* в своем основном употреблении является скорее просторечием, чем территориальным диалектизмом, мы хотели лишь подчеркнуть широкую распространен-

---

[9] См.: А. И. Попов. Из истории лексики языков Восточной Европы, сс. 49—50.

[10] См.: Словарь русских народных говоров, вып. 2. М.—Л., 1966, сс. 112—113.

[11] Н. Телешов. Записки писателя. М., 1953, с. 235.

[12] См.: Русская периодическая печать (1702—1894). М., 1959, с. 354.

ность этого термина, представляющего или, вернее, представлявшего еще недавно обычное слово из жаргона картежников, независимое от территориального говора.

5. «*Батура́* 'упрямец', ряз., перм. (Даль), обычно связывается с *абату́р* и производится из тюрк. bahadyr 'смелый'». Можно было бы, однако, объяснить это слово как исконнослав., если исходить из знач. 'дубинка' и связывать *батура́* с *бат* 'дубинка', куда относится также укр. *бату́ра* 'кнут'. Между тем, мы читаем у Фасмера также: «*абату́р* 'упрямец' (вят., ряз.) 'нахал' (сарат.)... По Mi. TEl. I, 254, из тюрк. bahadyr 'смелый'... ср. Малов, ОЛЯ, 5, 131».

Далее видим здесь примечание О. Н. Трубачева: «Черныше в... производит это слово от имени польского короля (Стефана) Батория...». На самом деле Стефан Баторий здесь непричем, так как слово *абагур*, *оботур* применялось в качестве довольно распространенного личного имени (прозвища) на Руси задолго до рождения знаменитого польского короля (с XV в.).[13] Совершенно непонятны и семантические колебания М. Фасмера от «смелого» до «дубинки». Так или иначе, этимологическое исследование здесь далеко еще не завершено.

Совершенно не учитываются М. Фасмером даже те черты истории отдельных диалектных слов, которые нам доступны для изучения (к сожалению, подобных черт не так много).

Не принимаются во внимание и следы включения русских диалектизмов в соседние языки; учет таких следов чрезвычайно важен для выяснения истории отдельных элементов областной русской лексики.

В качестве примера возьмем слово *выть*, по поводу которого Фасмер привлекает некоторую, очень небольшую, часть фактов из русских народных говоров, а затем говорит: «Этимология является затруднительной», склоняясь к мнению о германском (скандинавском) происхождении слова. Между тем, следует прежде всего отметить то обстоятельство, что материал говоров здесь огромен, заключает в себе множество семантических разновидностей и оттенков и обнаруживает большие связи с языком официальных актов XV—XVIII вв. (*выть* в разных значениях: 'вытный', 'вытное письмо', 'вытчик', 'повытчик, повытье'). Слово *выть* встречается и в Своде законов Российской империи (1832 г.).

Все это показывает, что значительная доля позднейшего распространения этого слова и связанных с ним производных элементов зависела от большого участия в этом деле Московской и Российской государственности, — и в таком смысле оно вышло в определенное время из первоначальных узких областных ра-

---

[13] См.: М. Н. Тупиков. Словарь древне-русских личных собственных имен. Зап. Русского отд. Имп. русск. археолог. общ., т. I. 1903 (*Абагур*, *Оботур* — 1495 г. и др.).

мок, ограниченных ранее в основном территорией Новгорода Великого, на что указал Ф. П. Филин.[14]

Следует подчеркнуть также и то, что основной смысл древнерусского термина *выть* заключается в понятии о том, что подлежало обложению, т. е. о некотором участке земли, с которого взимался налог, или о той единице налога, которую надлежало взыскивать с определенного участка. Одним словом, *выть* 'окладная и кадастровая единица'.[15] Поэтому для памятников XV—XVII вв. характерны выражения: «взять на нем выть», «имати выти» и т. п.

Эта семантическая окраска, как и первоначальная распространенность слова *выть* в новгородских землях по преимуществу, заставляет искать основу его этимологии в прибалтийско-финских языках. Разумеется, финское диалектное vuitti прямо заимствовано из русских данных; мы подразумеваем здесь другое: эстонск. võtma 'брать', 'взять'; võte 'взятие'; võtlik (võtnik) 'принимающий', 'берущий'; ливск. vött, utt 'брать'. Весьма возможно, что мы имеем здесь начальный исток новгородского диалектного *выть*, получившего затем несколько более широкое распространение благодаря деятельности государства в XV—XVII вв., а также вследствие новгородской колонизации других областей.

Необходимо отметить также удмуртское *выт* 'подать, налог, пошлина' (устар.) и коми данные: *вотны* 'собрать, собирать (грибы, ягоды и т. п.)'; *вотӧс* 'ягоды; предмет сбора (ягоды и грибы)'; *вот* 'подать' (устар.).

Даже если не делать никаких окончательных выводов в отношении этимологии, все же легко видеть, что подлинное богатство разнообразных материалов, связанных с данным гнездом (*выть*) почти полностью осталось вне поля зрения М. Фасмера, переписавшего лишь небольшую часть относящегося сюда русского диалектного материала, а также упомянувшего несколько малодоказательных мнений предшествовавших ему авторов.

В заключение подчеркнем, что мы не определяем здесь отношения между германскими данными, вроде шведского диалектного yte 'подать, налог натурой' и прибалтийско-финскими (а также вообще финно-угорскими) данными; такое установление глубоких этимологических связей не входит в нашу задачу в данном случае, так как лежит далеко за пределами целей этой статьи.

---

[14] Ф. П. Филин. Исследования о лексике русских говоров. М., 1936 (ссылка на эту работу имеется и у Фасмера).

[15] См.: И. Д. Беляев. О доходах Московского государства. Чтения в Московск. общ. истории и древностей российских, М., 1885, кн. 1; А. С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве. СПб., 1890 (гл. II); Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937 (сост. Г. Е. Кочин, под ред. Б. Д. Грекова).

Нередко М. Фасмер стоит перед фактами в области диалектологии, заставляющими признать отсутствие возможности прямой однозначной этимологизации тех или других элементов областной лексики.

Однако, собрав небольшую часть этих фактов, он все же пытается идти прямолинейным путем, хотя в подобных случаях такой путь к цели не приводит.[16] Понимание этого может быть достигнуто лишь при гораздо более углубленном исследовании, при более широком привлечении всего связанного с изучаемыми фактами материала.

Типичным примером в REW является группа слов: *ёлак*, *елёк*, *лелёк*, *лилок*, *леклек* и др., где речь должна идти не о прямом заимствовании, а о чрезвычайно сложном переплетении данных, весьма богатых и захватывающих различные языки: русский, белорусский, украинский, польский, турецкий, татарский, персидский, венгерский, прибалтийско-финские (и финно-угорские вообще) и т. п. При этом без широкого привлечения этнографических и иных данных невозможно правильно осветить картину запутанных отношений, идущих по разным линиям, как в плане звуковом, так и в семантическом.

Мы имеем в этом случае большой материал, излагать который здесь невозможно; можно сказать только, что достаточно прямым заимствованием во всем этом материале является лишь *лекле́к*, действительно усвоенное некоторыми славянскими языками из тюркских, причем это по существу слово не тюркского, а персидского происхождения.

Остальной материал образовался на основе весьма сложных взаимных влияний, сплетений разных языковых сред, народно-этимологических и, по-видимому, табуистических перемен звучания по семантической линии: ночная птица (цапля, козодой, сова и проч.) — летучая мышь (или ночная бабочка) — душа умершего и т. д.

Не входя в подробности, следует только указать, что примеры подобного рода с «этимологической паутиной» вместо прямого единообразного развития этимологической линии довольно многочисленны, но лежат совершенно вне плана работы М. Фасмера.

Можно было бы привести еще много примеров ошибочных или преждевременных, недостаточно обоснованных этимологий диалектных слов в REW, словаре А. Г. Преображенского и других справочниках подобного рода.

Значительное число этимологических справок рассеяно здесь и там и в областном словаре В. И. Даля, и некоторые диалектологи берут их оттуда, забывая, что Даль сам исследованием

---

[16] См.: А. И. Попов. Из истории лексики языков Восточной Европы.

лексики с этой точки зрения не занимался, черпая свои сведения у других лиц.

Так, например, при слове *голбец* у него есть помета «скандинавское», хотя на деле это произвольное и необоснованное утверждение не может быть одобрено (тем не менее, оно попало и в REW Фасмера, как и в словарь Преображенского и другие работы). Если диалектолог желает приводить этимологические справки в своих собраниях областной лексики, то он должен делать это с учетом возможности или невозможности категорического утверждения правильности этимологий.

В сомнительных случаях лучше воздержаться от привлечения подобных справок, тем более, что прямой необходимости в них нет, — диалектный словарь не обязан быть словарем этимологическим. Разумеется, хорошая, верная, доброкачественная этимология полезна и здесь, служа к украшению работы, но при этом надо учитывать то обстоятельство, что даже случайно попавшая сюда необоснованная справка, хотя бы и взятая из кажущегося солидным источника — вроде REW — может нанести значительный ущерб тому, кто не сможет самостоятельно оценить преподносимого ему в готовом виде результата.

В заключение следует подчеркнуть, что мы не имели в виду подробно рассматривать всю литературу по вопросам этимологии тех или других элементов лексики. Лица, работающие над словарем русских народных говоров, естественно, могут обращаться только к известным справочникам, которыми являются этимологические словари Преображенского и Фасмера. Поэтому и наши суждения касаются только этих справочников, в которых далеко не всегда можно найти точное и безукоризненное разъяснение.

А. И. ФЕДОРОВ

Освоение заимствованных слов в севернорусских говорах

О заимствованных словах в севернорусских говорах написано большое количество статей и монографических исследований. Но только в некоторых из них можно найти отдельные наблюдения над процессом освоения заимствованных слов. Так, например, в работе Калима [1] учитываются звуковые законы севернорусских говоров и финского языка при анализе заимствованных слов в севернорусских говорах. Из последних работ можно назвать статью С. И. Ольгович,[2] в которой рассматривается фонетическое освоение заимствованных слов в говорах Сибири. Между тем, как мне представляется, изучение фонетического, грамматического и семантического процессов освоения заимствованных слов в говорах позволит не только точнее установить источник заимствования, ту языковую среду, из которой вышло слово, но и даст возможность выделить в говорах активно действующие закономерности, которые ярче всего обнаруживаются при освоении заимствованных слов.

Автор статьи не претендует на всестороннее и исчерпывающее освещение этого вопроса, он постарается дать лишь отдельные наблюдения, которые могут быть небезынтересными при изучении проблемы в целом.

Самым существенным изменениям подвергается фонетическая сторона слова. Это и понятно: прежде всего заимствованное слово осваивается фонетически.

Если состав звуков заимствованных слов не противоречит фонетической системе говоров, такие слова усваиваются без существенных фонетических изменений. Так, слово *курья* (фин.

---

[1] J. Kalima. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.

[2] С. И. Ольгович. Из наблюдений над фонетическими изменениями при заимствовании иноязычных слов в акающих говорах Сибири. Уч. зап. Томского пед. ин-та, 1962, т. XX, вып. 2.

kurja, 'узкий приток; часть реки, окруженная мелями') заимствовано в древнейшие времена новгородским диалектом, откуда в связи с заселением Севера новгородцами перешло в говоры Беломорья. Слово встречается в Новгородской IV летописи, в новгородских грамотах XIV—XV вв. и в северных грамотах XV—XVII вв. За длительный исторический период произошли смысловые сдвиги в значении слова, но фонемный состав его не изменился, так как он совпадает с соответствующими фонемами севернорусских говоров. Не противоречит артикуляционной базе севернороссов и сочетаемость звуков в этом слове (ср.: *марья, дурья* и т. п.). Количество заимствованных слов, освоенных без существенных фонетических изменений, в севернорусских говорах незначительно. Сюда можно отнести: *пудас* 'рукав реки', *пауна* 'небольшое, заросшее озеро, лужа', *няша* 'вязкий илистый берег', *пахта* 'небольшой утес' и др.

Значительно больше заимствованных слов в севернорусских говорах, освоенных с изменением фонетической структуры, связанной с несоответствием акустических качеств финно-угорских звуков речи акустическим качествам звуков севернорусских говоров.

В результате освоения таких слов звуки и звукосочетания, несвойственные фонетической системе говоров, или исчезают или подвергаются замене звуками, близкими по артикуляции.

Наблюдаются и более сложные процессы. Наиболее последовательно в говорах проявляет себя закономерность соответствия финскому h в начале и в середине слова перед гласными a, i и перед сонорными русскому *г*, фин. hihna — беломор. *гигна*, фин. harva — беломор. *гарва*, фин. Kujva pohja — беломор. *куйпога* и др.

Такой переход финского h, заметно отличающегося от севернорусского заднеязычного глухого фрикативного *х* по артикуляционным и акустическим признакам, можно объяснить прогрессивной аккомодацией глухого согласного перед гласными и сонорными согласными по работе голосовых связок, вследствие этой аккомодации возрастает звучность заимствованного слова.

Этому процессу подвержены в некоторых словах при тех же фонетических условиях и согласные t, p: ср.: фин. taipale — беломор. *тайбола*, фин. mänty — беломор. *мянда*.[3]

Проявляет себя в фонетическом преобразовании слов, заимствованных из финских языков, и другая активная закономерность севернорусских говоров — отсутствие различительных признаков гласных и согласных фонем по долготе и краткости.

---

[3] Следует заметить, что эта фонетическая закономерность при освоении заимствованных слов, в составе которых глухие согласные находятся перед сонорными или гласными, проявляет себя непоследовательно (ср.: фин. kiipakka и беломор. *кипака*).

В процессе освоения финских слов с долгими гласными и двойными согласными в севернорусских говорах происходит стяжение гласных и выпадение одного из одинаковых согласных: ср.: фин. kiipakka — беломор. *кипака*; карел. vaarakka — беломор. *ва́рака*; карел. malttaa — беломор. *малтать*.

При фонетическом освоении заимствованных слов проявляет себя исторический характер действия фонетических законов говоров. Так: финское слово salmi 'пролив' было заимствовано севернорусскими говорами в древний период и подверглось действовавшему в говорах закону полногласия. Поэтому в Межевой книге 1391 г. оно зафиксировано в форме *соломя*. По-видимому, в этот период закон первого полногласия уже перестал действовать и в севернорусских говорах, но они сохраняли полногласную форму этого слова по традиции употребления. Но под влиянием живого общения севернороссов с финнами полногласная форма слова, можно предполагать, постепенно вытеснялась финской формой с сочетанием al перед согласным, т. е. форма с закрытым слогом. В этой форме с изменением окончания (*салма*) слово отражено в поздних севернорусских памятниках письменности и известно в современных говорах.

Существенны и грамматические преобразования при освоении заимствованных слов в севернорусских говорах.

Прежде всего, заимствованное слово подвергается грамматическому осмыслению, которое зависит от действия закона грамматической аналогии и, по-видимому, в отдельных случаях от семантических сближений заимствованных слов с русскими словами, входящими в ту же тематическую группу или представляющими собой видовое или родовое понятие по отношению к понятию, выраженному заимствованным словом.

Заимствованные слова, имеющие на конце согласный, воспринимаются как существительные мужского рода с нулевой флексией в именительном падеже ед. ч. и по аналогии с ними приобретают те же падежные формы: ср.: фин. pudas — беломор. *пудас* 'рукав реки'; карел. ruopas — беломор. *рупас* 'куча камней'; карел. kurikk — беломор. *курик* 'дубина, дровокольная палка'; карел. painos — беломор. *пайнос* 'болотистое место между двумя возвышенностями'.

Заимствованные слова с конечным гласным *а* воспринимаются как существительные женского рода, имеющие флексию *а*: фин. naša — беломор. *няша* 'грязь'; фин. nonka — беломор. *хонга* 'большая сосна'; фин. kurja — беломор. *курья* 'речная заводь'.

По аналогии с существительными этой группы, наиболее распространенной в севернорусских, в том числе и беломорских говорах, видоизменяются и все другие заимствованные существительные с конечным гласным: фин. mantu — беломор. *мянда* 'болотная сосна'; фин. salmi — беломор. *салма* 'пролив'; фин. lampi — беломор. *ламба* 'небольшое озеро'.

Любопытно отметить, что в этой категории слов оказалось заимствованное из финского языка прилагательное harva, которое в финском языке имеет значение 'редкий'. В беломорских говорах это слово, по-видимому, в самом процессе заимствования было переосмыслено: им стали обозначать не качество: *редкий, нечастый*; а по этому признаку называют предмет — рыбачью сеть с крупными ячеями. Слово harva получило в сознании говорящих соотнесенность с определенным предметом, видом сети. Поэтому и родовая принадлежность этого слова ассоциировалась с показателем рода слова *сеть*, этому способствовало и исконное окончание заимствованного слова в именительном падеже. В значении 'сеть' слово *гарва* встречается в новгородских памятниках деловой литературы XV—XVI вв.: «ловят те же крестьяне устье на Видлице реке неводы и сетми и гарвами с весны и до осени лососи и сиги и курву» (Книга писчая Обонежской пятины 1496—1563 гг., с. 75).

Подобные же изменения претерпело заимствованное из финского языка прилагательное *valkea* в значении 'белый'. От слова valkea образовано суффиксальным способом существительное *вальчаг* со значением 'семга, исхудавшая после нереста'. Семга получает такое название по признаку мяса, которое после нереста становится беловатым.

Слова, имеющие в финских языках конечное o, при заимствовании севернорусскими говорами не ассоциируются по этому формальному признаку с существительными среднего рода. Так, например, карел. korgo в значении 'утес' в беломорских говорах приобретает форму существительного женского рода на *а*: *корга*. Оно имеет значение в говорах 'гряда камней в море'.

В беломорских говорах можно отметить некоторое количество глаголов, заимствованных из финских языков и преобразованных по аналогии с глагольными формами русского языка. Ср.: карел. malttaa — беломор. *малтать*, вепск. ribajda — беломор. *рибайдать*, карел. lävzöttäi — беломор. *левзать*. Эти глаголы имеют в говорах все спрягаемые формы.

Полное грамматическое и семантическое освоение заимствованных слов сопровождается вовлечением их в систему словообразования, характерную для изучаемых говоров.

Так, например, от слова *хонга* суффиксальным способом с переходом заднеязычного *г* в шипящий *ж* образовано в говорах слово *хонёжник* (по типу: *осина — осинник, малина — малинник* и др.); от слова *мянда — мандач*. От слова *ламба* с помощью суффикса *ин- — ламбина* со значением 'большое удлиненное озеро на прежнем русле реки', от существительных *няша, лайда, ровда* в беломорских говорах образованы прилагательные *няшевый, лайдовый, ровдяной*. Можно отметить также в изучаемых говорах слова, образованные от заимствованных префиксально-суффиксальным способом: *рада — сурадок* 'небольшая ра[illegible]да,

оросшая мелкой сосной и лиственным лесом', *подрадье* 'местность переходного качества от безлесной болотистой равнины раде'; от существительного *ропас* образованы глаголы *зарасить* 'загромоздить льдами', *нарупасить* 'о льде — наплыть большом количестве в одно место' и др.

Способность заимствованных слов вовлекаться в словообразовательную систему говоров свидетельствует о полном смысловом, фонетическом и грамматическом освоении этих слов: заимствованные слова перестают осознаваться как чуждый элемент системе родного языка, теряют экзотичность языка-источника форме и в значении.

Освоение значений заимствованных слов следует рассмотреть подробнее. Этот процесс отличается сложностью, наличием смысловых сдвигов, образованием новых значений.

Абсолютное большинство заимствованных слов в севернорусских говорах относится по происхождению к финно-угорским языкам. Причина заимствования основной части этих слов — необходимость выразить новые для переселившегося на север русского населения понятия новой для них географической среды, животного и растительного мира, орудий труда, приспособленных к местным условиям, севернорусской одежды, пищи и т. п. Слова, обозначающие эти понятия, заимствовались и осваивались в их номинативном значении в процессе длительного практического освоения севера новгородскими переселенцами, начиная с XII в.

В отличие от исконно русских слов диалектизмы иноязычного происхождения в сознании носителей говоров не имеют мотивированности в значениях, т. е. не имеют внутренней формы того признака, который лег в основу названия. Поэтому семантическое развитие заимствованных слов в говорах находится в скованном состоянии: большинство таких слов моносемично, обладает номинативным значением. При освоении заимствованных слов ярко проявляет себя коммуникативная функция языка: если в говорах нет слова, выражающего новое понятие, то слово, выражающее это понятие, заимствуется без изменений в значении. Например: фин. lahti 'небольшой морской залив', pudas 'рукав реки'; kurja 'речной залив'; ненецк. *ленты* 'чулки из оленьей шкуры', *малица* 'вид шубы, сшитой из шкуры молодого оленя'; хантыйское *нёплуй* (беломор. *неблюй*) 'шкура молодого оленя' и др.

В беломорских говорах известно значительное количество и таких заимствованных слов, значение которых отошло от значения, известного в языке-источнике. Ср. например: фин. salmi 'пролив' — беломор. *салма* 'пролив (но не всякий, а между островами в море)'; фин. lampi 'пруд, озеро без стоков' — беломор. *ламбина* 'озеро, образованное на прежнем русле реки, лесное озеро без стоков'; карел. küpakka 'холм, бугор' — беломор. *купака* 'каменистый низкий берег моря'; фин. pahta 'каменная

плита' — беломор. пахта 'гряда камней в море', фин. mänty 'сосна' — беломор. *мянда* 'мелкая болотная сосна'.

Сопоставление значений слов в языке-источнике и в беломорских говорах, в которые заимствованы эти слова, позволяет установить причину их смысловых изменений: она обусловлена необходимостью выразить частные, видовые понятия словами чужого языка, выражающими общие, родовые понятия, которые уже известны носителям говоров и имеют в говорах свои, национальные средства выражения (фин. mänty — русск. *сосна*; фин. salmi — русск. *пролив* и т. д.). Такое переосмысленное освоение заимствованных слов, по-видимому, происходило в процессе длительного исторического общения севернорусского населения с финскими народами.

Чуждое слово, попадая в речь севернорусского населения, становилось в начале дублетом другого исконного русского слова и постепенно находило себе применение в суженном, видовом значении или бесследно исчезало из языка.

Единичные заимствованные слова в результате длительного исторического употребления стали полисемичными. Слово *тайбола*, например, в беломорских говорах имеет два значения: 1) 'большой промежуток дороги в тайге', 2) 'большое лесное пространство между двумя населенными пунктами'. Первое значение близко к значению этого слова в языке-источнике: фин. taipale 'промежуток, перешеек между озерами или реками, расстояние между двумя привалами в пути'.

Второе значение развилось в говорах в результате переноса по смежности. Слова *макса* (фин. maksa 'печень'), *шаглы*[4] (карел. šalga 'жабры') в отличие от других заимствованных слов имеют равнозначные соответствия в говорах, синонимы общерусского происхождения. Эти слова в севернорусских говорах многозначны: *макса* 1) 'рыбьи молоки', 2) 'печень налима', 3) 'печень морского зверя'; *шаглы* 1) 'рыбьи жабры', 2) 'мясо в жабрах', 3) 'рыбьи скулы'.

Степень распространения значения этих слов в северных говорах различна. Однако и в каждом из северных говоров дифференциация значений слов *шаглы* и *жабры*, *макса* и *печень* еще не закончилась.

В числе слов, заимствованных беломорскими говорами из финских языков, в отдельных случаях могут встретиться такие, причины заимствования которых нельзя объяснить ни факторами смысловой необходимости, ни мотивами эвфемистического порядка и экспрессивного подбора. Примером такого заимствования может послужить слово *сеньга* в значении 'жнивье': Как хлеп

[4] При освоении этого слова в беломорских говорах произошла перестановка согласных звуков и изменение флексии по аналогии с формами женского рода в именительном падеже мн. ч.

ймут — сеньга останется (д. Русома Лешуконского р-на Архангельской обл.).

Слово, заимствованное из карельского языка; sänki 'жнивье'. По всей вероятности, заимствование и освоение этого слова связано с длительными перерывами в занятии земледелием у части беломорского населения, когда оно на десятки лет оставляло этот род деятельности и целиком переключалось на морской промысел. За этот период, надо полагать, многие термины, связанные с сельским хозяйством, переходили в пассивный запас слов и постепенно забывались.[5]

При возобновлении занятий сельским хозяйством эта часть беломорского населения в единичных случаях заимствовала необходимые термины у соседних финских народностей. Распространение слова *сеньга* охватывает не все беломорские говоры. В беломорских говорах, кроме рассмотренного выше слова, есть и другие, заимствованные из финских языков слова, выражающие такие понятия, которые в говорах давно известны и выражены словами, широко известными в русском языке.

Однако в говорах, как и в языке, часто одни и те же понятия характеризуются с разных сторон, передавая различное отношение говорящего к предмету речи. К такого рода заимствованиям относятся: а) слова, выполняющие в говорах роль эвфемизмов; б) слова, эмоционально окрашенные; в) слова, выражающие эффективные действия.

Рассмотрим отдельные примеры. Слово *лемор* в значении 'дьявол', заимствованное из финских языков без изменения значения, по сравнению с общерусскими соответствиями имеет другую сферу употребления. Русские слова *леший*, *дьявол* чаще употребляются в бранной речи, как грубые, ругательные в адрес человека: словом же *лемор* суеверные северяне предпочтительно называют злого духа. Словом *ромода* в значении 'шум', 'брань' (фин. romu 'шум', 'брань') в беломорских говорах выражается часто неодобрительное отношение человека к процессу, который обозначается этим словом.[6]

Слово *рымбать* в значении 'проваливаться в снегу' (фин. rämpiä 'идти по снегу, болоту или грязи') указывает также на эффективность действия. То же следует сказать о глаголах *ри-*

---

[5] Занятие сельским хозяйством на прибрежной части бывшей Архангельской губ. было малопродуктивным и почти не практиковалось вплоть до коллективизации. О жалком состоянии сельского хозяйства в Архангельской обл. в прошлом красноречиво говорят авторы многих статей и книг. См.: М. К. Сидоров. Север России. СПб., 1881; А. Я. Ефименко. Крестьянское землевладение на Севере. М., 1884, и др.

[6] Беломорское *ромода*, надо полагать, возникло в результате аналогии с русскими формами существительных женского рода. Вполне возможно, что в говорах осваивалась не литературная форма romu, а диалектный финно-угорский вариант слова, не известный нам по источникам.

баидать 'ходить в оборванном платье' (вепс. ribaida 'волочить за собой, ходить оборванцем') и др.

Своеобразным путем проходит процесс освоения словосочетаний в беломорских говорах. В словосочетаниях, заимствованных из финских языков в беломорские говоры, при освоении улавливается лишь основной, общий смысл, их соотнесенность с определенным предметом, явлением. Значения слов, входящих в эти словосочетания, как самостоятельные и независимые не выделяются в сознании носителей говоров. Название грамматической структуры чуждых для беломорских говоров словосочетаний, слабое различение пауз между словами, составляющими эти словосочетания, и ударений на словах — все это способствует восприятию заимствованного словосочетания как отдельного слова и преобразованию этого сочетания слов в одно слово. При этом происходит изменение его значения, отход от смысла слов, входящих в словосочетание. Ср. фин. kuiva pohja 'сухая почва', беломор. *куйпога* 'берег, обнаженный отливом'; фин. eda maa 'дальняя земля' и беломор. *едома* 'возвышенность за рекой'. Такой же процесс характерен при освоении моряками-поморами словосочетания, заимствованного из немецкого языка vor dem Winde, беломорское *фордомень* 'попутный ветер'.

В заключение необходимо заметить, что наблюдения, сделанные нами над освоением заимствованных слов в беломорских севернорусских говорах, не могут пока еще служить для категоричных выводов о процессах «вживания» элементов чуждой языковой структуры в заимствующие их говоры другого языка. Эти наблюдения основаны, главным образом, на современном фактическом материале, а заимствование слов и словосочетаний из финских языков началось с древнейших времен и проходило в иных исторических условиях развития финских языков и севернорусских говоров русского языка.

Вполне возможно, что смысловые, грамматические и фонетические соотношения слов между языком-источником заимствования и языком заимствующим были несколько иными.

Для того, чтобы судить об этом, нужны более последовательные показания письменных памятников финского и русского языков, а поскольку этих показаний нет, — необходимо более детальное изучение пережиточных (архаичных) явлений в говорах этих языков.

Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ

Местные слова в составе военной лексики древнерусского языка

Вопрос о роли диалектных влияний на развитие общенародного языка в эпоху формирования великорусской народности и затем — русской нации, определение путей и закономерностей обогащения общенародного языка местными словами и выражениями, установление хронологических границ этих процессов, определение места диалектизма в общенародной лексической системе — все это представляет собой одну из наименее разработанных сторон истории русского языка. Прав П. Я. Черных, заявлявший что «нам еще трудно судить в каждом отдельном случае, при каких обстоятельствах то или иное слово появилось, где оно впервые прочно вошло в разговорный язык, в Москве ли или на периферии, на каком-либо участке великорусской территории, как скоро и почему оно получило более широкое распространение, какими путями это распространение происходило, точно определить хронологические рамки этого процесса».[1] Конкретные пути воздействия территориальных диалектов на развитие языка великорусской народности до сих пор мало изучены, «только в последние два-три десятилетия начали накапливаться наблюдения, касающиеся диалектной дифференциации лексики древне-русского языка».[2] А между тем, для исторической лексикологии важны именно реальные судьбы тех или иных слов или целых групп лексики. В применении к исследованию процессов диалектной лексической дифференциации это означает необходимость установления состава лексических диалектизмов, определение их изоглосс, времени возникновения, прослеживание изменений в их дальнейшей исторической судьбе. Книга Ф. П. Фи-

[1] П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. Изд. МГУ, 1956, с. 186.

[2] Ф. П. Филин. Некоторые проблемы реконструкции древнерусских диалектов. Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968, с. 380.

лина [3] открывает целую серию последовавших за ней диссертаций и статей, посвященных исследованию лексического состава памятников древнерусской и великорусской письменности. В них выявлен значительный слой лексических диалектизмов, локализуемых границами или отдельных фесдальных земель или ряда областей.[4] Особенно заметно диалектные лексические элементы окрашивают язык письменности в XV—XVI вв.

Военная лексика, обслуживая специфическую «профессиональную» деятельность, которая предполагала вовлечение в свою сферу широких масс населения (на ранних этапах истории — всего мужского населения) и требовала объединения усилий всех русских земель в организации отпора врагу, по своему существу должна была противостоять диалектной дифференциации.

Однако, как свидетельствуют и наши наблюдения и наблюдения других исследователей, военная лексика также испытала влияние диалектного расслоения. Тем интереснее проанализировать характер и конкретное содержание этой дифференциации.

Прежде чем приступить к выяснению места и роли диалектных воздействий на развитие военной лексики русского языка XIV—XVI вв., необходимо сделать несколько предварительных замечаний относительно понятия «диалектизм», «диалектное явление» для языка той эпохи.

Известно, что диалектизм — явление историческое; этот историзм проявляется как в том, что положение самого слова в общенародной языковой системе может меняться: общенародное явление становится диалектным и наоборот — диалектные переходят в разряд общенародных, так и в том, что само соотношение диалектов и общенародного языка на разных этапах истории неодинаково. Так, если в современном состоянии диалектные явления противопоставляются не только явлениям, свойственным другим диалектам, но и литературному языку, то в эпоху XIV—XV вв. противопоставляются не местные особенности общенародным, а особенности языка одной области особенностям языка другой области (других областей), при условии, что над ними нет господствующей общенародной языковой системы. Конечно, вопрос этот не следует упрощать, ибо взаимоотношения местных диалектных систем и формирующейся на основе говора Москвы и прилегающих к ней территорий общевеликорусской языковой системы были более сложны и многообразны. На них сказывалось

---

[3] Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей). Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 80, Л., 1949.

[4] См.: В. И. Максимов. Лексика Первой псковской летописи. Автореф. канд. дисс. Л., 1958; В. И. Ильенко. Диалектная лексика в языке общерусских летописей. Автореф. канд. дисс., Днепропетровск, 1960; Ю. Ф. Денисенко. Местная военная лексика псковских летописей. В сб.: Псковские говоры. Псков, 1968, и др.

лияние сложившихся еще в киевскую эпоху и продолжающих играть известную регулирующую роль норм древнерусского литературного языка. С началом возвышения Москвы и Московского княжества значительно оживают центростремительные тенденции в различных древнерусских феодальных землях. Авторитет и влияние норм языка формирующейся народности, отражаемых в московской письменности, все более и более возрастают, и язык Москвы начинает претендовать на роль общерусского, общегосударственного языка. Но, несмотря на все это, остается несомненным и неоспоримым, что «ни в XIV, ни в XV вв. Москва не могла еще выработать своего языка, создать „койнэ", общегосударственный язык. Диалектные различия русского языка все еще расценивались как равноправные, несмотря на быстрый рост влияния государственного языка Москвы».[5]

Поэтому вряд ли относительно эпохи XIV—XV вв. можно говорить о диалектизмах в современном понимании этого термина, как явлениях, имеющих локальное распространение и не входящих в состав литературного (общенародного) языка. Правильнее вести речь о местных словах, отличающих речь одной области от речи населения другой области (других областей). Наиболее подходящими терминами для таких слов будут — местные слова, или локализмы.[6]

Вопрос о положении специальных терминов (относящихся к обозначению понятий местных промыслов, ремесел и т. п.), также как и этнографизмов — слов, обозначающих явления местного быта — и для современной эпохи решается далеко не однозначно. Общеизвестно, что одна часть слов этих категорий «входит в состав общерусских специальных терминологий и к диалектизмам не имеет отношения, другая часть употребляется только в определенных местностях, т. е. имеет изоглоссы и является чужеродной для литературной терминологии».[7] Однако нередко допускается смешение понятий «распространение слова» и «распространение реалии, обозначаемой им». При этом все слова, обозначающие «крестьянские» предметы и явления, относятся к диалектным, областным словам. На многочисленные примеры такого смешения неоднократно указывалось в литературе последних лет, особенно в работах, затрагивающих проблему отбора диалектной лексики в дифференциальный словарь.

Этнографизмы и специальные наименования, относящиеся к обозначению понятий местных ремесел и промыслов, эпохи феодальной раздробленности, как правило, являются местными,

---

[5] В. В. Виноградов. Основные этапы истории русского языка. Русский язык в школе, 1940, № 3, с. 11.

[6] Эти термины, кстати, довольно часто применяются исследователями истории лексики русского языка.

[7] Ф. П. Филин. Проект «Словаря русских народных говоров». М.—Л., 1961, с. 27.

локально ограниченными словами, что прежде всего объясняется относительной замкнутостью общественно-производственной жизни феодальных областей.

При исследовании лексических диалектизмов в эпоху формирования языка великорусской народности важное значение имеет определение лексико-семантических групп и тематических разрядов лексики, в которых диалектная дифференциация сказывается наиболее сильно и заметно. Уже неоднократно отмечалось в языковедческой литературе, что различные тематические разряды лексики по-разному ведут себя в отношении развития диалектальных различий. Чем актуальнее значимость той или иной профессиональной деятельности в жизни коллектива, говорящего на одном языке, чем большее число людей вовлекается в сферу этой деятельности, тем легче и свободнее понятия, явления, действия и процессы, связанные с этой деятельностью, завоевывают всеобщее распространение и известность. Нужды общения, необходимость общепонятности наименований с неизбежностью приводят к формированию общеупотребительной специальной терминологии (профессиональной лексики). Диалектная дифференциация в этих условиях не получает развития. К таким профессиональным лексическим пластам относится и лексика военная. Ф. П. Филин уже отмечал, что в древнекиевский период диалектная окраска военной лексики была выражена слабо, в отличие от таких терминологий, как строительная, речная и морская и т. д., где диалектная дифференциация была значительной. Это подтверждается и нашими специальными наблюдениями над судьбами военной лексики русского языка XI—XVII вв.[8]

Все же система военной лексики также оказалась затронутой диалектальным расслоением, и в ней удается выявить известное число наименований, локализуемых в употреблении границами отдельных феодальных областей. Наличие «диалектизмов», местных слов в псковской и новгородской письменности отмечалось рядом исследователей. Так, В. И. Максимов к «псковизмам» относит слова *пушица*, *пушича*, *захабень*, *захабный*, *кут*, *кутний*, *костер*, *перси*, *приступ* (часть крепостных сооружений); к северо-западным диалектизмам — *вестоноша*, *шестник (сестник)*, *перевет*, *покрутити*, *скрутитися*, *рубити*, *рубитися*, *порубати*, *порубитися*, *срубитися*, *изгонити*, *изгона*, *изгонная рать*, *загонить*, *кумендерь*, *охочие люди*, *розратие*, *торон*(ъ), *кром* (*крем*, *креом*), *костер*. Слова, известные только по псковским летописям: *буртальник*, *бурапыльник*, *люди боевые*, *полезти*

---

[8] Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи, сс. 268—275 и след. См. также: Ф. П. Сороколетов. История военной лексики в русском языке. Л., 1970.

юлов, приправа ратная, рать кованая, рать снастная, ставити ыит.[9]

В качестве «диалектных слов», обозначающих предметы и явления, относящиеся к военному быту, считаются также: *заздъ, суимъ, ушкуйницы, ушкуйницы* (новгородские слова); *сестники* (*шестники*), *взметчики, узметные* (*изметные*) *грамоты, иоговорка* 'переговоры'; *сдобрити* 'помирить, примирить', *прикончание, прикончати* 'заключать мир', *пускичи* 'пушки', *веретенища*, 'осадные снаряды', *сторонщики, торонщики* 'сторонники в борьбе', *кромский* (от *кром*), *заострожье, припор* 'гать, гребля', *хвочий, посоха, охабень, оттуга, рагоза, нерубленые люди, обрубати, убег, заворы* 'осадные орудия' (новгородско-псковские слова); *ордобазар* 'татарское войско', *копейщина* (устюжские и другие северные слова); *кремль, взруб, загородие, внутригородье, юртовище, юшман, аргамачники, сеунч* (северо-восточные слова).[10] Среди 130 местных военных слов, встречающихся в псковских летописях, Ю. Ф. Денисенко называет: *изгонити, завор, довод, искрутитися, наехати, окопатися, выразити, засести, воеводка, выстояти, грамота разметная* (*возметная*), *город* (*град*) 'подвижная башня, используемая для осады города', *замышление, запасти* 'сесть в засаде', *коневник, веретенище, вседати на конь, докончати, колода* 'пушечный лафет', *борозда* 'осадное сооружение', *кормщик* 'фуражир', *выразити* 'вырвать силой взрыва', *высечь* 'пройтись разбоем по стране', *бурапыльник, бурталь ник, иззасести, вымирити, баран* 'осадное орудие', *возград, городки малые.*[11]

Локализация большинства указанных слов границами той или иной области (или ряда областей) убедительно доказывается показаниями письменных памятников XIV—XVII вв., данными из современных русских говоров и других славянских языков. К этому перечню можно прибавить еще такие слова как *загон* 'отряд войск', *подсада* 'засада' и др.

Состав выявленных псковских, новгородских, псковско-новгородских, северо-западных и других диалектизмов, выражающих понятия, относящиеся к военному делу, чрезвычайно характерен в лексико-семантическом отношении.

Значительная часть перечисленных выше слов обозначала понятия военно-строительного дела. Известно, что в строительстве укреплений (острогов, городов, башен и т. п.) в различных областях Руси было много своеобразия. Так, словом *захабень*

---

[9] В. И. Максимов. Лексика Псковской первой летописи. Автореф. дисс. на соиск. ученой степени канд. филолог. наук. Л., 1958.

[10] В. В. Ильенко. Диалектная лексика в языке общерусских летописных сводов XV—XVII вв. Автореф. канд. дисс. Днепропетровск, 1960.

[11] Ю. Ф. Денисенко. Местная военная лексика псковских летописей. Псковские говоры, II. Тр. второй псковской диалектологической конференции. Псков, 1968, сс. 226—239.

(*захаб*) в псковской письменности назывались характерные только для Пскова каменные или деревянные пристройки с внешней стороны крепостных ворот, служившие для их защиты. Это слово (*захаб*) в близком к указанному значению известно и современным псковским говорам — и только им. То же можно сказать и о словах *кут* 'определенный участок (угол) псковского кремля', *охабень* 'часть города или крепости, окруженная отдельной стеной' (от *охабити* 'охватить, окружить'); *перси* (*перши*) 'особый род городских укреплений' и др. Все они обозначали особые, характерные только для псковских укреплений реалии, не имевшие места в других областях. Сравни, например, значение термина *перси кромскыа* 'напольная (обращенная в открытое поле) оборонительная стена Псковского детинца, которая защищала его с наиболее угрожаемой стороны, являясь одновременно фасадной стеной, где располагались ворота детинца'.[12] Если бы перенести эту лексику в современную эпоху и рассматривать ее место в системе современного русского языка, то пришлось бы большинство слов, составляющих группу, исключить из категории диалектных, включив их при этом в категорию специальных «градостроительных» терминов. Сюда относятся: *буртальник* (*бурапылыник*), *возград*, *взруб*, *захабень*, *захаб*, *захабный*, *заханий*, *заострожье*, *замышление*, *загородие*, *внутригородье*, *костер*, *крем* (*креом*, *кром*), *кремль*, *кремник*, *кут*, *кутный* и др.

Вторая, более многочисленная группа слов, относимых к диалектным, составляется из обозначений, употребляемых для называния военных явлений, действий и процессов ситуативно, в качестве временных заместителей, специальных обозначений: *розратие*, *люди боевые*, *полезти долов*, *приправа ратная*, *поговорка* 'переговоры', *сдобрити* 'помирить, примирить', *прикончание*, *сторонщики*, *торонщики*, *оттуга*, *рогоза*, *потрети*, *трети*, *добыток*, *быто*, *выстоянье*, *охвачий человек*, *выстояти*, *поборонити*, *преплыти* и т. д. Это слова, не составляющие основу военной лексики древнерусского языка, а лишь обычно сопровождающие повествование о военных событиях, о войнах, обороне и т. п., которые, попадая в соответствующие условия контекста и вступая в лексико-фразеологические связи с подлинными военными наименованиями, могли обозначать понятия и явления, относящиеся к области военного дела, не теряя при этом тесных связей с бытовыми значениями и употреблениями. Они большей частью выполняют не номинативные функции, а изобразительные, характеристические.

---

[12] П. А. Раппопорт. Перси Псковского крома. Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1956, вып. 62, с. 58. См. об этом также: В. И. Максимов. Лексика Псковской первой летописи, сс. 39—42.

То же можно сказать относительно таких наименований, как *ушкуйники* (*ушкуицы*) ‘новгородская вольница, ходившая в грабительские походы на особого рода лодках — ушкуях’, *сторонщики* (*торонщики*) ‘псковская вольница, добровольцы’, которые к собственно военной лексике причислены быть не могут. Это — слова, лишь ситуативно выполнявшие роль «военных» наименований.

Это обстоятельство сыграло решающую роль в дальнейшей их судьбе: ни одно из таких местных «военных слов» не вошло в состав общерусской военной терминологии нового времени. При этом, многие слова и термины, обозначавшие военные понятия в глубокой древности, вошли в качестве специальных наименований в новую военную терминологию (*полк*, *войско*, *война*, *нападать*, *нападение* и т. п.), причем вошли в качестве основных терминов системы. Что касается таких лексем, как *кумендерь*, *маршалок*, (*в*) *ахмистр*, *мистр* (*магистр*), *гетман*, *ротмистр* (*рохмистр*), *гайдуки*, *кундуры*, *жолнеры*, *жолнерьский*, *кош*, *табор*, *збруя*, *сакма* и т. п., которые также иногда относятся к числу местных слов, то их нельзя, по всей видимости, считать прикрепленными к какой-то области. Это особый вид слов, который занимал особое место в истории русской военной лексики. Составляя лексический пласт иноязычных заимствований разных эпох (преимущественно, однако, времени XVI—XVII вв.), эти слова не могут быть отнесены к определенной области. Областные говоры могли выступать в роли посредника, передающего иноязычные заимствования в формирующийся язык Москвы и Московского государства; именно в последнем они и закреплялись, пополняя состав специальной лексики новыми номинативными средствами. Естественно, что в роли таких посредников выступали прежде всего и главным образом говоры областей, граничащих с иноязычными народами — новгородские, псковские и юго-западные.

Определенная часть местных «военных» слов состоит из видовых наименований, детализирующих обобщающее, родовое наименование общерусского распространения, типа: *рать кованая*, *рать снастная*, *коневая рать*. Общерусское *рать* обозначало ‘войско, военный отряд любой численности, любого назначения’. В новгородско-псковской письменности зафиксированы видовые составные наименования (оба члена сочетания — общерусские слова) для обозначения воинских отрядов особого назначения: *кованая рать* ‘латники, рать в кольчугах, подсобная, инженерная рать’ и т. п.

Расширение числа «военных» диалектизмов происходило также за счет производных образований от общерусских слов. Ср. глаголы: *рубити — рубится* ‘собирать что-либо по раскладке, по разверстке (в том числе и войско)’, от которого в псковско-новгородской письменности были известны: *срубити — сруби-*

тися, *порубити — порубитися*, *обрубати — порубати*. Такая широкая возможность привлечения в сферу обозначения специального понятия производных образований свидетельствует о малой степени специализации и производных и производящего слов.

Наконец, выделяются диалектные слова, незначительно отличающиеся от общерусских своим фонетическим или морфологическим обликом. Ср. псковское *пушица* (*пущица*) и общенародное *пушка*; новгородское *ватаман* и общенародное *атаман* и т. п. Фонетико-морфологические особенности местных говоров, заметно окрашивая военную лексику, придавая ей диалектное звучание, не мешали при этом восприятию слов как общенародных в семантическом отношении.

Нельзя не остановиться и на том, что далеко не все лексические элементы, перечисленные выше и отнесенные исследователями к числу диалектных, являются таковыми в действительности. Отсутствие слова в том или ином местном памятнике, в том или ином круге памятников не может служить достаточным основанием для заключения об отсутствии слова в говоре. «Делать какие-либо замечания об исконной ограниченности распространения слова на основании незасвидетельствованности этого слова в древних памятниках других славянских языков весьма опасно».[13] Тем более опасно делать какие-либо заключения на основании ограниченного круга памятников.

Так, утверждалось, например, что слово *соха*, как обозначение податной единицы, было известно только московским деловым документам и не встречается в памятниках новгородских (О. В. Горшкова[14]). При детальном обследовании новгородско-псковских памятников было обнаружено слово *соха*. То же случилось и со словом *перемирье* 'установление мирных отношений после войны'. Можно предполагать, что термин *сторожевой полк* с самого своего возникновения не был локально ограниченным наименованием одного из важнейших явлений военной организации русского войска XVI в. Дальнейшие разыскания в исторической лексикологии должны подтвердить предположение об общерусском характере сочетания *сторожевой полк*.

Все это не означает, что в военной лексике древнерусского и старорусского языка совершенно отсутствуют местные, диалектные наименования. *Гридь*, *загонь*, *подсада*, *загонити*, *копити*, *посоха*, *буратальникъ*, *костеръ* и др. представляют собой подлинные местные слова (по крайней мере, в начальный период существования) со специализированным военным значением. Мно-

[13] А. В. Исаченко. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков. Slavia, roč. XXVII, Praha, 1958, с. 335.

[14] О. В. Горшкова. Язык Московских грамот XIV—XV вв. (лексика и фразеология). М., 1951, с. 50.

ие из них функционировали в качестве местных синонимов общенародным словам. Так, новгородские памятники знают и общерусское *засада* и местное *подсада*; в псковской письменности рядом с местным *веретеница* употребляется общерусское *оскаты* 'лафет пушки' и т. д.

Очень важно установить временные границы, в рамках которых наблюдается наиболее интенсивное развитие диалектной дифференциации военной лексики.

Можно утверждать, что вплоть до XIV в. военная терминология древнерусского языка была почти целиком общерусской. Лишь единичные слова этой тематической группы с большей или меньшей достоверностью могут быть отнесены к местным. Причем противопоставлялись, как правило, две категории — слова, известные по севернорусским памятникам, и слова, отмеченные только в южнорусских памятниках.

Так, в новгородской и псковской письменности зафиксированы термины *подсада* в значении общерусского 'засада, загон (воинский отряд, посланный для выполнения какой-либо особой задачи)', *заезд* с тем же значением, *коневьник*, *шестник* (*сестник*), *гридь*. Только из письменности юга известны: *берладник*, *бронидець* и др.

Однако список слов, локализуемых определенными областными границами, в старшую эпоху древнерусского языка невелик. Ср. подсчеты хронологического распределения местной лексики в статье Ю. Ф. Денисенко: XII в. — одно слово, XIII в. — 4, XIV в. — 10, XV в. — 16, XVI в. — 13, XVII в. — 4.[15] Наибольшее число местных слов приходится, естественно, на время большей изолированности, большей самостоятельности русских феодальных областей, т. е. на XIV—первую половину XVI в.

В истории военной лексики отчетливо проявляется воздействие социальных факторов на развитие языка, прежде всего его лексического состава.

В XI—XIII вв., когда влияние нормы русского литературного языка древнекиевской эпохи наиболее сильно, военная лексика состоит почти целиком из общерусских слов; областные, диалектные элементы в военной терминологии занимают очень скромное место, которое при общей характеристике состояния этого пласта лексики может не приниматься во внимание. В XIV—первой половине XVI в. наиболее активно проявляются центробежные тенденции, приводящие к заметному оживлению диалектного расслоения в русском языке. Диалектное расслоение захватывает и сферу военного словоупотребления. Диалек-

---

[15] Ю. Ф. Денисенко. Местная военная лексика псковских летописей, с. 233. — Хотя в статье учтены не все местные слова изучаемой группы (точный подсчет вообще вряд ли возможен), тем не менее картина представляется довольно убедительной.

тизмы этого времени представляют род локализмов, местных слов, так как им не противопоставлялись общенародные наименования, а лишь наименования, ограниченные в употреблении рамками других областей, равноправные с ними. Однако сложившаяся в киевскую эпоху общерусская система военной лексики оказалась настолько устойчивой, что и в эпоху феодальной раздробленности она, хотя в какой-то мере окрашенная местными чертами, продолжала функционировать без коренных изменений.

Вторая половина XVI—XVII вв. — время консолидации великорусской народности, когда язык Москвы заявляет о себе как о языке общем для всего великорусского народа, о языке государственном. Диалектные различия в военной терминологии не только не развиваются, но даже прекращают существование те элементы различий, которые возникли ранее, в эпоху наибольшей изолированности отдельных феодальных областей.

Противостояние военной лексики диалектной дифференциации на всех этапах ее истории объясняется, кроме указанных выше причин, еще и положением «военной профессии» в общественной жизни народа. Военная деятельность, задачи обороны страны требовали вовлечения широких масс в военную службу, ставили их перед необходимостью знакомства с военным бытом, с основными военными понятиями. Даже в самые лихие годы феодальной раздробленности русские люди из разных областей объединялись для отпора общему врагу. В этих условиях общепонятность и общедоступность военной лексики были неизбежны, ибо это являлось основным условием взаимопонимания и общения.

Л. И. БАЛАХОНОВА

Из истории диалектной лексикографии

В предисловии к «Опыту областного великорусского словаря, изданного Вторым отделением императорской Академии наук» (1852) говорится: «Программа оного, по соображении мнений членов Отделения, написана академиком И. И. Срезневским. Редактором собранных материалов избран был Отделением о(рдинарный) академик А. Х. Востоков».

Хранящееся в Архиве Академии наук СССР в Ленинграде «Мнение о правилах, которых должно держаться при издании Областного Русского словаря»,[1] написанное выдающимся русским языковедом И. И. Срезневским, и является этой Программой — первым в отечественной лексикографии проектом сводного словаря русских народных говоров.

Подготовку Областного словаря Второе отделение Академии наук начало в конце 1845 г., разослав директорам и смотрителям губернских гимназий и училищ краткую программу для собирания местных слов и выражений.[2] Редактором Словаря в 1847 г. был назначен А. Х. Востоков. Он составил «Записку»,[3] излагающую самые общие принципы обработки и издания собранных областных материалов. Областной словарь рассматривался как дополнение к «Словарю церковнославянского и русского языка» 1847 г., поэтому, начиная работу над ним, составители не считали нужным давать разработку каких-либо особых принципов его составления по сравнению со Словарем 1847 г. Характерно, что в «Записке» А. Х. Востокова создаваемый труд

[1] Текст «Мнения о правилах» вписан рукой И. И. Срезневского с его подписью в протокол заседания отделения 12/XI 1849 г. Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1, № 108.

[2] См. подробней об истории составления «Опыта областного словаря» в статье: Л. И. Балахонова. История составления «Опыта областного великорусского словаря» и «Дополнения» к нему. В кн.: История русской диалектологии. М., 1961, сс. 98—125.

[3] Архив АН СССР, ф. 108, оп. 1, № 284.

даже не назывался еще словарем, а лишь «Собранием областных слов» или «Сводом областных слов». В «Записке» указывалось, что «Свод» также, как и Словарь 1847 г., будет построен по алфавитному принципу, что по образцу этого словаря будут даны к областным словам грамматические пометы и что те из областных слов, которые помещены в Общем словаре 1847 г., здесь даваться не будут.[4] Вопрос об определении значений слов не ставился в «Записке» вовсе: само собой разумелось, что толкования слов будут перепечатываться в том виде, в каком были присланы местными собирателями; редактор не считал себя вправе что-либо исправлять и изменять. Разработка вопросов структуры словаря ограничивалась в «Записке» единственным указанием на то, что одно и то же слово, употребляемое в разных губерниях, в «Своде» помещается «однажды, с указанием, где и в каких значениях употребляется». Более подробно А. Х. Востоков остановился только на круге источников будущего словаря как на вопросе, основном для данного издания. К материалам, присланным по программе Академии, А. Х. Востоков присоединил единственный печатный источник — «Труды Общества любителей российской словесности». Из «Трудов» извлекались напечатанные в них лексические областные материалы, но только по тем губерниям, которые не были представлены в материалах Академии (позднее наметился третий источник — областные слова, собранные в разное время и выписанные из разных изданий членами Академии).

На основе этих общих правил А. Х. Востоков составил в рукописи весь словарь, и в 1849 г. началось его печатание. В августе 1849 г. на заседании Отделения был зачитан первый корректурный лист. Он показал создателям словаря, что при лексикографической обработке диалектной лексики нельзя ограничиться методами, предложенными А. Х. Востоковым, что на основе их издается не словарь, а материалы для словаря, что необходимо немедля решить кардинальные вопросы построения именно областного словаря, выработать способы обработки и подачи диалектной лексики. «В этом труде, — писал П. А. Плетнев в отчете по Отделению, — беспрерывно возникают вопросы, совершенно отличные от тех, которые уже решены были при составлении Словаря общего русского языка».[5] Именно поэтому и было поручено в это время молодому члену Отделения, тогда еще адъюнкту, И. И. Срезневскому, по-настоящему заинтересованному вопросами диалектологии и лексикографии, «составить

---

[4] Позднее составители отказались от этого правила и вносили в «Опыт областного великорусского словаря» областные слова, уже помещенные в Общем словаре 1847 г., если в распоряжении составителей были сведения о географическом распространении этих слов.

[5] ЖМНП, 1851, ч. XIX, отд. III, сс. 29—30.

правила для печатания Областного словаря».[6] Составляя эти правила, И. И. Срезневский должен был, однако, учитывать тот факт, что перед ним в основном завершенная работа, которую поздно переделывать коренным образом, а следует лишь устранить очевидные ошибки, промахи, непоследовательность. Это и определило его подход к разработке основных принципов данного словаря.

Через две недели после того, как ему было поручено составление «правил», на заседании Отделения 12 ноября 1849 г. И. И. Срезневский зачитал свое «Мнение о правилах». Оно было принято, и Отделение поручило И. И. Срезневскому исправление первых корректурных листов, а остальные должны были печататься уже с соблюдением принципов, изложенных во «Мнении о правилах» (хотя некоторые из принципов так и не были соблюдены). В своем «Мнении о правилах» И. И. Срезневский касается разных вопросов, составляющих специфику именно областного словаря, но первое место среди них занимает одна из самых важных и сложных проблем — отражение в словаре фонетических особенностей разных говоров и орфография диалектных слов. Основной раздел «Мнения о правилах» поэтому так и называется «Произношение и правописание».

Неопубликованное «Мнение о правилах» И. И. Срезневского представляет несомненный интерес для диалектологов и особенно лексикографов. Круг поставленных в нем вопросов, не утративших актуальность и в наши дни, имеет принципиальное значение для областных словарей. Вопросы, выдвинутые И. И. Срезневским, получили дальнейшее развитие и уточнение в «Проекте словаря русских народных говоров»,[7] подготовленном Ф. П. Филиным, на основе которого в Институте русского языка АН СССР в настоящее время создается второй после «Опыта областного великорусского словаря» сводный диалектологический словарь — «Словарь русских народных говоров».

Ниже мы публикуем текст наброска проекта областного словаря И. И. Срезневского.

Мнение о правилах, которых должно держаться при издании Областного русского словаря

Простонародный областной язык отличается от литературного, во-1-х — особенными *словами*, которых в литературном нет, и особенным *значением* слов, во-2-х — особенным произношением.

---

[6] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1, № 108, 29/X 1849.

[7] Ф. П. *Филин*. Проект «Словаря русских народных говоров». М.—Л., 1961, с. 198.

I. Слова и их значения

Слова областные все любопытны для филолога — одни как материал для историко-лингвистических исследований, другие для объяснения древних памятников языка. Все они заслуживают место в Словаре, если только действительно употребляются где-нибудь народом. Опущены могут быть разве только те, которые, по своему неприличному, безнравственному значению, могут казаться неуместными в книге, предназначаемой для менее или более общего употребления.

Само собой разумеется, что всякое слово должно быть помещаемо в прямой своей форме, а не в какой-нибудь косвенной. Если же слово употребляется не во всех косвенных формах, а только в некоторых, то в Словаре должны быть обозначены все формы, уцелевшие в народе; но не каждая форма отдельно, как особенное слово, а все вместе.

Не менее важно для филолога и каждое особенное значение слова, сколько бы ни было оно местно, лишь бы было народно, и лишь бы, как замечено выше, не нарушало правил приличия, принятых редакцией. Из числа разнообразных значений слова одно должно быть первое, прежде других существовавшее, а другие появились после: долг редакции, основываясь на правилах сравнительной филологии, отмечать это первое значение и вслед за ним располагать остальные значения в порядке.

Само собой разумеется, что определения в Словаре не должны быть напрасно повторяемы. Если два или несколько слов значат совершенно одно и то же, то определение должно быть помещаемо только при одном из них, а при других только ссылки на это определение. Если два или несколько слов и не имеют совершенно одного и того же значения, но оттенки смысла их обозначаются в правилах грамматики (напр. виды глаголов или уменьшительные и увеличительные слова), то равным образом определение должно быть помещаемо при одном из этих слов, более близком к первообразу или более других известному, а при других ссылку на это слово с приложением грамматического отношения их смысла.

Говоря о словах и их значении, нельзя не упомянуть о выражениях. Нередко некоторые слова получают в некоторых поговорочных выражениях особенную форму и особенное значение. Напр., *по делом*, *в двоем*, *по русски*, *к стати*, *быть так*, *ну то то же* и т. д. Такие выражения не должны занимать место особенных слов, а находиться при словах, из которых они состоят: *по делом* должно стоять под *по* и *дело*, *по русски* под *по*, *в двоем* под *в* и *двое*, *к стати* под *к* и *стать*, *быть так* под *быть* и *так* и т. д. Так и во французских словарях ни les ciels (небо во рту) не ставится отдельно от ciel — cieux (небо — небеса), à la в à la française, à la Napoleón и т. д. отдельно от à, ни aumi-

eu, отдельно от milieu, ни даже parceque отдельно от par пр.

Такое присоединение выражений к словам помогает разумению смысла слов, освобождает словарь от излишней пестроты разбивчивости, придает ему последовательность, столько необходимую в трудах такого рода.

II. Произношение и правописание

Самые резкие черты отличия отдельных говоров заключаются в особенностях произношения. Одно и то же слово может быть произносимо в разных местах очень различно: от этого однако оно не сделается многими словами. При слове должны быть поставлены все его выговоры, а если это трудно по неприготовленности материала, то, давая выговору слова место между словами, все-таки отделять его от слов особенным шрифтом, не определяя его как особенное слово, а ссылаясь на слово; напр., *аржаной,* см. *ржаной.* Впрочем, ставя в Словарь все выговоры всякого из слов в азбучном порядке, едва ли можно дойти к твердому результату. По крайней мере, при помещении выговоров должно держаться определенных правил постоянно и неизменно.

Отличия произношения зависят от двух главных причин. Одна из них — особенное местное развитие фонетики, в силу которого каждый из отлично употребляемых звуков употребляется в известных случаях в одной области отлично от другой во всех словах, где он есть. Определить эти черты местных развитий фонетики есть дело грамматики, а не словаря, а если и положено изложить их в словаре, то не отдельно по словам, а в предисловии на том же основании, как нельзя в словаре говорить об общих правилах словоизменения нигде, кроме предисловия. Другая причина особенностей областного произношения слов зависит от случайной прихоти говора, не подлежащей никакому общему требованию фонетики. Эти случаи должна отмечать и грамматика, но не может опустить из виду и словарь. Основываясь на этом, не следует помещать в словаре особенно ни одного местного выговора слова, который может быть легко объяснен в общем обозрении местных видоизменений фонетики, а только случаи исключительные. Так, одни глаголы оканчиваются на *ть—чь,* а не *ти—чи,* другие на *ся, са, си, сы:* в словаре должно выбрать одну форму для каждого рода глаголов, а другие формы обозначить только в предисловии; так, *о* без ударения выговаривается и как *о* и как *а,* или *е* без ударения как *е,* как *я,* как *и,* *ѣ* выговаривается где как *е,* а где как *и* во всех словах, и т. д.: в словаре должна быть принята одна только форма, а другие видоизменения объединены в предисловии. Что же касается до того, какому из различных выговоров дать преимущество, то этот вопрос может быть, кажется,

решен довольно легко. Выговор более сообразный с характером всего языка народного всегда должен быть предпочтен всякому другому. При этом следует только сделать некоторые ограничения в отношении к соблюдению правописания, принятого в литературе. Более других важны, по моему мнению, следующие: во всех случаях, где общий народный выговор противоречит литературному правописанию, надобно писать по выговору народному. На этом основании, так как в народе отличаются *г* (*g*) от *г* (*k*) и *é* от *ё* должно бы дополнить количество букв, принятых в правописании литературном, буквами недостающими. На этом же основании, так как имена прилагательные муж. рода всегда и везде в народе выговариваются на *ой* или *ей*, а не на *ый* и *ий*, не следует оканчивать их на *ый, ий.*

Во всех случаях, где выговоры местные различаются, надо оставить правописание литературное: *ть—чь* в глаголах вместо *ти—чи*, *ся* вместо *са*, *си*, *сы*, *о* без ударения вместо *а*, *е* без ударения вместо *я, и,* ѣ вместо *и*, *ц* вместо *ч* (в словах *отец, купец* и т. д., произносимых как *отечь, купечь* и пр.).

‹Кроме того, надобно удержать литературное правописание в тех случаях, когда звук согласный выговаривается иначе чем должно, от невозможности выговорить его иначе, т. е. по случаю стечения букв звучных (*б, в, г, з, ж*) и незвучных (*т, ф, к, с, ш*), как в словах *сватьба, рогожка, второй,* где должно удержать *т, ж, в* не изменяя в *д, ш, ф*›.[8]

При этом необходима оговорка и относительно словоударения. Как одно и то же слово, имея по разным местностям разные выговоры, не сделается от этого из одного слова несколькими, так не сделается оно несколькими от различия в ударении. А если так, то слово, как бы ни различно слогоударялось, должно занимать в Словаре только одно место.

Следовательно слово, различно ударяемое, должно в Словаре областном ставиться вовсе без ударения, а разные способы его слогоударения должны быть поставлены в скобках с обозначением местностей, где употребляется то или иное ударение.

Впрочем все эти правила почти без исключения годятся только для такого Словаря, в котором соединяются слова многих местных говоров. Если в виду только один говор, то произношение должно быть вполне согласно с выговором во всех тех случаях, которыми обрисовывается местное развитие звучности языка.

И. Срезневский

---

[8] Заключенный в ломаных скобках текст приписан рукой И. И. Срезневского на полях.

В. Я. ДЕРЯГИН

Об употреблении диалектных слов в памятниках местной деловой письменности (слова *деревня, починок, подворье, двор* в важских актах XVII века)

Строго локализованные и точно датированные памятники местной деловой письменности XV—XVIII вв. служат важнейшим источником для изучения истории русской диалектной лексики. Однако источники эти своеобразные. Очевидны существенные их отличия от записей живой речи, сделанных диалектологами в процессе непосредственного наблюдения над языком.

При изучении истории диалектной лексики по данным деловой письменности следует обращать внимание прежде всего на употребление в документах местного происхождения общерусской терминологии, элементов общерусского «приказного языка» — это специфические признаки именно памятников делового характера, в первую очередь актов. Хотя и акты с точки зрения возможностей для проявления в них индивидуального и традиционного начал и отражения живой речи их создателей можно дифференцировать. Одни в общей своей форме — в шаблоне — следуют образцам, созданным вне данной диалектной среды; другие в той или иной степени формированием своего шаблона обязаны местной традиции. Указанные различия находят отражение в приемах использования терминологии, формул и других элементов «приказного языка», обнаруживаемых в памятниках делового письма. Нельзя не учитывать при анализе этих источников также и общего консерватизма письменной речи в сравнении с речью устной, проистекающей из стремления писцов равняться на образцы не только в употреблении терминов и традиционных для делового письма формул, но в какой-то мере и в общем словоупотреблении.

Указанные здесь в самом общем виде все эти обстоятельства диктуют необходимость глубокого изучения проблемы индивидуального словоупотребления в деловой письменности — изучения деловых текстов как речевых актов. Кроме сравнительного анализа показаний памятников, различных в жанровом отноше-

нии, проблема индивидуального словоупотребления включает в себя исследование слога отдельных писцов. Справедливо замечание С. И. Коткова о том, что «характер лингвистического источника, скажем, памятника письменности (его лингвистическая информационность) определяется и общими условиями (развитие письменности, состояние орфографии и т. д.), и более или менее существенными индивидуальными обстоятельствами, связанными с личностью писца».[1] Для многих видов документов немаловажным моментом, определяющим своеобразие того или иного текста, является влияние заказчика на язык памятника. Это влияние заметно более всего в лексике и фразеологии, определить его помогает сравнительный анализ текстов, созданных одним писцом для разных лиц и разными писцами для одного лица. Влияние ситуации создания того или иного текста должно быть также учтено, так как разного рода ситуативные включения сказываются на языке памятника.

В конечном счете важно выяснить все обстоятельства, способствующие или препятствующие появлению в текстах делового содержания диалектных слов (словарных и семантических диалектизмов),[2] определить их взаимодействие с явлениями иных языковых систем.

В настоящей статье рассматривается употребление группы контекстуально связанных между собой слов — *деревня*, *починок*, *подворье* (*подворьице*), *двор* (*дворец*), а также образованных от них прилагательных — в документах, принадлежащих восьми писцам, дьячкам Богословского Важского монастыря Шенкурского уезда. Рукописи относятся к 1618—1682 гг., хранятся в Государственном архиве Архангельской области (далее — ГААО, ф. 829, оп. 1). Основным материалом для анализа служат тексты 40 договоров на аренду монастырской земли — порядных (среди них 5 покладных писем, кратких текстов).[3] Учтены также все случаи употребления указанных слов в имеющихся в нашем распоряжении текстах, подписанных этими писцами. Для сравнения использованы другие рукописные документы из фондов ГААО, Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА) и записи живой речи, сделанные ав-

---

[1] С. И. Котков. О развитии лингвистического источниковедения. Вопросы языкознания, 1968, № 2, с. 143.

[2] Ф. П. Филин. Об областном словаре русского языка; В. Г. Орлова и А. И. Сологуб. Изучение диалектной лексики при подготовке областных (региональных) словарей русского языка. Лексикографический сборник, вып. 2. М., 1957.

[3] Порядные как вид документов сложились в местной традиции (на Ваге и Двине). Полный список рассматриваемых в статье документов, их описание и образцы текстов см.: В. Я. Дерягин. К вопросу об индивидуальном и традиционном в деловой письменности (на материале важских порядных XVII в.). Русский язык. Источники для его изучения. М., 1970.

ором в Шенкурском районе Архангельской области в 1956—1959 гг.

Из 40 порядных и покладных писем в 25 документах, принадлежащих всем восьми писцам, в качестве единственного названия для объекта арендного договора использовано слово *деревня*, обозначающее участок земли вместе с жилыми и хозяйственными постройками. В этих 25-ти документах слово *деревня* выступает, как правило, во всех содержательных частях текста как в составе устойчивых сочетаний-формул, выработанных местной традицией для данного вида документов, так и в свободном употреблении — в составе своеобразных для того или иного текста оговорок договорного акта. Эти употребления определенным образом соотносятся с применением в качестве общих названий для объекта арендного договора в 12 документах (у трех писцов) слова *починок*, в двух документах (у одного писца) слова *подворье* и в одном документе слова *подворьице*.

Рассмотрим словоупотребление в документах отдельных писцов.

Писец А. Иванов: «Се аз Филипъ Евсеевъ снъ Липарев порядился | есми ѹ бгословского іг҃ѹмѣна Еѳеимия <...> | в бгословскѹю дрвню в Мидляшскѹю волость | <...> пахать мнѣ Ѳилипѹ та дрвня всѧ | на собя пашнѣю доброю дрвни запѹстошит | <...> а давать мнѣ Ѳилипѹ | с тоѣ дрвни Бгосло|вѹ в мнстрь в три года по десяти мѣръ на | год ржы <...> а дань | и оброкъ і всякоѣ гсдрво тягло <...> платить | мнѣ Ѳилипѹ с тоѣ дрвни с обжи со крстьѧны | в ряд и мнстрьскоѣ мнѣ зделе с тоѣ дрвни | делать со крстьяны вмѣсте а прирядился ѧ | Ѳилипъ в тоѣ дрвню ни ко ржѣ ни к паромъ а проч | ѧ поидѹ послѣ срочного лѣта ис тоѣ дрвни ино рож | на землѣ и пары мои Ѳилиповы а что тое | дрвни пахал до меня Соѳонъ и мнѣ Ѳилипѹ тож | пахать тоѣ дрвни всѣ на собя» (№ 1055, 1632 г.);[4] то же в другой его порядной (№ 813, 1618 г.).

Ср. также в «досмотре и переписи статков» старца Елисея, принадлежащих перу А. Иванова: «в дрѹгои колоткѣ памяти и отписи Корбалскои | дрвни в платежѣ дрвньском поселника| старца Ондреяна. въ третеи колотке | такие ж отписи дрвньскиѣ» (№ 623, 1631 г.).

В порядной писца Г. Козмина, кроме указанных уже, типичных для арендного договора формулировок со словом *деревня*, находим: «а в тои же их бго|словскои дрвне поставити приставки сенникъ но|вои <...> да нам же | поставит в тои дрвне на монастыр сена до|брого тритцат кучь» (№ 807, 1634 г.).

[4] Отрывки из текстов воспроизведены в соответствии с правилами, принятыми в изданиях поздних памятников письменности, осуществляемых Институтом русского языка АН СССР. Утраты текста обозначены знаком многоточия, восполнения, сделанные автором, даны в квадратных скобках, авторские сокращения обозначены многоточием в угловых скобках.

У писца М. Иванова также: «а которые ѹгоди у тои деревни преж сего было рыбные | ловли и нам тѣм владѣти по сеи порядноі и впредь» (№ 942, 1636 г.); то же в другой его порядной (№ 633, 1636 г.).

Писец С. Попов в одной порядной точно так же использует слово *деревня* (№ 608, 1638 г.). В другом документе — собственной его порядной на должность дьячка — применено слово *починок* как в сочетании с собственным именем — названием *починка*, так и в свободном употреблении: «а рядили мнѣ онѣ за рѹгѹ| црковную и за мѣкиину (*так в ркп.*) починок Буковскои. гдѣ жил Са|моило Степанов что мнѣ тот починок пахати самому | на себя и пашнею дрвни не пустошит» (№ 950, 1636 г.). Здесь примечательна замена слова *починок* синонимичным *деревня* в фразе, постоянно применяемой в порядных (ее можно рассматривать как типичную для данного вида документов формулу), ср.: «а пашнею дрвни не запустошити» (№ 608).

Писцу Н. Аефину принадлежат три порядных на землю. В начальной формуле одной из них применено слово *деревня*: «...ца Деонися да у казначея старца Васьяна | <...> на их мнстрскѹю бгослов|скую дрвню в Шеговарскои волсти»; далее во всем тексте писец обходится без названия объекта договора (№ 1059, 1652 г.). В двух других порядных Н. Аефина во всех содержательных частях документов находим слово *подворье*, но обращает на себя внимание явно непроизвольные, идущие от писца, замены его словом *деревня*: «Се ѩз Федор Ананинъ Третяковъ Болшакова порядил|ся есми Бгословского мнстря ѹ игумена Ефрема <...> на их мнстрь|ское бгословское бобылское подворье в Медляшскои влсти | <...> земли пахати орав сѣяти и руно всякое хлѣбное и сѣ|нное с тово бобылсково подворя самомѹ на собя сни|мати <...> и в дрвне том бобылском подворе жердье и ко|лья добывати <...> а жывѹчи | мнѣ Ѳедорѹ в том в бгосвскомъ мнстрьском подворе | сдѣлье всякое мнстрьское дѣлати <...> и дан в мнстрь с тово подворья | платити <...> а проч поидѹ ино на | том подворе рож и пары мое ж Ѳедорово» (№ 945, 1643 г.); «Се аз Онаня Степанов снъ Заявлова (*так в ркп.*) поря|дился есми ѹ игумена Еѳрема <...> на два подворя их | бгословские земли пахати <...> на первую дрвну на по|дворе Козинское за рѣчкою Пенѣжною | в конце власти Пѣнежки а на другое подво|рье Филинское на Березнике»; далее в тексте еще 14 раз упомянуто *подворье* (№ 609, 1643 г.).

Четвертый договорный документ, принадлежащий писцу Н. Аефину, — порядная нового игумена Ефрема на игуменство в монастырь. В ней находим: «а ког бѹдет в мнстрьскои вотчине | в дрвнях лучитца крстьян рядити і вырядити і внов на ево | мѣсто іново порядити. ино мнѣ игумену Еѳремѹ | крстьян Бгословског мнстря рядити і выряжати и перемяняти | з братцког собору» (№ 1031, 1641 г.). Как видим, одного названия

деревня достаточно для обозначения всех монастырских хозяйств (земельных участков), сдающихся в аренду крестьянам.

Писцу О. Перевозскому принадлежат 24 порядных (среди них 5 покладных писем). В 13 документах в качестве единственного названия для объекта арендного договора употреблено слово *деревня* (№ 841, 1647 г.; № 674, 1647 г.; № 921, 1647 г.; № 654, 1652 г.; № 964, 1654 г.; № 883, 1656 г.; № 820, 1657 г.; № 612, 1657 г.; № 988, 1657 г.; № 1067, 1664 г.; № 941, 1666 г.; № 1249, 1666 г.; № 1246, 1670 г.). В одном из них речь идет о *половине деревни*, и это сочетание заменяется простым обозначением словом *деревня*: «Се аз Ѳедос Петров Ѳомина Бгословского мнстрꙗ хрстьанин портꙗ|дился есми того ж Бгословского мнстрꙗ ѵ игумена Макаріи | <...> на Кучематку в пѡ|ловину бгословскіе деревни <...> а пріѣхалъ | ꙗ в тое ихъ половину деревни ко рже и къ парам а какъ | вон поѣдѵ из деревни іно мнѣ на землѣ рож оставит | насѣꙗна <...> а посыпного хлѣба давать мнѣ съ своеі | доли с тое деревни въ бгословскую казну <...>» (№ 988).

В шести документах О. Перевозского применено только слово *починок* во всех частях текста, причем в начальной формуле сочетание *пашенный починок*, например: «Се аз бгословскои вотчины пашеннои бобыль Григореі Василисков сынъ Рѵдова | портꙗдился есми того ж Бгословского мнстря мнстрꙗ (*так в ркп.*) ѵ игумена | Макаріи <...> въ их мнстрьскои пашеннои починокъ | <...> а портꙗдился ꙗ ѵ них в тот починокъ | <...> а пріѣхал ꙗ в тот их починок къ парам | а ржы мнѣ сѣꙗть в том починкѣ <...> что игу|менъ Макаріи и братіꙗ прикажут» и т. д. (№ 696, 1657 г.; то же в № 1069, 1657 г.; № 618, 1657 г.; № 1025, 1663 г.; № 994, 1667 г.; № 693, 1671 г.). Из этих текстов для документа № 1069, представляющего собой по форме противень (хотя и подписан он как «порядная»), в фонде сохранилась соответствующая порядная — № 1284, документ, помеченный тем же числом и годом, написан тем же О. Перевозским.[5] Различия этих

[5] Договорный акт на аренду монастырской земли на Ваге в XVII в. закреплялся составлением двух документов: двух порядных, порядной и противня или порядной и покладного письма. По форме, правда, не всегда строго выдерживаемой, порядная писалась от лица арендатора (арендаторов) и хранилась в монастыре, противень писался от лица игумена с братиею и хранился у арендатора (арендаторов). По-видимому, полные тексты — двух порядных или порядной и противня — различались только обозначением лица, заказывающего документ, а в перечне и формулировании условий арендного договора они совпадали.

Рассматриваемый пример — это единственный в нашем собрании случай сохранения двух полных текстов. Имеется также порядная от лица игумена и покладное письмо от лица крестьян Анфима Титова и Григория Лукина Чудиновых, составленные 29 ноября 1666 г. при оформлении договора об аренде деревни на Шеговаре (№ 941 и 1249).

двух текстов касаются только обозначения заказчика, от лица которого написан документ (от крестьянина до игумена), есть несколько случаев непроизвольной перестановки слов, но в одном предложении находим интересующую нас подстановку слова *подворье* вместо употребляемого в обоих документах слова *починок*. Ср. в противне: «да поставки ему поставит в том | нашем починкѣ живучи перенести ему къ тому | починку изба своя что оу него есть в Мигляшескои же | влстѣ»; в порядной: «а поставки мнѣ пѡ|ставит в том их починкѣ живучи перенести мнѣ к томѹ | подворю изба своѧ что ѹ меня есть в Мигляшескои ж| влстѣ».

Еще в трех документах, наряду с основным названием *починок*, использовано слово *подворье*. Приведем в сокращении все предложения с этими словами в соответствующих текстах: «Се ѧз Бгословског мнстря Мигляшескоі влсти п... | Григорѣі Пантѣліевъ порядился есми <...> въ их казеннои паше|нои мнстрьскои починокъ <...> а порядился я ѹ них в тое подворе <...> а приѣхал я в тот их починокъ ни ко рже ни къ парам а какъ| ѧ вон поѣду ис тово починка <...> а живучи мнѣ в том их починкѣ горніе поля и лугѡ|вая земля пахат <...> а гсдрва | дань и ѡброкъ и всякіе денежные поборы с тово с подворя | мнѣ плат (*так в ркп.*) <...> и всякое зъдѣлье | мнстрьское с тово подворя дѣлат <...> а поставки мнѣ пѡ|ставит в том подворе <...>» (№ 852, 1654 г.); «Се яз бгословскои вотчины Мигляшескои влсти крстьѧнин Петръ | Олексѣевъ сынъ Павлова порѧдился есми Бгословского же | мнстря оу игумена Макаріи <...> въ их бгословскоі | казенноі пашенноі бобылскоі починок <...> а порѧдился ѧ ѹ них в тое | подворе <...> а прі|ѣхал ѧ в тот ихъ починокъ ко рже и къ парам <...> а живучи мнѣ в том починкѣ горніе поля і лугѡ|вая земля пахать <...> і сѣно по тому мнѣ починку ставит всѣ же сѡ|бѣ <...> а гсдрвы всякіе денежные | поборы <...> платить | мнѣ с тово починка <...> а поставки мнѣ поставит в том их починкѣ <...>» (№ 1280, 1656 г.); «Се ѧз Гаврило Ѩковлев сын <...> порѧдился есми того ж Бгословского мнстрѧ оу игумена | Макаріи <...> въ бгословскои пашенноі по... Пинѧшкѹ | <...> а приѣхал | ѧ в тот их починок ко рже и къ парам а как вон поѣду ис по|чинка іно мнѣ рож оста... <...> а живучи мнѣ в том их починкѣ | горніе поля і луговая пашенная землѧ пахать <...> а гсдрвы подым|ные деньги мнѣ платит въ гсдрву казну с того подворя | <...> а оброку мнѣ| платит с того подворя <...> а поставки мнѣ поставит в том| ихъ починкѣ <...>» (№ 712, 1657 г.).

В одной порядной, писанной О. Перевозским, последовательно употребляется слово *подворьице*: «Се аз Савастьян Овдокимов снъ Плюснин порадился есми Бгословског мнстря | оу келаря <...> въ их мнстрьское казенное бобылское пашенное подворице <...> а пріѣхал ѧ Савастьянъ в тое | их подворице ни ко рже

къ парам а какъ та прочь из тово подво|рьица вонъ поѣду ...>» и т. д. (№ 917, 1647 г.).

В досмотре 1653 г., писанном О. Перевозским, упомянута *конецпоженская деревня* (№ 848).

Писец В. Захаров в единственной своей порядной записи называет объект арендного договора *деревней*, причем для выяснения значения этого слова контекст здесь наиболее интересен: Се аз <...> дал есми на себя | запис <...> в том что я Тарханъ порядился у них | <...> в третничество въ дрвню | их по закладнеи отца моего Алеѯѣя въ Ямскогорскои во|лостѣ въ Яковлевскои и в Карчевскои дрвнях на ѡбжу съ | бѣлкои и с четвертью бѣлочнѡи <...>» (основное в значении слова *деревня* 'земельный участок'); в тексте применено еще слово *двор*: «и жити имѣ Тархану в тои дрвнѣ въ | их мнстрьском дворѣ по закладнеи отца своег», но *дворѣ* здесь исправлено из *дрвне*; далее в тексте еще несколько раз употреблено слово *деревня*, а слово *двор* применяется в значении 'помещение для скота при доме' (№ 795, 1671 г.; о слове *двор* см. ниже).

Писец Г. Викулов в четырех порядных последовательно применяет слово *деревня* (№ 773, 1676 г.; № 644, 1676 г.; № 680, 1678 г.; № 1267, 1682 г.), в одной порядной *починок*, причем в начальной формуле *пашенный починок* (№ 1060, 1678 г.).

Итак, кроме данных о частоте употребления рассматриваемых слов в текстах, мы располагаем данными о возможностях речевых замен, основанных на синонимической близости или на простом метонимическом переносе: слово *деревня* заменяет слова *починок* и *подворье*, слово *подворье* заменяет *починок*; обратных замен не обнаружено. Не являются ли эти обстоятельства достаточными для утверждения о некоторой неравноценности в речи важских писцов, с одной стороны, слов *деревня* и *подворье*, употребляемых более свободно, и с другой — слова *починок*, несколько ограниченного в употреблении? (Исправление *деревня* на *двор* следует рассматривать особо).

Отнесенность рассматриваемых документов к одной территории, упоминание почти в каждом тексте имени предшествующего арендатора и указание сроков аренды позволяют с большей или меньшей точностью идентифицировать некоторые объекты. Таких случаев всего шесть:

1. Первый и Афанасий Артемьевы 11. I. 1634 г. порядились на 5 лет «дрвни пахати | на Шеговаре» (№ 807, писец Г. Козмин); тот же Первый Артемьев 4. II. 1647 г. порядился на 6 лет «въ их бгословскую казенную деревню на Шеговару» (№ 841, писец О. Перевозский); он же 20. XII. 1652 г. порядился «на их мнстрскѹю бгослов|скую дрвню в Шеговарскои влсти гдѣ яз же| наперед сего жыл» (№ 1059, писец Н. Арефин).

2. Федор Степанов Долгобородов 1. I. 1657 г. порядился на 3 года «въ их мнстрьскую дрвню Зарѣчку Пин...» (№ 820,

О. Перевозский); Федор и Анфим Федоровы Долгобородовы 30. XII. 1676 г. порядились на 6 лет «въ их мнстрскую Столыпинскую дрвню Заречку гдѣ преж сего | жили мы же по порядъ отца своего Ѳедора Степанова» (№ 644, Г. Викулов); тот же Федор Федоров Долгобородов 2. IV. 1682 г. порядился на 3 года «въ их мнстрскую дрвню гдѣ преж сего жили | аз же Ѳедор з братом своим в Столыпинскую дрвню» (№ 1267, Г. Викулов).

3. Ивана Артемьева Осокина 24. XII. 1663 г. порядили (срок не указан, так как данный документ — покладное письмо) «въ своі мнстрьскои пашенноі починокъ на Березник» (№ 1025, О. Перевозский); его же 4. II. 1671 г. порядили «въ своі мнстрьскои | пашенноі починок на Березнике гдѣ преж сего | жил та ж Іванъ» (№ 693, О. Перевозский).

4. Прокопия Ильина Конечного «зъ братею» 28. V. 1667 г. порядили на 11 лет «за рѣчкои Пиняжкоі в Конце въ два бобылскіе пашенные починка» (№ 994, О. Перевозский); Семко Ильин Конечный 10. III. 1678 г. порядился не 12 лет «за речкоі Пѣнешкоі в Конце в два бобылск... | пашенные починка гдѣ преж сег жил брат моі Василеи Ил...» (№ 1060, Г. Викулов).

5. Антон Фомин 11. II. 1647 г. порядился на 10 лет «въ их мнстрьскую казенную дрвню в Мигляшескую влсть» (№ 921, О. Перевозский); Григорий Василисков Рудов 19. III. 1657 г. порядился на 3 года «въ Мигляшескои влстѣ въ их мнстрьскои пашеннои починокъ | гдѣ преж сево жил Онтон Ѳомин» (№ 696, О. Перевозский).

6. Григорий Пантелеев 12. II. 1654 г. порядился на год «въ Мигляшескои влстѣ въ их казеннои пашеnои мнстрьскои починокъ» (№ 852, О. Перевозский); Петр Алексеев Павлов 29. IV. 1656 г. порядился на 3 года «въ Мигляшескои влстѣ въ их бгословскоі | казенноі пашенноі бобылскоі починок гдѣ преж севѡ | жил Григорѣі Пантѣліевъ» (№ 1280, О. Перевозский); Иван и Артемий Антоновы 18. III. 1664 г. порядились «въ их мнстрьскую деревню в Миглящу | гдѣ преж сего жили Петръ Алексѣевъ зъ братьею» (№ 1067, О. Перевозский).

На первый взгляд то обстоятельство, что один и тот же писец может назвать один объект то *деревней*, то *починком* (в двух последних примерах), противоречит нашему предположению о некоторой ограниченности в употреблении слова *починок* по сравнению со словом *деревня*. Но заметим однако, что оба такие случая мы встречаем в документах, созданных для разных заказчиков. А в текстах, заказанных одними и теми же лицами, разные писцы для одного объекта применяют одно и то же название — только *деревня* или только *починок*, хотя и очевидно, что для создателей текстов (писцов и заказчиков) слова *деревня* и *починок* синонимы. Очевидно, что в последних двух примерах мы имеем дело отнюдь не с речевыми заменами, подобными за-

ренам слова синонимом в одном и том же тексте, а с установкой на определенное словоупотребление, диктуемой писцу заказчиком.

Следствием подобной установки, то есть следствием требования заказчика, является, по-видимому, употребление О. Перевозским в № 917 слова *подворьице* в качестве единственного названия для объекта арендного договора. А в совокупности наших текстов, рассматриваемых как множество речевых актов, сочетание *пашенное подворьице* представляется тогда окказиональным речевым употреблением — по аналогии с сочетанием *пашенный починок* (у писца О. Перевозского последнее в 10 документах). Это подтверждается и при выяснении значения этого слова в местном говоре XVII в.

Слово *деревня*, судя по многочисленным примерам, имеет значение 'участок земли вместе с расположенным на нем крестьянским двором; все крестьянское хозяйство'; слово, бесспорно, принадлежит живой речи местных жителей.[6] В самых разнообразных сочетаниях употребляется также и относительное прилагательное *деревенский*: «а гсдрева дан и о|брок <...> с тое деревни оплачивати намъ | по хлѣбу и по всякому деревенскому рѹну с миром» (№ 942, М. Иванов); «пахати | мнѣ Ѳедору та их ѳгословская дрвнꙗ самому вся | на себя пахати всякою доброю дрвнскою пашнею» (№ 608, С. Попов); «кон|ная и людцкая сила сохи и сошники и бороны | і всякои дрвньскои завод всѣ мое Первого» (№ 1059, Н. Арефин); «і всякая люцкая сила у тои де|ревенскои пашни во всѣ три годы моя Тарханова | а конская сила вся их мнстрьская а работат всякая де|ревенская работа на их мнстрьских конѣх что мнѣ Тархану | отданы кони для их дрвньскои работы» (№ 795, В. Захаров).

Синоним к слову *деревня* — слово *починок*, хотя и может реально обозначать подобный объект 'участок земли вместе с расположенным на нем крестьянским двором', — имеет значение все же более узкое; применяется слово *починок* значительно реже, чем слово *деревня*. Ср. в отписи о сборе дани от 1565 г. «с манастырских з двацати со шти дрвнь да з дв҃ починков да с п҃стоши с осминацати ѡбеж» (№ 775); в списке с грамоты 1620/21 г. (Кокшеньга):[7] «в Долговицкои же волсти дрвни и починки тяглых пашенных крестьянъ».

Кроме документов, рассмотренных нами подробно, слово *починок* находим еще в двух порядных из фонда Богословского Важского монастыря: № 971, 1650 г.; № 956, 1716 г.

---

[6] См. В. Я. Дерягин. К истории слов *село* и *деревня* в русском языке. Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сборник статей к семидесятилетию чл.-корр. АН СССР В. И. Борковского. М., 1970.

[7] Хранится в библиотеке ГААО.

В двинских документах слово *починок* употребляется с XV в. гораздо реже, чем *деревня*.[8] Среди документов неопубликованных можно указать список с порядной 1585 г. из фонда Михайло-Архангельского монастыря (починки с общим названием Слободка в Кехотской волости),[9] список с тяжебного дела, XVI в. (Леушин починок),[10] книгу переписную лавкам Антониева Сийского монастыря 1629 г. (Башерев починок),[11] выпись из писцовых книг Ступинской волости 1623/24 г. (Оверинский починок, починок Михеевский: «і всѣг в Ступинскои волости дватцат семь дрвнь без трети. да починок в живущих да четыре пустоши»).[12] В купчей 1682 г. из фонда Черногорского Пинежского монастыря находим то же соотношение слов *деревня — починок*, которое мы отметили для важских порядных: «а что он Сергеи проча себѣ и женѣ своеи и дѣтем в тои половине дрвни починка Савинского со всяким угодемъ і в половине соляных варницъ внов лѣсу росчистит и пашни роспашет и сенных покосов роскоситъ и крстьянскихъ дворов внов построит <. . .>».[13]

Можно полагать, что уже для двинских и важских говоров XVII века в какой-то мере справедливо определение слова *починок*, приведенное в словаре А. Подвысоцкого: «Почи́нок — новоустроенный поселок или деревушка, называемые так в виде собственного имени, а иногда и с прибавлением к нему иного названия (таковы, например, в Шенк. у.: *починок Бетов*, иначе д. Кулига; *починок другово*, иначе Малая деревня, *починок Сеньки Григорьева*). Холм., Шенк.».[14] Судя по колебаниям в применении по отношению к одному и тому же объекту слов *деревня* и *починок*, последнее в XVII в. не превратилось еще в топоним, но представляет собою тип слова переходный от нарицательного к собственному. В современных говорах Шенкурского района в свободном употреблении слово *починок* нами не отмечено; в то же время деревни с названием *Починок* здесь имеются.[15] В целом судьба у слова *починок*, видимо, та же, что и у слова *село*, превратившегося раньше, на рубеже XV—XVI вв., из имени нари-

---

[8] См. А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в. Часть II. Исследования по русскому языку, т. II, вып. 3. СПб., 1903, с. 82; Акты Холмогорской и Устюжской епархии. Книга II. Русская историческая библиотека, т. 14. СПб., 1894, стлб. 50 (1551 г.), 229 (1613—1645 гг.), 330 (1618 г.), 344 (1620 г.), 409 (1652 г.), 429 (1660 г.), 436 (1670 г.).

[9] ГААО, ф. 57, оп. 2, т. I, № 45—90.

[10] ГААО, ф. 57, оп. 2, т. I, № 14—21.

[11] ГААО, ф. 56, оп. 3, № 6.

[12] Хранится в библиотеке ГААО.

[13] ГААО, ф. 309, оп. 2, № 70.

[14] А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

[15] Списки населенных мест Российской империи, т. I. Архангельская губерния. СПб., 1861, с. 97, № 2349; Список населенных мест Архангельской губ. на 1 мая 1922 года. Архангельск, 1922, с. 118, № 1848, с. 165, № 2751.

ательного в собственное и сохранившееся лишь в топонимике современной Архангельской области.[16]

Слово *подворье* (равно как и *подворьице*), которое употребляется в порядных как название объекта арендного договора вследствие метонимического переноса, имеет значение 'дом, совокупность построек крестьянского двора'. В живой речи на Ваге, как и в других районах на территории современной Архангельской области, в XVI—XVII вв. оно употреблялось, по-видимому, свободно. В важских документах, кроме указанных выше, *подворье* обнаруживаем еще в порядной 1650 г. (№ 971, как и *починок*, см. выше).

Ср. также в документах из фонда Соловецкого монастыря: «и приехав гсдрь стали мы ѳ Ермолы Ондрѣева на ѡдном подворьи с Семым» (1615 г.);[17] «и приказнои Кемского городка старец Никита роспрашивал у Василя Парѣева стояли ли тогда небоѕерцы у тобя на подворе Петрушка Кириловъ да Тимоха Іванов» (1675 г.);[18] в порядной 1684 г. из фонда Михайло-Архангельского монастыря: «и на подворье к себѣ невѣдомых людеи не пущати без их игѹмена Кирила з братею вѣдома»;[19] в памяти 1670 г. из фонда Каргопольского монастыря: «в нн҃ешнем де во РОИ м году в Георевъ ден страстотерпца после обѣдни пошел с погоста к подворю своему брат ево Микиткин Потапко»[20] и в других памятниках XVI—XVII вв., относящихся главным образом к Важскому уезду.[21]

Очевидно, что значение этого слова, указанное словарем А. Подвысоцкого, не охватывает всех случаев его применения: «Подворье. Выражение: *жить на подво́рье* — пользоваться, по бедности, квартирою бесплатно (в городе), или с обязанностью помогать в работе и отбывать посылки. Живущий в доме на таком условии называется: *подво́рник*, *подво́рщик*. Говорят: все лето жил у меня на подворье, т. е. в качестве *подворника*, *подворщика*. Онеж.».[22] В современных говорах Шенкурского района

---

[16] В. Я. Дерягин. К истории слов *село* и *деревня* в русском языке.
[17] ЦГАДА, ф. 201, оп. 1, № 14.
[18] ЦГАДА, ф. 1201, оп. 4, № 25 (2).
[19] ГААО, ф. 57, оп. 2, т. I, № 242—320.
[20] ГААО, ф. 792, оп. 1, № 189 (2).
[21] Акты Холмогорской и Устюжской епархии. Книга II. Стлб. 118 (1579 г.), 213 (1612 г.), 430 (1660 г.), 533 (1602 г.), 579 (1610 г.), 609 (1612 г.), 668 (1625 г.), 685 (1629 г.).

Ср. также слово *подворьишко*: там же, стлб. 358 (1630 г.), 522 (1595 г.), 539 (1602 г.), 549 (1604 г.), 621 (1615 г.), 622 (1615 г.), 639 (1620 г.), 677 (1627 г.), 700 (1631 г.).

[22] Заметим, что слово *подворник* известно в важских и двинских документах XVI—XVII вв., например: «и в тѣ свои избы і в онбары о блговещенскои ярманке стоялцов и подворников пущати и постоялое с них збират в богословскую казну в мнстрь» (Купчая 1627 г. ГААО, ф. 829, оп. 1, № 805). См. также: Акты Холмогорской и Устюжской епархии. Часть II. Стлб. 86 (1571 г.), 454 (1680 г.), 701 (1631 г.), 749 (1648 г.); Акты лодомской

подво́рье ‘дом с двумя отдельными жилыми помещениями (по концам) и общими хозяйственными помещениями (в середине), соединенными в одну постройку’: «Они́ на одно́м подво́рье жы́ли» (с Верхопаденьга).

Можно полагать, что на Ваге в XVII в. сохраняется значение этого слова, определенное И. И. Срезневским для ранних русских памятников: «Подворие-подворье — дом с двором и дворовыми постройками, усадьба, жилище».[23] Тексты порядных — одного из распространенных в местной писцовой практике видов частноправовых актов — свидетельствуют о том, что слово *подворье* важские писцы употребляют также и в значении ‘хозяйственная единица, единица обложения’, то есть в том значении, в котором в общерусской юридической практике ранее и в это время было принято употреблять слово *двор* (или название поселения: *деревня*, *починок* и т. п.).[24]

Важским писцам слово *двор* было знакомо. Кроме указанного выше исправления *дворѣ* из *дрвне* в тексте порядной, тот же писец, В. Захаров, применяет его, причем в сочетании терминологического характера *тяглый крестьянский двор* в одной из четырех написанных им отписей, сохранившихся в фонде: «РП г декабря въ і де выборнои пятнатцатои денги окладчикъ Лазар Θе|доров снъ Соколов взял с тяглого крестьянского двора дрвни Яковле|вские у казначея Бгословского мнстря старца Θеодосия з двора | взял по гсдрвꙋ указу и по грамоте ратным людем на жалованье | две гривны» (№ 983-3). Можно предположить, что слово *двор* (сочетание *тяглый крестьянский двор*) употреблено здесь под прямым влиянием текста упомянутой в отписи царской грамоты. А в трех других отписях, писанных В. Захаровым, — о сборе «ямщины», «на четвертной расход» и «стольнику и подьячему в государево жалованье» (№ 983-1), о сборе «стрелецких денег», «ямщины» и «на мирской расход» (№ 983-2), о сборе «государевой дани и оброка» и «на мирской расход» (№ 984) — это слово не упоминается. В основном здесь сборы поземельные: «с обжи Яковлевской (и Карчевской) деревни (деревень) по розвалу». Но в последней отписи находим также и «з дымꙋ грошъ», то есть сбор с крестьянского двора.[25]

церкви. Русская историческая библиотека, т. 25. Приложение. СПб., 1908, стлб. 16 (1545 г.); Б. А. Ларин. Парижский словарь московитов 1586 г. Рига, 1948, с. 85.

[23] И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. II. СПб., 1895.

[24] И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I. СПб., 1893; Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря Древней России. М.—Л., 1937.

[25] Термин *дым*, а также *подымные деньги* отмечены нами и в других важских документах. Начиная с середины XVII в. они встречаются также в двинских памятниках из фондов Михайло-Архангельского (ГААО, ф. 57)

Среди документов писца О. Перевозского находим «перепись стрьскому | двору что в Шенкурском куплен» (№ 665, 1667 г.), где слово *двор* имеет значение 'дом, совокупность жилых и хозяйственных построек'. Но в целом в текстах, писанных важными писцами, употреблению слова *двор* в этом значении, как и в значении 'хозяйственная единица, единица обложения', предшествовало бытование его в живой речи в диалектном значении 'помещение для скота при доме'. Это единственное значение, отмеченное у данного слова в современных говорах Шенкурского района.[26]

Существительное *двор* и прилагательное *дворовый* употребляются в порядных, писанных почти всеми нашими писцами. Оставляя в стороне случаи, в которых контекст не позволяет определить точное значение, рассмотрим лишь более или менее очевидные примеры.

Писец Н. Арефин, применяющий общее название *подворье*, употребляет слово *двор*, по-видимому, в двух значениях 'дом, совокупность жилых и хозяйственных построек' и 'помещение для скота при доме', причем даже в одном или в соседних предложениях: «и во дворе хоромы постра|ивати изба и двор и клѣти покрывати гдѣ довѣдетца» (№ 945). То же противопоставление жилого помещения (*избы*) помещению для скота (*двору*) в другой его порядной: «и тѣм дертьемъ покрыти изба и двор в желобы новые <...> а в том в Конешномъ в Козинско|мъ подворе жывучи мнѣ Онание двора не | запустошити изба и клѣти и двор и заплоты постро|ивати гдѣ надобно и сараи перекрывати вно|во» (№ 609).

Писец О. Перевозский в порядных употребляет слово *двор* часто, но только в значении 'помещение для скота при доме', отчетливо противопоставляя его названиям жилых помещений дома: «а поставки мнѣ поставить живучи в тои их дрвнѣ в тѣ десят| лѣтъ изба новая трех саженъ с комбатою да двѣ клети | на подклетах да сѣнникъ то всѣ подрубить да сараи новои | во дворѣ поставит на шти столбах и покрыть тѣ хоромы | і сараи дертьем новым в желобы новые ж и заплоты около дво|ра забрать новые ж» (№ 674), где *сарай* 'помещение в верхней нежилой части дома';[27] ср. в восьми его порядных «сарай дворовой»; ср.: «а приста|вки мнѣ поставит в том подворице живучи в тѣ три годы |

и Антониева Сийского (ГААО, ф. 56) монастырей, в Актах лодомской церкви (там же *подымщина*).

[26] *Двор* занимает нижний этаж хозяйственной части единого домадвора (связи), сведенной вместе с жилой частью под одну крышу (с. Верхопаденьга, Поташевка). См.: Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белоруссов. Восточнославянский этнографический сборник. Тр. Ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая, новая серия, т. XXXI, М., 1956.

[27] В. Я. Дерягин. Из истории лексических изоглосс в говорах Архангельской области. Этимология. 1966, М., 1968, сс. 185—187.

здѣлат сараецъ новои на дворомъ на столбах и покрыть дер|тьем новымъ в желобы новые ж» (№ 917). В том же значении, что и *двор*, употребляет О. Перевозский уменьшительное *дворец*: «перенести мнѣ к томѫ | подворю изба своѣ что ѫ меня есть в Мигляшескои ж | влстѣ і поставит в том починкѣ і покрыт і зъдьлать | какъ годно и заплотцы и дворецъ постраивать» (№ 1284).

О. Перевозским писаны также «перепис Бгословского мнстря казенному рогатому і мелкому | скотѫ что на коровьем дворце которои былъ на рѫ|ках ѫ старого коровника оу Потапья Кирилова» (№ 840, 1656 г.) и «перепис бгословским казенным конем что на конюшном | дворце» (№ 798, 1658 г.), свидетельствующие о широком применении в речи местных жителей слов *двор*, *дворец* в названиях разного рода специальных помещений для домашних животных.

В порядной В. Захарова, исправившего *дрвне* на *дворѣ* в предложении «и жити мнѣ Тархану в тои дрвнѣ въ | их мнстрьском дворѣ <...>», есть пример употребления слова *двор*, не оставляющий никаких сомнений в том, какое же это слово имело значение в живой речи писца: «и ржаная солома под скот во дворѣ сла|ть когда довѣдетца» (№ 795).

Рассмотренные примеры подтверждают необходимость исследования памятников местной деловой письменности как речевых актов с целью выявления фактов живого словоупотребления. Эти последние служат надежным основанием в изучении истории русской диалектной лексики.

Содержание

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

Стр.

Т. С. Коготкова
К вопросу о производственно-профессиональной лексике говора и соотношении ее с терминологической лексикой литературного языка . . . 3

О. Д. Кузнецова
О некоторых трудностях отбора слов в диалектный дифференциальный словарь 21

О. Г. Порохова
О лексике с неполногласием и полногласием в русских народных говорах. 1. Варьирование 27

О. Д. Кузнецова
Слова с отпадением начальных гласных *а* и *о* в говорах русского языка 49

Л. А. Балахонова
К истории слова *инжир* в русском языке . . 61

Е. Н. Этерлей
К вопросу о взаимоотношении русского литературного языка и диалектов. *Гнус* 74

А. Ф. Марецкая
Слова с корнем *весн-(а)* в русских народных говорах 87

Н. В. Попова
Трудности описания предлога в областном словаре (на примере предлога *в*) 103

Е. П. Луппова
Двойные предлоги в русских народных говорах (на материале говоров Кировской области) 111

И. А. Попов
Наречия и наречные сочетания, соотносительные с формой винительного падежа существительных с предлогом *в-(во)* в русских говорах (ч. 1) 126

Стр.

Н. И. Андреева-Васина
Вторичная приставка *при-* в русских народных говорах и в произведениях устного народного творчества 155

П. И. Павленко
Слова с приставкой *воз-* в русских народных говорах 164

П. И. Павленко
Глаголы с приставкой *воз-* в русских народных говорах 171

Л. И. Царева
Слова с приставкой *па-* в русских народных говорах 187

А. И. Попов
Диалектные материалы в этимологических словарях русского языка 210

А. И. Федоров
Освоение заимствованных слов в севернорусских говорах 219

Ф. П. Сороколетов
Местные слова в составе военной лексики древнерусского языка . . 227

Л. И. Балахонова
Из истории диалектной лексикографии 237

В. Я. Дерягин
Об употреблении диалектных слов в памятниках местной деловой письменности (слова *деревня*, *починок*, *подворье*, *двор* в важских актах XVII века) 243

Стр.

роизве-
. . . 155

. . . 164

. . . 171

. . . 187

языка 210

. . 219

а . . 227

. . 237

овой
ских
. . 243

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА

Редактор издательства
С. Н. Варина

Художник
М. И. Разулевич

Технический редактор
И. М. Кашеварова

Корректоры
Н. В. Лихарева, Г. А. Мирошниченко
и *Т. Г. Эдельман*

Утверждено к печати
Институтом русского языка
Академии наук СССР

Сдано в набор 4/V 1970 г. Подписано к печати
1/II 1971 г. Формат бумаги 60 × 90¹/₁₆. Бум. л. 8¹/₈.
Печ. л. 16¹/₄=16,25 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 16,97.
Изд. № 4205. Тип. зак. № 931. М-09930. Тираж 3000.
Бумага № 2. Цена 1 р. 03 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

В магазинах конторы «Академкнига» имеются в наличии книги:

Материалы и исследования по истории русского литературного языка Т. 5. 1962. 223 стр. Цена 1 р. 30 к.

Материалы и исследования по русской диалектологии.

Новая серия

Т. 2. 1961. 200 стр. Цена 1 р. 10 к.
Т. 3. 1962. 176 стр. Цена 1 р. 02 к.

Расторгуев П. А. **Говоры на территории Смоленщины.** 1960. 207 стр. Цена 1 р. 20 к.

Русская диалектология. 1964. 306 стр. Цена 1 р. 56 к.

Русская историческая лексикология. 1968. 264 стр. Цена 1 р. 03 к.

Словарь современного русского народного говора. (д. Деулино Рязанской обл.). 1969. 612 стр. Цена 3 р. 72 к.

Слово в русских народных говорах. 1968. 237 стр. Цена 95 коп.

ЗАКАЗЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

Москва, В-463. Мичуринский проспект, дом 12
Магазин «Книга — почтой».

Ленинград, П-110. Петрозаводская ул., дом 7
Магазин «Книга — почтой» «Академкнига».

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
44	22 снизу	морфологической	морфонологической
45	7—8 сверху	изгороди	изгороде
80	22—23 снизу	энтологии	энтомологии
88	9 сверху	— период	— в период
91	9 снизу	и летняя стрижка'	летней стрижки'
128	17 »	погаду,	догаду,
169	15—16 сверху	отлагательных	отглагольных
199	17 »	значением, близким	значением: близкий